

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

*Простые
истины
сердца*

СЛОВА И ПРОПОВЕДИ

Духовное наследие
святителя Феофана Затворника

СВѢТОСЛАВЪ

СВѢТОСЛАВЪ

СВЯТИТЕЛЬ
ФЕОФАН ЗАТВОРНИК

*Простые
истины сердца*

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

СЛОВА И ПРОПОВЕДИ

К ЧИТАТЕЛЮ

Что надо делать, чтобы спастись? Как сделать, чтобы крест болезней и скорбей, который неизбежно несет всякий, был не на пагубу, а во спасение? Как научиться молитве? Как очистить сердце от страстей? От того, как мы в своей жизни ответим на эти непростые вопросы, зависит наше спасение. Святитель Феофан Затворник в своих творениях постоянно делится с нами размышлениями об этом. Вот и в сборнике творений святителя Феофана Затворника **«Простые истины сердца»** он также дает ответы на эти и многие другие вопросы. Причем ответы не общими словами или высокими богословскими понятиями, а очень простые, конкретные и доступные. Святитель Феофан, будучи преисполнен благодати Божией и пребывая в полноте истины, мог очень просто говорить о глубоких истинах христианства. Все просто, все уже соделано Господом для спасения — дело за тобой. «Господь в руки подает содевание спасения», — говорит святитель Феофан. Творения святителя — это практическая энциклопедия духовной жизни, подробный путеводитель по пути к спасению.

В состав сборника **«Простые истины сердца»** вошли небольшие произведения святителя Феофана Затворника, касающиеся преимущественно внутренней жизни: **«Три слова о несении креста»**, **«Четыре слова о молитве»**, **«О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха»**, **«Пять поучений о пути к спасению»**, **«Внутренняя жизнь»**, **«Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество»** и **«Толкование на книгу “Пастырь” святого Ермы»**. Большой частью — это слова и проповеди святителя к Тамбовской и Владимирской паствам. Объединяет произведения желание святителя возбудить в своих слушателях стремление к неленостному духовному деланию и направить это делание в правильное русло, чтобы, вставая на путь спасения или уже шествуя по нему, они подвизались не напрасно.

ТРИ СЛОВА
О НЕСЕНИИ КРЕСТА

КРЕСТ ВНЕШНИЙ

ОБЪЯСНЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ И СОБСТВЕННОГО КРЕСТА КАЖДОГО. КАК КАЖДЫЙ ИЗ НАС СТАНОВИТСЯ ПРИЧАСТНИКОМ СПАСИТЕЛЬНОЙ СИЛЫ КРЕСТА ХРИСТОВА. СПАСЕНИЕ — ЧЕРЕЗ КРЕСТ. КАК НЕСТИ СВОЙ КРЕСТ ВО СПАСЕНИЕ. ВИДЫ КРЕСТОВ. ПОЧЕМУ НА ЗЕМЛЕ НЕТ НИКОГО БЕЗ ГОРЕСТИ И ТЯГОТЫ

не же да не будет хвалитися, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа, говорит святой апостол Павел¹. Как это святой апостол до такого дошел расположения, что ничем другим хвалиться не хотел, кроме Креста Христова? Крест всяко есть скорбь, теснота, уничтожение; как же хвалиться им? И вот, однако ж, апостол Павел хвалится им; вместе с ним хвалились, конечно, и все апостолы, а за ними и все другие крестоносцы. Почему же это так? Прозрели богомудрые мужи великое значение Креста, высоко ценили его и хвалились, что сподобились носить его. Они зрели в нем вместо тесноты широту, вместо горести сладость, вместо

¹ Гал. 6, 14.

уничужения величие, вместо бесчестия славу, — и хвалились им, как хвалится иной великолепным каким украшением и отличием.

О, когда бы и нам даровал Господь такой смысл и расположение, чтобы понять и ощутить силу Креста и начать хвалиться им!

О значении Креста вот краткое общее объяснение: Господь совершил спасение наше крестною смертию Своею; на Кресте растерзал Он рукописание грехов наших; Крестом примирил нас Богу и Отцу; чрез Крест низвел на нас дары благодатные и все благословения небесные. Но таков Крест Господень в нем самом. Каждый же из нас становится причастным спасительной силы его не иначе, как чрез свой собственный крест. Свой собственный каждого крест, когда соединяется с Крестом Христовым, силу и действие сего последнего переносит на нас, становится как бы каналом, чрез который из Креста Христова преливается на нас всякое даяние благо и всяк дар совершен. Из этого видно, что собственные каждого кресты в деле спасения столько же необходимы, сколько необходим Крест Христов. И вы не найдете ни одного спасенного, который не был бы крестоносцем. По сей-то причине каждый всесторонне обложен крестами, чтоб не затрудняться исканием крестоношения и недалеко быть от спасительной силы Креста Христова. Можно сказать так: осмотрись около себя и в

себе, усмотри крест свой, понеси его, как следует, соединенно со Крестом Христовым, — и будешь спасен.

Хотя и нехотя всякий несет крест свой, и крест большею частию не простой, а сложный, но не всякий смотрит на него чрез Крест Христов; не всякий обращает его в устроение спасения своего; не у всякого потому крест бывает спасительным крестом. Пересмотрим все возможные кресты и разберем, как следует нести каждый из них, чтоб он был силою во спасение.

Крестов много, но видов их три: **первый вид** — кресты внешние, слагающиеся из скорбей и бед и вообще из горькой участи земного пребывания; **второй** — кресты внутренние, рождающиеся из борьбы со страстями и похотьми ради добродетели; **третий** — кресты духовно-благодатные, возлагаемые совершенною преданностию в волю Божию.

Ныне скажу вам несколько слов о крестах внешних. Это — самые многосложные и разнообразные кресты. Они разбросаны на всех путях наших и встречаются на каждом почти шагу. Сюда относятся: скорби, беды, несчастья, болезни, потери близких, неудачи по службе, всякого рода лишения и ущербы, семейные неприятности, неблагоприятность внешних отношений, оскорбления, обиды, напраслины и вообще доля земная, у всякого больше или меньше нелегкая.

У кого нет какого-либо из сих крестов? И не быть нельзя. Не избавляет от них ни знатность, ни богатство, ни слава и никакое величие земное. Они срослись с земным пребыванием нашим с той минуты, как заключился рай земной, и не отступят от него до той, когда отверзется рай небесный.

Хочешь, чтоб сии кресты были тебе во спасение, употреби их по намерению Божию при назначении их в отношении к человеку вообще и в отношении к тебе в частности. Зачем так устроил Господь, что на земле никого нет без горестей и тяготы? Затем, чтоб не забывал человек, что он изгнанник, и жил бы на земле не как родич на родной стороне, а как странник и пришлец на стране чужой, и искал возвращения в истинное отечество свое. Как только согрешил человек, тотчас изгнан из рая и вне рая обложен скорбями и лишениями и всякого рода неудобствами, чтоб помнил, что он не на своем месте, а состоит под наказанием, и заботился искать помилования и возвращения в свой чин.

Так, видя скорби, несчастья и слезы, не удивляйся и, терпя их, не досадуй. Так следует. Преступнику и ослушнику не к лицу полное благоденствие и счастье. Прими сие к сердцу и благодушно неси долю свою.

Но зачем, скажешь, у меня больше, а у другого меньше? Зачем меня тяготят беды, а другому

во всем почти счастье? Я раздираюсь от скорби, а другой утешается? Уж если общая это участь, всем бы без исключения и раздавать ее. — Да так ведь она и раздается. Присмотрись, и увидишь. Тебе ныне тяжело, а другому вчера было или завтра будет тяжело; ныне же ему отдохнуть позволяет Господь. Зачем смотришь на часы и дни? Смотри на всю жизнь от начала до конца, и увидишь, что всем бывает тяжело, и очень тяжело. Найди, кто ликует целую жизнь? Сами цари нередко не спят ночи от туги сердца. Тебе тяжело теперь, а прежде разве не видел ты отрадных дней? Бог даст, и еще увидишь. Потерпи же! Прояснится и над тобою небо. В жизни, как в природе, то светлые, то мрачные бывают дни. Бывало ли когда, чтоб грозная туча не проходила? И был ли кто на свете, кто бы так думал? Не думай и ты так о своем горе, и обрадуешь себя упованием.

Тебе тяжело. Но разве это случайность беспричинная? Восклони¹ несколько главу твою и помяни, что есть Господь, отечески о тебе пекущийся и глаз с тебя не спускающий. Если постигло тебя горе, то не иначе как с Его согласия и воли. Никто как Он послал его тебе. А Он очень точно знает, что, кому, когда и как послать; и когда посылает, во благо того самого посылает,

¹ Подними. — *Ред.*

кто подлежит горю. Так осмотришь, и увидишь благие о тебе намерения Божии в постигшей тебя скорби. Или грех какой хочет очистить Господь, или от греховного дела отвести, или прикрыть меньшим горем от большего, или случай тебе дать — терпение и верность Господу показать, чтоб на тебе потом показать и славу милосердия Своего. Что-нибудь из сего, конечно, идет к тебе. Отыщи же, что именно, и приложи то к ране своей, как пластырь, — и утолится жгучесть ее. Если, впрочем, и не увидишь ясно, что именно хочет даровать тебе Бог чрез постигшее тебя горе, общее неразмышляющее верование воздвигни в сердце своем, что все от Господа и что все идущее от Господа есть во благо нам; и толкуй мятущейся душе: так Богу угодно. Терпи! кого наказует Он — тот у Него, как сын!

Наипаче же останови внимание на твоём нравственном состоянии и соответственной вечной участи. Если ты грешен — как, конечно, и грешен, — то радуйся, что пришел огонь скорби и попалит грехи твои. Ты все смотришь на горе с земли. А ты перенесись в другую жизнь. Стань на суде. Возри на огонь вечный, уготованный за грехи. И оттуда посмотри на свое горе. Если там придется быть осуждаему, каких горестей не пожелал бы ты перенести здесь, чтоб только не подпасть сему осуждению? Пожелал бы, чтоб каждый день теперь резали и жгли, нежели там

неописанному и непрестающему подпасть мучению. Не лучше ли же, чтоб там не испытать сего, теперь и не столь большое нести горе так, чтоб чрез то избавиться вечного огня? Говори сам себе: по грехам моим посланы мне такие удары, — и благодари Господа, что благодать Его на покаяние тебя ведет. Затем, вместо бесплодного горевания, распознай, какой есть за тобою грех, покайся и перестань грешить. Когда так расположишься, то, конечно, скажешь: мало еще мне. По грехам моим и не того стою!

Так, общую ли несешь горькую долю или частные испытываешь горести и скорби, благодушно терпи, благодарно приемля их от руки Господней как врачевство от грехов, как ключ, отверзающий дверь в Царство Небесное. А роптать не ропщи, другому не завидуй и бессмысленному гореванию не предавайся. Ибо в горе так бывает, что иной досадовать и роптать начинает, иной совсем теряется и падает в отчаяние, а иной погрузится в свое горе и только горюет, не движась мыслию своею окрест и не возводя сердца своего горе¹ — к Богу. Все таковые не пользуются посылаемыми им крестами, как следует, и пропускают время благоприятное и день спасения. Господь в руки подает содевание спасения, а они отвергают его. Постигли беда и горе.

¹ Ввысь. — *Ред.*

Уж несешь крест. Сделай же, чтоб сие несение было во спасение, а не на пагубу. Для сего не горы преставлять требуется, а малое произвести изменение в помышлениях ума и расположении сердца. Возбуди благодарность, смирись под крепкую руку, покайся, исправь жизнь. Если отошла вера в богоправление всем, возврати ее в недро свое, и облобызаешь десницу Божию. Если скрылась связь горя с грехами твоими, изостри око совести, и увидишь: оплачешь грех и увлажишь сухость горя слезами покаяния. Если забыл, что горькость здешней доли искупает от горчайшей вечной участи, воскреси память о том, и к благодущию придашь желание скорбей, чтоб за малые здешние скорби милость вечную сретить нам от Господа. Много ли и трудно ли все сие? А между тем такие помышления и чувства суть нити, коими крест наш связуется с Крестом Христовым, и из него истекают спасительные для нас силы. Без них же крест остается на нас и тяготит нас, а спасительности не имеет, будучи разъединен с Крестом Христовым. Тогда мы являемся не спасаемыми крестоносцами и не можем уже хвалиться о Кресте Господа нашего Иисуса Христа.

Из многого малое сказав вам о внешних крестах, приглашаю вас, братие, в мудрости ходить, искупая время горести и скорбей благодущным, благодарным и покаянным терпением. Тогда

оощутим спасительное действие скорбных крестов, и будем радоваться, подвергаясь им, прозревая сквозь них свет славы, и научаться хвалиться ими не будущего только ради, но и настоящего плода от них. Аминь.

КРЕСТ ВНУТРЕННИЙ

КРЕСТ — БОРЬБА СО СТРАСТЬМИ И ПОХОТЬМИ. МУЧЕНИЕ ОТ СТРАСТЕЙ — НА ПАГУБУ. КАК ПАГУБНОЕ МУЧЕНИЕ ОТ СТРАСТЕЙ ПРЕТВОРИТЬ В СПАСИТЕЛЬНОЕ. РАЗОРИ КРЕСТ СТРАСТЕЙ И УСТРОЙ КРЕСТ БОРЬБЫ С НИМИ. КРЕСТ ЕСТЬ ДРЕВО ЖИЗНИ

Из трех видов креста я сказал вам несколько слов об одном, именно о крестах внешних: скорбях, бедах и лишениях. Теперь скажу что-нибудь о втором виде крестов, крестах внутренних.

Кресты внутренние встречаются нам во время борьбы со страстями и похотьми. Святой апостол говорит: *уже Христови суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*¹. Распяли? Стало, был крест, на коем у них распяты сии страсти и похоти. Какой же это крест? Борьба с ними. Распять страсти, значит обессилить их, подавить, искоренить. Поборет человек страсть какую несколько раз, обессилит ее; поборет еще несколько, подавит; еще поборет, и совсем искоренит, с

¹ Гал. 5, 24.

помощию Божиею. Как сия борьба трудна, при-
скорбна и болезненна, то она есть воистину крест,
внутри нас водруженный. У борющегося со стра-
стями иногда будто руки пригвождаются, терно-
вый венец на голову надевается, сердце живое
прободается¹. Так ему бывает тяжело и больно.

Труду и болезненности нельзя не быть; ибо
страсти хоть суть чужие нам, но, пришедши со-
вне, так приросли к телу и душе, что корнями
своими проникли во все составы их и силы. Стань
вырывать, и больно. Больно, зато спасительно, и
спасительность сия не иначе достается, как чрез
болезненность. Есть болезнь полип: какое-то
чуждое нам тело зарождается в нашем теле, ра-
стет и пускает корни. Не вырежешь — не исце-
леешь, а стань вырезывать — больно. Пусть боль-
но, но сия боль здоровье возвращает. А оставь,
не вырезывай, тоже будет больно, только боль
сия не к здоровью, а к усилению болезни, может
быть, даже к смерти. Вот и сибирскую болезнь
как лечат? Вырежут прыщ и прижгут то место,
и еще ядовитым чем намажут и натрут. Больно,
зато целительно. А оставь так, боль будет болью,
да еще смерти не миновать. Так и борьба со стра-
стями или искоренение их — болезненны, зато
спасительны. А оставь страсти, не искореняй, —
они тоже будут причинять тяготу, болезненность,

¹ Пронзается. — *Ред.*

страдание, но не на спасение, а на пагубу и смерть духовную, ибо *оброцы греха смерть*¹.

Какая страсть не болезненна? Гнев жжет; зависть сушит; похоть расслабляет; скупость есть и спать не дает; гордость оскорбленная убийственно снедает сердце; и всякая другая страсть: ненависть, подозрительность, сварливость, человекоугодие, пристрастие к вещам и лицам — свое причиняет нам терзание; так что жить в страстях то же, что ходить по ножам или угольям босыми ногами или быть в положении человека, у которого змии сосут сердце. И опять, у кого нет страстей? У всякого есть. Коль скоро есть самолюбие, все страсти есть, ибо оно есть мать страстей и без дочерей своих не бывает. Только не у всякого они все в одинаковой степени: у одного одна, у другого другая преобладает и управляет другими. А когда есть у всякого страсти, есть и мучение от них. Всякого мучат и распинаят страсти — только не на спасение, а на пагубу.

Так, нося страсти, терзаешься ими и гибнешь. Не лучше ли же взяться за себя и самому в себе устроить страдание, тоже по поводу страстей, но не на пагубу, а во спасение. Стоит только обратить нож и вместо того, чтоб, удовлетворяя страстям, себя поражать им, поражать им страсти, на-

¹ Рим. 6, 23.

чав борьбу с ними и во всем им попереча. И тут будет боль и страдание сердца, но боль целительная, за которую тотчас последует отрадное успокоение, как бывает, когда целительный пластырь попадет на рану. Рассерчает, например, кто, — трудно одолеть гнев и неприятно; но когда одолеешь, успокоишься; а когда удовлетворишь ему, долго будешь беспокоиться. Оскорблен кто, — трудно одолеть себя и простить; но когда простишь, мир возымеешь; а когда отместишь, не увидишь покоя. Загорелось пристрастие, — трудно погасить; но когда погасишь, свет Божий увидишь; а не погасишь, будешь ходить, как убитый. Так в отношении ко всякой страсти. И страсть мучит, и борьба с нею скорбь причиняет. Но первое губит, а второе спасает и исцеляет. Всякому страстному надо сказать: ты гибнешь на кресте страстей. Разори этот крест и устрой другой — крест борьбы с ними. И будет тебе распинание на нем во спасение! Все сие ясно как день, и выбор, кажется, должен бы быть очень незатруднителен. И однако ж делом он не всегда оправдывается.

И удивляться надобно нашему ослеплению. Страдает иной от страсти, и все еще удовлетворяет ей. Видит, что удовлетворением больше и больше себе причиняет зла, и все удовлетворяет. Необъяснимое вражество против себя самих! Иной и собирается восстать на страсть, но лишь

только пробудись страсть с своими требованиями, тотчас идет вслед ее. Опять соберется, и опять уступает. Несколько раз так, и все успех один и тот же. Непонятное расслабление нравственной силы! Лесть и обман в чем? В том, что страсть за удовлетворение себе обещает горы удовольствий, а борьба с нею ничего не обещает. Но ведь сколько уже раз было испытано, что удовлетворение страсти приносит не счастье и покой, а муку и томление. Она много обещает, но ничего не дает; а борьба ничего не обещает, а все дает. Если не испытал сего, испытай, и увидишь. Но то горе наше, что испытать-то не соберемся с силами. Причина тому саможаление. Саможаление есть самый льстивый наш изменник и враг, первое исчадие самолюбия. Жалеем себя — и губим себя сами. Думаем, что добро себе делаем, а делаем зло; и чем более делаем зла, тем более желательнее нам делать зло. Оттого зло растет и конечную пагубу нашу приближает к нам.

Воодушевимся же, братие, и мужественно пойдем на крест самораспятия, чрез распятие и искоренение страстей и похотей. Отвергнем саможаление и возгреем ревность самоумучения. Возымеем сердце врача, который в нужде и любимым и чтимым особам делает жестокие резания и прижигания. Не буду вам указывать способа и всего хода борьбы. Возьмитесь за де-

ло, и оно само все пояснит и всему научит. Приведите на мысль тот покой, ту радость и тот свет, кои водворяются в сердце по одолении страстей, и возгрейте тем ревность свою к восстанию на них. Свет, покой и радость зарождаются с самого начала вступления в борьбу сию, и все растут и возвышаются, пока в конце не завершатся мирным устройением сердца, в коем почи- вает Бог. И Бог мира истинно выну¹ пребывает с тем, кто достигает сей степени. Тогда-то вполне оказывается, что Крест точно есть древо жизни. Райское древо жизни осталось в раю; на земле вместо его водружено древо Креста. Цель же и этого одна: вкусит человек и жив будет. Приди, прильпни к нему устами твоими и пей из него жизнь. Прильпнешь ко Кресту, когда, отвергнув саможаление, возревнуешь о самораспятии; а пить жизнь из него станешь, когда вступишь в борьбу со страстями. Каждое одоление страсти будет то же, что прием живительных соков из Креста живоносного. Учащай, скорее напоишься и исполнишься жизни. Дивно свойство самораспятия! Оно будто отнимает, но, отнимая, дает; оно будто отсекает, но, отсекая, прививает; оно будто убивает, но, убивая, живит. Точно Крест Христов, коим смерть попрана и живот² дарован. Какое благо, а велик ли труд?! Первый

¹ Непрестанно. — *Ред.* — ² Жизнь. — *Ред.*

шаг трудноват — первое себя одоление, первая решимость на борьбу; а потом, что ни схватка в брани, все легче и легче. И ревность будет сильнее разгораться, и уменье одолевать увеличиваться, и враг слабеть. Как в обычной брани воинам страшно бывает только начать, а потом они уже ни на что не смотрят, все им становится и сподручно и легко, так и в духовной брани: только начни, далее брань будет сама себя разгорячать и облегчать. И затем, чем ретивее и живее схватки, тем скорее конец брани и ближе покой. Сил недостает начать? Молись. Господь пошлет. Окружи себя помышлениями об опасности пребывания в страстях, и погонишь себя тем из тьмы их к свету свободы от них. Оживи чувство мучительства страстей, и возгоришься досадою на них и желанием избыть¹ от них. Но паче всего, исповедав немощ свою пред Господом, стой и толки в двери милосердия Его, вопия о помощи. Придет помощь! Воззрит на тебя Господь, и свет от очей Его попалит в тебе саможаление и возжет ревность бодро вооружиться против страстей. А там, аще Господь с нами, кто на нас?

Подвигоположнице Господи! Воодушевивший нас ревностию вступить в подвиг борьбы со страстями, Сам и устоять в ней подай силы, да под

¹ Избавиться, освободиться. — *Ред.*

знаменем Креста Твоего воинствуем доброе
воинствование, взирая на Тебя, Начальника и
Совершителя веры нашей, Крестом спасение нам
устроившего и живот нам в нем даровавшего.
Аминь.

КРЕСТ ПРЕДАННОСТИ В ВОЛЮ БОЖИЮ

СОРАСПЯТЫЙ ХРИСТУ ПЕРЕСТАЛ ЖИТЬ САМ, НО СТАЛ ЖИТЬ В НЕМ ХРИСТОС. В ЧЕМ СОСТОИТ ХРИСТИАНСТВО. ПУТЕМ УТЕШНОЙ ЖИЗНИ НЕЛЬЗЯ СТАТЬ ТЕМ, ЧЕМ НАМ ПОДОБАЕТ БЫТЬ ВО ХРИСТЕ

сталось еще изъяснить вам третий вид креста, спасительного для нас, — крест преданности в волю Божию. Скажу и о нем слово-другое.

Скажу вам слово-другое, потому что полное о нем учение превосходит силы мои. На крест сей восходят уже совершеннейшие христиане. Они и знают его, и говорить о нем могли бы ясно, полно и с силою. Другим же где говорить так? А не помянуть нельзя, чтоб кто из вас, одолевши одну-другую страсть и несколько успокоившись от тревог их внутри, не подумал, что уже все сделал, что должно и что ожидается от христиан.

Нет, и при этом не все еще сделано. Кто даже совсем себя очистил от страстей, не совершил еще главного действия христианского, а только

приготовился к нему. Очистил ты себя от страстей — принеси же теперь себя чистого Богу в жертву чистую и непорочную, каковая одна и приличествует Ему Пречистому. Посмотри на Голгофу. Там крест благоразумного разбойника есть крест очищения себя от страстей, а Крест Господень есть Крест жертвы чистой и непорочной. И он-то есть плод преданности в волю Божию — беспрекословной, полной, безвозвратной. Кто вознес на Крест Спасителя нашего? Сия преданность. В саду Гефсиманском молился Господь наш Иисус Христос, да мимо идет чаша; но решительное о сем определение изрек так: *обаце не якоже Аз хошу, но якоже Ты*¹. От слова Его: *Аз есмь*, падают пришедшие связать Его². Но потом они же вяжут Его. Почему? Потому что Он Сам Себя прежде связал преданностию воле Божией. Под Крестом тварь вся содрогается и жизнь умершие приемлют; а Он неподвижен пребывал на Кресте, ибо предал дух Свой Богу. Таковы и все возросшие *в мужа совершенна, достигшие в меру возраста исполнения Христова*³. Они все бывают распяты, так сказать, на воле Божией. На ней пригвождено всякое их своеличное движение, и мысль, и желание. Или сих последних, в обыкновенном смысле и виде, совсем нет у них: свое все у них

¹ Мф. 26, 39. — ² Ин. 18, 6. — ³ Еф. 4, 13.

умерло, пожерто¹ будучи волею Божиею. Что движет их, это есть Божие мановение, Божие внушение, которые, им только одним ведомым образом печатлеясь в сердце их, определяют всю их деятельность. Святой апостол Павел в отношении к себе изображает сие состояние так: *Христови сораспяхся. Живу же не ктому аз, но живет во мне Христос*². Как только сораспялся он Христу, — он апостол, муж совершеннейший, перестал уже жить сам, но стал жить в нем Христос. Или он стал в таком положении, о коем пишет в другом месте: *Бог есть действующий в нас и еже хотети, и еже деяти о благоволении*³. Это верх совершенства христианского, до которого только способен достигнуть человек. Он есть предначатие будущего состояния по воскресении, когда *Бог будет всяческая во всех*⁴. Почему все удостоивающиеся достигнуть его нередко состоят в противоречии со всеми порядками земного пребывания и — или терпят гонения и муки, или становятся и почитаются юродами, или удаляются в пустыни. Но во всех сих видах внешней участи их, внутреннее их одно: едины, с единым Богом пребывая в сердце. Им единым живут и действуют, скрываясь во внутреннем, глубочайшем безмолвии, при совершенном

¹ Поглочено. — *Ред.* — ² Гал. 2, 19—20. — ³ Флп. 2, 13. — ⁴ 1 Кор. 15, 28.

отсутствии всяких движений своих. Говорят, что высоко, в последних пределах атмосферы нашей, прекращается всякое движение стихий земных. Там спокойно пребывает одна всемирная стихия. Это образ сораспявшихся Христу, переставших жить своею жизнью и начавших жить только Христом или, иначе, восшедших на крест преданности в волю Божию, которая одна качествует и действует в них с отрицанием всяких своеличных усмотрений и действий.

Больше не имею вам сказать ничего о сем. И это сказано, чтоб только намекнуть вам, что вот где конец, вот где надобно нам быть и чего достигнуть, и чтоб, зная сие, вы расположились все, что ни имеете и ни делаете доброго, считать ни во что, если не дошли до сей, нам определенной и от нас ожидаемой, высоты духовной жизни. Многим думается, что христианство то же, что и другие виды жизни; а оно не то. Зачинается оно покаянием, сплет борьбою со страстями, завершается чрез сораспятие Христу чистого внутреннего человека, погружением в Бога. *Умросте*, говорит апостол, *и живот ваш сокровен есть со Христом в Боге*¹. Тут все совершается внутри, незримо для людей и ведомо только совести и Богу. Внешнее тут ничего. Оно есть, конечно, приличная оболочка, но не решительный

¹ Кол. 3, 3.

свидетель и тем менее производитель внутреннего. Внешнее исправное поведение как часто бывает прекрасною наружностью гроба, полного костей!

Сие ведая, станем, братие, на Голгофе у крестов и начнем применять себя к ним и их к себе, какой к кому придется. Симон Киринейский, несший Крест Господа, есть образ тех крестоносцев, кои подвергаются внешним скорбям и лишениям. Кого изображает благоразумный разбойник распятый и кого Господь на Кресте, я только что сказал пред сим: первый изображает борющихся со страстями, а Господь — мужей совершенных, распявшихся в богопреданности. А крест злого разбойника кого изображает? Изображает тех, кои работают страстям. Страсти их мучат, терзают, распинают на смерть, не давая никакой отрады и никакой благой надежды. По сим признакам примеряй всякий к себе кресты и сам себя по ним определяй, кто ты — Симон ли Киринейский, или благоразумный разбойник, или подражатель Христу Господу, или разбойник злой, по страстям, тебя снедающим?

Каким себя найдешь, такого и конца себе ожидай. Я только прибавлю: выбросьте вы из головы, будто можно путем утешной жизни стать тем, чем подобает нам быть во Христе. Утехи если бывают у истинных христиан, то совершенно случайно; отличительнейший же характер

жизни их суть страдания и болезнования, внутренние и внешние, произвольные и невольные. Многими скорбями подобает внити в Царствие и в то, которое внутрь является. Первый шаг здесь — перелом воли от худа на добро, составляющий сердце покаяния, отражается смертельною болию от раны сокрушения, из которой потом сочится кровь во все продолжение борения со страстями и которая закрывается уже по стяжании чистоты, возводящей христианина на крест сораспятия со Христом в воле Божией. Все — скорби и болезни и тяготы. Можно сказать так: утешность есть свидетельство непрямого пути, а скорбность — свидетельство пути правого.

Помышляя о сем, радуйтесь, крестonosцы! А вам что, утешающиеся? Слово Авраама к богачу в притче о богатом и Лазаре. Здесь вы утешаетесь, а другие страждут Христа ради и закона Его святого; а на том свете будет наоборот: крестным идущие путем будут утешаться, а утешавшиеся — страдать. Вы говорите обыкновенно: вот и повеселиться будто нельзя или какое-либо себе позволить удовольствие. Да вы главное-то прежде сделайте, а потом позволяйте и это. А то у иного только и дела, что — ныне бал, завтра театр, там гулянье, да веселое чтение и беседа, да развлечения разные, — переход от одних приятностей к другим. А о главном, о том, как достигнуть того, чем должен быть всякий

христианин, и помышления нет. Какого же плода ожидать от такой жизни? То внутреннее наше к Богу отношение во Христе будто само будет зреть, несмотря на эти внешние нестроения?! Как ему зреть? Горит ли свечка на ветре? Спеется ли жизнь от приемов яда? Нет. Хочешь добра себе — брось утехи, вступи на крестный путь покаяния, перегори в огне самораспинания, закались в слезах сокрушения сердечного, и станешь золото, или серебро, или камень драгоценный, и в свое время будешь взят Небесным Домовладыкою на украшение Его пресветлых и премирных чертогов. Аминь.

¹ Возрастает, увеличивается. — *Ред.*

ЧЕТЫРЕ СЛОВА
О МОЛИТВЕ

НАЧАЛО НАУКЕ МОЛИТВЕННОЙ

МОЛИТВА — ПЕРВОЕ ДЕЛО В ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ. МОЛИТВА
ЕСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЕ В СЕРДЦЕ БЛАГОГОВЕЙНЫХ ЧУВСТВ К БОГУ.
СПОСОБЫ ВОСПИТАНИЯ В СЕБЕ ДУХА МОЛИТВЕННОГО

В праздник Введения во храм Пресвятыя Богородицы нахожу благовременным предложить вам наставление о молитве — главном деле храма. Храм есть место молитвы и поприще ее развития. Для нас введение в храм есть введение в дух молитвенный. И сердце благоволит Господь именовать храмом Своим, куда входя умно, предстоим Ему, восхождение к Нему возбуждая, как благовонное курение фимиама. Будем же учиться, как сего достигнуть!

Собираясь в храм, конечно, вы молитесь. И здесь совершая молитву, верно, и дома не оставляете ее. Потому излишне было бы говорить вам о нашей обязанности молиться, когда вы молитесь; но никак, думаю, не излишне указать вам два-три правила о том, как совершать молитву,

если не в научение, то в напоминание. Дело молитвы есть первое дело в христианской жизни. Если в отношении к обычному порядку дел верно присловие: век живи — век учись, то тем паче оно приложимо к молитве, действие которой не должно иметь перерыва и степени которой не имеют предела.

Припоминаю мудрое обыкновение древних святых отцов, по которому они, приветствуя друг друга при свидании, не о здоровье и не о чем другом спрашивали, а о молитве, говоря: как идет или как действуется молитва? Действие молитвы у них было признаком жизни духовной, и они именовали ее дыханием духа. Есть дыхание в теле — живет тело; прекратится дыхание — прекращается жизнь. Так и в духе. Есть молитва — живет дух; нет молитвы — нет жизни в духе.

Не всякое, однако ж, совершение молитвы или молитвословие есть молитва. Стать пред иконою, дома или здесь, и класть поклоны — не есть еще молитва, а принадлежность молитвы; читать молитвы на память или по книжке или слушать другого, читающего их, — еще не есть молитва, а только орудие или способ обнаружения и возбуждения ее. Сама молитва есть возникновение в сердце нашем одного за другим благоговейных чувств к Богу — чувства самоуничижения, преданности, благодарения, славословия,

прощения, усердного припадания, сокрушения, покорности воле Божией и проч. Вся забота наша должна быть о том, чтоб во время наших молитвословий сии и подобные им чувства наполняли душу нашу, чтоб, когда язык читает молитвы или ухо слушает, а тело кладет поклоны, сердце не было пусто, а в нем качественно какое-либо чувство, к Богу устремленное. Когда есть сии чувства — молитвословие наше есть молитва, а когда нет — оно не есть еще молитва.

Кажется, что бы проще и естественнее для нас, как не молитва, или сердца к Богу устремление? А между тем оно не у всех и не всегда бывает. Его надо возбудить и возбужденное укрепить, или, что то же, надо воспитать в себе дух молитвенный. Первый к сему способ есть — читательное или слушательное молитвословие. Совершай, как следует, молитвословие, — и непременно возбудишь и укрепишь восхождение в сердце твоём к Богу, или войдешь в дух молитвенный.

В молитвенниках наших помещены молитвы святых отцов — Ефрема Сирианина, Макария Египетского, Василия Великого, Иоанна Златоуста и других великих молитвенников. Будучи исполняемы духом молитвенным, они изложили внушенное сим духом в слове и передали то нам. В молитвах их движется великая сила молитвенная, и кто всем вниманием и усердием при-

никает в них, тот, в силу закона взаимодействия, непременно вкусит силы молитвенной, по мере сближения настроения своего с содержанием молитвы. Чтоб молитвословие наше сделать нам действительным средством к воспитанию молитвы, надо так совершать его, чтобы и мысль и сердце воспринимали содержание молитв, составляющих его. Укажу для сего три самых простых приема: не приступай к молитвословию без предварительного, хотя краткого, приготовления; не совершай его кое-как, а со вниманием и чувством, и не тотчас по окончании молитв переходи к обычным занятиям.

Пусть молитвословие есть у нас самое обычное дело, но никак нельзя, чтоб оно не требовало приготовления. Что обычнее чтения или писания для умеющих читать и писать? Между тем, однако ж, садясь писать или читать, не вдруг начинаем дело, а медлим несколько пред тем, по крайней мере, столько, чтоб поставить себя в пригодное положение. Тем паче необходимы пред молитвою приготовительные к молитве действия, — особенно тогда, когда предшествовавшее занятие было совсем из другой области, нежели к какой относится молитва.

Итак, приступая к молитвословию, утром или вечером, постой немного, или посиди, или походи, и потрудись в сие время отрезвить мысль, отвлекши ее от всех земных дел и предметов.

Затем помысли, Кто Тот, к Кому обратишься ты в молитве, и кто ты, имеющий начать теперь сие молитвенное к Нему обращение, — и соответственное тому возбуди в душе настроение самоуничиженного и благоговейным страхом проникнутого предстояния Богу в сердце. В этом все приготовление — благоговейно стать пред Богом, — малое, но немалозначительное. Тут полагается начало молитвы; доброе же начало — половина дела.

Так установившись внутренно, стань затем пред иконою и, несколько положив поклонов, начинай обычное молитвословие: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе! — Царю Небесный, Утешителю, Душе истины, прииди и вселися в ны...» и проч. Читай неспешно, во всякое слово вникай и мысль всякого слова до сердца доводи, сопровождая то поклонами. В этом все дело чтения молитвы, Богу приятного и плодоносного. Вникай во всякое слово и мысль слова до сердца доводи, иначе: понимай, что читаешь, и понятное чувствуй. Других правил не требуется. Эти два — понимай и чувствуй, — исполненные, как следует, украшают всякое молитвословие полным достоинством и сообщают ему все плодотворное действие. Читаешь: «Очисти ны от всякия скверны», — восчувствуй скверноту свою, возжелай чистоты и уповательно взыщи ее у Господа. Читаешь: «Остави нам долги наша, якоже

и мы оставляем должником нашим», — и в душе своей всем прости, и сердцем, все всем простившим, проси себе у Господа прощения. Читаешь: «Да будет воля Твоя», — и в сердце своем совершенно предай Господу участь твою и беспрекословную изъяви готовность благодушно встретить все, что Господу угодно будет послать тебе. Если будешь так действовать при всяком стихе молитвы твоей, то у тебя будет надлежащее молитвословие.

Чтоб успешнее можно было совершать его таким образом, вот что сделай:

1) имей молитвенное правило, с благословения духовного отца твоего, не большое, такое, которое мог бы ты исполнять неспешно, при обычном течении твоих дел;

2) прежде чем молиться, в свободное время вчитывайся в молитвы, входящие в твое правило, пойми полно каждое слово и прочувствуй его, чтоб тебе наперед знать, что при каком слове должно быть у тебя на душе, а еще лучше, если положенные молитвы заучишь на память. Когда сделаешь так, то во время молитвословия легко тебе будет понимать и чувствовать. Останется одно затруднение: мысль летучая все будет отбегать на другие предметы. Тут вот что надо:

3) надо употребить напряжение на сохранение внимания, зная наперед, что мысль отбегать будет. Потом, когда во время молитвы она

отбежит — возврати ее; опять отбежит — опять возврати; так всякий раз. Но всякий же раз, что прочтено будет во время отбегания мысли и, следовательно, без внимания и чувства, снова прочитывать не забывай; и хоть бы мысль твоя несколько раз отбегала на одном месте, несколько раз читай его, пока не прочтешь с понятием и чувством. Одолеешь однажды это затруднение — в другой раз, может быть, оно не повторится или повторится не в такой силе. Так надо поступать, когда мысль отбегает и рассеивается. Но может быть и то, что иное слово так сильно подействует на душу, что душе не будет хотеться простираться далее в молитвословии, и хоть язык читает молитвы, а мысль все отбегает назад, к тому месту, которое так подействовало на нее. В таком случае:

4) остановись, не читай далее, а постой вниманием и чувством на том месте, попитай им душу свою или теми помышлениями, которые оно будет производить. И не спеши себя отрывать от сего состояния; так что, если время не терпит, оставь лучше недоконченным правило, а этого состояния не разоряй. Оно будет осенять тебя, может быть, и весь день, как Ангел хранитель!

Такого рода благодатные воздействия на душу во время молитвословия означают, что дух молитвы начинает внедряться и что, следовательно-

но, сохранение сего состояния есть самое надежное средство к воспитанию и укреплению в нас духа молитвенного.

Наконец, кончишь свое молитвословие — не тотчас переходи к занятиям каким-либо, а тоже, немного хоть, постой и подумай, что это тобою совершено и к чему тебя сие обязывает, стараясь, если дано что восчувствовать во время молитвы, сохранить то и после молитвы. Впрочем, если кто точно совершит свое молитвословие, как следует, тот и сам не захочет скоро озабочиваться делами. Таково уж свойство молитвы! Что предки наши говорили, возвратясь из Царьграда: кто вкусит сладкого, не захочет горького, — то сбывается со всяким, хорошо помолившимся во время своего молитвословия. И ведать должно, что вкушение сей сладости молитвы и есть цель молитвословия и что если молитвословие воспитывает дух молитвенный, то именно чрез сие вкушение.

Если будете исполнять сии немногие правила, то скоро узрите плод труда молитвенного. А кто исполняет их и без сего указания, конечно, уже вкушает сей плод. Всякое молитвословие оставит след молитвы в душе, непрерывное продолжение его в том же порядке вкоренит ее, а терпение в сем труде привьет и дух молитвенный. Его и да дарует вам Господь, молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы!

Это я указал вам первый, начальный способ воспитания духа молитвенного, то есть сообразное с своим назначением совершение молитвословия — дома утром и вечером и здесь, в храме. Но это — не все еще. Другой способ, если Бог поможет, укажу завтра. Аминь.

21 ноября 1864 г.

ОБУЧЕНИЕ ДУШИ МОЛИТВЕ

ОПЫТЫ СОБСТВЕННОГО МОЛИТВЕННОГО ОТНОШЕНИЯ К БОГУ. О НАВЫКЕ УМНОГО С БОГОМ СОБЕСЕДОВАНИЯ. НАУКА МОЛИТВЕННОГО В ДУШЕ К БОГУ ВОЗНОШЕНИЯ. ОБУЧЕНИЕ ДУШИ ЧАСТОМУ ОБРАЩЕНИЮ К БОГУ. БОГОМЫСЛИЕ ЕСТЬ БЛАГОГОВЕЙНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ О БОЖЕСТВЕННЫХ СВОЙСТВАХ И ДЕЙСТВИЯХ. СПОСОБЫ НАУЧИТЬ ДУШУ МОЛИТВЕННО К БОГУ ВОЗНОСИТЬСЯ

Вчера я показал вам один способ воспитания в себе духа молитвенного, именно: сообразное с своим назначением совершение наших молитвословий. Но здесь полагается только начало науке молитвенной, надо идти далее. Припомните, как учатся, например, языкам. Сначала заучивают слова и обороты речи по книгам. Но на этом одном не останавливаются, а стараются помощью его доходить и действительно доходят до того, что сами, без пособия заученного, ведут правильно долгую речь на изучаемом языке. Так надо поступать и в деле молитвы. Навыкаем мы молиться по молитвенникам, молясь посредством готовых молитв, переданных нам Господом и святыми отцами,

преуспевшими в молитве. Но на этом одном останавливаться не должно; надо далее простираться и, навыкнувши умом и сердцем обращаться к Богу с стороннею помощью, надо делать опыты возношения к Нему и своего собственного, доходить до того, чтоб душа сама своею, так сказать, речью вступала в молитвенную беседу с Богом, сама возносилась к Нему и Ему себя открывала и исповедывала, что есть в ней и чего желательно ей.

И сему надо учить душу. Укажу вам коротко, что должно делать, чтоб успеть в сей науке.

И навык с благоговением, вниманием и чувством молиться по молитвенникам к сему же ведет. Ибо как из сосуда — переполненного — сама собою изливается вода, так из сердца, посредством молитвословий исполнившегося святых чувств, сама собою начнет исторгаться своя к Богу молитва. Но есть и особые, к сей исключительно цели обращенные правила, которые и да положит себе исполнять всякий желающий успеха в молитве.

Отчего это, скажите, сколько лет иногда молятся по молитвенникам — и все еще не имеют молитвы в сердце? Между прочим, думаю, оттого, что только в то время несколько и напрягаются возноситься к Богу, когда совершают молитвенное правило; во все же прочее время и не вспомнят о Боге.

Кончат, например, свои утренние молитвы и думают, что в отношении к Богу все тем и исполнено; затем целый день — только дело за делом, а к Богу и не обратятся; разве к вечеру придет на мысль, что вот опять скоро надо становиться на молитву и совершать свое молитвословие. От сего бывает, что, если и дает Господь какое доброе чувство утром, его заглушает суета и многодельность дня. Оттого же и вечером не бывает охоты молиться, — человек никак не совладевает с собою, чтобы хоть немного умягчить свою душу, и молитва вообще худо спеется и зреет. Вот эту неправость (не всеобщую ли почти?) и надобно исправить, то есть надо сделать так, чтоб душа не тогда только к Богу обращалась, когда стоишь на молитве, но и в продолжение всего дня сколько можно непрерывнее возносилась к Нему и пребывала с Ним. Для сего:

Первое — надобно в продолжение дня чаще к Богу из сердца взывать краткими словами, судя по нужде души и текущим делам. Начинаешь что, например, — говори: «Благослови, Господи!» Кончаешь дело — говори: «Слава Тебе, Господи», — и не языком только, но и чувством сердца. Страсть какая подыметя — говори: «Спаси, Господи, погибаю». Находит тьма помышлений смутительных — взывай: «Изведи из темницы душу мою». Предстоят неправые

дела, и грех влечет к ним — молись: «Настави мя, Господи, на путь», или: «Не даждь во смятение ноги моея». Грехи подавляют и влекут в отчаяние — возопи мытаревым гласом: «Боже, милостив буди мне, грешному». Так и во всяком случае. Или просто почаству говори: «Господи, помилуй; Владычице Богородице, помилуй мя; Ангеле Божий, хранителю мой святой, защити меня», или другим каким словом зывай. Только сколько можно чаще делай сии воззвания, всяко стараясь, чтоб они из сердца исходили, как бы выжатые из него. Когда будем так делать, частые будут у нас совершаться умные к Богу восхождения из сердца, частые к Богу обращения, частая молитва, а это учащение сообщит навек умного с Богом собеседования.

Но чтоб душа так зывать стала, надобно наперед заставить ее все обращать во славу Божию — всякое свое дело, большое и малое. И это есть второй способ, как научить душу чаще днем обращаться к Богу. Ибо если положим себе в закон исполнять сию заповедь апостольскую, чтоб вся во славу Божию творить, даже *аще ямы или пиэмы*¹, то непременно при каждом деле вспомним о Боге, и вспомним не просто, а с опасливостию, как бы не поступить в каком случае неправо и не оскорбить Бога каким-либо

¹ Ср.: 1 Кор. 10, 31.

делом. Это и заставит со страхом к Богу обратиться и молитвенно просить помощи и врачевания. Как мы почти непрестанно что-либо делаем, то почти непрестанно будем к Богу обращаться молитвенно и, следовательно, почти непрерывно проходить науку молитвенного в душе к Богу возношения.

Но чтобы и это, то есть делание всего во славу Божию, душа исполняла, как должно, надобно настроить ее к сему с раннего утра, с самого начала дня, прежде чем *изыдет человек на дело свое, и на делание свое до вечера*¹. Настроенное сие производится богомыслием. И это есть третий способ обучения души к частому обращению к Богу. Богомыслие есть благоговейное размышление о Божественных свойствах и действиях и о том, к чему ведение их и их к нам отношение нас обязывает, — есть размышление о благодати Божией, правосудии, премудрости, всемогуществе, вездесущии, всеведении, о творении и промыслении, об устройении спасения в Господе Иисусе Христе, о благодати и слове Божиим, о святых таинствах, о Царстве Небесном. О каком из сих предметов ни стань размышлять, размышление сие непременно исполнит душу благоговейным к Богу чувством. Стань размышлять, например, о благодати Божией — увидишь,

¹ Пс. 103, 23.

что ты окружен милостями Божиими и телесно, и духовно, и разве только камень будешь, чтоб не пасть пред Богом в излипании уничиженных чувств благодарения. Стань размышлять о вездесущии Божиим — уразумеешь, что ты всюду пред Богом, и Бог пред тобою, и не можешь не исполниться благоговейным страхом. Стань размышлять о всеведении Божиим — познаешь, что ничто в тебе не сокрыто от ока Божия, и непременно положишь быть строго внимательным к движениям сердца своего и ума, чтоб не оскорбить как-нибудь всевидящего Бога. Стань рассуждать о правде Божией — и уверишься, что ни одно худое дело не останется без наказания, и непременно положишь очистить все грехи свои сердечным пред Богом сокрушением и покаянием. Так, о каком свойстве и действии Божиим ни стань рассуждать, всякое такое размышление исполнит душу благоговейных к Богу чувств и расположений. Оно прямо к Богу устремляет все существо человека и есть потому самое прямое средство к тому, чтоб приучить душу к Богу возноситься. Самое приличное и удобное для сего время есть утро, когда душа еще не обременена множеством впечатлений и деловыми заботами, и именно — после утренней молитвы. Кончишь молитву, сядь, и с освященною в молитве мыслию начинай размышлять ныне об одном, завтра о другом Божиим свойстве и действии и

соответственное тому в душе произведи расположение. «Иди, — говорил святой Димитрий Ростовский, — иди, святое богомыслие, и погружись в размышление о великих делах Божиих», — и проходил мыслию или дела творения и промышления, или чудеса Господа Спасителя, или Его страдания, или другое что, растрогивал тем сердце свое и начинал изливать душу свою в молитве. Так и всякий может делать. Труда немного, желание только и решимость надо, — а плода много.

Так вот три способа, как, кроме молитвенного правила, научить душу молитвенно к Богу возноситься, именно: посвящать утром несколько времени на богомыслие; всякое дело обращать во славу Божию; и часто обращаться к Богу краткими воззваниями. Когда утром хорошо будет совершено богомыслие, оно оставит глубокое настроение к помышлению о Боге. Помышление о Боге заставит душу всякое действие свое — и внутреннее и внешнее — осторожно содевать и во славу Божию обращать. А то и другое — в такое поставят душу положение, что из нее почасту будут исторгаться молитвенные воззвания к Богу. Эти три: богомыслие, всего во славу Божию творение и частые воззвания суть самые действительные орудия умной и сердечной молитвы. Всякое из них возносит душу к Богу. Кто положил упражняться в них, тот

скоро приобретет навык восхождения полагать в сердце своем к Богу. Труд в сем походит на восход на гору. Чем выше подыметя кто на гору, тем свободнее и легче дышит. Так и здесь, чем больше кто навыкает показанным упражнениям, тем выше подымет душу, а чем выше подыметя душа, тем свободнее будет действовать в ней молитва. Душа наша по природе есть обитательница горнего мира Божественного. Там бы ей следовало быть неисходно и мыслию и сердцем, но груз земных помышлений и пристрастий влечет и тяготит ее долу. Показанные способы отрывают ее от земли мало-помалу, а там и совсем оторвут. Когда же совсем оторвут, тогда душа вступит в свою область и будет сладостно обитать горé — здесь сердечно и мысленно, после же и самым существом своим сподобится пред лицем Бога пребывать в ликах Ангелов и святых. Чего да сподобит всех вас Господь благодатию Своею. Аминь.

22 ноября 1864 г.

НЕПРЕСТАННАЯ МОЛИТВА

НЕПРЕСТАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ УМА И СЕРДЦА К БОГУ — ЦЕЛЬ МОЛИТВЕННОГО ТРУДА. МОЛИТВА ЕСТЬ СОСТОЯНИЕ ДУХА. КАК СПОДОБИТЬСЯ НЕПРЕСТАННОГО МОЛИТВЕННОГО ПРЕДСТОЯНИЯ БОГУ В СЕРДЦЕ

Объяснил я вам коротко два вида, или две степени, молитвы, именно: молитву читательную, когда молимся Богу чужими молитвами, и молитву свою мысленную, когда умно возносимся к Богу чрез богомыслие, посвящение всего Богу и частые воззвания к Нему из сердца.

Но это еще не всё. Есть третий вид, или степень, молитвы, который и составляет настоящую молитву и к которому два первые служат только приготовлением. Именно: непрестанное обращение ума и сердца к Богу, сопровождаемое внутреннею теплотою или горением духа. Это — предел, до которого должна дойти молитва, и цель, которую должен иметь в виду всякий молитвенный труженик, чтобы не бесполезно трудиться в деле молитвы.

Припомните, как говорится о молитве в слове Божиим. *Бдите и молитесь*, говорит Господь¹. *Трезвитесь и бодрствуйте*, учит апостол Петр². *В молитве терпите, бодрствующе в ней*³; *непрестанно молитесь*⁴; *всякою молитвою и молением молитесь на всяко время духом*, заповедует апостол Павел⁵, объясняя в других местах и причину, почему так бывает и так должно быть; потому, говорит, что *живот наш сокровен есть со Христом в Бозе*⁶ и что *Дух Божий живет в нас*⁷, о Немже вопием: *Авва Отче*⁸. Из сих указаний и заповедей не можете не видеть, что молитва не есть какое-либо однократное, прерывчатое действие, а есть состояние духа, постоянное и непрерывное, подобно тому, как постоянны и непрерывны в теле дыхание и биение сердца.

Поясню вам сие примером. Стоит солнце посреди, а вокруг него ходят все планеты наши, все тяготеют к нему и все непрестанно обращены к нему какою-либо стороною. Но что солнце в мире вещественном, то в мире духовном Бог — умное солнце. Перенесите мыслью на небо, что узрите там? Ангелов, кои, по слову Господа, *вѣну видят лице Отца своего Небесного*. Все бесплотные духи и все святые на небе к Богу обращены, на Него устремляют умные очи свои и оторвать

¹ Мф. 26, 41. — ² 1 Пет. 5, 8. — ³ Кол. 4, 2. — ⁴ 1 Сол. 5, 17. — ⁵ Еф. 6, 18. — ⁶ Кол. 3, 3. — ⁷ 1 Кор. 3, 16. — ⁸ Рим. 8, 15.

их от Него не хотят, по причине неизреченного блаженства, источаемого сим лицезрением Божиим. Но что Ангелы и святые делают на небе, то нам надлежит приучаться делать на земле, навикать ангелоподобному непрестанному молитвенному предстоянию Богу в сердце своем. Кто сего достигнет, тот только соделается настоящим молитвенником. Как же сподобиться такого великого блага?!

Отвечу на это коротко так: надо трудиться в молитве неутомимо, ревниво, уповательно, помогаясь достигнуть, как обетованной земли, горения духа при трезвенном внимании к Богу. Трудись в молитве и, молясь о всем, паче молись о сем пределе молитвы — горении духа, — и верно получишь искомое. Так удостоверяет святой Макарий Египетский, делом понесший труд и вкусивший плода молитвы. «Если, — говорит он, — не имеешь молитвы, трудись в молитве, и Господь, видя труд твой и по труду терпеливому в ней, как усердно желаешь ты сего блага, подаст тебе сию молитву» (Беседа 19). Труд только до сего предела. Когда же возгорится огонь, о коем говорит Господь: *огня приидох воврещи на землю* и как бы Я хотел, *чтоб он скорее возгорелся*¹, — тогда прекращается труд, начинается легкое, свободное, отраду разливающее молитвование.

¹ Лк. 12, 49.

Не подумайте, что тут разумеется какое-либо очень высокое, недостигаемое для житейских людей состояние. Нет. Оно точно есть высокое состояние, но достижимо для всех. Ведь и всякий иногда чувствует во время молитвы прилив теплоты и усердия, когда душа, от всего отрешась, глубоко входит в себя и горячо молится Богу. Вот это, по временам бывающее, как бы наитие духа молитвенного, надо довести до постоянного состояния — и будет достигнут предел молитвы.

Средство к сему, как сказал я, труд молитвенный. Когда трут дерево об дерево, оно согревается и дает огонь. Так, когда и душу тереть в труде молитвенном, она дает наконец огонь молитвенный. Труд молитвенный составляет должное совершение тех двух видов молитвы, о коих я говорил уже, именно — благоговейное со вниманием и чувством совершение обычных наших молитвословий и потом обучение души часто возноситься к Богу чрез богомыслие, обращение всего во славу Божию и частые взывания к Богу из сердца. Молимся мы утром и вечером: расстояние большое. Если в это только время обращаться к Богу, то, хоть и усердно кто молится, днем или ночью все опять рассеется, и к молитвенному времени душа опять станет холодна и пуста, как прежде. Пусть и опять усердно помолишься, но если опять охладеешь и рассеешься,

что пользы?! Это будет значить — созидать да разорять, созидать да разорять; только труд. Если теперь положим себе не только утром и вечером правило молитвенное совершать со вниманием и чувством, но и кроме этого еще упражняться каждый день в богомыслии, каждое дело свое во славу Божию обращать и часто взывать к Богу из сердца краткими молитвенными словами, то этот долгий промежуток от утренней до вечерней молитвы и обратно мы наполним частыми к Богу обращениями, частыми молитвенными действиями. Хоть это не будет непрестанная молитва, но молитва очень часто повторяемая, которая чем чаще будет повторяться, тем ближе будет подходить к непрестанной. Всяко этот труд стоит на переходе к сей последней, как необходимая ступень.

Ибо положим, что вы исполняете сей труд каждый день, неопустительно, неутомимо, — смотрите, что должно произойти в душе вашей?

Из богомыслия родится страх Божий. Ибо страх Божий есть сам по себе постижение благоговейною мыслию и восприятие чувством бесконечных Божиих совершенств и действий. Из обращения всякого дела нашего во славу Божию родится памятование о Боге, или хождение пред Богом; ибо хождение пред Богом есть: что бы ты ни делал, помни, что ты пред Богом. Наконец, из частых воззваний к Богу или, иначе, из

частых исторжений из сердца благоговейных к Богу чувств родится постоянное теплое или любительное призывание имени Божия. Когда посетят душу сии три: страх Божий, память Божия, или хождение пред Богом, и это любительное обращение сердца к Богу, или любительное лелеяние сладчайшего имени Господа в сердце, — тогда непременно возгорится в сердце и тот огонь духовный, о коем говорил я сначала, и принесет собою глубокий мир, непрестанное трезвение, живодейственное бодрствование. Человек вступит тогда в то состояние, выше которого ему на земле и желать не нужно и которое есть истинное предначатие блаженного состояния, ожидающего всех в будущем. Тут делом исполняется то, что говорил апостол: *живот наш сокровен есть со Христом в Боге*¹.

Сих трех и добивайтесь в молитвенном труде вашем. Они — сами награда труда и, вместе, ключ от сокровенного храма Царствия Небесного. Отворивши ими дверь, входят внутрь, приводятся к подножию престола Божия и от Отца Небесного сподобляются одобрительного слова, прикосновения и объятия, ради коего *все кости рекут: Господи, Господи! кто подобен Тебе?*² О сем-то и молись в молитвенном труде и воздыхай каждый: *когда прииду и явлюся лицу*

¹ Кол. 3, 3. — ² Пс. 34, 10.

Твоему, Господи? *Взыска Тебе лице мое, лица Твоего, Господи, взыщу*¹.

Желающему знать, как усовершиться в сих трех: страхе Божиим, памяти Божией и сем любительном непрестанном призывании имени Божия, — коротко отвечу: начни искать — и само дело научит, как найти; держись только одного закона: все то отстранять, что мешает им, тому всему усердно прилежать, что благоприятно им. И сему различению дело научит. Приложу только к сему указанию следующее.

Когда начнете вы в сердце своем себя так иметь, как имеет себя тело, со всех сторон обнимаемое теплотою, или когда начнете себя держать так, как кто держит себя пред большим лицом, со страхом и вниманием, как бы не оскорбить его чем, несмотря на позволение ходить и действовать свободно, или увидите, что в душе вашей начинает то же бывать к Господу, что бывает у невесты к возлюбленному жениху, — тогда ведайте, что близ есть, при дверех сокровенный Посетитель душ наших, и внидет, и возвечеряет в вас с вами.

И сих немногих признаков, думаю, достаточно в руководство для ревностных искателей. Все же сие сказано только с тою целию, чтоб те из вас, кои усердствуют в молитве, знали последний

¹ Пс. 41, 3; 26, 8.

предел молитвы и, мало потрудившись и малого достигнув, не подумали, что всего достигли, — не ослабли от того в труде и тем не положили преграды дальнейшим восхождениям по степеням молитвы. Как по большим дорогам ставят столбы, чтоб идущие и едущие знали, сколько прошли и проехали и сколько еще остается, так в духовной нашей жизни есть своего рода указания, определяющие степень совершенства жизни, кои и обозначаются затем, чтоб ревнующие о совершенстве, зная, докуда дошли и сколько остается пройти, не останавливались на полдороге и тем не лишали себя плода трудов, который, может быть, тут и есть, сделай только два или три поворота.

Заклучу слово мое усердною молитвою, да дарует вам Господь разум о всем, да все достигнете *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*¹. Аминь.

29 ноября 1864 г.

¹ Еф. 4, 13.

СОЮЗ МОЛИТВЫ С ДРУГИМИ ДОБРОДЕТЕЛЯМИ

НЕВОЗМОЖНО УСПЕТЬ В МОЛИТВЕ, ЕСЛИ НЕ ЗАБОТИТЬСЯ О ДРУГИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ. МОЛИТВЕ ДОЛЖНЫ ПРЕДШЕСТВОВАТЬ И СОПУТСТВОВАТЬ ДОБРОДЕТЕЛИ. КАКИМИ ИМЕННО ДОБРОДЕТЕЛЯМИ НАДО ОКРУЖИТЬ МОЛИТВУ

Раза три говорил я вам о молитве: и той, когда читают молитвы со вниманием, и той, когда сами возносятся к Богу умом и сердцем, и той, когда непрестанно в горении духа предстоят Богу. Разные степени и роды молитвы Господь указал нам, чтоб всякий, по мере сил своих, мог быть участником в благе молитвенном. Ибо дело молитвы есть великое дело. Оно, как говорил я, есть и свидетельство жизни духовной, и, вместе, пища ее. Почему и заботиться о совершенстве в ней надобно больше всего.

Как успеть в каком роде молитвы, я отчасти поминал вам. Ныне хочу напомнить, в предостережение, что трудно, да и едва ли возможно успеть в молитве, если в то же время не будем заботиться о других добродетелях.

Если уподобим молитву ароматному составу, а душу — сосуду для него, то вразумляемся, что как в дырявом сосуде не удержится аромат, так и в душе, чрез недостаток какой-либо добродетели делающейся не целою, не постоит молитва. Если уподобим молящегося целому составу тела, то следующий найдем урок, — что как безногому, например, идти нельзя, хоть все прочее в нем здраво, так не возможен приступ к Богу или дойти до Бога в молитве не имеющий деятельных добродетелей. Вникните в наставления апостольские, и увидите, что молитва у них никогда не стоит одна, а всегда с целым сонмом добродетелей. Вот апостол Павел снаряжает христианина к духовной брани и облакает его во *вся оружия Божия*¹. Смотрите — какие это? Опоясание чресл — истина, броня — правда, обувь — благовестие мира, щит — вера, шлем — упование, меч — глагол Божий². Вот орудия! И после уже всех их, как в крепость какую, посаждает он своего воина — в молитву, говоря: *всякою молитвою и молением молящегося на всяко время духом*³. И одною, конечно, молитвою можно одолеть всех врагов, но чтоб сильну быть в молитве, надо преуспеть в вере, уповании, ведении истины, в правде и во всем прочем. В другом месте тот же апостол, как невесту Христову брачными

¹Еф. 6, 13. — ²Еф. 6, 14—17. — ³Еф. 6, 18.

украшая душу одеждami, говорит: *облецытеся во утробы щедрот, благодать, смиренномудрие, кротость, долготерпение, прощение обид, любовь, мир, умудрение словом Божиим*¹. И потом, как венец доброты, возлагает на главу — молитву: *вразумляюще себе во псалмах и пениих и песнях духовных, во благодати поюще в сердцах ваших Господеву*². И в других многих местах слова Божия молитва поставляется в неотлучном союзе со всеми добродетелями, как царица их, вслед которой они все устремляются и которая все их влечет вслед себя, или, еще лучше, — как благоуханный цвет их. Как цвету, чтоб явиться и привлечь взоры, надо быть предшествуемому листьями, стволом с ветвями и корнем, так и молитве, чтоб она, как цвет, расцвела в душе, должны предшествовать и ей сопутствовать добрые духовные расположения и труды, кои в отношении к ней суть: то — как корень, какова вера, то — как ствол с ветвями, какова многодеятельная любовь, то — как листья, каковы все подвиги духовно-телесные. Когда насаждено в душе такое святое древо, тогда на нем, то утром, то вечером, то в продолжение дня, судя по свойству его, будет свободно распускаться цвет молитвы и исполнять благоуханием всю внутреннюю храмину нашу.

¹ Кол. 3, 12 — 16. — ² Кол. 3, 16.

Все сие привожу я вам на память, чтоб кто из вас не подумал, что-де тружусь я в молитве, и довольно. Нет, — надо о всем вместе иметь заботу и ревность — и молиться, и во всякой добродетели преуспевать. Правда, что успеть в добродетелях нельзя без молитвы, но трудиться в доброделании все же надобно и при молитве, чтоб молитве было в чем оказать нам свое содействие. И о том, чтоб успеть в молитве, надобно молиться; но труд молитвенный должен же быть употреблен, как там — труд доброделания. О всем надо иметь попечение и во всем являть себя исправными. Ведь тут то же бывает, что в часах. Когда идут часы исправно и верно указывают время? Когда в них всякое колесцо и всякая другая часть цела и стоит на своем месте и в своей связи. Так и во внутреннем, душевном нашем механизме: устремление духа, как стрелка, бывает верно, то есть прямо обращено к Богу, когда все другие части души целы и в своем стоят чине, в свою, так сказать, обделаны добродетелью.

Какими именно добродетелями окружить надо молитву, или какую именно молитвенно-добродетельную жизнь должен учредить у себя христианин, укажу вам не своим словом, а словом святителя Димитрия Ростовского, который кратко изображает сие в следующем наставлении. Прошу вникнуть!

1) От сна восставшу ти, первая мысль бѹди о Боге, первое слово и молитва к Богу, Создателю твоему и Содержителю живота твоего, могущему всегда мертвити и живити, поразити и исцелити, спасти и погубити.

2) Поклонися и воздаждь благодарение Богу, воздвигшему тя от сна и не погубившему со беззаконии твоими, но долготерпеливо ожидающему твоего обращения.

3) Положи начало к лучшему, глаголя со Псаломником: *rex, ныне начах* и проч.¹. Путь бо к небеси никтоже добре совершает, разве кто на всякий день добре начинает.

4) С утра бѹди в молитве Серафим, в делах Херувим, в обхождении Ангел.

5) Времени отнюдь вотще² не изнуряй, кроме нужных исправлений.

6) Во всех делах, и словах, и в помышлениях ум имей в Боге; не нарисуй в уме что ино, кроме Христа, никакой образ да не прикоснется сердца чиста, разве образ чист Христа Бога и Спаса.

7) К любви Божией себя возбуждай всячески, елико можеша, наипаче сие рассуждение со Псаломником в себе глаголя: *в поучении моем возгорится огонь*³.

8) Егоже изволяеши непрестанно любити Бога, на Того присутствие всегда внутренними

¹ Пс. 76, 11. — ² Напрасно. — *Ред.* — ³ Пс. 38, 4.

очами да взираеши, и сего ради от всякого злого дела и слова и помышления престани. Почему вся честно, смиренно и с сыновнею боязнию твори, глаголи и помышляй.

9) Кротость с похвалою и смирение с честностию купно буди.

10) Слово тихо, смиренно, честно и полезно буди; молчаливость же да рассуждает словеса, яже имаши глаголати. А праздное и гнилое слово отнюдь да не исходит из уст твоих.

11) Смех аще случится, до ослабления (улыбки) только буди, и то не часто.

12) Ярости, и запальчивости, и свара блюди-ся; в гневе же умеренно имей себя.

13) В ядении и питии воздержание да хранится всегда.

14) Во всякой вещи снисходливый буди, и Бог тя ублажит, такожде и люди похвалят.

15) Смерть всему конец, о которой всегда молиться должно¹.

Видите, какое благолепное указывается житие христианину-молитвеннику. Правда, что тут больше говорится о молитве, то есть об умном и сердечном к Богу обращении, но тут же означены и разные добродетели, — и все они таковы, что без них и молитве нельзя состояться,

¹ Богодухновенное наставление христианское. Ч. 1. С. 288.

что всякий сам испытает и узнает на деле, стань только в молитве упражняться, как следует. Как станешь молиться, когда обременен невоздержанием, или возмущен гневом и досадою, или в не мире с кем стоишь, или развлечен заботами и рассеянностью и проч.? А если этого не иметь, то надо иметь противное, то есть добродетели. Почему святой Иоанн Лествичник говорит о молитве, что она есть мать и дочь добродетелей.

Слыша сие, подумает иной: «Какие большие требования! Какое бремя тяжелое и грузное! Где нам на это взять и сил и времени?» Но воодушевитесь, братие! Совсем немного надобно, а надо возыметь только одно: ревность о Боге и спасении в Нем души своей. Душа по природе имеет много доброго, только оно забросано всякою худобою. Как только возродится в душе ревность о спасении и богоугождении, тотчас все ее добро соберется около сей ревности, и в душе сразу явится немало добра. Потом ревность, благодатию Божиею укрепляемая, при помощи сего начального добра, начнет приобретать и всякое другое и обогащаться им, — и все начнет расти постепенно. Сама ревность имеет уже и зародыш молитвы. Естественною добротою она попытается на первый раз, а потом начнет питаться приобретаемою трудом добротою, и расти, и крепнуть, и возрастет, и начнет петь и

воспевать Богу в сердце благогласную и много-
составную песнь молитвенную.

Господь да поможет вам успеть в этом.
Аминь.

20 декабря 1864 г.

О СОВЕРШЕННОМ
ОБРАЩЕНИИ
К БОГУ
ОТ ПРЕЛЕСТЕЙ МИРА
И ГРЕХА

БАНЯ ПАКИБЫТИЯ

ЧТО СОВЕРШАЕТСЯ В КУПЕЛИ КРЕЩЕНИЯ?

Святой апостол Павел, рассуждая о святом таинстве крещения, сокровенную силу его сравнивает со смертью и воскресением Господа. Погружаясь, говорит, в купель, мы умираем; выходя из купели, воскресаем. Умираем в купели для жизни плотской и греховной, а воскресаем из купели для жизни духовной, святой, богоугодной. *Или не разумеете, яко елицы во Христа Иисуса крестихомся, в смерть Его крестихомся? Спогребохомся убо Ему крещением в смерть, да якоже воста Христос от мертвых славою Отчею, тако и мы во обновлении жизни ходити начнем. ...Ветхий наш человек с Ним распятыся, да упрзднится тело греховное, яко ктому не работати нам греху¹.*

Итак, как светел воскресший Господь, так светло бывает естество наше, обновясь в бане паки-

¹ Рим. 6, 3—4, 6.

бытия¹ благодатию Святого Духа. Но не подумаем, братие, что тут все производит одна благодать, и производит только внешне или как-нибудь механически. Нет, спасительное действие ее совершается незримо — внутри. Наитствующая² в крещении благодать Духа запечатлевает собою ряд внутренних изменений сердца и движений духа и из них образует нового в нас *потайного сердца человека*³. Посему святой апостол Петр крещение именует *совести благи вопрошением у Бога*⁴, образованием особенного, благодатию крепкого, нравственного характера. Что и как здесь бывает и быть должно, я поясню вам несколькими мыслями.

Всемиловитый Господь, сотворив человека по образу и по подобию Своему, указал ему тем последнюю цель во внутреннем общении с Собою, оградив достижение ее известными, подручными человеку условиями.

Путь к достижению сей цели Бог положил в ревностном исполнении святой воли Его, которую напечатлел в чистой и непорочной совести человека, но не связал его в направлении своей деятельности, а одарил его свободою действовать, как хочет, по своему усмотрению, для того, чтоб он сам себя произвольно и самоохотно

¹ В крещении. — *Ред.* — ² Нисходящая. — *Ред.* — ³ 1 Пет. 3, 4. — ⁴ 1 Пет. 3, 21.

определил на неуклонное хождение в вѣдомой воле Божией. Для того же, чтоб человек имел возможность совладеть с своею свободою, Он в том же духе, в коем обитает свобода, внедрил страх Божий, или чувство всесторонней зависимости от Бога Вседержителя, всепромыслителя и всевоздаятеля. Вот все стихии духовной жизни нашей по первоначальному устройению. Соединяясь воедино, они образовали бы собою нравственное духовное лицо, жизнь которого строилась бы и совершалась так, что человек, в чувстве всесторонней зависимости своей от Бога, сам себя самоохотно определял бы на неуклонное хождение во святой воле Божией, истолковываемой совестью, в уверенности, что чрез это он пребывать будет во внутреннейшем общении с Богом, источником жизни, и блаженствовать в Нем. К сему предназначен человек, и так шла бы жизнь его всегда, подобно как сим образом идет она постоянно у Ангелов святых, — если б не падение.

Падение расстроило внутренний порядок духовной жизни. Отпал от Бога человек, и общение с Ним непосредственное прекратилось; чувство зависимости от Него замерло или ослабело — и не стало у человека сил совладеть с своею свободою, устремившеюся не вслед воли Божией, тем более что и совесть или совсем перестала истолковывать волю Божию, или стала

толковать ее криво. Так распались стихии жизни духовной, и жизни духовной не стало.

Между тем природа человека осталась та же, и назначение его пребыло то же. Посему и восстановление его могло совершиться не иначе как чрез восстановление первоначальных духовных сил его и возведение их в предопределенное взаимное сочетание. Сие-то и совершает таинство крещения по предварительном приготовлении к тому человека рядом нравственных изменений...

Приведу вам, в пояснение сего, один пример. Святой апостол Петр проповедует по сошествии Святого Духа в день Пятидесятницы. Слушавшие, прослушав проповедь, воскликнули: *что же нам делать?*¹ Святой апостол ответил: *покайтесь, покайтесь и веруйте во Евангелие, и да крестится кийждо вас во имя Иисуса Христа... и примите дар Святаго Духа*².

Разберемте, что здесь! Проповедь просветила совесть; просвещенная совесть воскресила чувство зависимости от Бога, или страха Божия, и вот — из сердца вопль: *что нам делать?* В ответ на это они получают: **покаяться, уверовать, принять благодать чрез крещение. Покаяться** — это значит решиться оставить дела богопротивные, обратиться к Богу³ и определить

¹ Деян. 2, 37. — ² Ср.: Деян. 2, 38. — ³ Деян. 3, 19.

свободу свою опять на хождение в воле Его, как определено было и первоначально. Кающийся и готов бы на это, но как приступить к сему, когда чувствует в себе, с одной стороны, свое нравственное бессилие, а с другой — немирность с Богом, Которого всегда прогневлал, и с своею совестью, которую всегда оскорблял. В исцеление сих главных немощей и подаются ему **вера в Господа Иисуса Христа** как единое средство к умирению и воссоединению с Богом, и **благодать Духа** как опора нравственной силы и твердости. Замечаете ли, как здесь, в новом благодатном устройении, все прежние стихии и силы духовной жизни, ослабевшие и распавшиеся в падении, возводятся опять к своему значению и союзу! Чувство зависимости от Бога воскресает в покаянии, совесть просвещается словом, свобода укрепляется благодатию, общение с Богом посредством веры в Господа Иисуса Христа, единого Ходатая Бога и человеков... Так все стихии, каждая своим особым оживительным врачевством, оживают.

Остается теперь слить их воедино, собрать, как лучи, в один фокус. Это и совершается в купели крещения, которое в сем отношении есть как бы благодатное горнило, где из восстановленных таким образом предварительно стихий духовной жизни вседейственной благодатию создается *нова тварь о Христе*

*Иисусе*¹, образуется *потаенный сердца человек*². Из купели мы выходим новыми в таком именно смысле; чувствуем себя вкусившими новую жизнь и начинаем блаженствовать. Вот смотрите, что говорится о тех, кои обратились проповеди святого апостола Петра. Принявши слово, говорится, крестились³. И тут же прибавляется: начали пребывать в учении, общении, молитве, все были вместе, все у них было общее, как бы одна душа и одно тело, *единодушно пребывали в церкви, непрестанно хваляще Бога, и жили в радости и простоте сердца...*⁴ Как только окрестились, так и начали жить новою жизнью. Сия новая жизнь сознается всеми крещаемыми и есть их удел и наследие.

Собрав теперь в одну мысль все начала духовно-благодатной жизни, соответственные и первоначальному ее устройству, мы увидим, что каждый крещаемый по внутреннему своему настроению таков: по вере в Господа Иисуса Христа, примирившись с Богом и приняв от Него благодатную силу, христианин чувствует себя определенным и сильным к неуклонному хождению в воле Божией, о чем и ревнует с готовностью на всякие труды или жертвования, ощущая еще здесь временную радость в богообщении и

¹ Ср.: 2 Кор. 5, 17. — ² 1 Пет. 3, 4. — ³ Ср.: Деян. 2, 41. — ⁴ Деян. 2, 42—47.

предвкушая имеющую быть в вечности радость нескончаемую. В сем-то и состоит *совести благи вопрошение*, или образование христиански-нравственного характера.

Привожу вам это затем, чтоб не забыли вы, что сила крещения состоит не в одном благодатном обновлении естественных сил духа, но и в нравственном изменении характера, или в том и другом вместе. По Божиему устройению сначала происходят в духе человека нравственные изменения, а потом благодать, вселяясь в человека чрез таинство, запечатлевает их в нем и тем обновляет самое естество его. В христианине уже не одно естество, а и благодать. На вид внешний он то же, что и все нехристиане, а на деле он есть растворение и смешение естества и благодати. Медь, например, одна издает звук глухой, а в соединении с серебром звучит чище и звонче, хотя на вид разности не заметно в той и другой. Медь одна — это естество наше; медь в соединении с серебром — то же естество, облагодатствованное в крещении. Возьмите яблоко с дикой яблони и яблоко садовое. На вид они могут быть совершенно схожи, а внутреннее достоинство того и другого совсем не то. Так христианин и нехристианин на вид будто одинаковы, но внутренний их не характер только, но как бы и состав — не одинаковы. Вся сила христиан — внутрь.

Сами христиане не могут не сознавать сего отличия и изменения, не в ущерб своему смирению, а в воздаяние славы Богу, спасающему их. Не все гибнет в человеке падением. Следы прежней красоты остаются на всех силах его, только они разрознились и распались. Это то же, что разбитое зеркало. Когда же возобновляется внутренний строй жизни духовной, тогда это то же, что зеркало цельное, которое ясно отражает все черты и части лица смотрящего. Обращаясь внутрь себя, христианин может ли не сознавать в себе сей дарованной ему целостности? До крещения человек — то же, что расслабленный во всех частях своих: ни стать, ни двинуться. По крещении он то же, что тот исцеленный, о котором говорится, что он ходил, *скача и хваля Бога*¹. Так и чувство бодрости и крепости сил, присущее христианину, облагодатствованному в крещении, может ли не свидетельствоваться в сознании?

И еще один образ. Зрительные трубки имеют три состава. Когда вдвинуть сии составы один в другой, трубка не показывает вещей, как следует, а когда они раздвинуты по соразмерности, все тогда видно в них хорошо... Трубка есть образ нашей трехсоставности: духа, души и тела. В падении дух подчинился душе, а душа и дух — телу, и человек стал дурно видеть свои

¹ Деян. 3, 8.

отношения и дурно держать себя в них. В новом благодатном рождении дух возводится в свои права, держит душу в своем чине, а чрез нее и тело... Человек тогда получает predeterminedный строй частей естества, ясно сознает свои отношения к небу и земле и достойно себя держит в сих отношениях. Такое возустройство может ли укрыться от очей ума и совести?!

Видите теперь, какова сила святого крещения и как от нас самих не могут укрыться спасительные действия его в нас?! Войдите теперь в себя и сами для себя решите: есть ли там то, что дает святое крещение, или нет? Если есть — возблагодарим Господа, без самовозношения однако ж, ибо все от Него; если нет — обличим себя, и укорим, и поспешим восполнить сие чрез таинство покаяния, в коем вновь крестятся грешники не в купели, а в слезах, хотя жизнь новую получают такую же, какая дается в купели. Аминь.

ЖАР РЕВНОСТИ ПО БОГЕ

О НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧЕРТЕ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Припомните прошедшую беседу мою. Там видели мы, что верующий должен выйти из купели крещения ревнителем исключительно о богоугождении, с готовностью на все ради того пожертвования. Сей жар ревности по Боге, с любовью и самоотвержением, составляет столь неотъемлемую черту христианской жизни, что, в ком он есть, тот живет; в ком нет его, тот или мертв, или замер и спит. Это — семя жизни и, вместе, сила жизненная. Она есть плод сочетания благодати с свободою. Человек всецело предает себя Божью водительству; благодать, пришедши, восприимлет его, исполняет его, сочетается с ним, и из сей сокровенной сокровищницы жизни выходит человек *обновления*¹, *ревнитель добрым делам*², избранный быть *святым и непорочным пред Богом в любви*³.

¹ 1 Пет. 2, 9. — ² Тит. 2, 14. — ³ Еф. 1, 4.

Когда взрослые крещаются, то они действительно являются таковыми тотчас по крещении, ибо они тут же от своего лица представляют все необходимые к сочетанию с благодатию расположения сердца. Относительно же тех, кои крещаются младенцами, Божественная экономия¹ нашего спасения благоволила установить такой порядок, что все, что к положению в нас начала христианской жизни зависит от благодати Божией, подается тотчас, и обновление совершается благодатию; то же, что зависит от нашей свободы, отлагается до возраста, до первой исповеди и причащения, когда человек самосознательно и самоохотно предает себя благодати, и тогда обновление, совершившееся прежде как бы независимо от него, благодатию одною, усвоется его лицу и начинает совершаться совместно с благодатию и свободою. Тогда и он является крепким благодатию Божиею ревнителем исключительно о богоугождении христианском с полным самоотвержением.

Всем известно, что до сего момента, столь решительного в жизни, все почти зависит от родителей и восприемников, а потом и от них, и от нашей свободы; далее же — и от тех многообразных отношений в жизни, в какие поставляет каждого непостижимое сочетание обстоятельств.

¹ Попечение, устройство. — *Ред.*

От воздействий на наши сознание и свободу всех этих влияний и от того, как мы пользуемся ими, выходит, что у одних — все свет, у других — все тьма, у третьих — ни свет, ни тьма... Я разумею под сим то, что одни, после прекрасного детства и отрочества, пришедши в сознание, возлюбляют христианство крепкою любовью и ревнуют по нем неуклонно, от силы в силу восходя и стремясь достигнуть *в меру возраста исполнения Христова*¹; другие уклоняются от Господа в путь страстей, в рабство духу мира и князю его, и живут в богозабвении и богопротивных порядках; третьи не знают кому принадлежат — не то Христу, не то миру, внешне участвуют во всех порядках христианской жизни, а мыслями и сердцем в другой области обращаются и в других предметах полагают свою утеху, услаждение и счастье; это христиане, не имеющие духа Христова! Не о Господе у них забота, а об одном том, как бы покойно и утешно прожить на земле, среди всех порядков, в которые поставляет их случайная обстановка временной жизни, не обнаруживая себя, однако ж, чуждыми и христианского чина и не объявляя себя богоборцами и христорборцами отъявленными.

Итак, если, обратясь назад, захотим мы добросовестно определить, каковы мы в отношении

¹Еф. 4, 13.

к Господу Иисусу Христу, исключительно служить Которому приняли мы обязательство в святом крещении, то одни окажутся ревностными любителями Господа и жизни христианской, другие преданными миру и страстям — христорборцами, третьи — внешними христианами с миролюбивым сердцем.

К кому же из сих обратиться мне теперь слово?

Первые не требуют слова. Мы только можем, вслед их смотря, Господа прославить и их ублажить... Блаженны вы, внявшие призыванию Господа!.. Вы *во свете лица* Его шествуете *и о имени* Его радуетесь на всяк час¹, взывая: *исчезе сердце мое* в Тебе, Боже, *Боже сердца моего* и Бог мой!²

Ко вторым что и простирать слово, когда их здесь нет и никогда не бывает?.. Они совсем уклонились в путь погибельный. Об них можем жалеть только и молиться.

Итак, к вам слово мое — внешние христиане, без духа Христова, без сердца, Господу всецело преданного, без ревности об угождении Ему единому!.. Или не к вам одним, а к нам вместе, ибо и я первый от вас.

Что же мы с вами скажем себе? Ах, братие, понудим себя взойти к чувству опасения за себя

¹ Пс. 88, 16—17. — ² Пс. 72, 26.

и свою участь вечную... Подумайте, что говорят об нас все истинные любители Божии, — и те, кои еще здесь, на земле, и те, кои уже на небе. Что другое могут сказать они, кроме следующего: «Вот люди, кои, кажется, от нас суть, но не суть наши». Простое, кажется, но какое страшное слово! Ибо если мы не их, то и они не наши, и ничто ихнее не наше. Стало, не наш Христос, не наши все обетования Его, не наш рай и вечное блаженство. А если это не наше, сами знаем, что должно быть наше?! Видите, какая беда! Между тем осмотритесь кругом — у нас все почти христианское: порядки христианские, понятия христианские, речи христианские, много правил и дел христианских!.. Чего недостает?.. Недостает сердца христианского. Оно не туда устремлено... не в Боге его благо, а в себе и в мире, и не на небе его рай, а на земле. Недостает этой крепкой, как смерть, ревности о богоугождении и спасении. Мы как будто заснули и замерли... и движемся так, как движет нас течение жизни. Сию-то ревность и давайте возбуждать в себе, ибо кто это сделает, кроме нас?! Сами привязались к миру, сами же и отрывать себя от него будем.

Войдемте же к сердцу своему холодному, нерадивому и беспечному, и начнем его дружески уговаривать образумиться наконец, стряхнуть узы страстей и мира, самоохотно на себя

наложенные, и устремиться ко Господу. Будем говорить душе так: «Ты создана по образу и по подобию Божию. Беспредельный Бог так благоволил устроить тебя, чтоб светиться в тебе с совершенствами Своими, как солнце светится в малой капле воды, и быть видимому в тебе — и тебе, и всем видящим тебя, земным и небесным. А ты отвратилась от Бога и обратилась к миру, восприяла его мерзкий образ и чрез то стала носить зверообразное подобие князя века сего. Помяни первое благородие свое, великое и ни с чем не сравнимое, пожалей о настоящем неблагообразии и обратись ко Господу, чтоб обновиться по образу Создавшего тебя.

Бог ищет тебя и, ища, окружает всеми милостями и попечениями Своими: жизнь твоя Его есть и все к жизни потребное Его же: и свет, и воздух, и пища, и одежда, и жилище, и все, что есть в тебе и у тебя, — Его есть. И это что еще? Тебя ради Он с неба нисшел, страдал, умер на Кресте, воскрес, вознесся на небо, Духа Святого послал и учредил на земле Церковь, в коей совместил все, ко спасению твоему нужное, и главное — путем рождения, порядком внешней твоей жизни ввел уже тебя в сию сокровищницу благ духовных!.. Видишь, сколько любви! И за все сие от тебя требует Он единого сердца твоего. И капля воды, согретая солнцем, восходит горé... Ты же что медлишь обратиться к Госпо-

ду, со всех сторон согреваемая теплотою любви Его?!

Не видишь ли, все вокруг идут ко Господу — и бедные, и незнатные, и неученые. Что же ты стоишь, попуская всех предварять тебя в Царствие?! Будто ты хуже других? Заделена¹ ли ты чем?! Лишена ли ты чего, что всем дается?! Что же стоишь?! Подвигнись, поспеши, пока не заключилась дверь, еще отверстая к принятию всех обращающихся ныне.

Что стоишь? Обратись к Господу и начни Ему усердно работать... Время течет... силы стареют, грубеют и приближаются к неподвижности в своем превратном направлении. Между тем ныне, завтра — смерть. Смотри, не остаться бы тебе совсем в этом закоснелом охлаждении к Господу. Вспомни страшный конец, когда и Бог окончательно отвратится от необращающихся к Нему и отвергнет отвергающих Его, — и страхом подвигнись устремиться ко Господу.

Взыщи Господа! Бог или мир... середины нет. Или ты так беспечно спишь, что ничего не видишь?! Там все, здесь ничего; там истина, здесь призрак; там покой, здесь бесполезные заботы; там довольство, здесь непрестанное томление; там радость и веселие, здесь только скорби и туги² сердца. Все это ты знаешь, испытала и все,

¹ Обделена. — *Ред.* — ² Печали. — *Ред.*

однако ж, остаешься в той же суете ума и сердца... Рай на земле устроить хочешь... восьмая уже тысяча, как миролюбцы истощаются в средствах устроить рай на земле... И не только нет успеха, напротив, — все идет к худшему... не успеешь и ты, а только измучишься, гоняясь за призрачным благом мира, как дети за убегающею радугую».

Такими и подобными сим речами будем уговаривать душу свою — возлюбить Господа всецело и к Нему обратиться, возревновав, наконец, решительно о спасении своем. Не случится ли и с нами то же, что бывает с воздушными шарами... Будучи наполнены газом, тончайшею стихиею, с какою быстротою устремляются они кверху! Наполним и мы душу свою небесными истинами и убеждениями. Они проникнут и в сердце, привлекут желания, а там и все существо наше устремят к небу и всему небесному.

Впрочем, какая душа не знает всего этого? Все мы знаем, что надо исключительно Господу сердцем принадлежать и все обращать на угождение Ему единому — малое и великое. Но когда надлежит приступить к делу — отрешиться от всего, начинаем разные употреблять отговорки, чтобы остаться при своих пристрастиях... «Где нам! — говорят. — Эта высокая жизнь принадлежит только избранныкам... Мы же хоть кое-как... Кто избран, тот особенно и призывается... Вот

апостол Павел... и прочие, подобно ему, видимо призванные». На это вот что скажу: а эти избранные разве не сами пошли по зову Господа? Разве их связанными как бы влекла благодать? Услышали слово, покорились и устремились ко Господу... Пусть, впрочем, есть особые избранники... и у них все особо... Но есть ведь и общий для всех путь. Сим общим путем и пойдём...

Вообще же мы все избраны. Коль скоро слово истины коснулось нашего слуха, значит, мы избраны... Нас зовет Господь, и мы безответны, если не пойдём вслед Его. Посмотрите, как обращались другие... Один услышал: *не скрывайте себе сокровищ на земле*¹ — и все оставил... Другой прочитал: *всё мятется человек! сокровиществует, и не весть, кому соберет я*², оставил суету и вступил на прочный путь богоугождения. Третий взглянул на распятие с надписью: «Вот что Я для тебя сделал; что делаешь ты для Меня?..» — и всем сердцем предался Господу... Что это: разве все чрезвычайные призвания?! Да мы всякий день тысячу подобных истин слышим и читаем... Можем ли после сего считать себя непризванными?.. Нет, братие, не за призыванием, а за нами дело.

Как обратились сии обратившиеся? Сознали, что нет жизни, как только в Господе, и пере-

¹ Мф. 6, 19. — ² Ср.: Пс. 38, 7.

менили свою неподобную жизнь. Так должно быть и у всех. Внутреннее изменение или перелом зависит от добросовестности в отношении к признанной истине. А эта добросовестность — всегда от нас... приложим ее и одолеем сами себя... Во внутреннее святилище сердца никто сторонний не войдет... Там все решает человек с своею совестью и сознанием... Станем же сами в себе пред лицом Бога и, живее воспроизведши все, чего хочет Бог, и сознавши неизбежность и неотложность того для спасения, положим в сердце своем сей завет: «Отселе начну принадлежать Господу всем сердцем и Ему единому работать всеми силами своими». И совершится наше избрание, ибо избрание и есть сочетание нашей решимости с призванием Божиим.

*Господь близ...*¹ Ко всем приходит и толчет в сердце, не отверзет ли кто! Если сердце — замкнутый сосуд, кто виновен?! Всею виною — наша недобросовестность к познанной истине. Если бы этой не было, все бы были всегда устремлены ко Господу. И многое ли требуется?! Ведь мы не совсем же чуждаемся Господа. Только угождение Ему стоит у нас не на первом месте... не есть главное наше дело, а как бы приделок. Дело же у нас — угождение себе, угождение людям и обычаям мирским. Поставьте теперь угождение

¹ Флп. 4, 5.

Господу на первом месте и все прочее перестройте по требованию сей единой цели — и изменится ваше внутреннее настроение... Все останется то же... только сердце станет новое. Вот и все! Много ли это?!

Многое бы еще хотел говорить вам о том же, но вижу, что утомил вас. Остальное сами доскажете душе своей. Ибо кто, кроме нас самих, поможет Господу овладеть сердцем нашим?.. О, когда бы мы покорились Ему и Ему предали бы сердца свои, и лицом к лицу созерцали Его в себе, и все вращались во свете Его вокруг Него, как вращаются около солнца все светила, обращенные к нему и им освещаемые, составляя свой особый стройный хор! Аминь.

ПОКОЙ НАШ ЕСТЬ ЛЖИВЫЙ ПОКОЙ

СОВЕРШЕННО ЛИ НАШЕ ОБРАЩЕНИЕ?

Пишется в Евангелии об одном юноше богатом, искавшем спасения и не умевшем найти его¹. Юноша этот хотел спастись и делал нечто для спасения; но имел некоторые пристрастия, которые, как говорила ему совесть, несовместимы с делом спасения. Услышав о Спасителе, он искал беседы с Ним, может быть, в надежде в Его учении найти какое-либо оправдание своим сокровенным неправым расположениям. «Может быть, — думал он, — достаточно для спасения тех одних дел, какие я делаю, и Бог не осудит меня за те неправости, какие есть в сердце моем». Как известно вам, он ошибся в своем ожидании. Спаситель сказал ему такие слова, что он отошел от Него *скорбя*². Господь потребовал от него в жертву именно то, что он хотел сохранить для себя. Юноша имел

¹ Мф. 19, 16—22. — ² Мф. 19, 22.

*стяжания многа*¹, наслаждался ими и всем, что соприкосновенно с тем: довольством, видным положением между другими, почестями, известною степенью власти и возможностью исполнять чрез других и в среде других все, что ни захочет. Он и добрые дела творил, но они ему ничего не стоили; их исполнение не требовало от него никаких жертв. Господь с первого взгляда на юношу узрел, чем заражена душа его. Потому, легко коснувшись того, что он делал, всею тяжестью Своего Божественного определения налег на то, что он хотел сокрыть в себе, — на его пристрастие к стяжаниям... Исполнял ты, говорит, все заповеди... теперь, *если хочешь быть совершенным, иди, продай имение свое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; брось все, — приходи и следуй за Мною*².

Иметь сокровище на небесах — что может быть ценнее сего? И однако ж, юноша *отыде скорбя*... верно, потому, что то, что имел он на земле, было для него дороже того, что обетовалось на небеси. Между тем мы не можем сказать, чтоб он нерадел о спасении. Вся беда его состояла в том, что он не имел совершенного обращения к Богу. Он и душу спасти хотел, и мирское любить не хотел отказаться, а эти две вещи несовместные... Где Господь, там — ничего

¹ Мф. 19, 22. — ² Мф. 19, 21.

мирского. И где нечто мирское, там — ничего Господнего.

Имея такой пример неодобрения Божия за несовершенное к Нему обращение, обратимся, братие, к себе и испытаем, совершенно ли наше обращение? И если нет, поревнуем сделать его совершенным. Так ли мы отрешены от всего, что можем назвать себя всякую минуту готовыми на все, чего ни потребует Господь? И если нет, позаботимся до такой степени возвысить свое отрешение. Ибо это главное — все приносить в жертву воле Божией. Когда такой оборот совершен у нас внутри, тогда обращение наше полно и ни с какой стороны не будет препятствия и нам явить себя совершенными, и Господу признать нас таковыми в делах наших. Как птица, не привязанная и в клетку не заключенная, свободно летает по воздушному пространству, так всесторонне отрешившийся от пристрастий мира свободно, беспрепятственно действует в области воли Божией. Кто же оставляет у себя пристрастия какие-либо, тот до тех пор и свободен, пока дела не касаются до сего пристрастия. Как же скоро Господь потребует и его в жертву, он мятется, стесняется и тогда, подобно юноше, отходит от Господа, хотя отходит скорбя.

Если со стороны смотреть на юношу и подобных ему, можно жалеть, говоря: «Вот, сколь-

ко трудились, и все ни во что!..» А если бы разобратить их по существу дела, то окажется, что у них совсем не было трудов. Первый-то труд и бывает тот, пред которым они обращаются вспять. Грех, живущий в нас, или, лучше, действующий чрез него враг очень хитр и умеет укрываться под самыми светлыми благовидностями... Известно всем, что каждый из нас может иметь множество неодобрительных расположений и склонностей; но всегда есть между ними одно или два господственных, вокруг которых группируются все прочие. Когда возгорится желание спасения, совесть требует искоренить все неправое, не жалея себя и не смотря ни на какие болезни сердца своего. Начинается работа внутренняя. Добросовестный охотно все приносит в жертву Господу. Души же, храмлющие на обе плесне¹ и страждущие саможалением, хотя от многого, что мало для них стоит, отказываются, но всегда удерживают за собою то, чем господственно питается их самость, и этим портят все. Они думают, что много наделали, а между тем не делали еще ничего; думают, что при таких и таких делах не очень важно иметь какую-либо черту грехолюбия или миролюбия, а между тем для них лично в этом малом все — весь грех и весь мир.

¹ Хромающие на обе ноги. — *Ред.*

Как дерево, когда подрублены его многие корни, а оставлен один, все живет, и цветет, и плод приносит, так грех и мир в нас весь живет, хотя, кажется, мы служим ему только малою частичкою... А отсюда вот что выходит: как один корешок плюща, разрастаясь, опутывает все дерево и иногда заглушает его, так грех, какою-либо стороною оставаясь в нас, духом своим исполняет и всю жизнь нашу, и все дела наши оскверняет и делает непотребными в очах Божиих. Тогда самые дела, какие совершаются будто в угодность Господу, делаются орудием лелеемой нами в себе страсти, то есть благочестие — орудием греха и мира и виды служения Богу — прикрытием дел не Божиих. И выходит, мы — плод, красный на вид, с гниlostию или червоточиною внутри. Есть много лиц, кои с спокойною совестью миролюбствуют. Страх погибнуть заставляет их делать некоторые дела по заповедям, а саможаление держит в услугах миру и греху. Им думается, что они исправились, а на деле они то, что говорит Господь: *ни тепл еси, ни хладен, изблевати тя имам от уст Моих*¹. Избави нас, Господи, от сего!

Каин принес жертву Богу... а Бог внимания не обратил на нее. Почему? Потому что он принес то, что не было ему дорого. Авраам славится

¹ Ср.: Апок. 3, 16.

во всем мире как отец верующих, потому что, по требованию Господа, готов был принести или уже принес сердцем в жертву Богу сына своего возлюбленного, единородного, принес то, что было ему дороже всего... Таковых же жертв требует Бог и от каждого из нас... И — по праву! Сам Он все для нас сделал и делает. Мало того, что Он сотворил нас, хранит и промышляет о нас. Но когда надлежало устроить спасение наше, не какую-нибудь тварь ничтожную употребил Он на сие, а Сына Своего Единородного послал в мир, и не за тем, чтоб Он действовал здесь со властью, а чтоб был унижаем, мучим и предан на смерть. После такой Жертвы со стороны Господа ради нас пред какою жертвою можем мы законно отступить ради Господа?!

Те, кои в сокровенном уголке сердца прячут какой-либо идольчик миролюбия и грехолюбия, думают, может быть, что их хитрость не сделается кому-либо ведомою. Правда, Рахиль ухитрилась спрятать похищенного ею идола от розысков отца. Но как укрыться от всеиспытующего и всевидящего ока Божия? Мы живем и действуем пред лицом Бога. Или, может быть, думает кто, что то, что удерживает он из мирских пристрастий и греховных привычек, ничтожно? Но стань всякий в совести своей пред Богом и без кривотолкований и укрывательства рассуди: когда мы не хотим ради Господа отказаться

от чего-либо, то это значит то же, как бы мы говорили Ему: «Это Тебе, а это мне». Как же можно так делать, когда нам ясно ведомо, что Он требует от нас всего, требует и того, что мы удерживаем для себя? Как бы ни было ничтожно то, что удерживаем мы в сердце из мира, но коль скоро из-за него вступаем мы в спор с Богом, поперечим Ему, противимся, то мы полные богоборцы. Мало того: если Богу отказываем мы в повиновении ради пристрастия к чему-либо, то предмет пристрастия нашего дороже нам Бога. Если дороже Бога, то и бог наш, ибо то и бог сердца, что дороже ему всего. Стало, у нас бог — то, что не есть Бог, и мы идолопоклонники... Мало ли это?

Не лучше ли, братие, после сего перестать нам считать ничтожными свои миролюбивые пристрастия и позаботиться пробудить спящую совесть и заставить ее возревновать об окончательном отрешении от всего. Покой наш, если точно мы покоимся, есть лживый покой. Господь праведный поставит же нас в такие обстоятельства, в которых встревожится все наше внутреннее, и уклонения сердца нашего обличатся пред всеми. Так не лучше ли упредить сие и мирным изменением своих настроений отвратить муки, которые никакой уже не принесут пользы?

Все сие предлагаю вашему любомудрию, чтоб, вошедши в себя, вы сами себя обсудили и в дар Господу, Спасителю нашему, изготовились

принести и делом принесли все негодные Ему ваши любимости и драгости, пересмотрели и переправили все неровности и неправости сердца, под внешним благочинием скрывающего иногда мирские цели и страсти, чтобы представить из себя Богу *деву чистую*¹, *не имущую скверны, или порока, или нечто от таковых*². Аминь.

¹ 2 Кор. 11, 2. — ² Еф. 5, 27.

НЕ УЖАСАЙТЕСЬ!

ЧТО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ СПОДОБИТЬСЯ БЛАГОДАТИ, ИЛИ С ЧЕМ МОЖНО СРАВНИТЬ ЦАРСТВО БОЖИЕ

Напоминаю вам одно утешительное Евангельское сказание. Господь приближается к Иерихону. Там, при пути, сидел слепец. Услышав, что Господь близко, он начал взывать: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!*¹ Другие хотели его остановить, но он неудержимо от сильной веры взывал: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!* Господь внял его воплю и исцелил его.

Благословим Господа, внявшего воплю слепого, но ублажим и слепца, не перестававшего вопиять к Нему о помощи. И вот нам, братие, образ нашего спасения, образ того, как душа избавляется от духовной слепоты, от мрака греховного и от всех уз миролюбия и страстолюбия, связующих ее. Душа ищет и вопиет, но, пока не придет Господь к ней на помощь, не

¹ Лк. 18, 38.

отверзутся очи ее и не спадут узы ее. *Без Мене, говорит Господь, не можете творити ничесоже*¹. Христианин все может, но только *о укрепляющем его Господе*², ибо благодать, пришедши, творит в нем *и еже хотети и еже деяти о благоволении*³.

Не ужасайтесь, слыша, что духовное прозрение и свобода от уз мира и греха, или, что то же, всецелое обращение сердца к Господу, есть дело благодати, в той мысли, что это будто далеко... Напротив, радуйтесь тому, ибо что от Господа, то близ есть, как и Сам Господь есть Бог, ко всем близ сущий, а не отдаляющийся. От Господа все всегда готово нам, надобно только приложить то, что зависит от нас.

От нас ожидается горячее желание, искание и понуждение себя на отрешение от всего и на обращение к Господу. Но да не думает кто, что, когда все сие есть в нем, уже достигнуто все, что ищется. Нет; но, когда все сие есть, надобно ожидать, чтоб благодать Божия, пришедши, самым делом совершила отрешение и обращение. Узник усердно желает свободы, ищет ее и употребляет с своей стороны усилие к получению ее... Но все он в узах, пока не придет имеющий власть разрешить и не разрешит его. То же и в нас... Сильными узами связал нас враг чрез страсти и

¹ Ин. 15, 5. — ² Ср.: Флп. 4, 13. — ³ Флп. 2, 13.

мир. Когда придем в сознание сего узничества и почувствуем несносность и пагубность сего положения, начинаем желать свободы, искать ее и свои усилия употреблять к получению ее; но при всем том все остаемся в сих узах, пока не придет Господь *крепкий*, не свяжет, как Сам сказал, держащего нас в узах, не разрешит нас и не пустит на свободу¹. Вот дерево многими корнями, глубоко пущенными в почву, внедрено в земле. Если б оно возжелало свободы, то не могло бы получить ее иначе, как когда бы сильная рука, приближаясь, исторгла его из недр земли. Глубоко и многоветвенно внедрились мы в мир и его обычаи... Пусть уже восчувствовали тяготу и пагубу сего, но исторгнуться не можем, пока не исторгнет нас Сам Бог, пока Бог, пришедши, не избавит нас от сей власти темной и не представит *в Царство Сына любви Своея*².

Скажет кто: «Что же именно должно мне делать, чтоб сподобиться такой благодати?» Желаешь ли разрешиться от мира и со Христом единым быти — первее всего приложи к сему желанию всю искренность и силу, сколько от тебя сие зависит, и вместе с тем начинай искать благодати, не жалея себя. Где искать? Во всем том, в чем Господу угодно было сокрыть для нас ее, как в сосудах каких... Это — во всем устроении

¹ Лк. 11, 21—22. — ² Кол. 1, 13.

Святой нашей Церкви и всех чинах ее, паче же в святых таинствах — исповеди и святом причастии. Для сего в церковь Божию ходи, как только есть возможность, дома усердно молись, книги святые читай, беседы духовные веди с кем можешь, подвиг какой-нибудь положи на себя — в пощении, бдении, уединении, трудах вспомоществования ближним, не расseyничай, не суесться, не ищи пустой славы и возгласов людских; в себе уединись и к Господу припадай в сердце своем; паче же всего поговей, как должно исповедайся и причастись Святых Христовых Таин. Так ищи, и обрящещи, как обетовал Господь¹. Так толки, и отверзется тебе!² Все от Господа; но получают сие все только те, кои усиленно, себя не жалея, ищут... Пусть трудно; но то утешительно, что непременно найдут... Придет наконец благодать, и тогда душа, как птица, освободившаяся от тенет, свободно начнет парить в области Царства Христова.

Только не поленись искать, и искать именно там, где можно найти, то есть в Церкви и церковном устроении. Дурно делают те, кои будто ищут Господа, а Святой Церкви Божией и всего церковного чуждаются или придерживаются сего только отчасти, как бы случайно, без уверенности в существенной необходимости такого

¹ Мф. 7, 7. — ² Мф. 7, 7.

порядка жизни. Нет, не найдешь Господа и благодати Его вне Церкви. Вне Церкви — мир, царство врага Христова и нашего... Там обретают пагубу, а не благодать спасительную... Церковь же Божия, вся и во всех частях своих преисполненная благодати, есть сосуд или вместилище сосудов благодати.

Слыхали вы о веществе, которое называют электричеством? Когда его возбудят в какой-либо вещи или наполнят им вещь, тогда сия вещь делается сосудом электричества, и кто коснется ее, из нее исходит искра и делает чувствительный удар в палец или в ту часть, которою коснешься ее. Вот как если б кто целый дом устроил полным сего вещества и потом всякую вещь в доме исполнил сим, так что вошедший, чего бы ни коснулся, из всего получал бы искру и удар, так Бог устроил Церковь: всю ее и все то, что есть в ней, исполнил благодати, так что ищущие чрез все церковное могут воспринять ее. Того слово обращает, другого — пение, того икона поражает, другого — священнодействие... тот великим чем поражается, а другой — малым; но во всех случаях действие одно: как удар какой исходит, поражает сердце, и оно становится с той минуты иным, приемлет как бы обручение какое или залог, вследствие которого, отрешась от мира, в Господе едином жить начинает. Итак, желаешь ли разрешиться от мира и с единым

Христом быти — искренно возжелай сего и, не жалея себя, начинай искать, ходя во всех чинах и учреждениях Святой Церкви, под сими, как бы сказать, облаками, содержащими благодатную воду, и найдешь. Придет минута, когда Бог отверзет очи твои, как за руку возьмет тебя из власти темной и представит в Царство Сына любви Своея.

Долго ли, коротко ли будет сие искание — не наше дело определять. Есть око, назирающее труд твой и ждущее с нетерпением, когда наконец ты взойдешь в то состояние, в котором полно можно воздействовать на тебя. Жди и благодушно терпи в трудах искания. Как во внешней природе — употребим то же сравнение — помянутое электричество не на всякое тело действует, но на те только, кои к тому предрасположены, так и в духовном мире, пока не вообразятся в духе нашем потребные расположения к приятию благодати, благодать не изливается в него, чтоб не быть изливною всуе. Главное препятствие, как я уже напоминал, — наша неискренность в отношении к познанной истине. Знаем, что мир несовместен со Христом, а между тем, намереваясь вступить в путь следования за Христом или уже и вступив в него, жалеем о некоторых вещах и пристрастиях и влечем их за собою, как бы наперекор непреложному определению Господа, что нельзя *Богу работать и*

*мамоне*¹. Господь видит сердце наше то в миролюбии, то в боголюбии, то есть полумирским и полухристианским, и не вверяет ему Себя и благодати Своей, как и хозяин, имеющий глаза, не станет вливать воды или другого чего в дырявый сосуд. Нет, надо совсем отрешиться от мира сердцем и быть чуждым в нем, хотя иногда нужда и заставляет внешне участвовать в делах его. Этого отвращения и ждет Господь, и Сам же спешит его произвести в нас влиянием Своего Божественного призрения² в сердце, чтоб потом исполнить нас Собою. Но без нас не произведет его. Нам самим надо возжелать нелюбви и отвращения к миру и нудить себя к тому.

Царство Божие вот с чем можно сравнить! Вообразите себе обширную долину, полную разнообразной растительности. В середине — прекрасный дом, в коем князь красоты, ума, силы и богатств неописанных... От дома лучами расходятся дорожки, которые чем далее от дома, тем более перемешиваются и переплетаются между собою. Несмотря, однако ж, на сие переплетение, все они могут провести к дому, то есть не представляют путей заблудных. Но к последним пределам долины начинаются дорожки, кои переплетаются с дорожками чуждыми, ведущими не к дому, а в противоположную от него сторону, за

¹ Мф. 6, 24. — ² Любви, воспламенения. — *Ред.*

пределы сей блаженной царственной долины. По всем дорожкам ходит множество людей. Идут все к князю, который обещает тем, кои дойдут до него, вечное с собою ликование — в доме, обители и наслаждения коего неисчислимы. Князь видит всех идущих и все труды, какие каждый подымлет в шествии сем. Но его начинают видеть и ощущать только те, кои вступают на дорожки, не смешанные с чуждыми путями... и чем ближе подвигаются к дому, тем яснее видят князя; а наконец лик его так печатлется в них, что они всецело исчезают в нем, с ним как бы растворяются сознанием, себя забывая, ибо он есть весь сладость. Те же, кои ходят по смешанным дорожкам, знают, что есть князь, но не видят его, желают его, но не вкушают, ищут, но не обладают. К ним, напротив, доходят шумные ликования из враждебного князю царства и занимают их собою, и они, идя, попадают то на княжескую дорожку, то на вражескую и склоняются то к дому князя, то в противоположную сторону. Из них одни, походив тут немного, совсем сбиваются в область врага; другие, мало-помалу подвигаясь, переступают на несмешанные дорожки и устремляются к дому князя, третьи и ко врагу не хотят, и к дому не спешат, а положили, кажется, блуждать тут до конца жизни, сльвя княжескими и не принадлежа ему по видам своим. Те, кои, минуя дорожки смешанные, ступают на

несмешанные, в первый раз встречаются с светлыми очами князя, из коих влагается в сердце их ненасытный огонь рвения к поспешному шествию. Здесь прекращается обаятельное действие вражеских кликов...

Не нахожу нужным пространно толковать сие уподобление; оно должно быть понятно вам. Блаженны перешедшие смешанные пути! Это — совершенно отрешившиеся от мира. Окаянны ушедшие на противническую сторону! Это — совсем предавшиеся миру и врагу. Идущие же смешанными путями могут быть и блаженны, и окаянны. Блуждающие по сим дорожкам суть те, кои не совсем еще отрешились от мира и остаются здесь или потому, что проходят период отрешения, которое требует времени и не у всех совершается вдруг, или потому, что по лукавому саможалению не хотят окончательно расстаться с миром, а думают как-нибудь и миром наслаждаться, и Христовой части не лишиться. Последних ожидает жалкая участь тех, коим Господь угрожает судом: *ни тепл еси, ни хладен*¹. А первым надо сказать: что мешкать, гоняясь за призраками? Вступайте смелее в пути отрешения. Князь уже видит вас и желает вас. Минете сии смешанные пути — вступите в несмешанные. Там очи ваши встретятся с очами князя... Из них

¹ Ср.: Апок. 3, 15.

ниспадет огонь в сердце ваше и воспламенит его вседовольною любовью и рвением к шествию в дом его, не зная покоя и усталости...

И вот опять пришли мы к тому же, к чему и прошлый раз, то есть что надобно совсем отрешиться от мира и всего мирского, чтоб быть со Христом.

Начните же, братие, *также теши, да постигнете*¹. Господь да благословит начинание ваше и да благопоспешит вам в посильных трудах ваших! Аминь.

¹ Ср.: 1 Кор. 9, 24.

ГДЕ БОГ, ТАМ БЛАЖЕНСТВО

В КОМ БОГ ВОЦАРИТСЯ ВНУТРИ

*Н*щите прежде Царствия Божия и правды Его¹.

По указанию сей заповеди Божией и ныне хочу говорить вам о том же, именно — о всецелом устремлении сердца нашего ко Господу.

Хотя это предмет самый обыкновенный, ибо что обыкновеннее мысли: «Отрешись от всего и ищи единого Бога, в Коем полнота благ» — но как Он, может быть более чем другой какой, забывается, как забывается нередко мысль о солнце, столько для нас необходимым и нас непрерывно освещающем, то надлежит необходимость напоминать о Нем, и не только указывать, но и воспроизводить это солнце на духовном горизонте нашем. Что есть главное, от того и отрываться не должно сознание наше и сердце наше. А в чем сердце, о том сладко говорить и сладко

¹ Мф. 6, 33.

слушать, хотя бы то было непрестанно. Так не поскучайте.

Ищите прежде Царствия Божия. Ищите прежде... — то есть в ряду ваших забот и попечений на первом месте должно стоять искание Царствия Божия. Это должно быть главным нашим делом; все же прочее должно быть приделком, должно последовать за сим, как плод и придаток.

Что же такое Царствие Божие? Это есть царение Бога. Где сие Царство? Сие *Царствие Божие внутри вас есть*, — законополагает Господь¹. Значит, Царствие Божие есть парение Бога внутрь вас, и искание Царства Божия есть искание того, чтоб Бог воцарился внутри нас. Над чем? Над всем, что есть в нас, над нашими мыслями, желаниями, чувствами, намерениями, делами, — искание того, чтоб Бог сделался Царем нашего ума, сердца и воли... Бог есть Царь нашего ума, когда ум чрез покорность вере, усвоив себе все, сообщенное нам в святом откровении, о едином Боге думает и о всем сущем и бывающем судит по Богу. Бог есть Царь нашей воли и совести, когда, напечатлев в себе заповеди Божии и положив их себе в непреложный закон, мы ни в малом, ни в великом не позволяем себе отступать и на малую черту от сознаваемой воли

¹ Лк. 17, 21.

Божией. Бог есть Бог сердца нашего, когда, ощутив сладость Божественного, оно отвергает все земные сласти и, ни в чем земном не находя вкуса, все живет на небе, там, где и сокровище его.

Так бывает *внутри*. Но Царствие Божие от-внутри простирается и вовне... Ибо, когда совершится все сказанное внутри нас, тогда и все внешнее перестраивается по тому же духу и направлению; по тому же духу начинают действовать и язык, и глаза, и слух, и все другие чувства; тем же духом направляется тогда всякое движение вовне и всякое действие — наедине, в семействе, на должности, в обществе и во всех житейских отношениях...

Словом, тогда во всех проявлениях нашей жизни внутренней осязательным направителем бывает Бог, что и печатлеется во внимании всех, по слову Господа: *так да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех*¹.

Того, в ком Бог воцарился внутри, вы видите участвующим во всех делах, к каким обязывает его положение; но в них он только внешне; внутренно же он весь в Боге, от Коего и исходят для него манования на всякие дела и начинания, на число их, широту и образ совершения. В таких верно исполняется то, что заповедал апос-

¹ Мф. 5, 16.

тол: да имущи жены, якоже не имущи будут; и плачущися, якоже не плачущи; и радующися, якоже не радующеся; и купующи, яко не содержаще; и требующи мира сего, яко не требующе¹.

Так-то: кем взыскано Царствие Божие и обретоно, в том Бог бывает *всяческая во всем*²; так что как на небе почивает Он на Херувимах и Серафимах, так почивает и в нем на всех силах его духа, который и сам, растворившись в Нем сознанием и самодеятельностью, все, и внутренно и внешне, направляет к угождению Ему единому, возлюбив Его, как заповедано, всем сердцем, всею душою, всем помышлением и всею крепостию³.

К сей мысли приведу вам на память одно обстоятельство из ветхозаветной истории. В народе Божиим часто случалось так, что один, и два, и более цари, один после другого, восходили такие, кои, увлекшись обычаями язычников, заводили идолопоклонство и у себя. Тогда в большом количестве являлись идолы — на холмах, в рощах, на площадях города и даже в самом храме. Им служить тогда начинали, а служение Богу истинному было забываемо. Но когда потом Бог воздвигал в нем царя, по сердцу Своему, как,

¹ 1 Кор. 7, 29—31. — ² 1 Кор. 15, 28. — ³ Мк. 12, 30; Лк. 10, 27.

например, Иосафата, Езекию, Иосию и других, он первым делом своим поставлял очистить храм, град, все холмы и рощи и все царство от идолов. Нечестие прогонялось, воссиявало благочестие. Един Бог истинный был чтим и поклоняем в храме, и во граде, и в весях, и полях. Бог опять был видимо для всех Царь у них.

Подобное нечто совершается и в нас. Каждый из нас есть малое царство. Царь — мы сами, наше сознание и самодеятельность. Подданные — силы нашего существа, силы тела, души и духа. Святылище Божие в нас — сердце. Когда наш царь — сознание и свобода — отвергается от Бога и уклоняется к себе и тварям, тогда страстями и превратными склонностями, как идолами какими, наполняется все наше существо; всякая сила души и тела становится местом жречества особому идолу... Бог забыт. Мы служим тогда в теле, например сластолюбию, лености, похоти, сну, ругательству в плясках, гуляньях, театрах и проч., как язычники служили Венере, Бахусу и другим. В душе служим тщеславию, человекоугодию, зависти, гневу, ненависти, интересам страсти блистать, нравиться и проч., из коих всех слагается в нас идол самости и закоренелого эгоизма, то есть мы всесторонне идолопоклонствуем тогда и всеми силами своими служим богам иным. Мы в богозабвении, богоотвращении, боговраждовании. Но когда сретит, наконец, нас

милость Божия и пошлет Он нам дух страха и благоговеинства, — пробуждается тогда наш царь — сознание и свобода и, к Богу обратившись, ревностно начинает очищать царство свое от всех идолов, прогоняет страсти из всех сил своих и, вместо них напечатлевает соответственные добродетели, чтоб ими угождать Богу, положив наперед Ему единому служить до положения живота; тогда во святилище нашем качествует не самость, а самоотвержение и Богу преданность, а в душе и теле вместо страстей — святые плоды духа: смирение, кротость, воздержание, чистота, любовь, мир, долготерпение, трудолюбие и прочее, и все сие ради Бога, ради угождения Ему, в чувстве всесторонней зависимости от Него и обязательства совести, — все направляет по воле Его и во славу Его. Тогда восстанавливается в нас богомыслие, боголюбие, богопреданность, богопоклонение. Бог воцаряется в нас, все же богопротивное, богонеугодное — и малое и великое, внутри и вне — прогоняется и истребляется. Вот и воцарение Бога в нас!

Не подумал бы кто: «Все Божественное и все — Бог... и ничего стороннего... ничего от благ мира сего, нас окружающего... Как это тяжело, сухо, безотраднo!..» Напротив, тут-то и есть наше место, наш чин, наш рай, когда мы к Богу устремляемся и все направляем к угождению Ему единому. Ибо, когда сие бывает с

нашей стороны, тогда и Бог не сторонним зрителем бывает таких изменений внутри нас, но Сам снисходит к нам и сочетается с душою нашею. А где Бог, там блаженство. Как жених и невеста, любящие себя взаимно, так блаженны души, чрез посвящение себя Богу сочетавшиеся с Ним. Надобно только строго соблюдать условия сего сочетания и обязательства его. Апостол сказал: *я ревную о вас (верующих, новообращенных) ревностию Божиею, потому что я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистую девою*¹. Вам известны чувства невесты к жениху?! Таковые же чувства должны иметь и души наши ко Христу Господу. Невесте тогда и на мысль не приходит засматриваться на что-либо и на кого-либо, только и мыслей у нее, что о женихе, только и чувств, что к жениху. Так должны быть расположены и мы ко Господу. И мыслями одними уклонение к чему-либо, кроме Него, есть уже нарушение брачного с Ним союза, а не только чувствами и расположениями. *Господь Бог твой есть Бог ревнитель*, — говорит пророк². Как ревнив бывает муж или жених, так ревнив Бог относительно душ наших. Не может Он терпеть, когда мы приложим сердце свое к чему-либо, кроме Него. Но как жена или невеста, хотя со всеми по закону сожителства бывает в добрых

¹ 2 Кор. 11, 2. — ² Втор. 4, 24.

отношениях, сердцем, однако ж, предана жениху только или мужу, так и душа — пусть всем занимается, чем нельзя не заниматься по условиям жизни, но внутренним своим обращением вся должна быть устремлена к единому Богу. Жених или муж не разбирает, велико или мало лицо, к которому хочет склониться жена или невеста, но не терпит самого уклонения, кого бы оно ни касалось, так и Бог гневается на душу, к большим ли или к малым вещам питает она пристрастие. И все сие Он видит. Невеста от жениха еще может как-нибудь скрыть измену свою внутреннюю, а от Бога ничего скрыть нельзя. Все Он видит — и равнодушен бывает к изменам сердца нашего... а тогда же и наказание посылает — тем сначала, что тотчас же сокращает излишнее Своей щедротельности в душу, которая вместе с уклонением от Бога начинает испытывать омрачение в мыслях, смятение в желаниях, неустройство в чувствах... и это если малое бывает уклонение! Что же сказать о большом?! Тогда отходит Господь... оставляет душу... разводится с нею. Но когда не Господь сочетается с душою, то сами знаете — кто... Да избавит всех нас Господь от сего бедствия!

Так, братие, уже не в первый раз склоняю речь мою на то, что не частию какою, а всецело надо нам покориться Господу и предать себя Ему, чтоб вы, если не склонитесь на то, по крайней

мере мысленно, в душе своей, сказали: «Нельзя иначе, надо Господа взыскать и к Нему единому устремиться всем существом своим. Остается одно: или погибель, или так сделать. Нельзя *Богу работать и мамоне*¹. *Кто не со Мною есть, — сказал Господь, — тот на Меня есть; и кто не со Мною собирает — расточает*².

Не ужасайтесь! Одно содержите в мысли, что такого рода устройство жизни не есть насилие, а исход на свободу, не есть скорбность, а облаженствование, не есть лишение, а вступление в полноту благобытия. И, сие содержа в мысли, подвигайте себя соответственно тому на дело.

Господь да пошлет мужество сердцу вашему и крепость духу. Аминь.

¹ Мф. 6, 24. — ² Ср.: Лк. 11, 23.

ДВА ЦАРСТВА

О БЛАГОДАТНОМ ВЫБОРЕ

Прошлый раз слышали вы о Царствии Божием, которое внутрь нас есть¹. А вне нас разве его нет?! Есть оно и вне нас. Разверните святцы и читайте: ныне такого-то святого, завтра такого-то, послезавтра такого... и так далее всякий день имеет своего святого. В совокупности же тут помещены все, от века Богу угодившие, — праотцы, отцы, пророки, апостолы, святители, мученики и мученицы, преподобные отцы и преподобные матери, бессребреники, Христа ради юродивые. Сонм мног зело! Все они ликууют на небе, о нас молятся и нам помогают. Это одна часть Царствия Божия, которая вне нас, — Церковь первородных, на небесех написанных.

Нисходя оттоле на землю, видим, как под их благожелательным и молитвенным влиянием и здесь, в Церкви Божией, истинно верующие

¹ Лк. 17, 21.

возрождаются благодатию Божиею, зреют и восходят *в меру возраста исполнения Христова*¹, чтоб, пожив подобно им на земле, подобно им прославиться на небе. Вот из тех и других, небесных и земных в совокупности, составляется благодатное Царство Христово, Церковь спасаемых в Господе, предмет благословений Божиих и цель желания всех людей, понимающих истинно свое значение.

От сего блаженного видения Царства Божия оторвав внимание ваше, обозрите теперь происходящее вокруг вас, и увидите, что, в противоположность сему Царству Христову, стоит другое царство — царство князя века сего, слагающееся из всех миролюбцев и грехолюбцев, отшедших и живущих, воздвигнутое и поддерживаемое злорадною злобою исконного врага нашего, наперекор благосердому попечению о нас Господа, в обман, прельщение и пагубу нашу.

Вот два царства!

Все мы, живущие на земле, неизбежно состоим под влиянием обоих их и — то склоняемся к тому или другому, то стоим промежду их, как бы в нерешимости, к какой стороне пристать и куда склониться.

Вот что пришло мне ныне на мысль, и я понуждаюсь сказать вам, братие, всем вам извест-

¹Еф. 4, 13.

ный закон: *не любите мира, ни яже в мире*¹, *изыдите от среды миролюбцев и нечистотам их не прикасайтесь*².

Мне бы хотелось, однако ж, чтоб вы сами добровольно сделали такой благой выбор или поворот. Потому хочу показать вам противоположность характеристических черт Царства Христова и царства князя века сего. Не думаю, чтоб кто из вас не знал истины и спасительности первого, лжи и пагубности последнего. Но в предположении, как бы хлопотами или другим чем не были вытеснены мысли сии из головы вашей и сердца вашего, неизлишним считаю напомнить вам о том.

Во всяком царстве видятся царь, законы, преимущества, или обетования и награды, и конец, к которому оно приводит.

Все сии черты в Царстве Христовом определено ясны, несомненно верны и непреложны, а в царстве века сего — лживы, обманчивы, призрачны. Вот посмотрите сами!

Кто Царь в Царстве благодатном? Бог, в Святой Троице поклоняемый — Отец, Сын и Святой Дух, сотворивший мир и о всем промышляющий, Который, устроив нам спасение в Господе Иисусе Христе, властно наложил на всех последующих Ему заповеди и повеления Свои для

¹ 1 Ин. 2, 15. — ² 2 Кор. 6, 17.

собственного их блага; всем дает Себя знать, вкушать, духовно осязать; о всех милосердует и печется, всем помогает и всех удостоверяет: «Работай по воле Моей в вертограде Моем; Я все вижу и за все воздам тебе». И трудящиеся в Царстве Христовом определительно знают, Кому работают, и это дает им внутреннюю крепость и терпение в трудах. Они уверены, что трудятся пред лицом Господа всевидящего, многопомощного, многоутешительного, и радуются при всех тяготах и теснотах, в какие поставлена их усердная работа Господу. *Я стражду, говорит апостол, но не стыжуся. Вем бо, Ему же веровах, и известихся, то есть я уверен глубоко, яко силен есть предание мое сохранить в день он*¹.

В царстве князя века сего — в мире — совсем не то. Тут никто не знает, кто их царь. Если б самый отчаянный миролюбец сознал, что царь у него злобный и мрачный сатана, которому он раболепствует на свою собственную гибель, тотчас с ужасом устремился бы вон из его области. Но сие сокрыто есть от сынов века. Враг сокрыл мерзкий образ свой от взоров их. И миролюбцы раболепствуют, не зная кому. Вы поминутно слышите: «Того нельзя, другого нельзя... так должно... и так надобно...»;

¹2 Тим. 1, 12.

но спросите: «Почему? Кто велел?» — никто не скажет. Все стесняются и тяготятся заведенными у них порядками, даже осуждают и бранят их, но никто не посмеет отступить от них, боясь кого-то, — будто назирающего, готового взыскать, которого, однако ж, никто не может указать и определительно назвать. Мир — это совокупность лиц, работающих неведомому призраку своего воображения, хотя в действительности под ним хитро скрывается злобный сатана.

Какие законы в Царстве Христовом? Христос, истинный Бог наш, определительно сказал: «Делай так и так... и будешь Мне угоден, и спасешься. Отвергнись себя, будь нищ духом, кроток, миролюбив, терпелив, чист сердцем, люби правду, плачь о грехах, благоговеинствуй¹ предо Мною день и ночь, благожелательствуй и благотвори братьям своим... и все заповеди Мои верно исполняй, не жалея себя...» Видите, как все ясно и определено, и не только определено, но и запечатлено навсегда неприкосновенно неизменностию. Как написано, так будет до скончания века. Всякий вступающий в Царство Христово верно знает, что ему делать должно, не ожидает никаких изменений в законоположениях Царства, потому шествует путем его

¹ Благоговей. — *Ред.*

благонадежно и бодренно, в уверенности, что несомненно достигнет того, чего ищет.

Не то совсем в царстве князя века сего. Тут никак нельзя остановить мысль свою на чем-нибудь определенном. Дух миролюбцев еще вѣдом; это — дух самости, гордыни, интересанства¹ и всесторонней утешности и чувственности.

Но приложения сего духа — законы и правила мира — так шатки, неопределенны, изменчивы, что никто не может поручиться, чтоб завтра в мире не начали считать плохим, неодобрительным то, чем ныне восхищаются. Обычай мира текут, как вода, и правила его — для одежды, речей, встреч, соотношений, стояний, сидений и всего вообще — непостоянны, как движение воздуха... Ныне так... завтра, не знаешь откуда, налетит мода и все превратит. Мир есть сцена, на которой сатана издевается над бедным человечеством, заставляя его вертеться по мановениям своим, подобно обезьянам или куклам в народных комедиях, заставляя его считать чем-то ценным, важным, существенно необходимым то, что само по себе мелочно, ничтожно, пусто. И этим заняты все — и малые, и большие, не исключая и тех, которые и по происхождению, и по воспитанию, и по действительному своему положению могли бы, кажется, свое время и

¹ Интриг. — *Ред.*

труды употреблять на нечто лучшее, чем все сии призраки.

Какие преимущества и обетования Царства Христова? Господь и Бог наш говорит: «Работай Мне, и все тебе воздам. Всякое дело твое, и мысль твоя, и желания, и чувства, в угодность Мне тобою явленные и содержимые, не будут лишены награды своей. Чего другие не видят, Я вижу; что другие не ценят, Я ценю; за что другие, может быть, теснить тебя станут, Я Покровитель буду тебе; и за всякий труд твой готова тебе обитель вечная, она и создается трудами твоими». Так обетовал Господь, так и есть. И все вступающие в Царство Его испытывают делом верность обетований сих. Они вкушают уже блаженство от трудов, коими трудятся в заповедях Божиих, — блаженство смирения, кротости, правды, миролюбия, милости, терпения, чистоты и всякой другой добродетели. И сии добродетели, будучи производимы благодатию Божиею, соделывают сердце их сосудом Духа Божия, Который есть для них залог или обручение будущего наследия, несомненно чаемого, ради сих начатков его, усвояемых всякому, кто нелицемерно работает Господу.

Таковы ли обещания мира? Нисколько. Мир все обещает и ничего не дает. Манит, раздражив надежду, но в минуту, так сказать, вручения обещанного похищает его... потом, снова указывая

вдали, снова манит и снова у достигшего хищает из рук то, что, кажется, уже получено. Оттого в мире все гоняются за чем-то многообещающим, и никто ничего не получает; преследуют призраки, кои разливаются в воздухе в ту минуту, как они готовы схватить их. Миротлюбцы важничают, в пустой уверенности, что, действуя по-мирски, они заслуживают внимание мира; но мир или не видит их дел, или, видя, не признает цены их, или, признав цену, не воздает условного воздаяния. В мире все до одного суть обманутые и все еще себя обманывающие надеждами, для которых никакой не имеют опоры.

Еще коротко укажу одну черту.

Работающие Господу внешне невидны, нередко презираемы и гонимы, но внутренно всегда зреют в совершенствах духовных, которые в другом мире воссияют в них, как солнце, и дадут им соответственное себе место и блаженство. Работающие миру внешне видны, блестящи, нередко всевластны, но внутренно снедаются тугою, муками сердца и жгучими заботами. Ни минуты не имея покоя здесь, переходят они и туда на безотрадное вечное мучение, которого описать нельзя.

Такова судьба здесь и участь там живущих по духу Христову и по духу мира. Вот характеристические черты двух царств! Не предлагаю вам — выбирайте... потому что только тот, кто

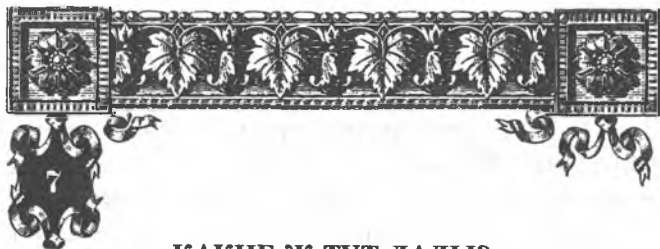
всякий смысл потерял, может колебаться в выборе. И однако ж, царство века сего существует и никогда не бывает пусто, а ведь оно все слагается из нас. Что же это за диво? Ум ли наш по временам или с некоторых сторон бывает не очень умен, или дух мира, нас окружающий, так быстро действует, что омрачает прежде, чем успеем сообразить что-либо, одним взором привлекая и поглощая добычу, подобно ядовитым некоторым змеям? Но то верно, что многие и из христиан льнут к миру и мир не может жаловаться на редкость рядов в поклонниках своих...

Но, братие, как бы ни был обаятелен мир, в этом нет оправдания увлекающимся. *Если б, говорит Господь, Я не приходил и не говорил, вы не имели бы греха. Ныне же, то есть когда Он все разъяснил, нет вам никакого извинения*¹. Зачем это так сильно внушается и так часто повторяется в слове Божиим: *любь мира... вражда Богу есть*²; *не любите мира, ни того, что в мире*³; *изыдите из среды его и нечистоте его не прикасайтесь*⁴; *отбросьте лукавство от душ ваших, и живы будете*⁵ и подобное? Затем, чтоб те, коих касается сие, взяли за разум, опомнились от опьяняющего миролюбия и, отрезвясь, взяли

¹ Ин. 15, 22. — ² Иак. 4, 4. — ³ 1 Ин. 2, 15. — ⁴ 2 Кор. 6, 17. — ⁵ Рим. 8, 13.

себя в руки и направили от того, что есть при-
зрак и обман пагубный, к тому, что есть суще-
ственность спасительная, — твердыми шагами
вступив на верный путь вслед столь великого
сонма мужей и жен, просиявших добродетелями
на земле и возвеличенных славою на небе.

Милостивый Господь, молитвами всех святых
Своих, да дарует возникнуть от дьявольской се-
ти всем, кои испытывают несчастье быть живы
уловленными от него в свою его волю, и всех да
переведет из тьмы сей в чудный Свой свет и из
области сатаны к Богу. Аминь.

КАКИЕ Ж ТУТ ЛАДЫ?

ЧТО ГОСПОДЬ И АПОСТОЛЫ ЕГО ГОВОРЯТ О МИРЕ

Несколько уже раз говорил я вам против мира и привязанности к нему. Не думаю, чтоб я надокучил вам тем, по уверенности моей в любви вашей к истине и готовности внимать ей, как бы она горька ни была. Но приходит на мысль, не почитаете ли вы строгих приговоров на мир моим личным мнением о мире и миролюбии? Не думаете ли, что мир не так противоположен Христу и жизнь мирская — жизни христианской, чтоб их не было возможности соединить и, живя по-мирски, жить вместе и по-христиански? По крайней мере, ныне в ходу то мнение, что строгое отчуждение от мира и всего мирского есть принадлежность недалекой простоты или неразумной ревности и мрачной меланхолии и что, напротив, достоинство нынешнего века и просвещения в том именно и состоит, что ныне умеют совместить христианство с миролюбием, с жалостью смотря на этих

бедных недоумков, кои в видах спасения и богоугодия лишают себя тех или других благ и утех мира.

Не берусь вступать в спор с такими мудрователями. И ныне я положил — ни слова не говорить от себя, а собрать только в едино все сказанное в слове Божиим против мира и миролюбия. К себе обратясь, каждый в совести своей, конечно, найдет строгое внушение беспрекословно внимать тому, что заповедует Господь наперекор всем ходячим мнениям и всем возникающим из нашего сердца противочувствиям и противлениям. Что ясно и определенно говорит Господь и святые Его апостолы, то закон для нас.

Послушайте, что говорит о мире Господь и святые Его апостолы, и перестаньте суемудрствовать.

Как говорит о мире Господь? Но вы наперед знаете, что Господь, Который был столько снисходителен к грешникам и немощным, Который взял все грехи наши на Себя, Который иго Свое назвал благим и укорял учителей иудейских за то, что они обременяли людей излишними строгостями, — такой Господь, конечно, не стал бы налагать на Своих последователей тяжесть отчуждения от мира, если б можно было миролюбие совместить с последованием Ему. И однако ж, смотрите, как говорит Он.

В каком отношении поставляет Себя Спаситель к миру? *Я*, говорит, *не от мира сего*, и это слово повторяет несколько раз¹. *Я не от мира сего, и Царство Мое несть от мира сего*². Царство Христово устроится в мире же и из людей мира, но на развалинах царства князя мира. Почему Господь говорит: *Я с неба сошел связать крепкаго, разрушить дела диавола!*³ Как это совершенно крестною смертию, то пред страданием вот какой произнес Он приговор миру: *ныне суд есть миру сему; ныне князь мира сего изгнан будет вон*⁴. Видите, какая противоположность! Как же хотите вы, угождая миру, быть со Христом? *Кое общение свету ко тме; кое же согласие Христови с велиаром?*⁵

Может быть, впрочем, Господь так строг к миру Сам в Своем Лице? Но не сделал ли Он какого послабления в сем для учеников Своих, коим неизбежно быть в мире и жить среди миролюбцев? Никакого. И *они*, говорит, *не от мира, как и Я не от мира*⁶. Посему, утешая их, в другом месте прибавляет: *аще мир вас ненавидит, ведите, яко Мене прежде вас возненавиде. Аще от мира бысте были, мир убо свое любил бы: якоже от мира несте, но Аз избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир*⁷. Как же вы

¹ Ин. 8, 23; 17, 14—16. — ² Ин. 8, 23; 18, 36. — ³ Ср.: Ин. 6, 38; Мк. 3, 27; 1 Ин. 3, 8. — ⁴ Ин. 12, 31. — ⁵ 2 Кор. 6, 14—15. — ⁶ Ин. 17, 14. — ⁷ Ин. 15, 18—19.

хотите и Христу принадлежать, и быть в мире с миром?

Не обетовал ли Господь, по крайней мере, в будущем какого-либо мира с миром? Не дожили ли мы до сего счастливого времени и не можем ли, спокойно миролюбствуя, думать, что угождаем Господу и душу свою спасаем? Нет, не это обетовано. Я, говорит, *пошлю вам Духа такого, Котораго мир не может принять*¹, то есть Духа, совершенно противоположного духу мира. *И пришед Он обличит мир о гресе и о правде и о суде*². Почему постоянное и всегдашнее враждование будет между вами и миром, вследствие коего *в мире скорбни будете; но дерзайте, яко Аз победих мир*³. Как же это вы хотите жить в мире с миром и принадлежать Господу, когда Дух Господень, поданный последователям Его, никак не может быть мирен с миром?

Итак, видите, что в учении Господа никакого нет снисхождения к миру.

Наперед можете быть уверены, что никакого снисхождения к нему не встретите вы и в речах святых апостолов. Возьмите дышавшего любовью Иоанна и просиявшего правдою праведного Иакова. Что говорят они? И тот, и другой в одно слово говорят: *не любите мира. Не любите мира*, говорит апостол Иоанн, *ни, яже в мире.*

¹ Ср.: Ин. 14, 16—17. — ² Ин. 16, 8. — ³ Ин. 16, 33.

*Аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем; яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит, и похоть его; а творяй волю Божию пребывает во веки*¹. Не весте ли, говорит апостол Иаков, яко любви мира сего вражда Богу есть? Иже бо восхощет друг быти миру, враг Божий бывает. Как это страшно! Или мните, продолжает он далее, яко всуе Писание глаголет: к зависти желает Дух, иже вселился в ны?² То есть Сей Дух так ревнив, что никак не может попустить, чтоб мы хотя сколько-нибудь принадлежали миру, требует всецелой преданности Господу.

Смотрите далее, что говорят другие апостолы: *мы же не духа мира сего прияхом, но Духа, Иже от Бога*³. Прежде, то есть когда не были христианами, мы были поработочены под стихиями мира⁴ и ходили по веку мира сего⁵, по преданию человеческому⁶, то есть по обычаям мирским. Ныне же, то есть принявши Христа, *умросте со Христом от стихий мира*⁷, ныне мир вам распялся и вы миру⁸, то есть он для вас мертв, и вы должны быть мертвы для него. Посему блюдите себя нескверными от мира⁹, *убегайте от скверн мирских*¹⁰ и яже в мире похотныя

¹ 1 Ин. 2, 15—17. — ² Иак. 4, 4—5. — ³ 1 Кор. 2, 12. —
⁴ Ср.: Гал. 4, 3. — ⁵ Еф. 2, 2. — ⁶ Кол. 2, 8. — ⁷ Кол. 2, 20. —
⁸ Гал. 6, 14. — ⁹ Ср.: Иак. 1, 27. — ¹⁰ Ср.: 2 Пет. 2, 20.

тли¹; и, отвергшись нечестия и мирских похотей, целомудренно и праведно и благочестно живите в нынешнем веце². Мир весь во зле лежит³ и ненавидит добро истинное, посему не дивитесь, что ненавидит вас мир⁴. Благодушествуйте паче, приемля благодать, по коей всяк рожденный от Бога побеждает мир: и сия есть победа, победившая мир, вера наша. Кто есть побеждаяй мир, токмо веруяй, яко Иисус есть Сын Божий⁵, то есть вера Христова так тесно соединена с победою мира, что, где она, там мира нет, — он побежден... и, следовательно, наоборот: где мир есть, там нет веры, нет Христа и христианства.

Вот и апостолы никакой пощады не оказывают миру! Ни Господь, ни апостолы... Чьи же суть ученики те, кои хотят совместить миролюбие с христоролюбием, кои так учат и так хотят жить? Я вам скажу, чьи, — и скажу словами апостольскими. Апостол Иоанн говорит: *искушайте духи*, потому что много лжепророков вошло в мир... Они от мира суть: сего ради от мира глаголют, и мир тех послушает⁶, то есть эти лжепророки — лжеучители — защищают мир, потому что сами от мира же суть, а не от Христа. Стало, и слушающие их, и последующие им не Христовы суть, а суть тоже от мира. И не сбы-

¹ 2 Пет. 1, 4. — ² Ср.: Тит. 2, 12. — ³ 1 Ин. 5, 19. — ⁴ 1 Ин. 3, 13. — ⁵ 1 Ин. 5, 4—5. — ⁶ Ср.: 1 Ин. 4, 1, 5.

вается ли среди нас то, что предрекал апостол Павел: *будет бо время, егда здраваго учения не послушают, но по своих похотех изберут себе учителя, чешем слухом: и от истины слух отвратят, и к баснем уклонятся?*¹ Видите, какой строгий приговор не только на мир, но и на защитников миролюбия!

Так пусть себе кто хочет ухищряется миролюбовствовать с ложною надеждою не стать чрез то в противление духу Христову! Вы же не увлекайтесь — и не подражайте таковым! Одно намерение о сем злоухищрении обличает отсутствие духа Христова — обличителя мира. Уместно ли нам думать о союзе мира со Христом, когда, с первых дней явления Спасителя в мир, мир восстал на него и властью, и хитростию, и злобою? Не внушается ли тем, чтоб христиане и думать не думали жить в ладах с миром, который так враждует на Господа их? Так всегда и было. После Господа и святых апостолов все истинно веровавшие и работавшие Господу шли наперекор миру и духу его и за то сами были целию стрел от лица мира — терпели и гонимы были. *Да и вси хотящии благочестно жити в мире гоними будут*². Какие же тут лады?!

Теперь, полагаю, все вы согласитесь, что, не одобряя мира, я не свое частное мнение изла-

¹ 2 Тим. 4, 3—4. — ² 2 Тим. 3, 12.

гал вам. Господь и святые апостолы ясными и определенными словами, не допускающими никакого перетолкования, осудили его. *Кто от Бога, послушает нас*, говорит святой Иоанн Богослов¹. После сего нечего нам расходиться в суждениях о мире. Разве, может быть, у нас не сходны понятия о самом мире?! В самом деле, разно можно понимать мир, и не дивно, что между сими понятиями найдутся такие, по коим жизнь мирская не покажется там решительно противоположною духу Христову... В таком случае иной может сказать: «И я знаю, что мир противен Христу и что верующий должен отвергнуть его; но то, что ты называешь миром, я не считаю принадлежащим миру. Скажи мне: что такое тот мир, который осужден Господом и святыми апостолами, в коем живущие гибнут и от коего отрещись должны все, желающие спастись и Богу угодить?»

Вопрос, как видите, самый естественный, но не простой, и ответить на него нельзя одним словом. Я постараюсь это сделать в другой раз; а между тем и вас самих приглашаю порассудить о том. В самом деле, может быть, достаточно с точностию определить, что такое мир и мирское, чтоб отвратиться от них, и что если то или другое допускается в жизни, то потому только, что не считается мирским.

¹ Ср.: 1 Ин. 4, 6.

Возьмите же на себя немного труда — уяснить сие. В благоприятное время и я приду к вам на помощь с моим словом, чтоб совместно нам преуспевать в познании истины христианства, во спасение наше и славу Бога, в Троице поклоняемого. Аминь.

ПРИБАВЛЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ МИР, ПО СЛОВУ СВЯТОГО ИСААКА СИРИАНИНА

В конце последнего слова предложен вопрос: **что такое мир?** — оставленный без решения. Желающим иметь решение его предлагается то, что говорит о сем святой Исаак Сирианин.

Когда слышим об удалении от мира, об оставлении мира, о чистоте от всего, что в мире, тогда нужно тебе сначала понять и узнать, по понятиям не простонародным, но чисто разумным, что значит самое наименование **мир**, из каких различий составляется это имя, и ты в состоянии будешь узнать о душе своей: сколько далека она от мира и что примешано к ней от мира.

Слово **мир** есть имя собирательное, обнимающее собою перечисленные нами страсти. Если человек не узнал прежде, что такое мир, то не достигнет он до познания, какими членами далек от мира и какими связан с ним. Много есть

таких, которые двумя или тремя членами отрешились от мира и отказались от общения ими с миром и подумали о себе, что стали они чуждыми миру в житии своем, потому что не уразумели и не усмотрели премудро, что двумя только членами умерли они миру, прочие же их члены в теле живут миру. Впрочем, не возмogli они сознать в себе и страстей своих; и как не сознали их, то не позаботились и об их уврачевании.

По умозрительному исследованию **миром** называется и состав собирательного имени, объемлющего собою отдельно взятые страсти. И когда вообще хотим наименовать страсти, называем их миром, а когда хотим различать их по различию наименований их, называем их страстями. Страсти же суть части преемственного течения мира; и где прекращаются страсти, там мир стал в своей преемственности. И страсти суть следующие: приверженность к богатству, к тому, чтобы собирать какие-либо вещи; телесное наслаждение, от которого происходит страсть супружества; желание чести, от которого истекает зависть; желание распоряжаться начальственно; надмение благолепием власти; желание наряжаться и нравиться; искание человеческой славы, которая бывает причиною злопамятства; страх за тело.

Где страсти сии прекращают свое течение, там мир умер; и в какой мере недостает там некото-

рых из сих частей, в такой мере мир остается вне, не действуя теми частями состава своего; как и о святых сказал некто, что, будучи еще живы, стали они мертвы, потому что, живя во плоти, жили не по плоти. И ты смотри, какими из сих частей живешь; тогда узнаешь, какими частями ты живешь и какими умер миру. Когда дознаешь, что такое мир, тогда из различия всего этого дознаешь и то, чем связан ты с миром и чем отрешился от него.

И скажу короче: мир есть плотское житие и мудрование плоти. По тому самому, что человек исхитил себя из этого, познается, что исшел он из мира. И отчуждение от мира познается по сим двум признакам: по превосходнейшему житию и по отличию понятий самого ума.

ПЯТЬ ПОУЧЕНИЙ
О ПУТИ К СПАСЕНИЮ

ЧТО СОТВОРИВ, ЖИВОТ ВЕЧНЫЙ НАСЛЕДУЕМ?

О ПУТИ КО СПАСЕНИЮ. УКАЗАНИЕ СЕГО ПУТИ СОДЕРЖИТСЯ В СВЯТОМ ЕВАНГЕЛИИ И В ЦЕРКВИ БОЖИЕЙ. ХРИСТИАНСТВО — ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ. КТО СЕРДЕЧНО ПРИЕМЛЕТ И УСЕРДНО ИСПОЛНЯЕТ ВСЕ, ЧТО ЗАПОВЕДУЕТ СВЯТАЯ ЦЕРКОВЬ, ТОТ НЕ ВНЕ ПУТИ СПАСИТЕЛЬНОГО. ЧТО ЖЕ ИМЕННО НУЖНО ДЕЛАТЬ, ЧТОБ СПАСТИСЬ?

*чителю, что сотворив живот вечный наследую?*¹

Так некогда вопрошал Господа один законник! И тот вопрошал Господа, искушая Его, как бы любопытствуя только, что скажет Учитель, ибо сам знал, какой надо сделать на это ответ. Но можно вопрошать о пути ко спасению и не из пустого любопытства, а по искреннему желанию получить на него прямой ответ — неведомый или забытый, вопрошать по кровной нужде, потому что душа болит и сердце томится недоумениями — что сотворив, живот вечный наследуем?

¹ Лк. 10, 25.

Такое томительное недоумение тем естественнее, чем неопределеннее сфера мыслей, окружающая вопрошающих, и чем более разномыслия встречаются они в талантах и речах человеческих. И не в таком ли положении находимся мы ныне? Осмотритесь кругом, и увидите, что и те, кои от нас, не одно говорят. Иной, например, говорит: молись — и спасет Господь; другой: плачь, сокрушайся — и Бог не уничтожит; третий: твори милостыню — и та покроет множество грехов; тот: постись и приметайся к дому Божию; а сей: брось все, и удались бегая, и водворися в пустыню. Вот сколько разных ответов у наших! — И это все истины, правила спасительные, с которыми неизбежно встретиться на пути спасения. Что же касается до тех, кои считают себя сущими от нас, но перестали уже быть нашими — разумею христиан, увлекшихся духом века и суетудрия, — до тех, которые, присвоив себе несколько здравых понятий, заимствованных в христианстве, и возмечтав о себе много, оставили нас и сердцем отделились от Христа Господа, хотя языком исповедуют еще Его, — что до них касается, то между ними еще более самого грустного и болезненного разномыслия, уклонившегося от пути истины и блуждающего на распутиях лжи. Не случилось ли и самим вам или слышать при разговоре, или читать в книге, как иные умствуют о порядке вещей, коему надлежало бы быть

по их уму, вместо того, который теперь есть? О спасении души здесь и помину нет. Блаженство вечное, если оно допускается, считается уже как бы обладаемым, по каким-то правам человечества, и вся забота обращена на то, как бы, в придаток к тому, усладить и земную жизнь и превратить ее из горестной в райскую. — В сем духе иной возглашает: не верь ничему, кроме ума твоего, следуй влечениям природы твоей, будь независим, живи в свое удовольствие и не позволяй чужой руке лежать на выи¹ твоей — и будешь счастлив; другой проповедует: где не распложают общественных увеселений, театров и тому подобного — там и жизнь не жизнь. Там слышится: прямою дорогою идти нельзя, нужно уменье жить — уменье так вести дела, чтоб не терять своего интереса и не дать другим подметить своих планов, намерений и чувств (это у них называется благоразумием); здесь говорится, что если не защищать своей чести и достоинства, то пропадешь. Замечаете ли, какое все это мрачное мудрование! И, однако ж, оно составляет, можно сказать, основание обычаев света и его можно встретить свободно ходящим и в простой беседе, и в большом собрании, и в книге печатной не одной. Вообразите же теперь, что должно произойти в уме и сердце вашего знако-

¹ На шее. — *Ред.*

мого, а иногда, может быть, вашей дочери и вашего сына, когда в одном, другом, третьем месте встретят их подобные речи, когда в одной книге вычитают они такие мысли, в другой и третьей еще хуже, — и это не один день или месяц, а целые годы, — когда притом вокруг себя они видят обычаи, напитанные тем же духом, а тут в своем сердце, искушаемом соблазнами, возникают прихотливые помыслы, колеблющие доброе настроение, — вообразите, что все сии разносторонние впечатления — за один раз — соберутся в юную, да и не в юную, может быть, душу, — что тогда должно восчувствовать сердце, особенно сердце, еще не забывшее Господа и дорожащее словом истины, исшедшим из уст Божественных? Я слышу из глубины сего сердца исходящий вопль, подобный воплю апостолов, уstraшенных бурей, и Петра, начавшего утопать: «Господи! спаси мя, погибаю, Господи! что сотворю, да спасуся?» Матери и отцы! слышите ли вы этот вопль?

Не подумайте, что я увлекся. Нет! Я намеренно хотел выяснить, как естественно, особенно ныне, вопрошать о пути ко спасению, или о пути в Царствие Небесное. И я уверен, что если бы здесь, среди нас, стал сейчас Господь, то все, ищущие прочного добра и видящие, как нынешний дух, нынешнее учение, нынешние порядки разноречат друг с другом, все эти в один голос

обратились бы к Господу прежде всего с вопросом: «Господи! что сотворим, да живот вечный наследуем? что сотворим, да спасемся?» Но, братие, Господь *вчера и днесь Той же и во веки*¹. Тогда иудею Он велел искать ответа в законе: *в законе что писано, — како чтешу?*² Ныне христианину он повелел бы без сомнения обратиться к Святому Евангелию — вообще к новозаветному учению или к Церкви Божией, и спросил бы его: что здесь содержится, как разумеешь? Очевидно, что Господь, обратив внимание иудея на закон, хотел внушить ему: нечего тебе и спрашивать; путь спасения прописан в законе: твори тако, и спасешься. На то и закон дан, чтоб вести тебя ко спасению. Подобное сему должно сказать и христианам, колеблемым навеянными на них недоумениями: нечего вам спрашивать! Христианство и есть единственный путь ко спасению. Будьте истинными христианами, и спасетесь. На что же Святая Церковь, на что догматы и заповеди, на что святыя таинства, наши посты, бдения, молитвы, освящения и проч.? Все это, или все, содержимое Святою Церковью, и есть верный путь ко спасению. Кто сердечно примет и усердно исполняет все, что заповедует Святая Церковь, тот не вне пути спасительного. Посему, если есть это в нас, то нам не совоп-

¹ Евр. 13, 8. — ² Лк. 10, 26.

росничать место, а славословить; не искать, где спасение, а принимать его готовое, нам предлагающее или нас объемлющее; всею крепостию воздавать славу, честь и поклонение Господу, спасающему нас во Святой Своей Церкви. Что то есть должны мы творить? — Свято чтить и неуклонно ходить во всех учениях, уставах и постановлениях Святой Церкви, не слушая никаких пустых умствований новомодной философии, которая стремится все разорить, ничего не созидая.

Думаю, что в вашем уме все еще остается неопределенным, — что же именно нужно делать, чтоб спастись? Ныне я отвечу вам на это в нескольких словах: веруйте во все, во что веровать повелевает Святая Церковь, и, приемля благодатные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия, молитвования и учреждения Святой Церкви, идите неуклонно путем заповедей, возвещенных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей, — и спасетесь. Подробное же раскрытие сего отложу до другого времени и заключу слово мое молитвою, чтоб Господь даровал вам свет и разум, да познаете Его и ясно уразумеете путь спасения, принесенный Им на землю, и утвержденный в Церкви, и столько уже святых людей приведший в рай, — чтоб и вам всем не лишенным быть сего благого чаяния. Аминь.

НЕОТЪЕМЛЕМОЕ УСЛОВИЕ СПАСЕНИЯ

ЧТО НАДО ЗНАТЬ ХРИСТИАНИНУ, ЖЕЛАЮЩЕМУ ДОСТИГНУТЬ ЖИВОТА ВЕЧНОГО? УЗНАЙ ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЕ И СОДЕРЖИ ЕГО ВСЕМ СЕРДЦЕМ — И БУДЕШЬ ВИДЕТЬ ПУТЬ В ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ. В ТАИНСТВАХ ЦЕРКВИ ГОСПОДЬ ДАЕТ СИЛУ, НУЖНУЮ НА ПУТИ КО СПАСЕНИЮ. КАК ИЗБЕЖАТЬ ПРИМАНОК, УВЛЕЧЕНИЙ И РАССТАВЛЕННЫХ СЕТЕЙ НА ЭТОМ ПУТИ?

От прошедшей беседы осталось за нами объяснение одного, довольно важного положения. Мы говорили вам, что и ныне, при великом разномыслии окружающих нас людей, естественно спросить: «Господи! что сотворив, живот вечный наследуем? Господи! что сотворим, да спасемся?» Мы сказали также, что такой вопрос излишен для христианина, живущего в недрах Христовой Церкви, по духу христианства; потому что христианство-то и есть единственный, Богом на земле проложенный путь в вечное Царство, или путь ко спасению. Идущему по сему спасительному пути — что и спрашивать о пути ко спасению? — Будь истинным

христианином — и будешь в раю; будь истинным христианином — и спасешься.

Но, может быть, не для всякого ясно, что значит быть истинным христианином, или что именно в христианстве предлагается как неотъемлемое условие спасения и, вместе, как решительный признак того, что кто-нибудь идет в живот вечный, а не в пагубу. Объяснение сего-то пункта и осталось за нами. Тогда мы ответили на это общим положением, — ныне разъясним то подробнее, взяв в руководство сравнение пути ко спасению с обыкновенным путем.

Собирающемуся идти в путь, чтоб благополучно совершить свое путешествие, надобно знать сей путь, знать направление его и долготу, равно как и все, могущее встретиться на его протяжении, а при самом шествии надо видеть и его, и то, чем он окружен. Так и христианину, желающему достигнуть живота вечного, надобно знать и ведущий к нему путь, и все, ему соприкосновенное, все, что и выше его, и окрест, и впереди его; надобно осветить умственную атмосферу собрания здравых понятий о всем сущем и бывающем; надобно знать: что есть Бог? что мир сей, как он стоит и куда ведется? что мы, зачем мы здесь и что ожидает нас за гробом? как нам должно держать себя в отношении ко всему окружающему, к верховному Существо — Богу, к братьям нашим — человекам, и к миру невидимому —

Ангелам и святым. Знающий все сие шествует при свете, а не знающий сего сидит во тьме и, если б вздумал идти, поткнется, потому что тьма ослепляет очи его. И только христианство разгоняет тьму сию, давая на все сие верные ответы в своем учении. Оно учит, что Бог, в Троице поклоняемый, — Отец, Сын и Святой Дух, сотворив все единым словом Своим, все содержит глаголом силы Своея и все ведет к Своему предназначению, паче же блюдет человека, и падшего — преестественно¹ восстанавливает в Христе Спасителе, вразумляя его откровениями и руководя заповедями, определяющими все его обязательные отношения и составляющими собственно путь, коим следует идти. Совокупность всех сих понятий и есть свет, указующий нам путь и освещающий его. Итак, узнай православное учение христианское, и содержи его всем сердцем, и будешь видеть путь в Царствие, и все, окружающее сей путь, и все, могущее встретиться в продолжение его. — Это первое.

Но пусть и знает кто путь, и путь сей освещен, — что пользы в сем знании, если нет сил идти по нему? Больной, расслабленный, безногий, лежа при пути, по которому необходимо идти, и так необходимо, что если не пойдет, погибнет, — будет только больше сокрушаться от того, что

¹ Чудесно. — *Ред.*

знает и видит сей путь. В таком бы положении были и мы, если б Господь, просветив нас светом ведения, не дал нам сил идти по указанию сего света; ибо сами собою мы не можем идти, не имеем сил, мы расслаблены, разбиты. — Но не смущайтесь! *Все Божественные силы, яже к животу и благочестию*¹ — заготовлены уже нам Господом, призвавшим нас *в чудный Свой свет*², и всякому верующему подаются в святых таинствах Церкви, подаются независтно³, в таком обилии, сколько кто желает и может вместить. Крещение возрождает, миропомазание укрепляет, святое причащение преискреннейше соединяет с Господом Иисусом Христом, святое покаяние восстанавливает падшего, который падает снова по крещении, и проч. Всякое таинство дает особую Божественную силу, нужную человеку на пути в Царство Небесное... Итак, зная содержимые Церковию таинства, бывай сколько можно чаще причастником их, с верою и по всему чину, установленному в Святой Божией Церкви, — и силы Божественные, нужные к совершению пути в Царство Небесное, никогда не оскудеют в тебе. — Это второе.

Но на пути могут ослабевать и истощаться силы, могут встречаться приманки и увлечения. —

¹ 2 Пет. 1, 3. — ² 1 Пет. 2, 9. — ³ В целости, в полноте. — Ред.

От первого должно прекратиться шествие; от второго — принять ложное направление; конец же того и другого — пагуба. Как же быть? Надо обновлять силы и отрывать¹ приманки и увлечения. — Что нужно для этого? Одно: неуклонно исполнять все постановления Церкви и все чины ее — священнодейственные, молитвенные и освятительные. И вот почему! — В святых таинствах мы приемлем благодать Святого Духа, как искру Божественную, ниспадающую в наше естество. Как для того, чтоб искра, павшая в вещество, превратилась в пламень, необходим воздух и движение сего воздуха, так необходима своего рода атмосфера и движение сей атмосферы и для того, чтоб искра Божественной благодати, принятая нами в таинствах, проникла в наше естество и превратилась в пламень; сию атмосферу и составляет наша церковность — все чины священнодействий, молитв и последований Церкви, окружающих человека во всех положениях; а движение сей атмосферы есть непрестанное последование священнодействий Церкви одних за другими и непрерывное участие человека то в одном, то в другом. Здесь разумеются дневные службы: вечерня, утреня, литургия, праздники церковные, крестные ходы, молитвования на разные случаи — в домах и церквях, путеше-

¹ Отвергать, отметать. — *Ред.*

ствие ко святым местам, паче же всего святые посты с говением и причащением Святых Таин. Чем кто усерднее участвует во всех сих чинов-последованиях, тем сильнее и сильнее будет разгораться в нем искра благодати, пока не превратится в пламень, поглощающий весь состав его — душевный и телесный. Кто будет так действовать, у того никогда не истощатся силы, тот никогда не потеряет бодрости на пути и не впадет в беспечность. Этот же способ дарован нам и для того, чтоб отрывать от себя приманки и развлечения мира. Кто живет по уставу Церкви, тот, как за оградой спрятавшийся, не боится соблазнов его. Церковность есть как бы отпевание и отчитывание от омрачения, производимого дыханием мирского духа. Коснется ли кого эта зараза — беги в церковь, и все отойдет, или будь неуклонно верен указаниям Церкви, и мир не найдет случая прирастись¹ к тебе; ибо все, что есть в мире, есть и у нас в Церкви, только в чистейшем и Божественнейшем виде... Там гулянья — у нас святые праздники, там балы — у нас церковные служения, там театры — у нас Божественные священнодействия. Сравнивай всякий, что лучше, — и не увлекайся пустою приманкою и не оставляй — ради ее — существенного, плодотворного и питательного. И так живи

¹ Здесь: прилепиться, присоединиться. — *Ред.*

по-церковному, и будешь жить, как в духовной атмосфере и ограде, и силы твои никогда не ослабеют в тебе к продолжению пути, и никакие приманки не увлекут тебя на распутья. — Это третье.

Чтоб не утомить вас, коротко скажу вам четвертое.

Могут на пути встретиться препятствия, которых не догадаешься, как преодолеть; могут быть расставлены сети, которых не сумеешь миновать; могут быть сочетания стезей, при которых не сообразишь, куда идти; может набежать облако, которое скроет совсем путь и устроит громом и молниями, — к кому тогда обратиться? Как быть? Кто поможет во всех таких случаях? Ангелы с неба? Но они являются только в чрезвычайных обстоятельствах, оставляя обычное течение дел существующему у нас порядку. Так кто же поможет? Пастыри — отцы духовные, которые и даны Церкви, по апостолу, для того, чтоб не допускать христиан вляяться¹ недоумениями и вести всех неуклонно по пути в живот вечный, научая каждого приходить *в меру возраста исполнения Христова*². Так, будь покорен руководству отцов духовных, и избежишь распутьй и преткновений на пути в Царствие Небесное, и скоро и безбедно притечешь к вратам рая.

¹ Волноваться. — *Ред.* — ² Еф. 4, 13.

Вот все, что предлагает нам христианство о пути спасения! 1) Знать и содержать учение христианское, которым сообщаются здравые понятия о всем сущем и указывается самый путь в Царствие — в заповедях; 2) быть под действием святых таинств Церкви, чрез которые даруются силы, *яже к животу и благочестию*¹; 3) участвовать во всех священнодействиях, молитвованиях и чинопоследованиях Церкви, как положено уставом, чтоб тем возгревать в себе искру благодати Божией и отрывать обаяния мира; 4) вверяться руководству законных пастырей и духовных отцов и повиноваться их руководительным указаниям.

Итак, узнайте и сердцем содержите все, чему учит Святая Церковь и, приемля благодатные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия Церкви, идите неуклонно путем заповедей, прописанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей, и несомненно достигнете Царствия Небесного и спасетесь. Аминь.

¹ 2 Пет. 1, 3.

СПАСЕНИЕ СОДЕВАЕТСЯ В СОВОКУПНОСТИ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ

В ДЕЛЕ СПАСЕНИЯ СУЩЕСТВЕННО НЕОБХОДИМО ЗДРАВое УЧЕНИЕ ВЕРЫ, ХОЖДЕНИЕ ПО ЗАПОВЕДЯМ, ПРИНЯТИЕ ТАИНСТВ, УЧАСТИЕ ВО ВСЕХ МОЛИТВОВАНИЯХ ЦЕРКВИ И РУКОВОДСТВО ЗАКОННЫХ ПАСТЫРЕЙ

В прошедшей беседе мы дошли до следующего вывода: «Узнай и сердцем содержи все, чему учит Святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей, — и несомненно достигнешь Царствия Небесного и спасешься». И это ответ — прямой и единственный — ответ всякому вопрошающему: «Что сотворив, живот вечный наследуем?» Все спасшиеся спаслись сим, а не другим способом, и все ныне спасающиеся спасаются так, а не иначе.

Нечего бы больше и говорить о сем. Но я боюсь, нет ли кого между вами, кто неправо о

сем судит? Не думает ли кто, что не все из сказанного одинаково необходимо или не для всех все необходимо, что без иного, может быть, можно обойтись, не умаляя тем своего спасения, иное может быть оставлено на произвол, не будучи обязательно для всех. Потому вынужденным себя нахожу пояснить вам, что все сказанное нами, то есть здоровое учение веры, хождение по заповедям, принятие таинств, участие во всех молитвованиях Церкви и руководство законных пастырей, — все это существенно необходимо в деле спасения, так что там только и содевается спасение, где есть все в совокупности; где же чего-либо недостает, там дело спасения подвергается великой опасности и портится.

Ибо какого спасения чаять тому, кто не содержит истинного учения веры и Церкви и неправо мыслит или о Боге, мире и человеке, или о настоящем состоянии нашем испорченном, или о способе нашего восстановления, который один, или о смерти и будущей участи нашей, или о каком бы то ни было догмате, — когда Сам Господь говорит, что если кто *отвергнется словес Его в роде сем прелюбодейном и грешном, того и Он отвергнется пред Отцем Своим, иже есть на небесех?*¹ А кого Господь отвергнет, где тому место? Уже, верно, не в Царствии Небесном.

¹ Ср.: Мк. 8, 38; Мф. 10, 33.

А вот есть же люди, которые говорят: как хочешь веруй, только живи хорошо, и ничего не бойся; как будто можно жить хорошо, не имея здравых понятий о предметах, сообщаемых истинною верою. Не льститея, братие! В состав истинной жизни входит не одно поведение, но и здравый образ мыслей, так что у кого недостает последнего, о том не следует говорить, что жизнь его исправна и хороша. С другой стороны, жить хорошо значит жить богоугодно, — богоугодная жизнь вся ведется по воле Божией; а одно из первых определений воли Божией относительно к нам есть веровать в Того, Кого Он послал¹, то есть в Господа Иисуса Христа и Его Божественное учение. Значит, тот, кто говорит: как хочешь веруй, только живи хорошо, — когда истинно веровать есть заповедь, — походит на такого человека, который сам разоряет основание, на котором хочет строить дом, или на такого, который хочет переплыть реку на ладье, которую сам сознательно разбивает под собою.

Какого также спасения чаять и тому, кто нарушает какие-либо заповеди Божии, например: заповедь правды или милосердия, воздержания или трудолюбия, чистоты или нестяжательности, супружеской верности или другой какой, умаляя тяжесть своих грехов каким-нибудь криво-

¹ Ин. 6, 29; 1 Ин. 3, 23.

толкованием, например: природа влечет, сердце требует, — или стараясь заслонить их безобразный вид от совести какими-нибудь видимыми, не совсем трудными, делами благочестия, например: хождением по церквам, устройением ценных икон и возжжением лампад? Какого, говорю, чаять спасения таковым, когда прямо говорится, что если хочешь внити в живот, соблюди заповеди?¹ что неправедники, какого бы рода они ни были, Царствия Божия наследити не могут?² Нужны, конечно, и нужны существенно в деле спасения и внешние дела благочестия, но не одни: необходимо при том исполнение и всех других заповедей Божиих. *Сие подобает творити, говорит Господь, и оных не оставляти*³. Как без ног идти или без крыльев летать, так без исполнения заповедей достигнуть Царствия Небесного невозможно.

Как это еще иные самовольно замышляют содевать свое спасение сами собою, не приемля Божественных сил, *яже к животу и благочестию*, чрез святые таинства, и не возгревая их священнодействиями и молитвованиями Церкви? Я уже объяснил, что мы, падшие, немощны и шага не можем сделать на добром пути без особенной благодатной помощи, что благодать сия приемлется в святых таинствах, и, приемлемая,

¹ Мф. 19, 17. — ² 1 Кор. 6, 9. — ³ Мф. 23, 23.

подобна бывает вначале малой искре, которая потом возгорается до пламени деятельным участием во всех чинах Святой Божией Церкви. Все это и само собою ясно, и сознается своим опытом, и свидетельствуется всеми. А вот есть же лица, которые говорят: вся эта церковность нужна для простых; понимающим же дело достаточно одного умственного, духовного или сердечного служения Богу. Блаженны вы, простые души, все безропотно приемлющие и всякому гласу Церкви охотно повинующиеся! Вы подобны древам, посаженным при исходящих водах, которые дают плоды свои во время свое. А те, понимающие дело, — по-своему, конечно, — подобны, в духовном отношении, тощим былинкам, растущим на сухой, каменистой или песчаной почве и едва слабые признаки жизни в себе показывающим; или еще и того хуже: они подобны семенам, заглушенным еще в недрах земли, непрозябшим или перезябшим. Вообразите себе на дворе дождь, снег, дух бурен, и поставьте в такую погоду на открытом воздухе человека, неприкрытого, как должно, одеждою, — долго ли он проживет? Точь-в-точь в таких находится обстоятельствах тот, кто чуждается таинств и всей нашей животворной церковности. Жалки такие люди! Эгоизм и самочиние сдает кости их.

Наконец, Господь избрал апостолов, апостолы предали дело свое епископам, определив в

сотрудники им пресвитеров. Все они в совокупности составляют богоучреждаемое паство в Церкви, коего дело возводить всех *в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова*¹, освящая таинствами, возгревая священнодействиями, а паче руководя советами в многораспутистом течении к духовному совершенству. И благодарение Господу, что так есть! Мы слепы: как слепому нужен вожатый, так нам нужен указатель пути в Царствие Божие, — в очень многих случаях нужно лицо, которое как бы за руки взяло нас и вывело из запутанности мыслей и чувств, в какие повергает нас иногда враг и собственное неразумие. Не говорите, что «руководитель всем есть слово Божие, — мы и сами прочитаем и увидим, что нужно». Слово Божие содержит общие указания для всех, а что именно нужно мне и в моих обстоятельствах, это должен объяснить мне другой — живой, опытный голос. Не будь сего, я должен блуждать по распутиям и быть в постоянной опасности. И вот почему благопотребна нам помощь благоразумного совета пастворского. Как же это иным и, может быть, немалому числу кажется, что у них нет других обязательных отношений к своему паствору, кроме приглашения в случае нужды совершить таинство или другое какое

¹ Еф. 4, 13.

священнодействие? Такие забывают, что *имже несть управления, падают, аки листвие, спасение же есть во мнозе совете*¹.

Из всего сказанного выходит снова то же заключение, что и прежде: «Хочешь ли спасения — узнай и сердцем содержи все, чему учит Святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей, — и несомненно достигнешь Царствия Божия и спасешься». Все это существенно необходимо в деле спасения, необходимо все в совокупности и для всех. Кто одного чего не принимает или не допускает, нет тому спасения, — тот не уврачует своих немощей и не избежит болезней. Церковь Божия есть врачевательница, содержащая в своем устройстве врачество, всякую болезнь нашу духовную врачующее. Составные части врачества сего суть: православное учение, жизнь по заповедям, таинства с священнодействиями Церкви и руководство пастырей. Как в болезнях телесных врачество бывает целительно только тогда, когда оно составлено из всех означенных в рецепте веществ, так и в болезни нашей духовной цели-

¹ Притч. 11, 14.

тельность может иметь место в нас только тогда, когда мы приемлем все стихии, входящие в состав единственного врачевства нашего духовного — христианства, или Церкви. Отнимите какую-либо стихию из врачевства телесного — оно уже не будет иметь своего действия. Не примите чего-нибудь из того, что входит неизбежно в состав христианства, или Церкви, — и вы сами себя лишите целительности, так вам необходимой, и, следовательно, останетесь в том же неуврачеванном, пагубном состоянии, — стало, не спасетесь и не узрите Царствия Небесного. Аминь.

В ЧЕМ СОСТОИТ ДЕЛО СПАСЕНИЯ

ЧТО ЖЕ СОТВОРИМ СИМИ БОЖЕСТВЕННЫМИ СРЕДСТВАМИ КО СПАСЕНИЮ, ДА СПАСЕМСЯ? САМОЕ ДЕЛО СПАСЕНИЯ В ТОМ, ЧТОБЫ ИДТИ СИМ ПУТЕМ

Рассуждая прежде о пути ко спасению, мы узнали, что желающему душу свою спасти необходимо знать и свято содержать Божественное учение святой веры, необходимо притом принимать Божественные силы чрез святыя таинства и возгревать их чрез все церковные священнодействия, и затем с помощью их идти путем заповедей Божиих, под руководством законных пастырей. Видели также, как все сие необходимо, и необходимо все в совокупности, так что напрасно будет льстить себя надеждою спасения тот, кто самочинно отвергает какую-нибудь из сих, спасение совершающих стихий.

Обращаясь теперь к самим себе, к тому порядку жизни, какой царствует среди нас, что находим? — Находим, что все сие уже действует в

кругу нас, что мы не лишены законного богоучрежденного пастырства, которым совершаются для нас спасительные таинства со всеми священнодействиями, проповедуется святая вера и толкуются заповеди Божии; что, следовательно, мы обладаем всеми средствами, *яже к животу и благочестию*, или живем в спасительной, так сказать, атмосфере.

Спасение так близко к нам, что его можно как бы осязать. Как же будет нам горько, если в тот час, когда будет решаться достоинство каждого из нас, мы окажемся несоделавшими своего спасения! Помышляя о сем, снова не удержишься от вопроса: что же сотворим? Что сотворим сими Божественными средствами ко спасению, да спасемся?

Вот что сотворим:

1) Возблагодарим Господа, так о нас благоволившего, — возблагодарим за то, что едва рождаемся мы, как уже вступаем в спасительную среду и находим готовым все необходимое ко спасению и, прежде чем придем в сознание, уже несемся по пути спасительному — общим течением спасаемых. Как в видимой природе самое малое насекомое, рождаясь, находит все необходимое к своему существованию вокруг себя, так окружает и нас Господь теплою заботою, едва явились мы на свет, и продолжает потом ее до конца нашей жизни. Из колыбели еще берет нас

на свои объятия мать наша Церковь — возрождает к новой жизни, питает и хранит на всех путях наших и не отступает от нас, пока не опустит в могилу, с успокоительною для остающихся и небессильною для отшедших молитвою: «Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу или усопшей рабе». Чем же все сие заслужено? — Ничем. — Есть много народов, не знающих пути истинного. Тем, которые рождаются среди них, надо усиленно искать сего пути, — и еще найдут ли? А мы вступаем на него без всяких с нашей стороны усилий, находим не ища. Почему так? — Единому Богу то известно. Но, всячески, в сем действии Божественного промысления нельзя не видеть особенного к нам Божия благоволения.

Возблагодарим же за все сие Господа, так о нас благопромыслившего! Возблагодарим при сем и за самое убеждение в том, что мы обладаем истинно спасительными средствами; ибо в связи с сим убеждением стоит другое убеждение — в особенной Божией к нам близости, в том, что Единый истинный Бог есть наш Бог, и мы люди Его. — А выше этого блага ничего и быть не может на земле.

2) Слыша сие, не один из вас, может быть, готов воскликнуть, как бы осязая уже спасение: Господь мой и Бог мой! Но не забудьте, братие, слово Господа: *не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи!*

*внидет в Царствие Божие*¹. — Вот и опять вопрос: что же еще сотворим? Вот что сотворим. Всем помышлением своим, всем сердцем и всею крепостию своею предадим себя сему Божественному устройению нашего спасения, именно:

а) будем блюсти **непоколебимое убеждение** в истине сего устройения спасения и неотложной его необходимости для всех вообще. Ах, братие! победите искушение своего ума и доходящего до слуха вашего суемудрия других. Не поддавайтесь сомнениям и не позволяйте колебать покоя веры вашей дерзкому и гордому совопроспичеству: для чего то и за чем это? Лучше б так или этак. Отревайте сии соблазны. Не мы первые. — Сколько уже было спасенных сим путем?! — Мы больны; нас врачуют. — Объясняет ли врач, почему он так, а не иначе врачует больного; умолкнем же и смиренно покоримся всему, яко Божию устройению;

б) и не это одно; приложим еще **сочувствие** ко всему сему устройению, то есть так себя настроим, чтоб сердце наше находило удовольствие и в достойном принятии Святых Таин, и во всяком богослужении и священнодействии, и в слушании проповедания истин Божиих, и во внимании к руководству и советам пастырей, и во всяком вообще деле, предписываемом законом Божиим.

¹ Мф. 7, 21.

Кто к чему имеет сочувствие, тот туда и влечется. Имеет кто сочувствие к другому чему — к тому и бежит. Вот отчего и бывает, что тогда как одни спешат в церковь, другие едут в театр, на бал или гулянье... Но сами знаете, чего ожидать от сих последних? Переселите же сердце свое из сих суетных мест в отрадную область Божию и там находите услаждение и всю полноту довольства сердечного. — *Где сокровище*, говорит Господь, *там и сердце*¹. — Стало, где сердце, там и сокровище. Что же за сокровища предлагает мир?! — И стоят ли они того, чтоб ими осквернять сердце, предопределенное быть обиталищем Бога?! Не подумал бы кто, что можно совместить то и другое! Нет, нельзя. Сердце наше одно и просто, так что где оно есть, там есть уже все, — и в другом чем уже нет его, и оно быть там не может. Потому кто в мире с сердцем, тот в Церкви без сердца. И наоборот, кто в Церкви с сердцем, тот в мире без сердца. Где-нибудь — да неизбежно быть без сердца. А без сердца — что за жизнь! В мире хорошо быть без сердца, а в Церкви Божией быть без сердца — значит быть лицемером пред очами Божиими, пред всевидящим Богом.

Вот почему ко всему прописанному надо еще приложить — в) **ревностное, неопустительное и несмешанное исполнение всего**, что требует-

¹ Мф. 6, 21.

ся для спасения. Уж одно, так одно: хочешь спастись — держись дел спасительных; а не хочешь, как хочешь — только знай, что не можешь Богу работать и мамоне.

Решимся же, братие, идти твердо путем спасения, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе¹. Отвергнем двоедушие и исправим храмлющие ноги свои! Что скажете вы о больном, который лежит в доброй лечебнице, назирается добрым врачом, получает прямые против болезни лекарства и всем этим пренебрегает: врача не слушает, лекарств не употребляет? Что скажете также о том, кто стоит пред чистым источником, чувствует жажду и имеет возможность, даже понуждается утолить ее из сего именно источника, и вместо того оставляет его и бежит к реке, полной тины, гадов и смрада, и оттуда пьет воду, не утоляющую жажды? Конечно, не одобрите ни того, ни другого. Но не над собою ли самими мы произнесем этот приговор, если, обладая всеми средствами ко спасению, не будем пользоваться ими, как следует? И не к нам ли будет относиться укор Божий: *Мене оставиша источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенныя, иже не возмогут воды содержати*².

Так, братие, благодарение Господу, что Он, по великой милости Своей, так приблизил к нам

¹ Ни вправо, ни влево. — *Ред.* — ² Иер. 2, 13.

Свое спасение. Но приложим и свой труд! Путь спасения указан и прояснен. Он перед нами. Но все же мы не спасемся, если не пройдем сим путем! Обозрите еще раз все в совокупности устройство сего пути! Мы говорили: узнай и содержи учение веры и, приемля силу чрез таинства, иди путем заповедей под руководством пастырей. Здесь знание веры и заповедей, таинства со всеми священнодействиями и руководством пастырей составляют устройство спасительного пути, который вне нас. Самое же дело спасения в чем? В том, чтобы идти сим путем. — Пойдемте же! — *Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения*¹. Аминь.

¹ 2 Кор. 6, 2.

СПАСИТЕСЬ ОТ ВЕКА СЕГО ЛУКАВОГО!

СКАЗАНИЕ О ВИДЕНИИ НЕКОЕМОУ СТАРЦУ О ШЕСТВИИ ПО СПАСИ-
ТЕЛЬНОМУ ПУТИ

Между тем, как я придумывал, что бы сказать вам в заключение наших бесед о пути ко спасению, пришло мне на память сказание, которое я читал в одном из древних отечников. Оно очень близко к тому, о чем мы говорили, и я не считаю излишним передать его вам ныне в том виде, как оно рисуется в голове моей.

Один глубокий старец, живший в уединенной пустыне, впал в уныние, и тьма помышлений начала сокрушать душу его, внушая ему недоумения, правильно ли течет¹ он, и есть ли надежда, что труды его увенчаются наконец успехом? Старец сидел, поникши главою. Сердце ныло, но очи не давали слез. Сухая скорбь томила его. Между тем, как он так убивался горем, предстал

¹ То есть правильной ли стезей идет. — *Ред.*

ему Ангел Господень и сказал: «Что смущаешься и зачем помышления входят в сердце твое? Не ты первый и не ты последний идешь путем сим. Многие уже прошли им, многие идут — и многие пройдут им в светлые обители райские. Ступай, — я покажу тебе разные пути, какими ходят сыны человеческие, равно как и то, куда приводят сии пути. Смотри — и вразумляйся!»

Повинуясь мановению Ангела, старец встал и пошел; но едва сделал несколько шагов вперед, как стал вне себя и погрузился в созерцание дивного видения, которое открылось умным очам его. Он видел, по левую от себя сторону, густой мрак, как стену непроницаемую, внутри которого слышались шум, тревога и смятение. Всматриваясь внимательнее в мрак, увидел он широкую реку, по которой волны ходили взад и вперед, вправо и влево, и кто-то всякий раз, как мелькала пред очами его волна, как бы на ухо внятно произносил старцу: «Это волна неверия, беспечности, холодности; это — немилосердия, разврата, взяточничества; это — неги, забавы, зависти, раздора; а это — пьянства, нечистоты, лени, неверности супругов», и проч., и проч., — и всякая волна поворачивала на себе пред ним несметное множество людей, поднимая их из реки и снова погружая в глубь ее. В ужасе старец воскликнул: «Господи! ужели все сии погибнут и нет им надежды спасения?»

Ангел сказал ему: «Смотри далее, и узришь милость и правду Божию!»

Старец взглянул еще на реку и увидел ее по всей широте и по всей долготе своей покрытою малыми ладьями, в которых сидели светлые юноши со всякого рода орудиями во спасение утопающих. Они всех призывали к себе, и иным подавали руки, другим спускали жерди и доски, тем бросали верви, а иногда погружали вглубь багры и крюки, не ухватится ли и там кто? И что же? Редкий-редкий откликался на призывный голос их, и еще менее было таких, которые пользовались, как следует, подаваемыми им орудиями спасения. Наибольшая часть с презорством¹ отвергали их и с каким-то диким услаждением погружались в реку сей, издававшей чад, смрад и гарь. Старец простер взор свой в даль реки и в конце ее увидел бездну, в которую низвергалась она. Юноши в большом количестве стремительно плавали в ладьях туда и сюда, у самого края бездны, заботливо подавая помощь всякому; но несмотря на то, каждую минуту, на каждой точке реки, целые тысячи людей вместе с рекою низвергались в бездну, откуда были слышны одни стоны отчаянья и скрежет зубов. Старец закрыл лицо свое и зарыдал. И был к нему глас с неба: «Горько, но кто виновен? Скажи, что бы еще мог

¹ С пренебрежением, гордостью. — *Ред.*

Я сделать для спасения их, чего бы не сделал? Но они с ожесточением отвергают всякую подаваемую им помощь. Они отвергнут Меня, если Я низойду на помощь к ним в самые безотрад-ные места их страданий».

Успокоившись несколько, старец обратил очи свои на правую сторону, к светлому востоку, и утешен был отрадным видением. Те, кои, внимая зову светлых юношей, подавали им руки или хватались за какое-нибудь спасительное орудие, были извлекаемы ими на правый берег. Здесь принимали их другие лица, вводили в небольшие стройные здания, рассеянные в большом количестве по всему протяжению берега, где обмывали чистою водою, облекали в чистые одежды, опоясывали, обували, давали посох и, подкрепив пищею, отсылали в путь — далее к востоку, заповедав им — не озираться вспять, идти без остановки, внимательно смотреть под ноги и не пропускать ни одного подобного здания без того, чтоб не зайти в него и не подкрепить себя в нем пищею и советом от тех, чьему попечению вверены сии здания, равно как и все заходящие в них.

Старец провел глазами по берегу и увидел, что на всем протяжении его готовятся в путь эти избавленные. На лице всех отпечатлелись радость и воодушевление. Видно было, что они все чувствовали особенную легкость и силу и с некоторою неудержимостию устремлялись в

путь, первые стадии которого усеяны приятными цветами.

Старец обратил потом взор свой далее к востоку, и вот что ему открылось! — Приятный луг оканчивался невдали от берега; далее начались горы, лежавшие хребтами в разных направлениях. Они шли, поднимаясь все выше и выше и пересекаясь пропастями, — то голые и утесистые, то покрытые кустарниками и лесами. Повсюду по ним видны были путники-труженики. Иной карабкался на крутизну, другой сидел в утомлении или стоял в раздумье, тот боролся со зверем или змеею; один шел прямо к востоку, а другой по косвенному направлению, а иной перерезывал поперечно пути другим; только все были в труде и поте, в борьбе и напряжении сил и душевных и телесных. Редкий путник всегда видел дорогу; часто она совсем пропадала или раздроблялась в распутия; в ином месте скрывали ее туман и мрак, в ином — пресекала пропасть или крутой утес; там преграждали ее звери из дубровы или ядовитые гады из ущелий. Но вот что дивно! Повсюду по горам рассеяны были красивые здания, подобные тем, в которые принимаемы были в первый раз спасенные от воды. Коль скоро путник заходил в них, как ему заповедано вначале, то как бы он ни был изможден до того времени, выходил оттуда бодрым и полным сил. Тогда звери и гады не могли

выносить взора его и бежали от него; никакие препоны надолго не останавливали его; и он легко и скоро отыскивал скрывавшийся каким-либо образом путь по тем указаниям, какие получал в тех зданиях. Всякий раз, как преодолевал кто препятствие или одолевал врага, становился крепче, выше и статнее; чем кто выше всходил, тем более хорошел и светлел. К вершине горы местность опять становилась гладкою и цветистою; но вступившие на нее вскоре входили в светлый облак или туман, из которого более уже не показывались.

Старец приподнял очи выше сего облака и из-за него или из-за горы увидел чудный, неопи-санной красоты свет, из которого доносились к нему сладостные звуки: «Свят, Свят, Свят Гос-подь Саваоф!» Старец в умилении пал ниц, и над ним звучно пронеслось слово Господне: *такое тецыте, да постигнете*¹.

Поднявшись снова на ноги, старец увидел, что с разных высот горы немалое число путников, в разных местах, стремительно бежали снова к реке, то молча, то с криком и хульными, бранными словами. К каждому из них и сверху и с боков обращемо было воззвание: «Остановись, оста-новись!» Но, гонимые какими-то малорослыми муринами², они не внимали остережению и сно-

¹ 1 Кор. 9, 24. — ² Эфиопами; то есть бесами. — *Ред.*

ва погружались в смердящую реку. Тогда старец в изумлении воззвал: «Господи! что сие?» И услышал в ответ: «Плод самочиния и непокорливости богоучрежденному порядку!» Тем видение кончилось.

Ангел, показывавший его старцу, спросил его наконец: «Утешен ли?» — И старец поклонился ему до земли.

Думаю, братие, нет нужды много говорить вам для истолкования сего видения. Река есть мир; погруженные в ней люди — живущие по духу мира, в страстях, пороках и грехах; светлые юноши в ладьях суть Ангелы и вообще призывающая ко спасению благодать; бездна, в которую низвергалась река с людьми, есть пагуба; красивое на правом берегу здание — Церковь, где чрез таинства покаяния или крещения обратившиеся грешники омываются от грехов, облачаются в одежду оправдания, препоясуются силою свыше и поставляются на путь ко спасению; восход на гору с разными затруднениями — разные труды в очищении сердца от страстей; звери и гады — враги спасения; гладкая к вершине местность — умиротворение сердца; светлое облако, скрывающее путников, — покойная смерть; свет из-за горы — рай блаженный; здания, рассеянные по горе, — храмы Божии. — Кто заходит в сии здания на пути, то есть принимает таинства и участвует в священнодействиях и

молитвованиях Церкви, пользуется советом и руководством пастырей, тот легко преодолевает все препятствия и скоро востекает к совершенству. А кто самочинно отвергает их, не подчиняясь указаниям и советам пастырей, тот скоро падает, и дух мира снова увлекает его.

Прилагать к сему какое-либо увещание считаю излишним. Умоляю только вас, братие, спаситесь от века сего лукавого! Аминь.

ВНУТРЕННЯЯ
ЖИЗНЬ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ПУТЬ КО СПАСЕНИЮ

НЕ ВНЕШНО ТОЛЬКО НАДО ДЕРЖАТЬ ДОБРУЮ ИСПРАВНОСТЬ, НО И
В СЕРДЦЕ СОДЕРЖАТЬ ТО. ЭТО ГЛАВНОЕ ДЕЛО

Прошлый год с этого воскресенья начал я вам объяснять, в чем состоит путь, ведущий ко спасению, и в несколько бесед мы дошли с вами, если припомните, до следующего определения: «Узнай и сердцем содержи все, чему учит Святая Церковь, и, приемля Божественные силы чрез таинства и возгревая их чрез все другие священнодействия и молитвования Церкви, иди неуклонно путем заповедей, предписанных нам Господом Иисусом Христом, под руководством законных пастырей, — и несомненно достигнешь Царствия Небесного и спасешься». Я нарочно повторял тогда несколько раз это правило, как повторяю и теперь, с тем, чтобы вы легче могли утвердить его в своей памяти. Но при всем том я не думал сказать вам что-либо новое, а хотел только порадовать вас, возведши до сознания, что все, чем мы чаем уго-

дить Богу и душу свою спасти, есть действительно Богом нам дарованный, единственный путь ко спасению, а обрадовавши — возбудить живейшую ревность идти сим именно, а не другим путем — без колебания, без отставания и без блуждения.

Теперь что остается? Остается идти. Пойдемте же, чтоб, иначе, к нам не относился укор Спасителя к иудеям за то, что они не хотели воспользоваться указаниями Иоанна Предтечи: *он же светильник горя и света*, говорил Спаситель, *вы же восхотесте возрадоватися в час светения его*¹. То есть Иоанн Предтеча указывал им путь жизни в Христе Спасителе, а они не последовали совету его. Что тогда было, то может быть и теперь, и во всякое время. Можно стоять при пути спасения, колеблясь недоумениями, — точно ли этот путь есть единственный путь, и нет ли другого поудобнее и попривольнее. Можно и веря в истину и неотменность пути сего спать при нем в беспечности или отлагать самое шествие день ото дня. Можно стоять и дивиться на всех мимоходящих путем тем, не двигаясь с места, или вступать на него и опять сходить, вступать и сходить. Как жаль, имея так верным получение вечного спасения, в день распределения участи всех оказаться лишенным его!

¹ Ин. 5, 35.

Не думаю, чтоб кто-нибудь из вас принадлежал к какому из сих классу. Избави вас, Господи!.. Но можно еще вот в каком состоянии находиться: думать, что идешь, а между тем нейти; можно двигаться, не подаваясь вперед, подобно мулу, поворачивающему рушальное¹ колесо. На это и прошу обратить внимание.

И здесь может быть не один случай. Укажу вам главный. Это бывает тогда, когда кто останавливается на одном внешнем, не обращая внимания на внутреннее настроение сердца, — между тем как поступательное движение в Царствие совершается не иначе, как в сердце и сердцем. Оно похоже на восхождение воздухоплавательного шара вверх. Впускают в сей шар высшую, легчайшую стихию — и он поднимается кверху сам собою. То же и в деле шествия ко спасению. Приемлет кто небесные Божественные стихии сердцем, подобонастроенным к тому, — и восходит духовно к небу — в духовных совершенствах. И чем более приемлет тех, тем выше поднимается, идя прямым путем в Царствие Небесное. Так, всё в сердце; а иной, не имея ничего в сердце и только делая дела внешние, неизбежные при сем, может думать, что он идет в Царствие, — тогда как на деле нейдет.

¹ Мельничное. — *Ред.*

Итак, ревнуя о спасении, все внимание должно обращать на устроение сердца или на впечатление в нем истинно христианских чувств и расположений, хотя при пособии всего того видимого устроения, которое необходимо входит в состав спасительного пути. Не должно, например, ограничиваться одним знанием Символа и даже всего катехизиса, а надо сердцем приять и сердцем возлюбить всякую изреченную там истину; не должно довольствоваться одним внешним участием в молитвованиях Церкви, а надо и умно — в сердце — возноситься к Богу; не должно останавливаться на одном доброделании, телом совершаемом, но надо воспитать в себе еще добрые чувства и расположения, — и проч. Ибо, чего нет в сердце, того и на деле нет. — Если нет веры в сердце, то ее совсем нет, хотя бы кто писался православным. — Если нет воздыханий в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто воздух колебал или и бил себя в перси. — Если нет страха Божия в сердце, нет его и совсем, хотя бы кто видом казался исполненным благоговения. — Если нет чистоты и отрешенности в сердце, нет их и совсем, хотя бы кто чист был телом и ничего не имел из благ мира. — Если не бывает человек сердцем в храме, нет его здесь и совсем, хотя бы он тут стоял телом. Так, все надо совершать сердцем. — Сердцем любить, сердцем смиряться, сердцем к Богу приближаться, сердцем

прощать, сердцем сокрушаться, сердцем молиться, сердцем благословлять и проч., и проч. Ибо, каков кто в сердце, таковым зрит его Бог с высоты Своего престола, и соответственно тому принимает его. Каин и Авель приносили жертвы вместе, но *Бог призре на Авеля и на дары его: на Каина же и на дары его не внят*¹. Мытарь и фарисей молились вместе в церкви, но мытарь принят, а фарисей отвержен. Где причина таких отличий? В настроении сердца. Почему Бог и требует словами Премудрого: *даждь ми, сыне, твое сердце*². И пророк Давид влагает нам в уста такую молитву: *сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей*³.

Каково должно быть настроение сердца, свойственное христианину, идущему незаблудно путем спасения, это я по временам буду объяснять вам мало-помалу, хотя в главных чертах. Аминь.

13 ноября 1860 г.

В 25-ю неделю по Пятидесятнице

¹ Быт. 4, 4—5. — ² Притч. 23, 26. — ³ Пс. 50, 12.

ОЧИЩЕНИЕ СЕРДЦА ОТ СТРАСТЕЙ

КАКОВ КТО В СЕРДЦЕ, ТАКИМ ИМЕЕТ ЕГО БОГ И ТАК ОТНОСИТСЯ
К НЕМУ

В прошедшей беседе я навел вас на мысль, что главное в нашей жизни есть настрое-ние сердечное и что каков кто в сердце, таковым того имеет и Бог, несмотря ни на какие внешние отличия и преимущества. Хочу и ныне остановить внимание ваше на той же мысли, чтоб научить вас — ценить свои движения внутрен-ние и таким образом расположить строже смот-реть за своим сердцем и за всем, что входит в него и исходит из него.

Не буду для этого входить в рассуждения. Представляю только несколько случаев и при-меров из слова Божия и житий святых в под-тверждение сей истины.

Вот и в читанном ныне Евангелии представ-ляется богач, который, как обычно зажиточным, задумал перестроить житницы свои, по случаю обильного урожая. Ничего нет тут укорного.

И за это не укоряет его Господь. Но между тем, как он это задумал, из сердца вышло такое помышление: «Ну, теперь только ешь, пей и веселись — не о чем заботиться и нечего бояться». Кажется, не велико слово. Но что значило оно?.. Оно значило, что он сердцем отвратился от Господа и весь прилепился к богатству, на него одно полагаясь и в нем чая иметь верного хранителя и всегдашнего защитника, поставляя его, таким образом, для себя в бога. Никто сторонний не видел в нем такого помышления. Но его зрел Бог с небеси святаго Своего, и тот же час дал ему должный ответ: *в сию ночь душу твою истяжут от тебе*¹. Лег он, не предвидя никакой опасности, а утром найден умершим. Вот суд Божий не по внешнему, а по сердцу. Сколько, братие, знаем мы случаев скоропостижной смерти!!! Но кто знает, — не ответ ли это правды Божией богопротивному настроению сердца, делающему человека недостойным жить в богоуправляемом мире, настроению, о котором, — думали, может быть, умершие, — и Бог не знает, как никто не знает из людей!

Предложу вам и еще опыт суда Божия.

Известно вам, что народ израильский был возлюбленный Богу. Сколько милостей явил к нему и как часто необыкновенным образом спа-

¹ Лк. 12, 20.

сал его Бог!.. Израиль, со своей стороны, служил Богу по закону, данному Самим Богом, и хвалился пред всеми народами именем Господа Саваофа, Которому служил. Войдемте же теперь мысленно в храм их и посмотрим — что там?.. Приносятся жертвы овнов и тельцов, возжигается кадило, поются псалмы — и это в новомесячии, всякую субботу и праздники, все по закону Божию. Смотри на сие, мы бы сказали: благочестивый народ! Как приятно Богу смотреть на эти дела их веры и богопреданности! Но вот является пророк Исаия, и послушайте, что говорит об них от лица Божия: *содомляне вы, гоморряне вы, семя лукавое, язык грешный! Что Мне в жертвах ваших, кадило ваше — мерзость Мне... Праздники ваши ненавидит душа Моя... И не приходите являться сюда пред лице Мое...*¹ Слыша сие, вы готовы спросить в изумлении: за что, Господи, гнев такой? — И вот вам ответ: за то, что сердце их исполнено лицемерия, лукавства, грабительства, жестокосердия ко вдовам и сиротам, неправосудия, плотоугодия и разврата². Вот что было у них на сердце!.. А снаружи посмотреть — они, кажется, все были исправны.

Еще разительнее то же самое изображает пророк Иезекииль. *Сидел, говорит, я в доме моем, и взял меня дух, и поставил меня — в видении*

¹ Ср.: Ис. 1, 10—15. — ² Ис. 1, 16—17.

Божем — в Иерусалиме, в преддверии храма... Здесь увидел я одну скважню¹ в стене. Муж, явившийся при сем, сказал мне: «Раскопай», — и я раскопал. Тот сказал: «Войди и виждь беззакония злая, яже творят сии здесь!» Я вошел и увидел: на стенах изображено всякое подобие гада и скота и суетная гнушения² и мужи израильские кадят пред ними, каждый держа свою кадильницу в руке³. Что это такое? Было это на деле? Нет. Этим изображалось то, что каждый помышлял на ложе тайнем своем, говоря: не видит Господь⁴. Животными указывались страсти, коими полно было сердце их, а каждением — рабство сим страстям. Таковы были израильтяне по сердцу!.. Но кто это видел?.. Никто сторонний... Видел Бог, и чрез пророка произнес Свой суд над ними по тому, каковы они в сердце. За то, говорит, что они предались нечистотам, говоря: не видит Бог. А Я вот есмь... не пощадит их око Мое, и не помилую⁵. Вот как вышло. А по внешнему поведению они могли казаться честными.

Припомните в житии Андрея, Христа ради юродивого, как ему открыто было внутреннее настроение одного человека. Все чтили сего человека за трудолюбие, приветливость и воздер-

¹ Углубление. — Ред. — ² Идолские мерзости. — Ред. —

³ Иез. 8, 1 — 11. — ⁴ Иез. 8, 12. — ⁵ Иез. 9, 9 — 10.

жание. Но святой Андрей, подошедши, увидел змия сребролюбия, обвившегося вокруг шеи его. Вот одно было в наружности, а другое внутри.

В другой раз — шел кто-то, мужчина или женщина, не помню. На вид ничего худого не видно было, но открылись очи у святого Андрея, и он увидел Ангела, зажавшего себе нос. На вопрос, что это значит, Ангел сказал: нестерпимо зловоние блудной страсти, коею обладаемо сие лицо. А наружность ничего такого не представляла.

В житии Евфимия Великого рассказывается, что был в их стране старец, всеми чтимый и много всех пользовавшийся своими наставлениями и советами. Все считали его святым и богоугодным. Но когда он был при смерти, пришел другой старец и увидел, что бесы окружают одр его и с торжеством ожидают исхода души его... Видите, как все думали и как оказалось на деле!

Рассказывали также, что в Египетской пустыне был старец, который, когда присылал кто к нему какое подаяние, тотчас угадывал, что было на душе у того, кто присылал, и всегда говорил ученикам: тут кровь или слезы, это отдается корыстию, а это — нечистотою плотскою или тщеславием и гордынею.

Много бывало и других случаев, показывающих, что вся сила в настроении сердца и что каков кто по сердцу, таковым имеет его Бог, Ангелы и все святые. Но довольно и этих, чтоб

увериться вам, что так есть... Обратимся теперь к самим себе!

Если б открылись у кого очи умные и он осмотрел нас, здесь теперь собравшихся, — что бы открылось?.. Даруй, Господи, всем нам — быть и пред Богом по силе нашей безукоризненными, как мы почитаемся и желаем быть почитаемыми между собою взаимно, — в наших отношениях. Но, братие, к чему тут слово лести? Не обольщайтесь самоуверенностию, — войдите внутрь себя и разберите тонкие помышления и устремления сердца вашего — каждый своего, и по тому судите о себе и определяйте без лицепрития, что вы, зная, что таковыми, а не инаковыми открыты вы Богу и всему духовному миру. — А затем худое исправляйте в себе, а доброе насаждайте. Кто-то из святых отцов изобразил сердце сосудом, полным всяких гадов и змий, которые всякий раз, как замышляет человек сделать что, выходят из него и, если дело худо — питаются им, а если хорошо — покушаются осквернить его ядом своим. Если человек внимателен к себе, то, не допуская дел худых и тем не давая пищи змиям, истощает их и, отревая их покушения — осквернить добрые дела свои, поражает их во главу. Продолжая неутомимо свой труд все в одном роде и духе, он, наконец, убивает сих змий и мертвыми выбрасывает вон. Змии суть страсти и склонности худые. Смерть их — очищение

сердца от страстей. Вот об этом и поревнуем. Грехи делать перестанем, а добрые дела станем творить так, чтоб к ним не примешивались никакие худые чувства и расположения. А если что проскользнет, будем очищать то покаянием. Делая так, чистыми явимся мы не только пред людьми, но и пред лицом Бога всевидящего...
Даруй, Господи! Аминь.

20 ноября 1860 г.

В неделю 26-ю по Пятидесятнице

ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ СЕРДЦА

ВВОДИТ ВНУТРЬ И ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ТАМ

Не раз уже я предлагал вашему вниманию ту простую истину, что в христианстве существо дела состоит в настроении сердца, — во внутренних расположениях, или внутренней нашей деятельности, с чем, думаю, вы сами были и пребываете согласными. Но доселе еще не покушался вместе с вами войти внутрь, подвергнуть рассмотрению все бывающее там, чтобы каждый чрез то навык различать потом в себе доброе и худое, — и соответственно тому обходиться с собою. Сделаем это теперь.

Смежите же внешние чувства ваши, — обратите око внимания внутрь и смотрите, что там?

На первый раз вы ничего там не увидите, не потому, чтоб там не было ничего, но потому, что там слишком много всего, — и все сбито и бродит в беспорядочном смятении. Вы будете испытывать то же, что испытывают в густой туман.

Как в сем случае туман, как стеною, отграждает от нас все предметы и сокрывает их в себе, — так, кто в первый раз обращается внутрь себя, тот видит, что, как мрачным покровом, закрыто все его внутреннее. В этом можете удостовериться теперь же.

Но не прекращайте труда самоуглубления. Потерпите немного в сем труде, и вы скоро начнете различать мало-помалу происходящее внутри вас, подобно тому, как вошедший снаружи в слабоосвещенную комнату, постоявши немного, начинает один за другим различать находящиеся в ней предметы.

Усугубьте же внимание и смотрите: вот предмет, который вас занимал, отошел, — его место заступил другой; этот тотчас замещен третьим; не успел этот показаться, как его теснит четвертый, гонимый в свою очередь пятым, и т. д. Одно помышление спешно сменяется другим, — и это так быстро, что всегда почти нет возможности дать себе отчета в том, что прошло чрез нашу голову. Эта подвижность помышлений не оставляет нас не только в промежутках занятий, например при переходах с одного места на другое, но и во время их, как бы важны они ни были: и во время молитвы здесь, в храме, или дома, и во время чтения и даже размышления углубленного и проч. Обычно называют это думанием, — в существе же дела — это есть **расхищение ума**,

или рассеянность и отсутствие сосредоточенного внимания, столько нужного в деле управления самим собою. Вот это и поставьте п е р в о ю чертою нашего внутреннего человека. Подобие ему — смятение снежинок, падающих при ветре, или толчение насекомых в воздухе в летние вечера. Противоположное ему состояние у святых есть внимание ума, по коему ничто самовольно не входит в голову и не выходит из нее, — все подчинено свободе и сознанию, в коем обычно пребывает один Бог и лицо, Его созерцающее. Между сими противоположностями стоят разные степени душ, потеющих в борьбе с помыслами и ревнующих об умиротворении их.

Присмотритесь еще внимательнее, — и вы различите в себе — под этим смятием помышлений в уме — в воле постоянную заботу об устроении своего быта, которая непрестанно точит душу, как червь, гонит человека-труженика от одного дела к другому, устремляя его все вперед, по недовольству ничем обладаемым, и при производстве одного всегда представляя сотни других дел, будто неизбежных. С первого пробуждения нашего от сна осаждает душу забота и не дает нам ни посидеть на месте, ни поговорить с кем, как должно, ни даже поесть спокойно, пока не свалит утомленных в глубокую ночь на отдых, в свою очередь возмущаемый заботливыми сновидениями. Эта болезнь именуется

многозаботливостию, которая снедает душу, как ржа железо. Ее и поставьте в т о р о ю чертою бывающего внутрь нас. Противоположное ему свойство святых есть беспечалие, которое не есть беззаботность, а смиренный труд — правильный — в предании себя и своей участи всепромыслительному попечению Божию. Средию между ними составляет борьба самопромышления с смиренным преданием себя промышленности Божию, при посильном и своем труде.

Смотрите еще глубже, — и вы должны увидеть внутри пленника, связанного по рукам и ногам, против воли влекомого туда и сюда, в самопрельщении, однако ж мечтающего о себе, что он наслаждается полною свободою. Узы сего пленника составляют пристрастия к разным лицам и вещам, окружающим его, от которых больно нам отстать самим и болезненно расстаться, когда другие отнимают их у нас. Как на удочку попавшаяся рыба плавает еще, но никак не дальше, как позволяет нить, к коей прикреплена удочка, или как птица в клетке летает и ходит, но никак не далее пределов клетки, так пристрастия оставляют еще душе свободу действовать, как хочет, пока она не касается предметов их. Коснись дело до сих предметов, душа никак не совладеет с собою. И чем больше пристрастий, тем меньше круг свободы. А бывает и так, что иной всем связан, и не в силах сделать

движения в одну сторону без того, чтоб не причинить себе боли с другой. Подобно тому, как идущий где-либо в лесу и запутавшийся там и руками, и ногами, и платьем в прилипчивую траву, каким бы членом ни двинул, чувствует себя связанным, — таким точь-в-точь чувствует себя и пристрастный ко многому тварному. Это поставьте третьейю чертою нашего внутреннего состояния — **пристрастность**. Противоположное ему свойство святых есть отрешенность от всего, свобода сердца, внутренняя независимость. Средину между ними составляет работа над освобождением сердца от пристрастий.

Расхищение ума, многозаботливость и пристрастность — это еще не вся доля наша. Хоть они качествуют внутри, но все еще витают как бы на поверхности сердца. Приникнем глубже вниманием к сему сердцу и прислушаемся к тому, что там. Упрежду ваше соображение сравнением. Путник в горах видит пещеру, вход в которую прикрыт разросшеюся травою, — внутри мрак. Приложив ухо, он слышит там шипение змей, рычание и скрежет зубов диких зверей; это образ нашего сердца. Случалось ли вам когда наблюдать за движениями его? Попробуйте сделать это, хотя в продолжение небольшого времени, и вот смотрите, что вы можете там увидеть. Получили неприятность — рассерчали, встретили неудачу — опечалились, враг попался — за-

горелись местию, увидели равного вам, занявшего высшее место, — начинаете завидовать. Подумали о своих совершенствах — заболели гордостью и презорством. А тут человекоугодие, тщеславие, похоть, сластолюбие, леность, ненависть и проч. — одно за другим поражают сердце. И это иногда в продолжение нескольких минут. Все это исходит из сердца и в сердце же возвращается. Справедливо один из подвижников, внимательных к себе, созерцал сердце человеческое полным змий ядовитых, кои суть страсти. Когда загорается какая-либо страсть — это то же, как бы змий выходил из сердца и, обращаясь на него, уязвлял его своим жалом. И когда выникает змий — больно, и когда жалит — больно... Ужаливая, питается он кровию сердца и тучнеет; тучнея, делается более ядовитым и злым и еще более тиранит сердце, в коем живет. Так бывает не с одною только страстию, но со всеми, а они никогда не живут поодиночке, а всегда все в совокупности, одна другую заслоняя, но не истребляя. Таково сердце человека, греху работающего, кто бы он ни был. Противоположное сему сердце святых свободно от страстей или украшается бесстрашием. В середине стоят борющиеся со страстями и похотями под знаменем подвигоположника Господа, в Его всеоружии.

Довольно! Не распространяюсь далее. Но что же? — Поредел ли сперь для вас мрак,

сокрывающий наше внутреннее?.. И если поредел, — на радость ли это или на горе? — Горе рассеянным, многозаботливым, привязанным к чувственному и терзаемым страстями! — Блаженны, напротив, души, внимательные к себе, упокоивающиеся в Боге, отрешенные от всего и сердце свое очистившие от страстей! Благословенны и труды тех, которые, оставя пагубы первых, стремятся востечь к блаженству вторых! Куда же кого из вас поставит совесть ваша? Желал бы, чтобы вы все принадлежали к числу блаженных, наслаждающихся совершенством в Господе. Если же это не есть удел наш, будьте, по крайней мере, в числе работающих и воюющих за получение сей почести высшего звания. Но никто да не остается в числе беспечных, пораженных нечувствием и слепотою, и в сем нечаянии терзаемых страстями, среди рассеяния мыслей, забот и всякого рода пристрастий. Аминь.

11 декабря 1860 г.

В неделю 29-ю по Пятидесятнице

СУЩЕСТВО ХРИСТИАНСТВА

ПРИЗНАК ВНУТРЕННЕГО БЛАГОДАТНОГО ОЖИВЛЕНИЯ О ГОСПОДЕ

Бог, богат сый в милости, за премногую любовь, еюже возлюби нас, и сущих нас мертвых прегрешенми, сооживи Христом: благодатию есте спасени, — так учит нас ныне святой апостол Павел¹. Бог нас, мертвых прегрешенми, сооживил Христом. В сем существе христианства! Ради сего Господь приходил на землю, и к сему направлено все устройство нашего спасения во Святой Церкви! Пали мы и умерли. Восстаем во Христе — и снова жить начинаем.

Но, братие, сие умертвие и сие оживление из мертвых не есть какое-либо дело видимое, осязаемое, а есть нечто незримо совершающееся внутри — в сердце человека. Апостол Павел говорит о язычниках: вы были мертвы, — потом прибавляет: и мы, то есть иудеи, были мертвы, когда были подобны вам². Так и язычники, и

¹ Еф. 2, 4—5. — ² Еф. 2, 1, 5.

подобные им иудеи, по апостолу, до принятия Христа Спасителя были мертвы. Между тем ведь они ходили, говорили, трудились, торговали, судились и проч. — делали все, что свойственно делать живым людям. Потом, когда те и другие уверовали в Господа, апостол говорит, что они оживлены Христом, хотя наружно они продолжали жить такую же жизнь человеческою, как и все. Так они ожили в сердце своем, в совести своей пред лицом Бога и для Бога, как прежде мертвы были тоже в сердце своем для Бога.

Остановите, братие, внимание ваше на сей незримости и неосязаемости нашего во Христе оживления! Оно незримо, стало быть, ничего видимого нельзя ставить в признак и доказательство того, что оно в нас есть — совершилось и действует. Признаки сии должны быть внутренни, незримы, как и само оно. Нельзя ставить в доказательство его, например, то, что мы родились и живем между христианами, числимся в Православной Церкви Христианской, не чуждаемся христианских порядков и прочее подобное, ибо при всем этом — внутренно мы можем быть мертвы; а если мертвы, значит, не причастны Господу Иисусу Христу — Оживителю; если же ему не причастны — нет нам спасения, мы в числе погибающих.

Выставляю вам сие на вид, чтоб побудить вас войти внутрь себя и внимательнее проследить

черты внутреннего во Христе оживления, чтоб потом вернее определить, — действует ли оно в нас или мы вид только имеем, что живем, а на деле мертвы есмь¹, и, определив то, или радоваться, что так есть, или ревностию возгореться отстранить то, чему не следует быть, и восставить то, что всегда должно иметь место в оживленных Иисусом Христом.

Спросим у апостола: отчего это язычники и подобные им иудеи были мертвы до принятия Христа Спасителя? Он отвечает нам: оттого, что творили *волю плоти и помышлений*². А что сделалось с ними, когда они ожили во Христе? То, что наперекор воле плоти и помышлений явились созданными *во Христе Иисусе на дела благая*³. Таким образом, противление воле плоти и помышлений и устремление во Христе Иисусе на противоположное им благое — вот прямой признак оживления во Христе. Как видите, он очень прост. Будемте пояснять разные его стороны!

Воля плоти и помышлений нам должна быть понятна. В другом месте апостол называет ее просто плотию, или плотию со страстями и похотьми, или живущим в нас грехом; а противоположное ей направление именуется духом, и главный для христианина закон жизни так выражает: *духом ходите, и похоти плотския не*

¹ Мы мертвы. — *Ред.* — ² Еф. 2, 3. — ³ Еф. 2, 10.

*совершайте*¹. Ходите вы духом, если и живете духом²; а живете ли вы духом, сие же можно видеть из того, если похоти плотские не совершаете. Первоначально у нас не было сей похоти — сего живущего в нас греха, сих страстей, — мы были духовны. Печать человечества была в духе; а дух — сила, в Боге живущая, из Бога пиющая жизнь и все к Богу устремляющая — и в человеке и вне его, и внутреннее и внешнее. Когда завистию змииною занят был сей дух на пути своих стремлений и, вняв лести, принял семя змиинное в самости, в себя замкнулся и в себе вздумал жить, тогда пресеклись притоки жизни Божественной, — дух замер, и исполнилось: *в онъже аще день снѣсте, смертию умрете*³. Между тем семя змиинное, падшее на землю естества нашего, не пребыло одно, а все плодилось и плодилось, и все плоды его были плоды смерти, или новые притоки мертвящих сил, кои так расширились, что весь мир, по апостолу Иоанну, был не что иное, как область смерти. Семя змиинное в нас — самость; отрасли его — страсти: сначала гордость, своекорыстие, чувственность; далее — гнев, похоть, ненависть, зависть, тщеславие; наконец, все неисчетное множество страстных движений и навыков — грубых и тонких, о них же нелеть⁴

¹ Гал. 5, 16. — ² Гал. 5, 25. — ³ Быт. 2, 17. — ⁴ Нельзя. — Ред.

есть часто и глаголати. Все сие есть атмосфера смертная и мертвящая, и все, ею объемлемое, пребывает в смерти. Ибо, когда таким образом страсти водворились, — Бог забыт, духовные стремления погасли, и человек стал не похож на человека.

Войди теперь всякий в себя и рассмотри, что в тебе действует, что подвигает тебя на дела, в чем главная пружина, заправляющая твоими помышлениями, чувствами и делами? И если найдешь, что действуешь то в угоду плоти и чувственности, то в видах своекорыстия и интереса, то в замыслах себя выказывания и возвышения, и вообще, в угоду только себе и своим желаниям, ни в чем себе не попереча и всякой страсти покоряясь беспрекословно, как только она появится, то явно, что ты раб греха и смерти, или, по апостолу, *мертв прегрешенми*, ибо творишь *волю плоти и помышлений*.

Творить волю плоти и помышлений — значит, что пришло на мысль, то и делать, чего похотелось, к тому и стремиться. Пришел гнев — браниться; пришла похоть — скоро удовлетворять ей; представился случай к неправой прибыли — сейчас пользоваться им; захотелось повиситься — решаться на все кривые пути к тому. Так и во всем — что ни захотелось, тотчас делать то. Кто таков, тот очень походит на вьючное животное. Как мула, навьючив, ведут, куда

хотят, и еще бьют, так враг наложил на человека бремя страстей, связал его ими, правит им посредством их и ведет, куда хочет, тиранствуя и издеваясь над ним. Праведно пророк Давид грешнику, покаявшемуся и воспоминающему о своем состоянии во грехе, влагает в уста такие слова: *на хребте моем делаша грешницы*¹. И апостол говорит, что неверные, как *ведомые ведутся к безгласным идолам*², то есть как связанные влекутся по пути страстей и похотей. А это что за жизнь? Что тут человеческого? Человеческое тут все замерло, а действует только самостное, страстное, сатанинское, плод принося смерти, а не жизни.

Как же теперь быть? — Да так и останется человек в сей области мертвящей, пока не обратится ко Господу и пока, ради его обращения, благодать, пришедши, не высвободит его из сих уз смерти. — Человеку душно и томительно пребывать в такой работе. — Хоть и кажется иной довольным от того, что удовлетворяет своей похоти, но внутренне не бывает у него радости и веселия. Как ржавчина ест железо или червь точит дерево, так внутри у него жало смерти нравственно грызет его живое существо, и он томится в сем замирании. И вот, если даст Бог, придет человек в себя и, осмотрясь кругом, вос-

¹ Пс. 128, 3. — ² Ср.: 1 Кор. 12, 2.

чувствует тяготу своего состояния и скажет: «Из-за чего же я работаю этим гадким страстям? Все им делаю в угоду, а покоя не имею, только Бога прогневаю и вечную муку готовлю себе. Не хочу с этих пор покоряться им, брошу все похоти и начну работать Господу Богу, Спасителю моему, нас ради в мир пришедшему и всех грешников к себе призывающему», — когда скажет так в сердце своем грешник и самым делом обратится усердно к Господу с сердечным сокрушением и исповедию, тогда в таинствах дастся ему благодать и сила — устоять в своем намерении и одолевая привычные страсти, с какою бы силою они ни нападали на него. В сем действии его решимости работать Господу и в сем ниспослании ему благодати в таинствах полагается семя жизни о Христе Иисусе, которая и есть единая истинная жизнь, обнаруживающаяся и состоящая в противлении страстям и преодолении их. Пришедшая благодать оживляет дух, который, восприв права свои, все начинает устремлять к Богу, и, встречая на пути преграды страстей, их одолевает, прогоняет и искореняет. С сего времени начинается борьба на смерть, и чем решительнее кто противится страстям и искореняет их, тем быстрее выходит он из области смерти и вступает в область жизни. Когда же благодатию Божиею совсем их заморит в себе до того, что движения их или совсем в нем не будет, или оно

будет как нечто чуждое, тогда, в торжестве духовном, он может изречь: «Се смерть пожерта животом¹, — к тому не работаю греху и страстям и не готовлю стихий смерти на пагубу себе».

Так, братие, хотите ли явить в себе действующим оживление о Христе Иисусе, стойте в борьбе со страстями и похотями. Всякий раз, как почувствуете вы приражение их, противьтесь им и прогоняйте их. Сказал, например, кто или сделал что обидное — приходит гнев и внушает вам сделать ему отмщение, — не слушайте сих внушений, прогоните гнев и предложите его на кротость. Представляется случай к веселиям — восстает чувственность и предъявляет свои требования, — подавите ее, откажитесь и восстановите трезвенность и чистоту. Выпадает такой случай, что сделай только неправое дело, то или выгоду получишь, или приобретешь значительное отличие и повышение, — приходят своекорыстие или гордость и склоняют на дело неправое, — не слушайте, одолейте себя и сделайте наперекор им, как требует правда и совесть. Так и во всем, какая бы страсть и по какому бы случаю ни пришла, не слушайте внушений ее, делайте наперекор ей, одолевайте ее, — и это будет значить, что вы не работаете смерти, а живете в Господе Иисусе Христе.

¹ Вот смерть поглощена жизнью. — *Ред.*

Приведу вам несколько на сей случай примеров, чтоб раздражить ревность вашу на сопротивление страстям. Рассказывают об одном юноше, работавшем страстям в товариществе с другими. Случилось, что благодать Божия воздействовала в сердце его. Он покаялся и положил не вдаваться более в прежнее непотребство. Товарищи его, остававшиеся в прежнем рабстве страстям, встретив его, говорят ему: пойдём туда и туда, сделаем то и то. «Идите себе и делайте, что хотите, — отвечал он, — я уже не тот». Так будем говорить каждой страсти — прежней нашей приятельнице: я уже не тот, — и отворотимся от внушений ее.

Святой авва Иоанн Колов еще живее изображает состояние души, убегающей страстей. В одном городе, говорит он, была блудница и имела много друзей. — Это душа со страстями. — Господин той страны пришел к ней и сказал: «Обещайся Мне жить целомудренно, и Я возьму тебя в супружество». — Это Господь призывает душу. — Она обещалась, и Он взял ее и привел в дом Свой. — Это душа покаялась, дала обещание не грешить и получила благодать в помощь себе. — Друзья ее соскучились и, зная, что она у Господина, сказали: «Пойдем, дадим ей знак. Она услышит и выйдет к нам». — Это страсти приходят и начинают снова увлекать душу. — Но бывшая блудница, услышав знаки, заткнула уши,

вбежала во внутренние покои и заперла двери. — Это душа, которая по покаянии не слушает страстей и бежит от них, как от врагов прелестных. Так будем убегать от страстных внушений и мы всякий раз, как почувствуем приражение их.

Припомним еще сказание святого Макария Великого. Видел он врага, обвешанного разными сосудами, и спросил его: «Что это у тебя?» Он отвечал: «Орудия моих внушений. Подношу всякому, и кто примет, тотчас начнет действовать, как я хочу». — «А куда идешь?» — «Вот туда». — «Что же, там принимают тебя?» — «Нет, все злы, только один есть приятель, который, как только покажусь, от радости не знает, что делать». Узнав имя того человека, святой Макарий обратил его ко Господу и научил противиться страстям. Когда бес пришел снова с своими внушениями, он уже не принял их и с гневом отвергнул и прогнал. Увидев опять того же беса, святой Макарий спросил: «Что, как теперь в том месте?» — «Теперь все злы, и тот, кто прежде слушал меня, стал зол, еще злее других». Так будем злиться и мы на страсти, зная, что тем поражаем врага — человекоубийцу.

И чем злее, чем ревностнее, неподатливее, непрерывнее будем отвергать внушения страстей, тем скорее они ослабеют и, не получая пищи, совсем истощатся и замрут, как замирает и иссыхает дерево, не получая влаги и света. Тогда

душа, в сладком покое пребывая, будет обильно вкушать мир и радость о Духе Святе, полными устами пия жизнь из недр Господних. Тогда она вступит в состояние, совершенно противоположное первому. Там она жила только для страсти и была мертва; теперь она мертва для страстей и полна жизни. Теперь, какая страсть ни приходи, — уже не чувствуется и не производит тревог и смятений, как прежде. Это все то же, как приражение легкого праха к крепкой стене или удар молота в безвоздушном месте, остающийся без отзвука. Или как если какой хозяин упокоится во внутренних комнатах, повелев все запечатать, и приходят к нему сторонние, стучатся в окна и двери, а он не слышит; тогда те отходят, говоря: «Будто все вымерли, души живой нет». Так надо нам настроиться в отношении ко страстям. Пусть бьют они в окна чувств и в двери плоти, а мы так укроемся в сердце и так упокоимся в Господе, чтоб и не чувствовать ничего, как бы ни были сильны возбуждения их и раздражения. Сие состояние есть верх совершенства, цель, к коей стремиться должно.

Достигшие его вступают в блаженное бесстрастие, в коем во глубине сознания душа исповедует: *живу не ктому аз, но живет во мне Христос*¹. Понятно вам будет теперь то, что святые

¹ Гал. 2, 20.

отцы говорят о нашем отношении к страстям. Люди, говорят они, в отношении к страстям бывают трех родов: одни действуют по страстям, другие — борются со страстями, а третьи искоренили страсти. Первые пребывают в смерти, вторые восходят от смерти в живот, третьи вступили в область жизни и утопают в обильных притоках ее.

Сие ведяще, братие, *помышляйте себе мертвых убо быти греху, живых же Богови, о Христе Иисусе Господе нашем. Да не царствует убо грех в мертвеннем вашем теле, во еже послушати его в похотех его; ниже представляйте уды ваша оружия неправды греху, но представляйте себе Богови яко от мертвых живых, и уды ваша оружия правды Богови!*¹ Сие да дарует вам Господь, пришедший в мир оживотворить нас, мертвых прегрешенми. Аминь.

27 октября 1863 г.

В неделю 23-ю по Пятидесятнице

¹ Рим. 6, 11 — 13.

КАК СОХРАНИТЬ НАЧАТКИ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

КАК БЛЮСТИ, ПИТАТЬ И ВОЗВРАЩАТЬ ДУХОВНУЮ ЖИЗНЬ, НАЧАТУЮ В СИЛУ ПОКАЯНИЯ И СВЯТОГО ПРИЧАСТИЯ

Вот уже кому неделя, кому день, как приступали вы к чаше Господней, как за обет не грешить снова приняты в приискреннее общение с Господом, как восприяли намерение вести новую жизнь и, укрепившись благодатию таинств, вступили на святое поприще истинно христианской деятельности. Что же? Успешно ли идут дела ваши?!

Братие и отцы! Я не предполагаю между вами нерадивых и беспечных, не предполагаю таких, кои холодно — по обычаю только — приступив к таинству, продолжают и теперь жить, как жили прежде, или жить, как живется, не заботясь о том, сообразны ли порядки их жизни с волею Господа, принятого в таинстве; не предполагаю и таких, кои, с искренним желанием приступив к таинству и положив при сем в сердце своем не оскорблять более Господа, успели уже снова пасть

в прежние страстные дела и привычки. Думаю, что все вы радуете ныне Господа и Ангелов Его, явившись сюда с тою же чистотою и полнотою жизни, с какою отпущены были от святого причащения, — и не только тою же, но и большею, успевши приложить плоды добрых дел, как приобретение на полученные благодатные силы. Едино прошу от Господа и то взыщу — да будет сие так.

Но если так, то, ревнуя об исправном христианском житии, заботясь о том, как бы явить себя угодными Господу, такую к нам великую милость недавно явившему, вы, верно, встречались с вопросом: как бы сделать, чтобы снова не пасть; как бы устроить такой порядок, чтоб он не мешал, а благоприятствовал новой, начатой по обету, требуемой совестью и желаемой сердцем жизни.

Вероятно, всякий решил уже сии вопросы для себя — как умеет и как находит лучшим. Но чтоб не вкралась в столь важном деле какая-либо ошибка, скажу вам об этом несколько слов, именно — о том, как в самом деле надобно устроиться, чтоб сохранилась, крепла и возрастала начатая нами новая жизнь.

Христианская жизнь, утверждаясь корнем в сердце, развивается и растет на поле жизни нашей подобно дереву. Потому до познания способов воспитания ее в нас можно сравнительно

дойти по способам, употребляемым при воспитании дерев.

Смотрите, что делает садовник с молодыми корнями или прививками, и делайте сами то же с собою и с своею жизнью христианскою. Тот огораживает свое деревцо и, когда нужно, прикрывает, чтобы неблагоприятные действия внешних стихий не повредили его, — это первое. Огородив совне, поливает его, чтоб оно имело около себя довольно материи для всасывания в себя и образования из того питательных соков, — это второе. Далее, чтоб оно росло ровно, кроме своего надзора и обрезывания лишних ветвей, привязывает его к тычине или жерди, крепко и надежно утвержденной в земле.

Подобный же сему уход должен быть и за ростками жизни нашей духовной.

В о - п е р в ы х, надобно оградить его от вредных влияний совне. Это вот что значит. Положили мы твердое намерение не грешить... Надобно теперь отстранить все, что может поколебать сие намерение, именно: изменить прежние обычаи и оставить привычки, которыми питались наши страсти, построить новый порядок своему поведению или своим занятиям дома и вне, и всем своим сношениям, а паче всего предохранять себя от соблазнительных встреч с такими предметами, лицами и вещами, кои могут возбуждать томящие нас греховные страсти... Если

не сделаем сего, легко можем пасть, и росток жизни нашей духовной снова заглохнет подобно деревцу, подверженному вредному влиянию жара, или холода, или росы злокачественной!

Но и оградив сей росток показанным образом, не должно ограничиваться этим одним... Нет, надо еще, во-вторых, питать его... Надо доставить ему, так сказать, стихии, кои усвоая себе, он умножал бы тем свои соки, рос и крепнул... То есть надо делать вот что: 1) читать и слушать слово Божие и писания отеческие, равно как самим рассуждать о спасительных истинах и вести о том беседы с единомысленными людьми или лицами, опытнейшими в жизни духовной; 2) ходить, сколько это для кого возможно, чаще в церковь Божию на Божественные службы и дома учредить уголок молитвенный, время молитвы и правило молитвенное; 3) никак не опускать ни одного представляющегося случая к деланию добра или какому бы то ни было подвигу терпения или самоотвержения... Ежели устроимся так, то как бы светом, теплотою и влажностью обложим своего внутреннего человека и напоим его разного рода стихиями духовными, впивая кои, он будет, как *древо, насажденное при исходящих водах*¹ — пышно и быстро развиваться и зреть; а если не сделаем, то росток сей, подоб-

¹ Пс. 1, 3.

но дереву на сухой и песчаной земле, скоро истощится, засохнет и замрет.

Какого, наконец, уравнивателя приставим к сему дереву, чтоб оно росло ровно и не давало ненужных, лишних отростков? Это ближе всего свое собственное рассуждение. Смотрите сами внимательно за всем и все направляйте к одной цели. Не сможете сами, останавливаетесь часто в недоумении — обращайтесь к духовным отцам своим, спросите старцы, и рекут вам¹. Но, при всем том, не забудьте главного Садовника и Воспитателя нашего внутреннего деревца жизни — Господа нашего Иисуса Христа, Которому и предайте души свои всецело. Преданных к Себе Господь никогда не оставляет, но то внутренними внушениями Им собственно, то указаниями чрез духовных отцов ведет их прямо и незаблудно кратким путем к совершенству в христианской жизни!

Вот что надо делать тем, кои желают сохранить в себе начатки новой жизни и преуспеть в ней! Не распространяюсь много, потому что тем, кои ревнуют о спасении, не нужны долгие убеждения. Им только напомним — и они тотчас берут себе в правило все, что считается для них душеспасительным. Таковыми желаю быть и вам, — только одно еще считаю нужным

¹ Втор. 32, 7.

приложить... Устроив все, о чем было помянуто, — а помянутое не есть только набор слов, а все существенно необходимо в деле хранения и воспитания духовной жизни, — так устроив все сие, паче всего блюдитесь от рассеяния внимания ума, от пристрастия сердца к каким-либо предметам и обременения воли многозаботливою попечительностию. Рассеянность, пристрастие и многозаботливость — три злейшие врага внутренней жизни. Будучи допущены внутрь, в непродолжительное время заглушат они духовную жизнь и повергнут вас снова как бы в латаргический сон — в забвение, беспечность и холодность. А в этом — смерть духовная. Да избавит вас от сего Господь многомилостивый и да умудрит вас во спасение! Аминь.

28 февраля 1860 г.

Во 2-ю неделю Великого поста

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРЕСТОЛУ НЕБЕСНОМУ НАЧИНАЕТСЯ В СЕЙ ЖИЗНИ

ОБЩЕЕ НАЧЕРТАНИЕ ТЕЧЕНИЯ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ, ПО НАВЕДЕНИЮ
ОТ ВОСХОЖДЕНИЯ ЦАРЕЙ К ВОЦАРЕНИЮ

*Побеждающему дам сести со
Мною на престоле Моем, яко
же и Аз победих и седох со
Отцем Моим на престоле Его.*

Апок. 3, 21

*Г*орняя мудрствуйте, а не земная, заповедал апостол Павел¹. Святые отцы, исполняя сию заповедь, не о духовных только предметах мудрствовали непрестанно, но и самым внешним вещам и событиям давали духовное знаменование, чтобы таким образом и из чувственного составить вокруг себя духовное некое училище. Так поступали сами, так советовали поступать и другим. Покоримся их мудрому совету.

¹ Кол. 3, 2.

Церковь и отечество торжествуют ныне восшествие на престол Благочестивейшего Государя Императора Александра Николаевича. Но есть, братие, иное Царство, иные престолы, иное восхождение на них. Это Царство и престолы Христовы и восхождение на них христианское. Итак, возгревая особенно ныне искренние чувства смиренной благодарности Господу, даровавшему царя Российскому престолу, и чувство сыновней преданности возведенному Им на сей престол возлюбленному монарху нашему как сыны отечества земного, — как сыны отечества небесного от престола земного востечем мыслию и сердцем к престолом небесным. Престолы сии раздаются в другой жизни, по правосудному и милосердому определению Судии Бога, но заслужить их надобно еще здесь, еще в сей жизни надобно начать восхождение к ним, начать и бодренно продолжать до конца жизни. Полное изображение сего восхождения к престолу небесному мы видим в восхождении на троны земные. Последуем мыслию вслед сего восхождения.

Царственное лицо, от которого зависит судьба целых миллионов, и зависит не на одно только время его царствования, но и на многие последующие века, есть лицо, особенным образом призываемое на служение человечеству. Потребного для царства царя воздвигает Сам Господь. Сам Господь непосредственно призывает и к

престола наследию небесному, и некогда прославит им только тех, коих предварительно призвал теперь. Сам собою, без сего призывания человек не стал бы и думать о сих престолах невидимых и отдаленных, когда пред ним с таким обилием рассыпаны блага ближайшие и видимые. Грешник то же, что спящий: не возбудит его — он и не встанет, не понудь — он и не пойдет. Посему Господь Сам обходит людей — с милостями и прещениями¹, всех и каждого возбуждает Своим особенным образом — не услышит ли кто и не покорится ли Его спасительному призыванию. И что бы это такое значило? Вот все мы живем вместе, и живем по давно заведенному порядку, не подозревая никаких особенностей ни в себе, ни в других; но между тем очень часто случается, что тот, другой или третий видимо начинают особиться от нас: многое из обыкновенного между нами оставляют, многое совершают не так, иное в их поведении совсем ново; они стали между нами, как странные, и, однако ж, постоянно углублены, постоянно в напряженной деятельности, как бы готовятся к чему важному, как будто собираются в путь, хотят оставить нас и переселиться в другое место. Что значит такая перемена? Откуда такое отчуждение? Это Господь невидимо пришел к ним,

¹ Здесь: наказаниями, вразумлениями. — *Ред.*

тайно сказал их сердцу: «Грядите по Мне», — и они, оставив все, радостно пошли вслед Его. Господь приходит с призыванием путем неведомым, как Дух, Который *идеже хочет, дышет, и глас Его слышиши, но не веши, откуда приходит, и камо идет*¹. Не опасайтесь, чтобы Господь минул кого из нас. Нет, Он всем хочет спастися, ко всем приближается, всех возбуждает. *Стою, говорит, при дверех и толку, аще кто услышит*². Слушать только надобно внимательнее сие призывание и, когда будет услышано, спешить отверзть заключенное свое сердце, тогда Господь беспрепятственно войдет в сие святилище и Сам вознесет на Свой престол. Своего ожесточения только надобно бояться и упорства, а не забвения и оставления Божия.

Лицо царственное бывает царского рода. И наследниками Божиими, сонаследниками же Христовыми могут быть рожденные от Бога. *Аще кто не родится водою и Духом, говорит Господь, не может внити в Царствие Божие*³. В Царстве Христовом все будет ново — и небо и земля, как же можно войти в него, пребывая ветхим? Потому надобно совершенно переродиться и обновиться тому, кто ожидает престолонаследия небесного. И чистосердечно внявший Божественному призыванию всегда прямым путем доходит

¹ Ин. 3, 8. — ² Апок. 3, 20. — ³ Ин. 3, 5.

и до сего существенного обновления во всей своей жизни и во всем поведении. Ибо, лишь только склонит он внимание к Божию гласу, как в душе его начинается чрезвычайный переворот. Мысли текут за мыслями, представления одно другого поразительнейшие с особенною силою и действенностью проходят до самой глубины сердца и то умягчают его милостями, то поражают страхом, то ужасают близостью смерти и суда, то воодушевляют упованием. Человек ощущает тогда всю непотребность своего поведения, вполне сознает свою виновность в том, стыдится даже имени человека, униженного им, поражает себя ненавистию и презрением, трепещет Бога, Которого зрит мысленными очами, и в чувстве сердца испытывает огненные мучения ада. Но воскриляясь упованием спасения во Христе Иисусе, он в благодушии, припадая, молится, проливает слезы, дает уверительный клятвенный обет никогда не возвращаться на путь неправды, оставить все и ничего не знать, кроме заповедей Христа, готов на все, даже на смерть, только бы избавил его Господь от гибели и утешил мятущееся и умученное сердце. Господь видит произволение человека и не медлит освятить его своим благословением и запечатлеть благодатию Духа в таинствах Церкви. Тогда сердце, исполненное радостию, в пламенной ревности о славе Божией, вступает на путь правды с

воодушевленную решимостию никогда не оставлять его, хотя бы это стоило пота, крови, жизни. С сей минуты начинается у него совершенно новая жизнь — жизнь по духу Евангелия и внушениям благодати. *Всяк рожденный от Бога греха не творит, яко семя Его в нем пребывает: и не может согрешати, яко от Бога рожден есть*¹.

Рожденный от царя будущий царь проходит царственное воспитание, в котором научается он высокой науке царствовать. Воспитываются и рожденные от Духа, призванные к вечному престолонаследию, воспитываются среди глубоких скорбей и душевных болезней. *Страданьми подобаше совершити Начальника спасения нашего*¹; *многими скорбями подобает внити в Царствие Божие*² и всякому идущему вслед Его. И блажен человек, который претерпит искушение, потому что, прошедши испытание, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его. Сердечные болезни, искушения и скорби неминуемо встретят восходящего к престолу небесному. Душа, повинувшаяся призыванию, восходит до воодушевленной решимости жить и умирать только для Христа. Но такая решимость, свидетельствующая о совершившемся в душе возрождении, есть только начало христианской жизни, а не полнота ее, есть только первое вступ-

¹ 1 Ин. 3, 9. — ² Ср.: Евр. 2, 10. — ³ Деян. 14, 22.

ление на путь к небу, а не совершение его. Душа здесь ненавидит грех, но он еще живет в ней; ненавидит гнев, зависть, гордость, тщеславие и все порочные чувства, но они еще в сердце и поминутно прорываются из него, как темные облака, стремясь затмить только что воссиявшую зарю духовной жизни. Мужественная душа вступает теперь в жестокую брань с собою — брань, которая мучительнее и болезненнее всякой видимой брани, ибо здесь собственное существо разделяется на части, собственное сердце поражается, своя как бы кровь проливается собственной рукою. Блажен, кто претерпит сие скорбнейшее испытание. Но оно еще не окончится, как настанет и другое. Нередко встретит человека на пути добродетели всеобщее нерасположение — презрение, насмешки, укоризны, ненависть, даже злоба, уготовляющая гонение и смерть. К сим искушениям, лютым и самим по себе, присоединяются, наконец, еще лютейшие — коварства и козни духов злобы, кои спешат обыкновенно противостать сами, коль скоро не успеют соблазнить ищущего правды чрез своих клеветов. Иногда же все сии соблазны извне и внутри облегают работающую Господу душу с такою силою и обилием, что, как в водах потопленная, она с сильным воплем обращается к Господу и взывает: «О Господи! спаси же! О Господи! благопоспеси же!» Вот непрременные спутники

восхождению на небо. Крестный путь есть единственный путь к небесному венчанию, скорби — лучшее училище благочестия и совершенства для имеющих восседать на престолах в Царстве Христовом. Там множество будет престолов разного достоинства и славы, но все они суть престолы мученичества, являющегося на земле в бесчисленных видах! Кто не испытал болезней внутренней брани, кто не страдал за Христа каким бы то ни было образом, тот тщетно надеется венчаться в Царстве Христовом.

Наконец, наследник престола в свое время получает царский венец и восходит на престол. И душа, прошедшая все степени христианского совершенства, перешедши в другую жизнь, праведным судом Божиим возводится на престол за победу над собою и венчается венцом — или смирения, или благотворительности, или послушания, или целомудрия, или другим каким, смотря по подвигу и труду, которым трудилась. В настоящей жизни каждый человек приходит в мир с особенным характером, который, если рассматривать его в отношении к греху, располагает душу, по преимуществу, к одному какому-нибудь порочному желанию — источнику и всех других порочных желаний и действий. Так, от природы иной чувствителен наиболее к чести, иной к чему другому. Ревнующая о самоисправлении, душа, по преимуществу, и направляет все

свои силы туда, откуда, как из источника, истекает все зло, покрывающее ее, — к господствующей своей страсти, с нею борется, ее побеждать напрягается. А потому в день наград и получает особенный, себе только свойственный венец — венец кротости за победу над гневом, венец воздержания за победу над плотию, венец милосердия за победу над своекорыстием и проч. Вообще же получают сии венцы и воссядут на сии престолы только победители.

*Побеждающему, говорит Господь, дам сести со Мною на престоле Моем, якоже Аз победих, и сядо́х со Отцем Моим на престоле Его*¹. Есть люди, от природы получающие известные добрые качества. Иной от природы кроток и незлобив, иной послушлив, иной другими украшен добродетелями от рождения. Такие не увенчаются за сии добродетели: они не трудились над собою, не побеждали себя, не потом и слезами возделали в сердце сии добрые качества, а получили их от Бога. Но увенчается только тот, кто от природы гневлив — и приобретает незлобие, кто от природы склонен к невоздержанию — и является воздержным, кто от природы свое нравен — и мы видим его благопокорным и послушным. Таковой поистине есть великий победитель естества и мученик.

¹ Апок. 3, 21.

Вот, братие, единственный путь, ведущий в Царство Христово! Вот степени восхождения к престолу небесному! Кто нейдет по сему пути, тот идет не в Царство Христово; кто не стоит на какой-нибудь из сих степеней, тот еще не начал восходить к небесному престолу. Все, восшедшие на Христовых престолах на небе, взяты от земли и пришли туда по сему пути, открытому нам Самим Иисусом Христом. И всякий раб Иисуса Христа, повинующийся воле Его, смиренно преданный руководству Его, ревнующий о своем исправлении по силам, творящий добро, сколько знает и может, — да успокоится в воле Божией. Такая надежда свята и праведна. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, *порождей нас в упование живо*¹, — да возродит и укрепит и в нас сию надежду, а паче да положит глубже в нас основание сей надежды — дух благочестия христианского. Будем молить Его о сем, особенно же о возлюбленном монархе нашем, да даст ему Господь чрез восхождение на трон земной перейти и к престолу небесному. Аминь.

*В день восшествия на престол
Благочестивейшего Государя Императора
Александра Николаевича*

¹ 1 Пет. 1, 3.

ВЫСШИЕ ПОТРЕБНОСТИ ДУХА — В ГОСПОДЕ

ЖАЖДЕНИЯ НАШЕГО ЕСТЕСТВА И ВЕРНЫЙ СПОСОБ УТОЛЕНИЯ ИХ

Вот уже почти неделя, как слух наш оглашается церковными песнями о жажде. Каждому из нас внушается звать ко Господу: «Жаждущую душу мою напои...» И Сам Господь всех жаждущих призывает к Себе, говоря: *жаждай да грядет ко Мне и да пьет*¹. Ныне в Евангелии Спаситель беседует с самарянкою тоже о жажде. Самарянка просит Его: «Дай мне такую воду, чтоб мне не ходить сюда на колодезь за водою и даже совсем не иметь жажды». Господь говорит: *всяк пий от воды сея, вжаждется паки; а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки*².

Можете догадаться, что здесь рассуждается не о простой жажде, когда хочется пить воды, а о другой некоторой жажде, более ценной и более обширной. Словом *жажда* означаются высшие

¹ Ср.: Ин. 7, 37. — ² Ин. 4, 13 — 14.

потребности человеческого духа, которым нельзя найти полного и прочного удовлетворения нигде, кроме Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Самарянка в сем отношении представляет образ природы человеческой, с неудовлетворенною жаждою обращающейся к Господу после того, как многократно удовлетворяла ее из колодца самоизобретенных тварных благ и все не находила покоя от жажды.

Читается нам такое Евангелие всегда весною, чтобы мы, уразумев смысл его, не бросались подобно неразумным детям на приманки удовольствий, которые открываются нам обычно в это время года, и не преставали быть в Господе — единственном источнике всеудовлетворительных благ.

Чтоб и вы сами пришли к такому же заключению, я только расскажу вам, что такое природа человеческая и чего она ищет. Вы увидите, сколько есть жажданий и как мы несправедливы к себе, удовлетворяя одну сторону и оставляя в тени и презрении другую.

Человек, как видите, не тело только имеет, но и душу, и в душе самой, или в своей внутренней жизни, не душу только, но и дух, который несравненно выше души... Каждая из сих частей существа человеческого — дух, душа и тело — имеет свои потребности. Чувство потребности есть жаждание. Стало быть, у нас есть три рода

жажданий: жаждание телесное, плотское — чувственное, жаждание душевное и жаждание духовное. Первое — плотское — ищет земных и чувственных удовольствий, второе — душевное — ищет благ житейских, или благ мира, третье — духовное — ищет благ духовных — небесных, или Бога и Божественных вещей.

Укажу еще подробнее сии жаждания... Так, в теле нашем есть потребность самохранения — есть, пить, спать; есть потребность движения — ходить, работать, трудиться, которая превращена в потребность гулять, танцевать, биться на кулачки и прочее подобное; есть потребность употребления чувств — смотреть, слышать, осязать, обонять. Три класса потребностей плотских, три рода и жажданий чувственных, которые удовлетворяются чувственными вещами, нас окружающими... Кто занят преимущественно удовлетворением сих потребностей, тот стоит на степени животного. Встал, походил, поговорил, помечтал, почитал, поел и потом опять соснул, прогулялся, повертелся, поглазел, послушал пустых речей и сам поболтал, и снова спать... Вот вся тут программа жизни... Пусто, но, к сожалению, очень, очень большой круг людей сюда принадлежит. Тут жаждание утоляется на несколько часов и снова оживает, и точит человека, как червь.

В душе есть потребность знания — хочется человеку все разведать и разузнать научно, или

понаслышке, или чрез чтение. Поминутно слышите: что это, отчего, как, для чего?.. Эта пытливость есть у всякого. Есть потребность предприятий или дел: по домохозяйству, по торговой части, по военной, ученой, судебной, гражданской или сельской жизни... Минуты не проходит, чтоб кто что-нибудь не загадывал делать, и делает, и, сделавши одно, берется за другое... Это предприимчивость, забота и многопопечение. Есть потребность украшать себя, свое жилье и свою жизнь. Нужна хорошая мебель, одежда, хорошие картины, изваяния, пение, музыка и прочее подобное. Рай хочется человеку насадить окрест себя взамен потерянного. Это так называемые невинные удовольствия. Вот и в душе три потребности: потребность знания, предприимчивость, или попечительность, и искание эстетических удовольствий. Столько же в ней и жажданий. Тут жажда никогда не удовлетворяется, а постоянно снедает человека, несмотря на то что он и минуты не дает себе покоя. Все это знаете вы сами.

В духе есть потребность созерцания Бога и Божественных вещей, удовлетворяемая познаниями духовного мира; есть потребность покоя в Боге, или покоя совести, удовлетворяемая исполнением воли Божией; есть потребность богообщения, или вкушения Бога, удовлетворяемая молитвенным исчезновением в Боге. Сколько

потребностей в духе, столько же и жажданий, то есть жажда молитвенного отрешения от всего, покоя в Боге и богосозерцания, которые, не будучи удовлетворены, оставляют тоску, а будучи удовлетворены надлежащим образом, и дух упокоивают, и низводят покой в душу и тело, восполняя их недостатки своею полнотою, или заменяя их способы своими, например: молитвенным возношением к Богу — эстетические удовольствия, покоем совести — многопечительностью, созерцанием Бога и вещей Божественных — бесплодное искание истины научным путем.

Вот у нас три класса жажданий и по три вида жажданий в каждом классе, — всех девять, как бы девять уст, из которых человек слышит непрестанный вопль: жажду! Всю жизнь иной человек бьется, чтоб как-нибудь заглушить сей вопль, и не успевает. Почему? Потому, прежде всего, что неправильно распределяет сии жаждания. Посмотрите, как бывает: чувственные потребности стоят наперед, и об них больше заботы, затем душевные, уже в меньшей мере удовлетворяемые, а духовные считаются последними, и об них мало или совсем не бывает заботы, так что человек находится теперь в превратном положении — наверху у него то, чему следует быть нанизу. А в таком виде трудиться насытить человека есть то же, что стараться наполнить водою

сосуд, обратив его кверху дном. Вот отчего и не имеет человек довольства, не насыщается, все жаждет и жаждет, несмотря на то что непрестанно хлопочет о довольстве и окружен бывает многими благами. Таким образом, кто желает покоя, тому надо поправить сию ошибку — и обрящется покой и мир, превосходящий всякий разум. Надо то есть прежде всего — удовлетворить дух, возведши его в богообщение, боговкушение и богосозерцание. Далее, силою духа и по его указанию и руководству, удовлетворять и потребностям душевным и телесным. Бог — полнота благ, — наполнив дух, чрез него низольет дополнительные удовлетворения на потребности души — на ее знания, предприятия и наслаждения, и на потребности тела, дав им меру, и вес, и цель.

Видите теперь, когда человек может перестать вопиять: жажду! Тогда, когда удовлетворит дух чрез богообщение. Спрашивается: как это сделать? Вот как. Человек первоначально сотворен, чтоб быть в богообщении — жить в Боге и блаженствовать. Так и было. В падении он отделился от Бога и потерял богообщение. Потеряв богообщение, сделался неудовлетворимо жаждущим. Дух его ослабел, оставшись один; над ним возобладала душа с потребностями своими, сама в свою очередь подчинившись преобладанию плоти. Для восстановления падшего пришел Господь и, удовлетворив правде Божией

Своими беспредельными страданиями, ниспослал Божественного Духа для того, чтоб, будучи приемлем верующими чрез таинства, Он восставлял в Свой чин дух человека, а чрез него душу и тело, — и возвращал, таким образом, падшему predeterminedенное ему совершенство — сладостную и вседовольную жизнь в богообщении. Все сие совершается так: приходит человек в покаянное раскаяние о своем непотребстве и своей виновности пред Богом; затем верую в Господа возникает ко благонадежности спасения: далее, положив обет — принадлежать Господу, примет таинство. Пришедшая чрез таинство благодать Всесвятого Духа живо сочетавает его с Господом, как дикую ветвь с лозою, а чрез Господа возводит к глубочайшему общению с Богом. Преисполнившись сим богообщением, все существо человека является упокоенным, вступает в суботство в Боге, не тревожимое никакими воплями низших потребностей. Вот и вся тайна! Кто жаждет, иди ко Господу, и напьешься у Него воды, от которой пьющие не жаждут более. А без сего показанные девять потребностей будут непрестанно томить бедную душу, не давая ей покоя, точить ее, как черви точат сердце дерева, и истощать ее, как пьявки истощают жизненные соки телесные...

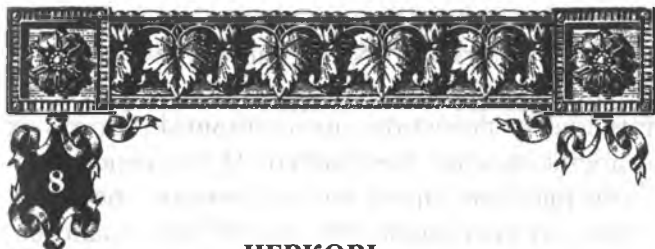
Не то сие значит, чтоб вступившие в богообщение не чувствовали потребностей душевных

и телесных и не удовлетворяли им, а то, что жаждание у таковых теряет свою жгучесть и неотступность и что под сим условием нисходит и к ним от Бога услаждающее вседовольство. Кто в Боге живет, тот все имеет и ни в чем не имеет недостатка, или не бывает беспокоим чувствами скудости и лишения. Вот в чем вся сила!

Ныне зовет всех нас Господь: *жаждай да грядет ко Мне и да пьет...* Пойдемте все к сладчайшему Господу, и утолим у Него жажду свою, но так, чтоб уже не заходить после сего ни к каким колодцам, хотя бы они были вырываемы какими-нибудь знаменитостями. Аминь.

1 мая 1860 г.

В неделю самаряныни

ЦЕРКОВЬ — МЕСТО ВОСПИТАНИЯ ДУШ

ЧЕМ И КАК ПИТАТЬ ДУШУ, ЧТОБ РОСЛА ДУХОВНО

Когда, проходя каким-либо пустынным местом, встретишь дерево или другое растение на песчаном, каменистом грунте, то не можешь не пожалеть о нем. Уныло стоит оно. Недостаток питательных частей в земле и воздухе истощает его. Оно видимо сохнет и чахнет, и, кажется, всякому мимоходящему своим видом и состоянием внятно говорит: «Мне здесь дурно, возьмите меня отсюда и пересадите в другое место».

Другие совсем чувства внушает дерево, растущее при протоке воды, на земле влажной и тучной. Оно полно жизни и, наслаждаясь полным довольством, всеми частичками своего состава, кажется, поет благодарную песнь Насадителю всякой твари за эту возможность всеми устами пить питательные соки из всего, что окружает его.

Не бывают ли, братие, часто и души человеческие в подобных обстоятельствах?! Да, часто и они гибнут голодом и томятся, как в душной темнице, от недостатка того, что может питать их и доставлять им довольство. И это нередко — с совершенною противоположною внешнему пышному состоянию тех людей! Христианство, святая вера наша, или Святая Церковь, и Богом назначена быть местом покоища и довольственного воспитания душ человеческих... Но не все пребывают в ней и, пребывая, не все пользуются надлежащим образом всем, что предлагает она. И здесь много душ, истощающих и измождающих себя по одному неразумию.

Вот посмотрите, как все сие бывает.

Растение, будучи земного происхождения, пищу свою получает из земли и из того, что есть вокруг его; напротив, душа, по образу и подобию Божию созданная, будучи происхождения небесного, может питаться только стихиями небесными, от Бога исходящими и к ней направленными или к ней приложенными.

Так, растению нужен свет: без него оно вянет. Нужен и душе свет — небесный. Это истина Божия. Обильно предлагается она в Церкви Божией всем, хотящим внимать; предлагается и в чтении слова Божия, и в проповедях, и в песнях церковных, и во всем устройении и чинопоследованиях Церкви, и в писаниях отеческих, и

во многих-многих душеспасительных книгах. Желаящие обильно черплют здесь свет истины Божией и веселятся под осиянием ее. Но не все же так делают, и не все, по виду кажущиеся быть вместилищем истины Божией, в самом деле вмещают ее. Есть люди, кои дни и ночи просиживают над изучением какой-нибудь науки — математики, физики, астрономии, истории и проч., думая, что питают душу истиною, а душа их чахнет и томится. Отчего? — Оттого, что нет истины в тех местах, где хотят ее найти! Не потому так говорю, чтоб науки не могли вмещать истины, но что нередко она бывает оттуда изгнана и замещена то мечтаниями, то предположениями, противными истине. А ведь души не обманешь, как не обманешь голодного, давая ему камень вместо хлеба. Вот она и томится! Но это будто еще дельные занятия — ученость. А что сказать о жадно читающих периодичную нашу письменность? Посмотрите, с каким усилием добывается молодой, а иногда и немолодой человек, поскорее получить обычный месячный выпуск, с какою неудержимостию бросается пожрать, как говорят, полученную добычу?! Тут и пища на ум нейдет, и сна бывает мало... А какой плод?! Две-три удачные фразы, две-три льстящие фантазии, два-три обманчивые предположения, — и все тут... прочее никуда негоже. И душа недовольна. Берется другая, третья книга... все

то же... Душе больно! Заводятся взаимные беседы... все то же, потому что и предметы бесед, и образ трактования их берутся из тех же книг... Приложите к сему мелочность обыденных занятий и соотношений, и вы поймете, что, если бы открыть тот слух, которым слышится речь души, вы услышали бы горький в ней вопль: «Изведите меня из сей темницы... мне тошно здесь! Дайте мне взглянуть на Божий свет!» Так это и есть. Но кто послушает?! Видите, тут не в тоне — питать душу истиною Божиею!.. И ее томят. И добро бы далеко было идти за сею истиною... Нет, она тут же, но не хотят открыть очей, чтобы воспринять свет ее. Войди в церковь, послушай, что здесь поется, читается и действуется, — и узришь свет истины Божией. Раскрой Евангелие или хоть в руках поддержи сию Божественную книгу, — и то отраднее будет душе твоей. А отеческих писаний разве мало у нас теперь в доступном для всех переводе? А других духовных книг и повременных духовных изданий сколько? Но всех сих сокровищниц истины Божией мы не знаем, даже и имен их не слышали. Братие и отцы! Что ж это мы за христиане, когда и в руки не берем тех книг, в которых изъясняется христианство, а читаем — не зная что? И мучим душу в душевной темноте — мы, сыны света и дня, как назвал нас святой апостол?!

Приложу и еще одну или две мысли. Растению, чтоб жить и расти, нужен воздух. Без него оно замрет. Нужен и для души воздух небесный... Это, как я не раз говорил уже вам, вся церковность, или все Боголепные священнодействия Церкви... Тут только душа и бывает как бы в своей атмосфере, а вне ее — удушливо. Как чахнет чахоточный, так чахнет душа вне Церкви, в пространных будто обычаях мира... И вот отчего, — кто только и знает, что балы да театры, гулянья да вечеринки, живые картины да филлярство и подобное, — душа того глубоко ноет и томится, когда останется он один — сам с собою!.. Она говорит ему тогда: «Мне душно... возьми меня отсюда и введи туда, где всегда воздух чист и небо светло».

Для растения нужна влажность — соки, которые пьет оно корнями, и, проводя в ствол, образует себя переделанною осадкою их... Нужно своего рода переделание и осадка духовных соков и для души. Сие совершается повседневным доброделанием, или исполнением заповедей, к каким случаи представляет обыкновенное течение жизни нашей. Как соки в растении или пища в теле нашем, оставаясь непеределанными, обременяют только и тяготят, не принося пользы, так все духовные стихии, какие приемлет душа, — истина Божия, таинства и священнодействия и проч., будут только тяготить ее — здесь

и вечно — судом совести и Божиим, если она не претворит всего того в свою кровь духовную доброделанием. Вот отчего больны, скорбны и унылы души людей, кои погружены в одни заботы житейские или одни дела служебные, и еще хуже — в дела страстные; а о том, чтоб сделать какое добро, и помышления не имеют. Не пропускают они ни одной частички питательной в душу, и она сохнет, сохнет. Не потому так говорю, чтоб дела службы и дела житейские — хлопоты по семейству, торг, обороты разные и разные предприятия — были пагубны для души... Нет. Не они сами по себе пагубны, а пагубно то, если ими только одними и занимаются, не заботясь о добродетели, и если, совершая их, совершают не во славу Божию, а для каких-нибудь самолюбивых целей. Как соки в нашем теле обращаются в живую кровь чрез соединение их с кислородом воздуха, так все дела и служебные, и житейские могут обращаться в питательную для души стихию, если будем их посвящать все Богу! А когда сего нет, нет притом и добрых дел, то чем питаться душе?! Вот она томится тогда, и жалуется человеку, и внятно говорит ему: «Переседи меня с этой сухой или гнилой почвы на ниву Божию, ниву добрых дел, заповедями Христовыми требуемых».

Вот и все! Но все сие вы ведаете, братие! Ведаете, что душа, обильно осияваемая светом ис-

тины Божией, содержащая в чистом и небесном воздухе молитвований и священнодействий Церкви и подкрепляемая питательною пищею доброделания, подобна *древу, насажденному при истокищах вод, еже плод свой даст во время свое, и лист его не отпадет*¹. А другая, лишаемая всего сего, подобна благородному растению, с ожесточением держимому в таком месте, где ни света, ни воздуха чистого, ни влажности... и чахнущему! *Сия весте*². Но *блаженни есте, аще творите я!*³ — За что тиранишь ты, человек, душу свою, в неразумии и ослеплении предаваясь буйству жизни мирской?!

Эти мысли предложить вам внушил мне нынешний день, посвященный святому Иоанну Лествичнику, пустынножителю и наставнику в пустынножительстве. Многим кажется, что пустыня или какая-нибудь иноческая обитель есть место сухое, ничего питательного для души не представляющее. А вот посмотрите на дела святого Иоанна, разверните «Лествицу» его, прочитайте в ней что-нибудь, и увидите, как много в нем было жизни и сил! Пустыня истощает только плоть, а душу обильно питает всякою небесною пищею. Мир вам кажется тучным; но он утучняет только плоть, а душу морит голодом, ни малейшей даже частички питательного не представляя для

¹ Пс. 1, 3. — ² Это знайте. — *Ред.* — ³ Ин. 13, 17.

нее. По сему различию устрайте и жизнь свою
все, хотящие возрастить душу свою в древо жи-
вое, достойное пересадки в рай небесный. Аминь.

13 марта 1860 г.

В 4-ю неделю Великого поста

ТАМ И СЕРДЦЕ НАШЕ, ГДЕ СОКРОВИЩЕ НАШЕ

В СИЛУ ВОЗНЕСЕНИЯ ГОСПОДНЯ НАДО НАМ СОЗНАВАТЬ СЕБЯ ВЫШ-
НИМИ И ВЫШНИХ ИСКАТЬ

Вознесся Господь во славе на небеса. Как же это вознесся Тот, Который яко Бог есть везде сый и вся исполняяй?! — Это человечеством вознесся Он. — Это человека в Себе вознес Он на небеса.

Вознесся Господь и сел одесную Бога и Отца. Как сел одесную Бога Тот, Который неотлучно всегда с Ним пребывает, — единоцарствен и сопрестолен? Это человечеством сел Он одесную Бога, это человека в Себе ввел Он в соцарствование Богу, — в промыслительное державствование над всем видимым и невидимым.

Так исполнилось Божие о нас благоволение. Сын Божий, сошедши на землю, восприял на рамо¹ Свое человека, как овча погибшее, и принес его ко Отцу Своему. Прославим благодать и

¹ На плечо. — *Ред.*

премудрость Человеколюбца Бога. Не бросил Он нас и не предал пагубе нашей, но посрамил злобу врага и, обожив в Себе естество наше, спасительно даровал нам то, чем на пагубу прельщены были мы вначале.

Отрясем же ныне, братие, бренность мысли нашей и, востекши умом на небо, станем у престола Божия, у ног прославленного в Господе человечества и будем поучительно созерцать оное.

Видите, как возвеличено естество человеческое в Господе: оно обожено, оно соцарственно Богу, оно превыше всякого начала, и власти, и силы. Возревнуем же не унижать сего естества в себе самих грешными делами, греховными мыслями и расположениями, срамными страстями телесными и душевными. Каков Небесный, таковыми подобает быть и нам, как призванным быть небесными. Каков Глава — Господь, таковы да будут и члены — все верующие; каков Первороденный, таковыми должны быть и все те, их же братиею не устыдился нареши Он¹. Господь — новый Родоначальник. Поколение Его духовно созидается из всех племен земных. В числе их и мы, и вместе с ними должны составлять *род избран, царское священство, язык свят, людей обновления, яко да добродетели возвещаем*

¹ Евр. 2, 11.

Его, *из тьмы нас призвавшего в чудный Свой свет*¹. Поревнуем же быть совершенными, как Отец наш Небесный совершен. Молился Господь о нас, чтоб как Он едино есть со Отцем, и мы в Нем едино были². Верую и благодатию мы введены в единение сие. Какими же ревнителями жизни по вере подобает нам быть, чтоб явить себя стоящими в чине своем?! Таково убо имущее избрание, *о возлюбленные, очистим себя и чистыми всегда будем держать себя от всякия скверны плоти и духа*³. Сие помышление и запечатлеем в сердце нашем, да не согрешаем. Но *и аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа — Праведника*⁴. Вначале согрешили мы и отпали от Бога. Соединяясь с Иисусом Христом, воссоединяемся с Богом. Но если и тут согрешаем — снова отпадаем от Бога и Спасителя Иисуса и вместе с тем лишаемся всех преимуществ, даруемых нам в Нем. Что же теперь делать тем, кои снова отпадают в грехи? Упал — встань. Согрешил — покайся. Но никак не отчаивайся и отчаянием не предавай себя в руки падения своего. *Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа — Праведника*. Смотри, Он сидит одесную Бога Отца и ходатайствует о нас. Как Первосвященник Он с кровию Своею вниде во святая святых, *в самое небо, да явится лицу*

¹ 1 Пет. 2, 9. — ² Ин. 17, 11. — ³ 2 Кор. 7, 1. — ⁴ 1 Ин. 2, 1.

*Божию о нас, всегда жив сый, еже ходатайствовать о нас*¹. Ходатайство Господне будет услышано и удовлетворено. Надо только привлечь к себе сие ходатайство искренним раскаянием и неколеблующеюся и недвоящеюся решимостию отстать от грехов, какими враг успеваает опутать души льстивыми обещаниями безвредности и ненаказанности грехов. Приидите же, припадем и восплачемся пред Господом, сотворшим нас, спасшим и спасающим.

*Бог богат сый в милости, пишет апостол Павел, за премногую любовь Свою, еюже возлюби нас, и сущих нас мертвых прегрешенми, сооживи Христом... и с Ним воскреси, и спосади на небесных во Христе Иисусе*². Так вот где место-то наше? Стало быть, не следует нам жить на земле так, как бы мы здесь вечно должны были жить, но так жить, как живут на чужой стороне. Странники телом живут на чужой стороне, а умом и сердцем всегда в отечестве своем. Так и нам заповедует апостол: *аще воскреснусте со Христом, вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сядя. Горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе*³. Во Христе Иисусе мы уже на небе, надлежит переселиться туда и умом и сердцем, — да будет там и сердце наше, где есть сокровище

¹ Евр. 9, 12, 24; 7, 25. — ² Еф. 2, 4—6. — ³ Кол. 3, 1—3.

наше. Туда все и направлять надо — мысли, слова и дела. Туда и все заботы, и все земное наше пребывание так устроить, чтоб оно было приготовлением к вечному блаженному пребыванию на небе со Христом Иисусом, Господом нашим. На земле живучи, нельзя не делать земного и житейского. Но все сие можно вести так, что оно будет путем, ведущим туда, идеже есть Христос, одесную Бога. Богатство есть — туда предпошли чрез бедных. Власть есть — тамошнее господство стяжи умножением благотворных действий. Дарование есть — не зарывай талантов в землю, пусти в рост, да, верный в мале, над многим поставлен будешь. Силы есть — трудись, да вкусишь там от трудов своих. Даже бедность есть, скорби есть, болезни есть — и сие все безропотным терпением, благодушием и благодарением обрати в средство к стяжанию вечного довольства. *В премудрости ходите к внешним, заповедует апостол¹. Блюдите, како опасно ходите, не якоже не мудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевающе, что есть воля Божия².*

Собрав воедино сии немногие мысли, мы получим такой урок от Вознесения Господня. Сознав, что *наше житие на небесех есть, отнюдуже и*

¹ Кол. 4, 5. — ² Еф. 5, 15 — 17.

Спасителя ждем Господа нашего Иисуса Христа¹, как и Ангел сказал святым апостолам, смотревшим вслед возносящегося Господа², — со усердием потечем к почести вышняго звания о Христе Иисусе³, елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала, сия помышляя⁴, претыкаясь и вставая, но никогда не ослабевая в ревности, задняя забывая, в предняя простираться⁵.

Тако тецыте. И если так будете тещи, несомненно — достигнете того, чего все чаем благодатию Господа, вознесшегося на небеса и сидящего одесную Бога и Отца. Аминь.

28 мая 1864 г.

На Вознесение Господне

¹ Флп. 3, 20. — ² Деян. 1, 11. — ³ Флп. 3, 14. — ⁴ Флп. 4, 8. — ⁵ Флп. 3, 13.

ИСПРАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ И ПРАВА

ПОДРАЖАЙ СВЯТОЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ В ПОКАЯНИИ И САМО-
ИСПРАВЛЕНИИ

Нынешнее воскресенье посвящается памяти преподобной матери нашей — Марии Египетской, и мы уже восхваляли ее вместе с Церковью на всенощной в пениях и песнях духовных, и помолились ей о помощи нам в трудном деле исправления своей жизни и своего нрава. Теперь будем учиться у нее сему делу. Святая Церковь, предлагая нам пример Марии Египетской, хочет внушить: «Если хотите каяться и исправлять жизнь свою, как должно, — вот как кайтесь и исправляйтесь! Но так ли поступали вы в продолжение поста сего? Если так, добро вам... А если нет, — вам еще остается две недели: успеете поправить неисправное или дополнить опущенное. Только не нерадите».

Но скажет кто: «Мария Египетская — пример для подражания! Неужели же всем надо бежать в места необитаемые — в пустыню, в

горы?» Нет, не всем. Но всем должно подражать ее трудам в самоисправлении, ее твердой решимости переменить жизнь и тому, как она дошла до сей решимости. Вот стороны подражаемые! Как дошла преподобная Мария до решимости переменить жизнь? Господь довел. За что? За то, что при всей неудержимости одолевавшей ее страсти, она никак не думала оставаться навсегда в сем горьком рабстве. Она терпела насилие со стороны плоти и врага, действовавшего чрез сию плоть, и поддавалась увлечению, но не предавала себя ему вконец.

Господь сжалился над страданием твари и пришел высвободить ее из томивших ее уз. В этом урок из самой грешной части жизни святой Марии Египетской. Так, если кто имеет несчастье состоять в рабстве какой-либо страсти плотской или душевной, возымей, по крайней мере, столько крепости, чтоб не отдаться ей безвозвратно, — не будь подобен тем, кои, в нечаяние вложшися, предают себя студодеянию¹. Страсть точно вяжет человека и, как ведомого, ведет его на дела, удовлетворяющие ей; но ты и при узах рабства обнаруживай, по крайней мере, нехотение таких дел, оставайся недовольным ими. Не говори: «Ну уж, верно, так и быть...

¹ Которые, низвергнувшись, в отчаяние предаются постыдным делам, нечистой жизни. — *Ред.*

пусть ее будет, как было, или пусть текут дела, как текли». Но подобно тому, кто, не имея сил противостоять, когда его влекут связанного, по крайней мере, упирается ногами, и ты, несмотря на силу страсти, тебя влекущей, хоть чем-нибудь показывай ей противление, говори ей: «Ну уж в последний раз, больше не поддамся»; и хоть еще падешь — опять то же говори и так далее; только говори не языком одним, но и сердцем, и ко Господу вопий о помощи. Как тот, кого враг, связавши, ведет в плен, оставя ему незавязанными уста, — хотя влечется вслед его, но, имея возможность кричать, кричит, не услышит ли кто и не освободит ли его: так кричи и ты ко Господу: «Господи, прежде даже не погибну, спаси мя; Господи, прежде конца даруй мне покаяться...» И услышан будешь. Как дитя повитое, лежащее в колыбели, хотя не может двинуться ни руками, ни ногами, но криком своим берет за сердце мать свою и, как у́жем¹, привлекает ее к себе, так если будешь вопиять, и ты привлечешь к себе Господа, Который сказал, что скорее мать забудет дитя свое, нежели Он забудет вопиющих к Нему².

Когда же, наконец, придет к тебе Господь, внимай тогда, брат, и непусти себе — не воспользоваться, как следует, сим великим к тебе снисхождением Божиим. Ты будешь тогда

¹ Веревкой. — *Ред.* — ² Ис. 49, 15.

походить на святую Марию, когда она пред входом ко Гробу Господню была поймана судом Божиим. Как она, пораженная силою невидимую, долго не раздумывала, а тотчас пришла в сознание, что причиною сего — грех ее, и тотчас же положила намерение — отстать от сего пагубного греха своего и никогда уже не возвращаться на него... Так надлежит сделать и тебе. Внимай же! Когда сильное ли угрызение совести, или страх суда и смерти, близость ли опасности, как меча над главою, или чувство величия Божия и великой Его благодати, или другое что поразит глубоко сердце твое и потрясет все составы твои, так что ты будешь чувствовать, что как бы спали с тебя все узы, теснившие тебя до толе, — знай, что это благодать Божия коснулась тебя и дает тебе свободу вступить на путь добра, — свободу, которой прежде у тебя не доставало. Внимай! Минута сия дорога! То, что ты чувствуешь в ту пору, есть дело благодати... Приложи сюда и свое дело — именно вот что — скажи: «Скверно жил я, поблажая страсти... С сих пор не буду...» Затем, исповедав и прияв разрешение, — держись положенного обета... Так сделала святая Мария. Не отлагала она намерения переменить жизнь до завтра; нет, а тотчас — решилась и сделала... Так должно всякому. Благодать, пришедши, точно разрешает узы страсти, но если кто тотчас не решится отстать

от дел страстных, то опять заковывается в сии узы. Когда Ангел явился Петру апостолу в темнице, узы его спали; но если б он не пошел потом вслед Ангела вон из темницы, а остался в ней, пришел бы страж темничный, заковал бы его снова в кандалы — и запер темницу... и остался бы святой Петр по-прежнему узником. Так снова облегают узы страсти всякого, кто, ощутив действие благодати Божией, освобождающей его от страсти, не решается тотчас переменить жизнь свою, а отлагает то до другого времени. Не отлагай же, брат! Ибо не знаешь, — придет ли еще когда такая благоприятная минута.

Положив твердое намерение исправиться, надо тут же и самым делом начать сие исправление, как сделала святая Мария. Оставив все, укрепясь таинствами, напутствованная советами духовного отца, устремилась она в пустыню Заиорданскую — уединением, пощением и молитвою иссушать засеянные и порочною жизнью воспитанные греховные навыки. Берись и ты тотчас за труды и подвиги. Не всем, конечно, один путь по обращении. Кто удаляется в пустыню — и живет один; кто идет в обитель — и спасается в числе братства; кто остается в порядке общей всем семейной и гражданской жизни. Многие уже прошли всеми сими путями, — и на всех были спасавшиеся и люди великие. Какой кому избрать — пусть сам решит по сво-

ему настроению, внушению Божией благодати и по совету отца своего духовного. Только ведай, что без труда не исправишься. Борьба великая предлежит всем, хотящим победить плоть, воющую на дух. Чего не вытерпела преподобная Мария!.. И всякому — труд! Надо, как я уже говорил прежде, отстранить все могущее питать страсти, а это стоит труда немалого. Надо делать все, чем может питаться и укрепляться начатая новая жизнь; но и это не бывает без труда. Нужно в истине Божией поучаться, сколько можно чаще быть под действием таинств с участием в священнодействиях Церкви, бороться со страстями и творить дела добрые, противоположные страстным навыкам; но и это все — труд. А главное — что надо? Никогда не должно оставаться одному... Прилепись к духовному отцу своему, найди единомысленного тебе, углубляйся в советы святых отцов, — и ничего не предпринимай, не справившись во всех сих местах. Не смотри в сем на преподобную Марию. Она жила одна, но ее путь был по особенному Божию избранию. Нам же лучше держаться общего порядка жизни. Орел уединенно парит к небесам, и так высоко, что его бывает не видно. Но то — орел... Итак, трудам преподобной Марии в самоисправлении, ее постоянству в сем и неуклонной верности положенному обету — подражай... а в прочем — иди общим путем спасае-

мых. Будь только тверд, не позволяй себе расслабляться... и немного потрудившись, не думай, что уже все сделал: ибо конец венчает дело.

Сей блаженный конец преднапиши в уме твоём и теки к нему, по апостолу, *задняя забывая, а в предняя простираяся*¹, дондеже достигнешь места упокоения от трудов, которое уготовал Господь всем Своим труженикам. Аминь.

20 марта 1860 года.

В неделю 5-ю Великого поста

¹ Фли. 3, 13.

КРЕСТОНОШЕНИЕ

НАДЛЕЖИТ ВЗЯТЬ КРЕСТ САМОИСПРАВЛЕНИЯ: В ЧЕМ ОН?

Предлагая в нынешний день нашему поклонению и чествованию честный Крест, Святая Церковь хочет расположить нас к крестоношению, если мы еще не взялись за святое дело сие, и утвердить в крестоношении, если уже приступили к нему. Она как бы так говорит нам: «Видите ли Крест, на коем Господь волею нас ради руце распростер? Приидите же и сораспнитесь Ему. Ныне Господь со Креста приглашает каждого из вас — взять крест свой и последовать Ему. Возьмите же... возьмите и не бойтесь, ибо как Господь со Креста предал дух Свой Богу и Отцу, так и вам со креста один путь — в райские обители вслед Господа, Который каждому крестоносцу, как благо-разумному разбойнику, скажет: *днесь со Мною будеши в раи!*¹

¹ Лк. 23, 43.

Не думаю, чтоб кто-нибудь стал отказываться от сего обязательства; но может случиться, что не всякий определенно знает, в чем состоит обязательное для нас крестоношение, и потому может считать себя крестоносцем, не будучи таковым. Что без креста никого на свете нет, это всякому ведомо; но в числе сих крестов есть и разбойничий крест, на коем тоже распинаются люди. Чтоб не случилось ошибки, в сем отношении весьма опасной, я укажу вам коротко, из чего слагается крест, который должно каждому из нас взять и нести...

Он слагается прежде всего из стеснения плоти и всего нашего внешнего быта и из терпеливого исполнения правил, которыми налагается сие стеснение.

Заповедь получили мы от Господа и святых апостолов: распять плоть со страстями и похотями¹, умертвить уды, сущие на земле², представить все члены тела своего орудиями правды, как прежде были они орудиями греха³. Иные считают это насилием, а на деле существенно необходимо быть сему так. Посмотрите, что делает в нас грех! Утверждаясь в сердце, он проникает все силы нашей души, исполняет все отправления и члены нашего тела, учреждает по-своему наш быт домашний и по своему духу подбирает

¹ Гал. 5, 24. — ² Кол. 3, 5. — ³ Рим. 6, 13.

общественные соотношения и связи... Так, около грешника стоит как бы грешная атмосфера, которую производит и которою потом питается живущий в нас грех. Положив твердое намерение работать Господу, нам прежде всего должно развеять сию атмосферу — расстроить сей греховный порядок жизни и учредить всюду новые порядки, по духу новой жизни. Надобно не ходить туда, где падали мы в грех или где разжигались на грех... Если это театр — бросить театры; если гулянья — отказаться от них; если знакомства — прекратить их. Оставить во внешних наших отношениях только дела должностные или дела звания, и притом так завести их, чтоб исполнение их было по Богу, а не в угодность страстям; и потом, отказавшись от прежних знакомств, связей и способов приятного препровождения времени, учредить новые связи и новые занятия в остающиеся от должностей часы: вместо пустых бесед — беседы о духовных предметах; вместо балов и вечеров — посещения людей богобоязненных; вместо чтения журналов — чтение слова Божия и писаний отеческих, и прочее, тому подобное. Переменив свое поведение вовне — в обществе, надо изменить и порядок домашней жизни. Назначить другие часы для вставания и отхода ко сну, определить молитвенное правило — утром и вечером, определить свой стол и время для него, и то, как садиться и

как вставать из-за стола, как выходить из дома и как входить в него, на что употребить какое свободное время, как и кого принимать и как вести прием; самое украшение нашего жилья должно быть другое, — надо очистить страстное и поместить назидательное — духовное. Все это делают все, начинающие новую жизнь, как бы по инстинкту сей жизни. Стеснительно, конечно... Но ведь стесняется сим грех, живущий в нас, а не мы; мы же высвобождаемся из уз греха чрез сие стеснение. Это и есть одно крыло спасительного креста, который мы должны взять на себя.

Перестроив так все окрест нас, переходим к себе. И здесь ведь — что ни член в теле, то седалище греха. Надо и здесь стеснить его. Стеснить надо чувства... глаз пусть не смотрит на предметы соблазнительные, ухо не слушает речей страстных, пусть и обоняние и осязание не раздражают только что улегшегося греха. Далее — чрево наше работало сластолюбию — надо истощить его и приучить к трезвенному насыщению; тело любило нежиться и разнеживаться во сне и бездействии — надо приучить его к труду и напряженности, к работам и бдению. А похоть, — каких исходов не имела она?! Их надо преградить все. Чего не говорил язык — сей огонь, лепота неправды? Надо связать его... Самую кожу несколько озлобить жестокостями за пристрастие к одному изнеживающему.

Учредив такой порядок, мы умертвим уды, сущие на земли, или все члены тела соделаем орудиями правды. Тяжело сие, но спасительно. Действуя так в отношении к телу, мы будем делать то же, что делают моющие белье, то есть полоскать, жать и колотить свое тело, чтоб вытеснить из него все греховное и страстное — и восставить его в первоначальную трезвенную чистоту... Вот и еще рог спасительного креста, который надо взять нам на себя! Все сие в совокупности и составляет то, что я назвал в начале — стеснением плоти и всего нашего внешнего быта и терпеливым исполнением правил, которыми налагается сие стеснение. То есть, наложив новые правила на свои внешние отношения и занятия и на свое тело, надо неопустительно исполнять их, чтоб они произвели свое спасительное действие... Каждое из сих стеснительных правил есть то же, что пластырь на рану. Пластырь не снимают с раны, пока он не сделает своего дела; так и нам надо пребывать в сем новом порядке, не изменяя его, пока он так сделается для нас обычным, как прежде был обычен порядок греховный.

Но все сие есть только — внешний крест... Есть еще внутренний. Об нем помяну вам коротко... Он состоит в самопринуждении и в самопротивлении. Пока человек в грехе, он не

любит добра, не сочувствует ему и не думает о нем. Положив теперь твердое намерение — не грешить, он сознает себя обязанным желать одного добра, о нем одном помышлять и в нем одном находить удовольствие. Но, обращаясь к себе, к своему внутреннему, он не находит там сих расположений. Ум заняться хочет другим, — мечтает и парит, сердце холодно к добру, склонности воли обращены на другое. Что делать? Надо отрывать их от одного и приковывать к другому, отрывать их от страстного и греховного и наклонять к доброму, бесстрастному, духовному. То есть надо противоречить себе в худом и принуждать себя на добро... И это при всяком почти деле. Например, предстоит случай помочь нуждающемуся!.. Совесть говорит: «Помоги», — и человек готов; но сбоку сидит корыстолюбие и твердит: «Не давай, себе нужно». Надо одолеть или заглушить сию корыстность и расположить душу на добровольное подаяние. Обидел кто. Совесть христианская говорит: «Прости», — а гордость заставляет отмстить. Надо отнять свое сердце у сей недоброй страсти и склонить его к кротости и снисхождению. Так и во всяком случае. Везде надо отрывать себя от страстного и преклонять на святое и богоугодное... В этом состоит внутренняя брань, производимая самопринуждением и самопротивлением, как бы двумя руками. Болезненна она! Как больно, когда

вынимают занозу, или как больно оторвать па-
лец, прилипший к железу на морозе; так больно
сердцу, когда его отрывают от одного, чтоб пре-
клонить к другому. Больно сие, но спасительно.
Оттого и именуется крестом спасительным, исто-
чающим богатое исцеление страстному серд-
цу нашему.

В сем состоит внутренний крест, или внут-
ренняя сторона креста, в связи с описанною
прежде внешнею стороною составляющая один
крест, — который взять на себя обязуется вся-
кий христианин и который, действительно, бе-
рет на себя всякий, кто, отстав от греха, порабо-
щается правде. Господь да благословит труды
ваши, труженики Божии! Потерпите в сем но-
вом порядке... Жгучи раны крестные только
вначале; а потом гвозди распинательные начнут
источать целительный елей на раны, причиняе-
мые ими самими. Стеснительны такие порядки,
но они путь в свободу чад Божиих. Потерпите!
Улягутся страсти, и легким полетом воспарит дух
ваш к престолу Божию, и, установившись там,
начнет вкушать блаженство умного лицезрения
Божия — прежде, чем выйдет из тела, и прежде,
чем начнется день оный, за которым уже нет ни
печали, ни болезни, ни воздыхания. Аминь.

6 марта 1860 г.

В неделю 3-ю Великого поста

ПУТЬ ВОСХОЖДЕНИЯ К ОБЩЕНИЮ С ГОСПОДОМ

ЗАВЕЩАНИЕ ГОСПОДА СО КРЕСТА: ПЕРЕЧЕНЬ ХРИСТИАНСКИХ
ЧУВСТВ И РАСПОЛОЖЕНИЙ

В нынешний день оканчивается чтение Евангелий. И я хочу обратить ваше внимание на то, что значит это чтение и к чему оно нас обязывает. Что значит чтение всех Евангелий во дни сии? Оно есть повторение заветания, данного нам Господом Иисусом Христом. Господь, умерши за нас, оставил заветание всем, имевшим уверовать в Него, — заветание, кровию Его написанное и подписанное. Всякий, приходящий к Господу с верою, вступает с Ним в завет и обязуется исполнить оставленное Им заветание, изображенное в Евангелиях. Завтра будут совершаться страсти. Через день будет предложено чествованию нашему изображение на плащанице Господа, по снятии Его со Креста, умученного и изъязвленного. Первая мысль всякого, приходящего к целованию плащаницы, будет мысль о завете, смертию Господа

утвержденном. Истощенным видом своим и язвами Он будет напоминать каждому из нас: «Помните ли и исполняете ли завещание Мое, которое исполнять вы обязались, вступая в завет со Мною?» Чтоб всякий христианин пред плащаницею мог добросовестно ответить: «Да, Господи, помню завет Твой и знаю завещание», — Святая Церковь постановила прочитывать пред страданиями Господа все Евангелия, чтоб обновить в памяти каждого всю картину обязательств, завещанных Господом.

Вот зачем читаются все Евангелия в дни сии! Что же — достигается ли цель? Да, — в большей или меньшей мере, всякий знает, чего ожидает от него Господь как от христианина. Но, может быть, не всякий ясно представляет себе все существо дела, завещанного нам; не подводил, может быть, под один обзор всех обязательств, налагаемых Завещателем; не изображал в одной общей картине всего, сюда относящегося? Берусь помочь вам и изобразить все содержание завещания Господня — в одном небольшом очерке. Это поможет нам пред лицом Господа страждущего или более укрепиться в жизни, если она исправна, или побудит нас изменить ее и исправить, если она неисправна.

Известно вам, что существо христианства состоит в восстановлении падшего человека. Человек в творении назначен быть в общении с

Богом, чтоб жить в Нем и блаженствовать. Преступлением заповеди он отпал от Бога, — потерял истинную жизнь, — и должен был страдать и временно и вечно. Единородный Сын Божий, приняв на Себя человеческое естество, оживотворил его в Себе, смертью удовлетворил правде Божией — и возвратил человеку блаженство в Боге. Для того чтоб людям можно было усвоить сии блага во все времена, Он учредил на земле Святую Церковь — дом спасения и двор спасаемых. Всякий теперь, желающий достигнуть своего назначения — вкусить блаженства от общения с Богом, — может сподобиться сего не иначе, как чрез общение с Господом Иисусом Христом во Святой Церкви... *Никтоже может прийти ко Отцу, говорит Господь, токмо Мною*¹. В сем состоит существо завещания Его к нам. Отсюда само собою видно, что более частные пункты сего завещания касаются: 1) пути восхождения к общению с Иисусом Христом, 2) пребывания в Боге по общении с Господом и 3) пребывания в Церкви, где находятся все силы и способы к совершению того и другого.

1) Как восходят в общение с Господом и что вследствие того лежит на нас?

Путь восхождения к общению с Господом состоит в следующем. Приходя в раскаяние в сво-

¹Ср.: Ин. 14, 6.

их грехах, человек готов бы пасть в отчаяние, если б не предстоял ему Господь с заслугами... Усвояя же себе их верою в Господа Иисуса Христа, он возникает¹ к надежде спасения и, приемля Божественные силы, полагает намерение работать Господу вся дни живота своего — и за то чрез таинства соединяется с Господом. Вследствие сего вот что от всякого христианина требуется:

а) Знай и познавай свою бедность и окаянство, — что ты нищ, и слеп, и наг, и погибал бы временно и вечно, если б не Господь.

б) Знай и возрастай в познании Господа Иисуса Христа, пришедшего в мир грешников спасти. Он удовлетворил правде Божией за тебя, оживотворил тебя в Себе и спосадил одесную Отца — на небесных.

в) Веруй полною верою, что Господь, спасший мир весь, и тебя спасает, и взывай к Нему с Фомою: *Господь мой и Бог мой*².

г) Вследствие сего уповай — спасенным быть. Содержи в сердце, что опасность уже миновалась; но не предавайся беспечности и неге, а ходи в делах самоотвержения, забвение которого тебя ввергало в беду столько раз.

д) Возгревай чувство мира с Богом. Созерцай в духе светлое благоволительное к тебе лице Божие; но не послабляй не только страстям, но

¹ Восстает. — *Ред.* — ² Ин. 20, 28.

и помыслам страстным, и всякий раз, как они прорвутся против воли твоей, спешి очищать себя слезами покаяния или и всегда пребывай в слезах покаяния, омывая ими всякую нечистоту.

е) Носи в сердце убеждение, что ты сын Богу, коему дана власть взывать к Нему: *Авва Отче*¹; и, помня сие, действуй как бы от лица Божия, в видах Божиих, для Бога, всегда во славу всесвятого имени Его.

Вот первый ряд чувств и расположений, завещанных Господом!

2) Вступив в общение с Иисусом Христом, а чрез Него воссоединившись с Богом, — человек становится пред лице Бога, от Коего отпал было, и созерцает Его в бесконечных совершенствах Его — и в Его делах творения, промышления и совершения всего... И вот какими чувствами и расположениями должен исполняться каждый при сем! Вот чего вследствие того от каждого из нас требует Господь:

а) Созерцая Бога сокровеннейшим, непостижимым, — изумляйся Ему. Да замолкнет в тебе всякое помышление, как молчит пред Ним всякая тварь небесная и земная.

б) Созерцая Его бесконечно великим, — падай пред Ним в уничижении, проникаясь благоговейным страхом и трепетом.

¹ Гал. 4, 6.

в) Созерцая всесовершенным, — хвали и славословь Его, вместе с хорами Ангелов взывая к Нему: «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф, — исполнь вся земля славы Твоя!»

г) Созерцая Его вездесущим, всевидящим и всеисполняющим, — ходи пред лицом Его так, как ходил бы пред царем, на тебя смотрящим.

д) Бог сотворил тебя и хранит, — ты весь Его... Покорствуй же Ему как Владыке жизни в чувстве всесторонней зависимости от Него.

е) Бог, сотворивший тебя, и промышляет о тебе; стало, все твое — Его есть. Благодарите же Его за все... Благодушествуй и терпи, если найдет на тебя что неприятное, — и никогда не пускай ослабевать в тебе чувству довольства распоряжениями Промысла о тебе самом.

ж) Бог, всем управляющий, ведет тебя к своему назначению. Следовательно, все, что будет с тобою, будет от Бога. Итак, предай себя в волю всеблагого Бога, Который лучше тебя знает, что тебе нужно; успокойся в Нем, не позволяя себе терзаться пустыми недоумениями и крушениями духа; и, питая полную надежду, что Он приведет тебя к своему концу, возносись к Нему умом и сердцем — в молитве.

з) Бог, все сотворивший и всем управляющий, положит конец настоящему порядку вещей, преобразит небо и землю и водворит вечное Царство блаженства для человека... Итак,

ожидай сего второго пришествия Господня и не только верь ему, но и желай и приготавлийся сретить Его на всякий час... Готовься к смерти; помни суд, рай и ад, и будь как странник на земле.

Вот в т о р о й ряд чувств и расположений, завещанных Господом!

3) Вступающие в общение с Иисусом Христом, а чрез Него с Богом, не иначе достигают сего, как в Святой Церкви, по ее указанию и руководству, — и не иначе утверждаются и пребывают в сем общении, как пребывая в общении с Церковью. В Церкви все необходимые для сего благодатные средства, — и все, в ней пользующиеся сими средствами и к Богу обращающиеся, становятся единым телом, исполненным единым духом. Церковь есть дом спасения, или сосуд благодатных средств, и двор спасаемых.

А. Церковь есть дом спасения или сосуд благодатных средств... Итак, к ней обращайся и в ней ищи удовлетворения твоим нуждам духовным. Все, что тебе нужно, найдешь в ней.

а) Тебе нужно просвещение ума. Церковь есть просветительница. Верь и содержи в сердце, что она одна есть *столп и утверждение истины*¹, и в ней ищи сей истины — в слове Божиим, в отеческих писаниях, в наличном учительстве

¹ 1 Тим. 3, 15.

церковном. По руководству сего просвещения ищи и всякого другого, и им поверяй его.

б) Ты слаб — тебе нужно подкрепление. Церковь есть подательница благодати и воспитательница духа благодатного. Семь сосцов открыты у матери нашей — семь таинств. Приступай к ним верою — и напойся из них живоносными силами по нуждам своим и потом возгревай их хождением во всех уставах и чинопоследованиях Церкви — постах, говениях и во всем прочем.

в) Ты окружен врагами. Тебе нужно ходатайство и защита. Церковь твоя ходатайца и защитница. Ходи в храмы Божии. Собирая чад своих, Церковь низводит на них ходатайственную свою силу... Здесь Жертва бескровная, здесь хоры Ангелов и святых, здесь молитвования на всякую потребу душевную и телесную... Сюда прибегай и молитвою церковною ограждай себя.

Б. Церковь есть двор спасаемых... Все верующие — одно тело с одним духом... Итак:

а) Пребывай со всеми в единении духа: пребывай в **единомыслии**, не ища самостоятельных взглядов в делах веры, от которых ереси; пребывай в **сочувствии** со всеми и в **готовности содействовать благу всех**. Это три стихии истинной любви, которая далее научит тебя всякого брата встречать с благорасположением, с благожеланием и благопопечением; научит каждого честию больше себя творить и блюсти чистым

лицо ближнего; научит всем жертвовать для блага его душевного и телесного; и в постоянном взаимообращении быть искренно-радушным, скромным, миролюбивым, уступчивым, истиннолюбивым и проч.; научит так держать себя не только в отношении к благодетелям и друзьям, но и ко врагам и недоброжелателям.

Церковь — двор спасаемых: все верующие — одно тело с одним духом...

б) Ревнуй же всею ревностью о том, чтобы пребыть в единении с нею — и себя подвесь под один с нею дух... А для сего помни обеты, данные при вступлении в нее в крещении, и чаще возобновляй их в памяти; отвергнись себя и непрестанно приноси себя в жертву Богу; пожри Ему ум свой — и восприими ум Христов, пожри волю свою — и ходи только в воле Божией, пожри сердце свое — и ничего не люби, кроме Его, пожри Ему тело свое в трудах и озлоблениях телесных — спасения ради... Трезвися и бодрствуй... и чувства свои храни нерассеянными...

Вот третий ряд чувств и расположений, завещанных нам Господом!

Есть еще особые завещания — родителям и детям, мужьям и женам, слугам и господам, начальникам и подчиненным, пастырям и пасомым, продающим и покупающим, судьям и судимым — всякому званию и состоянию; но они понятны уже из первых завещаний сами собою...

Всюду господствующим да будет дух любви и самоотвержения в ревновании творить во всем единую волю Божию, которой должна быть посвящена вся жизнь.

Вот краткое начертание завещания, оставленного нам Господом, и вот что воспроизвести в уме нашем хочет Церковь, прочитывая нам все Евангелия в эти дни, чтобы непостыдным лицом представить нас к подножию Креста, на коем висит Завещавший нам завет сей, — представить, по крайней мере, знающими, если не всецело исполняющими... Но, братие, что в знании?! Оно только обличит нас! Понудим немного душу свою — не возревнует ли она приложить к знанию и дело?! Мало времени?! Нет — не мало. И в одну минуту можно все поправить... Сделаем вот что: поверим свою жизнь по предложенному начертанию, и все, что найдем неисправным, омоем слезами покаяния, положив твердое намерение быть исправными в тех частях, в которых доселе были неисправны. Страждущий за нас на Кресте Господь — и намерение примет, как самое дело, лишь бы оно было искренно и сопровождалось готовностью устоять в нем до положения живота. Обрадуем хотя этим Господа — в сии дни воспоминания Его... В Ветхом Завете было время, когда вслух всего народа прочитывались книги закона, с клятвами непокорным и благословениями покорным, и весь

народ отвечал: *вся, елика рече Господь, сотворим и послушаем...*¹ Вот Господь со Креста Сам повторяет нам завет Свой; отверзем слух сердца, сложим по писаному свои чувства и расположения и скажем: будем, Господи, соблюдать все, заповеданное Тобою, хотя бы нам следовало ради того идти в темницу или на смерть. Аминь.

30 марта 1860 г.

В среду Страстной седмицы

¹ Исх. 19, 18.

КАК СЕРДЦЕ СОЧЕТАВАЕТСЯ С ГОСПОДОМ

ГЛАВНОЕ — ЗНАТЬ И ЧУВСТВОВАТЬ СВОЮ БЕДНОСТЬ И БОГАТСТВО
ХРИСТОВО И ПРЕБЫВАТЬ В СОЧЕТАНИИ СО ХРИСТОМ

В Великую среду, если помните, я предлагал вам завет, завещанный нам Господом нашим Иисусом Христом, — написанный кровию Его и запечатленный крестною смертию Его. Пункты сего завещания, по их численности, можно было тогда только указать кратко или только озаглавить. Но как они все должны составлять главный предмет нашего ведения, равно как и главную заботу нашей жизни и деятельности, то считаю себя обязанным подробнее растолковать их вам; а вас прошу приложить посильное внимание и терпение в слушании. Думаю разъяснить вам это теперь потому, что Господь, по воскресении Своем сорок четыре дня являясь ученикам Своим, глаголял им, яже о Царствии Божии; Царство же Божие, которое внутри нас есть, — в чем другом и состоит, как не в чувствах и расположениях, к

которым обязал нас Умерший за нас и Воскресший? Так беседуя о сем, мы войдем в соучастие бесед Господних и продолжим некоторым образом дело Его, которое совершил Он в предлагающие нам дни. К тому ж, может быть, и самые последующие недели по своему содержанию и значению будут наводить нас то на те, то на другие пункты лежащего на нас к исполнению заветания. По крайней мере, о настоящей неделе это можно сказать утвердительно и без особых усилий мысли.

Припомните, в чем состоит существо Нового Завета Божия к нам? Вот в чем — кратко: в живом общении с Богом чрез Господа Иисуса Христа во Святой Его Церкви. Главный пункт — живое общение с Богом. Но нам, падшим, невозможно иначе прийти в общение с Богом, как чрез Господа Иисуса Христа. Следовательно, предварительно надлежит нам сочетаться с Господом Иисусом, приискренне приобщившимся нашего естества; далее, достигши сего, надо жить в сем общении с Спасителем и стяжанном чрез Него богообщении, — при союзе со всеми возобщенными¹ с Богом, составляющими Церковь Божию, коей вверены и все средства спасения и руководство всех спасаемых. Так заучите: существо нашего завета — в богообщении чрез

¹ Воссоединенными. — *Ред.*

Господа Иисуса Христа во Святой Его Церкви. Восстани, падший, возри на Господа и сочитайся с Ним, — от Него востеки чрез ряд других расположений к Богу и погрузись в богосозерцание и богонаслаждение; но твори это так, как сие творится в Церкви Божией, — пребывая в союзе со всеми, призывающими имя Господне. Истинный христианин, твердо содержа сей богоначертанный порядок, всю жизнь свою ходит по нем умом и сердцем и собирает в нем святые чувства и расположения, ублажающие его здесь и надежно приготавливающие к блаженству вечному.

Вот о сем-то я считаю долгом толковать с вами, сколько можно чаще и разнообразнее. Тут все дело наше. Если мы стоим в сем чине, хорошо нам, а если нет — пропали мы.

Так, первое дело наше — сочетаться с Господом Иисусом Христом. Мы уже сочетались с Ним. Остается только хранить сие сочетание, возгревая чувства и расположения, которыми поддерживается оно. Тому, кто не с Господом, надо говорить: восстань, падший, возри на Господа и сочитайся с Ним. А кто с Господом, тому надо внушать: не забывай падения, от коего ты восставлен, — не своди очей своих с Господа, спасшего тебя, и сильною верою впивай в себя Его спасительную силу. Иначе это так: знай и в чувстве сердца содержи свою бедность, знай и в

чувстве сердца носи богатство Христово, и потом силою веры и любви переноси сие богатство Христово на себя — бедного. Сочетанный с Господом постоянно содержит сии чувства и, переходя от одного к другому, поддерживает в себе или приводит в движение живое свое сочетание с Господом. Итак, надобно:

а) Знать и в чувстве сердца содержать свою бедность, свое окаянство и свою безответность пред Богом. Это есть первая о нас самих истина. Были высоко поставлены, но завистию диаволею, преступив заповедь, подверглись осуждению и клятве, расстроились душою и телом, осуждены на внешние бедствия, подпали тиранству сатаны и состоим в опасности — по смерти быть вверженными во огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его. Для уверовавших все сие уже миновалось. Но никак не должно забывать сего, чтобы не впасть в самозабвение — и снова не ниспасть туда же. Путь наш лежит над бездною пламени, куда мы поминутно готовы низринуться, если оставит нас благодать; а она оставит, если забудем, что мы сами по себе и слепы, и нищи, и наги... Сие чувство будет устремлять нас постоянно к Господу или заставлять бежать к Нему, как бегут из душного места или здания, объятого пламенем, на свободу. Как масло поддерживает горение в лампаде, так чувство сие будет поддерживать горение веры в

Господа в духе нашем. По мере ослабления первого слабеет и последнее. Теряющий же его выходит из строя спасаемых. Вот как это важно! Попечемся же — возгревать в себе чувство бедности своей, своего окаянства и негодности пред Богом, чтоб непрестанно пребывать в чувстве самоуничужения и смирения... и из глубины души взывать: «Господи, спаси мя, погибаю».

б) Знать и в чувстве сердца носить богатство Христово. Чувство своей бедности, окаянства и безответности пред Богом одно — безотрадно и, пожалуй, может ввести в отчаяние, окончательно пагубный грех. Потому, не отказываясь от него, надо растворять его познанием и чувством богатства Христового... Ибо на самом деле не беден только есть человек и погибающ, но есть и спасаем и обогащаем в Господе Иисусе Христе, — на самом деле есть такое устройство, по коему над человеком гибнущим простерто Божественное осенение благодати спасающей. Потому нам надо посматривать не только на себя, как мы ничтожны, но и на Господа, как Он богат и благ, на то то есть, как милосердый Бог обетовал послать во спасение наше — Сына Своего, Который, по исполнении времен, действительно пришел к нам, воплотился, пострадал, крестною смертью принес жертву за грехи всего мира, воскрес и всех совоскресил, вознесся и, седши одесную Бога и Отца, ходатайствует о нас

и властвует над всем как Царь, все устроая во спасение наше. Содержа в уме такое устройство спасения, восприимем его и в чувстве, чтоб вместе с апостолом взойти до того состояния, в котором *вся вменяют уметы быти за превосходящее разумение Христа Господа*¹. Следствием сих двух чувств будет:

в) Самое сочетание сердца с Господом. Ибо когда, таким образом, в одном и том же духе встретятся и чувство своего окаянства и чувство богатства Христова, то что может удержать их от того, чтоб сочетаться друг с другом, как сочетаются вода с сухою землею или как две сродные между собою стихии? Чувство безответности восходит к Господу, пожершемуся; чувство растления приемлет Господа — как живот наш, страх смерти и ада исцеляется видением Господа, Царя и Победителя всяческих. Каждое чувство находит себе соответственное удовлетворение в созерцаемом Господе. Из сего-то сочетания и рождается, как дочь их небесная, — истинная вера в Господа Спасителя, которая есть не одно познание Господа, не одно познание своей бедности, а есть то и другое вместе — во взаимном сопроникновении. Сочетание сердца с Господом верою есть внутреннее благодатное действие, коим на наше ничтожество и бедность

¹ Ср.: Флп. 3, 8.

переносится вся полнота Христова и усваивается нам. Это действие Божеское, коим творится внутри нас новый потаенный сердца человек. Вот стихии, из коих слагается он: я — погибающий — погиб бы навеки, но Господь Иисус Христос, отъявший все зло, лежавшее на роде человеческом, восприял и меня в милость Свою, и Им я спасаюсь. Вера зрит Господа единственным источником своего облаженствования, исчезает в Нем сердцем, объемлет Его любовью, живет Им одним и для Него одного. Когда совершается сие сочетание Господа с сердцем, тогда бывает с каждым из нас то, что Он обещал: *вниду к нему, и вечеряю с ним*¹, насыщая его всеми благами своими бесконечными. Вследствие сего и в глубине духа человеческого изрекается, как Фомою — по осязании Господа: *Господь мой и Бог мой!*² Это самый верный голос веры и самый верный ее символ.

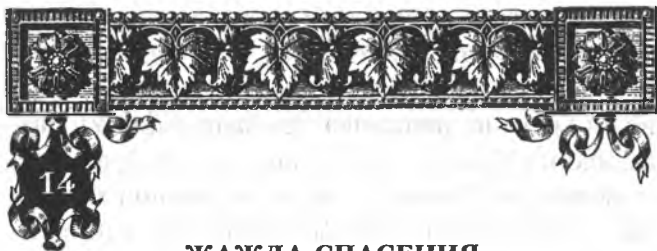
Вот кратко, — как сочетается сердце с Господом!.. Сначала восчувствует оно свою бедность и безответность пред Богом; потом восчувствует богатство Христово; наконец — силою веры перенесет на себя сие последнее, говоря в себе: «Все, что соделал Господь для всех, Он дарует по благодати Своей и мне и меня спасает...» И, говоря сие, крепко прививается к Господу, как

¹ Апок. 3, 20. — ² Ин. 20, 28.

любящее мать свою дитя обвивается около шеи матерней... Обвившись так с Господом, верующая душа и пребывает так, — любовью смотря в очи Господа, держащего ее над бездною и спасающего в Себе... Так устроиться внутренно да поможет нам Господь, всем желающий спастись, — чтоб все мы и в час последнего Его явления миру дерзновенно могли воззвать с Фомою: Господь наш и Бог наш! Аминь.

10 апреля 1860 г.

В Фомину неделю

ЖАЖДА СПАСЕНИЯ

СВЕТ ВЕДЕНИЯ, СВОБОДА ДЕЙСТВИЙ И ПОКОЙ СЕРДЦА В ГОСПОДЕ
ИИСУСЕ ХРИСТЕ — К НЕМУ И ИДИТЕ

Какой поучительный пример представляет нам ныне самаряныня! Шла она почерпнуть воды обыкновенной, но у источника простой воды обрела источник спасения. Душа ее, как видно, не совсем была поглощена заботами житейскими. Почему Господь с двух-трех слов перевел ее мысли от земного к небесному и по поводу почерпания воды научил ее искать воду, от которой пьющий не вжаждется во веки: *всяк пий от воды сея, вжаждется паки; а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки; но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот*¹. Услышав это, жена желательно воззвала: *Господи, даждь ми сию воду!*²

Святая Церковь в своих на этот день песнях особенно выставляет нам на вид сие обстоятель-

¹ Ин. 4, 13—14. — ² Ин. 4, 15.

ство и Самого Господа представляет взывающим к нам: «Жаждай да грядет ко Мне и да пиет», — ожидая, что и мы, подобно самарянке, обратимся ко Господу и будем умолять Его: «Даруй нам, Господи, воду Твою».

Вникнем, братие, в урок Евангельский и слушаем голоса Церкви!

«Жаждай да грядет ко Мне и да пиет», — приглашает Господь. — Но не со всякою жаждою можно приходить ко Господу, а только с такою, какой прилично просить у Него удовлетворения. Что же приличнее просить у Спасителя, кроме спасения. — Итак, возжадав¹ спасения, приступим ко Господу, в чаянии утолить сию жажду, в простоте употребляя способы, какие угодно было Ему начертать для сего.

Но жажда спасения в ком уместна? — В том, кто чувствует себя со всех сторон стесненным, окруженным опасностями, обремененным бедами и лишениями. Можно сказать всякому: дойди до сознания, что ты в таком положении, — и потечешь ко Господу искать себе спасения. О! Коль скоро так, то недостатка понуждений — идти ко Господу — не должно быть; и дивиться надобно, отчего не все устремлены уже к Нему, чтоб почерпать воду с веселием из сего источника спасения.

¹ Почувствовав сильную жажду, стремление. — *Ред.*

Посмотрите, что вокруг нас и в нас? Вокруг нас ходит неверие, сомнение, равнодушие ко всему святому, которые, заходя внутрь нас, могут колебать и нашу душу недоумениями и покрывать ум туманом противоположных помышлений, вносящих раздор в область мирной и убажжающей веры. Ум ищет света ведения и блажен, когда вступает в него. И, напротив, ему свойственно томиться, когда сокрывается сей свет, как и телесное око томится, надолго будучи лишено света вещественного. Почему сознающий в себе лишение света ведения и жаждущий его не может не взывать: «Господи, послы свет Твой и истину Твою, чтоб она наставила меня и вселила меня в гору святую Твою, с которой свободно мог бы я обозревать пространную область спасительных таинств Твоих». Не в таком ли ныне многие из нас положении?! Если так, то идите ко Господу и не отступайте от Него, ибо Он есть свет, и ходящий вслед Его во тьме не пребудет.

Присмотритесь поближе к тому, что внутри нас, — и вы увидите там душу, связанную во всех своих движениях, подобно узнику, связанному по рукам и по ногам. Вы хотите начать какой-либо подвиг, несколько тяжелый, но саможаление не допускает до того и отнимает всю к тому силу. Вы хотите благотворить, но своекорыстие сокращает руку вашу. Вы хотите просить, но гордость оскорбленная возбуждает к отмщению. Вы

хотите радоваться счастью другого, но зависть погашает сию радость. Так на всякое доброе движение, как цепи какие наложены, мешающие душе действовать свободно. — А душе свойственна свобода. Почему, находя себя так связанною, она не может не взывать со апостолом: *кто мя избавит?*¹ — или с пророком: *изведи из темницы сей душу мою, исповедатися имени Твоему*². Так, братие, чувствуя себя связанными и желая свободы, приступим ко Господу, Который говорит: *аще Сын вы свободит, воистинну свободни будете*³.

Что в сердце у нас? По его природе — желание покоя, мира, утешений, счастья; а на деле — одна скорбь сменяется другою, одна тревога гонит другую: то досада от неисполнения желаний, то скорбь от потери достигнутого, тут страх за себя или других, там томление от неумеренной или обманутой надежды; вчера неудача поразила, как стрелою; ныне забота, как червь, точит; завтра неблагоприятное стечение обстоятельств грозит разбить, как параличом. — Долго ли же так быть нам, братие? Или у нас одних погашена жажда покоя, мира и блаженства? Или не к кому обратиться нам? Придем же в себя и поспешим благонадежно обратиться ко Господу, Который зовет всех: *приидите ко*

¹ Рим. 7, 24. — ² Пс. 141, 8. — ³ Ин. 8, 36.

Мне, вси труждающихся и обремененнии, и Аз упокою вы¹.

Так, братие, душа наша жаждет света ведения, свободы действия и покоя сердечного. Сознавая себя лишенными или лишаемыми сих существенных нам благ и жажды обладать ими, потечем ко Господу, призывающему жаждущих за утолением жажды.

Жаждающий света, к Нему иди. Он есть свет, вне коего тьма. Он просветит ум твой ведением, не внешне только чрез откровение, но и внутренно чрез помазание от Святого, которое учит всему, как испытал Тайнозритель², и сообщает такое осязательное удостоверение в истине, что от нее отказаться так же нельзя, как отказаться от своего бытия.

Жаждающий свободы, ко Господу иди. Он разрешит узы страстей, коими связана душа, волеет силу на добро, против которой не может устоять никакая страсть, паче же чрез труд добродетели так сроднит добро с душою, что она не будет чувствовать не только внешних, но даже внутренних уз — от закона, который праведнику не лежит³. *Идеже Дух Господень, ту свобода⁴. Он поставляет на простране нозе действующих⁵, и они действуют во всей широте добрых предна-*

¹ Мф. 11, 28. — ² 1 Ин. 2, 27. — ³ Не надлежит. — *Ред.* — ⁴ 2 Кор. 3, 17. — ⁵ Ср.: Пс. 30, 9.

мерений, под благословляющею и содействующею десницею Божиею.

Жаждающий покоя, мира и блаженства, ко Господу иди. Он есть живот, мир и покой, и единственно Он. Он изгонит из сердца все тревоги, возродив в нем другие, неземные заботы и искания; Он угасит жгучесть земных скорбей, погасит всякий позыв к земным утешениям. Себя даст Он вкусить — Себя, благого и убажжающего, — и тем в забвение приведет вкус ко всему другому. Ибо Он есть полнота всякого утешения. — Но что особенно — сквозь ряд событий до гроба, могущих иногда смущать, Он указывает сердцу за гробом нескончаемое блаженство, дает предвкусить его ныне и усвоить себе надежду в будущем, чтоб восполнить чувство блаженства в нем, не невозмутимостию только его, но и непрерывностию.

Так, ко Господу идите, зовущему нас и обещающему утолить всякую жажду.

Ныне много слышите вы гласов, приглашающих к себе жаждущих; не ходите вслед их. Мудрователи говорят: оставьте откровение и идите к нам, мы в разуме вам покажем свет истины. Не ходите — они обманывают. Нет в них истины, а ложь. Гуманисты говорят: к нам идите, мы разрешим все узы и изведем в свободу человеческую природу. Не ходите — они обманывают. Нет там свободы, а одна смена уз, все тяжелейших и

тяжелейших. Чувственники говорят: к нам идите, мы доставим вам всякого рода утех и жизнь вашу усладим. Не ходите — они обманывают. Нет у них утех, а есть обуморение¹ на минуту, которое потом отзывается тягчайшею скорбию.

Так, никуда не ходите, а вѣну пребудьте с Господом. Он един выну будет напоить вас водою, от которой пьющий не возжаждетъ во веки. Аминь.

6 мая 1862 г.

В неделю о самаряныне

¹ Беспмятство, забытье. — *Ред.*

БЛАГОДАТЬ ДУХА СВЯТОГО — ИСТОЧНИК ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

РАЗНЫЕ СОСТОЯНИЯ И ПРОЯВЛЕНИЯ БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ В НАС,
ВЕРУЮЩИХ

Обратив свое спасительное слово к самарянской жене, при кладезе Иаковлевом, Господь взял мысль от воды и сравнением с нею указал счастливой жене великие дары, приносимые верою в Него и общением с Ним, говоря: *всяк пий от воды сея, вжаждется паки; а иже пьет от воды, юже Аз дам ему, не вжаждется во веки: но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник воды текущая в живот вечный*¹. Сия вожделенная вода есть благодать Святого Духа, подаемая верующим в Господа во Святой Его Церкви. Ибо в другом случае Господь так сказал: *аще кто жаждет, да придет ко Мне и пьет; веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече, уверяет святой Евангелист, о Дусе, Егоже хотяху*

¹ Ин. 4, 13—14.

*приимати верующии во имя Его*¹. Изменив сие иносказание в простую речь, мы услышим из уст Господа такое наставление: жаждущий спасения, уверуй в Господа. Кто верует, тому дается благодать Духа Святого. Благодать же Святого Духа, пришедши и вселившись в сердце, становится источником духовной жизни, ведущей в живот вечный.

Какое утешительное благовестие! — Верующий получает благодать, а благодать производит в нас и из нас источник спасения! И это есть преимущество всех верующих, всех христиан. Не верующий — не христианин — не имеет благодати, а безблагодатный не имеет спасения. *Веруй в Мя*, говорит Господь, *реки от чрева его истекут*. Вера, благодать, спасение — все пребывают неразлучны, так что, где есть одно что-либо, там и все есть, а где нет чего-либо, там ничего нет.

Слушая сие, с изумлением иной спросит: «Вот и я христианин, и я верующий, — неужели же и во мне есть благодать Святого Духа?! Если есть сия благодать, то она есть во мне источник воды, текущей в живот вечный. Неужели же и во мне есть сей источник воды, текущей в живот?! Неужели в самом деле, братие, над нами и в нас совершилась и совершается такая неизреченная милость Божия?»

¹ Ин. 7, 37 — 39.

Так есть. И да не отмечает никто благодати Божией. *Или не весте, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас*¹, вопрошает апостол. Мы изумляемся: неужели есть в нас благодать? А апостол изумляется нашему о сем неведению. *Или не весте, говорит, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас.* А в другом месте вот какое строгое издает определение: *аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*².

Так нераскаянны³ дарования и обетования Божии! Благодать Духа несомненно изливается на нас в святых таинствах и пребывает в нас с того времени, как крещаемся и помазуемся миром; но являет себя различно, судя по различному отношению нашему к сей благодати. В иных пребывает она сокровенною, неявляемою; в иных обнаруживает себя в свойственных ей действиях на нас, по обнаруживает не непрерывно, а с перерывами; иных, наконец, осеняет вполне и неотступно являет действие свое, и для них и для других заметно. Я поясню вам сии состояния. — Сам к себе всякий прилагай, что будет говорено, и бери себе из того нужные уроки.

Кто принял таинства, в том есть уже благодать, хотя она не являет еще своего присутствия сквозь действия человеческие. Так семя, брошенное в

¹ 1 Кор. 3, 16. — ² Рим. 8, 9. — ³ Непреложны, неизменны. — *Ред.*

землю, но еще не прозябшее и не проросшее из земли, хотя есть, но его не видно. В ином месте есть жила чистой и целительной воды, но скрыта под землею. Люди ходят по тому месту и нередко пьют дурную воду, а чистая вода тут же есть, да скрыта. На ином поле лежит под землею какое-либо сокровище; хозяин трудится, обрабатывает землю и иногда мало добывает трудами... а сокровище тут же, да не видно. — Таким же образом и в сердце нашем бывает сокрыта благодать, как сокровище, как родник, как семя; но она в иных не видна, не являет плодов, не источает воды, не обогащает. Она есть, но не обнаруживает своих действий. В притче Спасителя получивший один талант и скрывший его в землю — имел талант, но ни сам не пользовался им, ни другой не видал его. Так и здесь. Крещеный и миропомазанный уже получил благодать возрождения и дар Святого Духа и имеет его, но, обратив заботы свои на иные предметы, он может зарыть сие сокровище в земле сердца своего так, что ни ему, ни другим оно не видно. Он может томиться жаждою духовною или пить гнилую воду земных утех, а источник благодати, могущий утолить его жажду, тут же, в нем, да завален. Он может голодать и быть бедным духовно, а сокровище духовное всеобогатяющее и семя древа плодоносного и всенасыщающего — тут же, в нем, — да загромождены хламом земных дел и забот.

Поройся в земле и, может быть, отроешь сокровище или родник чистой воды. Пройдет влага и тепло к семени, и оно прорастет и плод принесет. Так и здесь, — дай простор благодати действовать, и она воздействует и явит силу свою в тебе и на тебе — или как живая вода утоляющая, или как сокровище обогащающее, или как плод питающий и насыщающий.

Что рытье земли в вещественном, то подвиги самоумерщвления в духовном. Что влага и тепло в вещественном, то в духовном труды доброделания и благочестия. Бог говорил к современникам Ноя: *не имать Дух Мой пребывати в человецех сих, зане́ суть плоть*¹. Следовательно, Он будет пребывать там, где плоть распинают со страстьми и похотьми или где несут подвиги самоотвержения. Апостол пишет: *духа не угашайте*², или: *не оскорбляйте Духа Святаго Божия, Имже знаменаетеся в день избавления*³, и потом перечисляет страсти, каких удаляться, и добродетели, в коих преуспевать должно; следовательно, там не угасает Дух, где есть борьба со страстьми и труд доброделания. В другом месте он же учит: *исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмех и пениих и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви*⁴.

¹ Быт. 6, 3. — ² 1 Сол. 5, 19. — ³ Еф. 4, 30. — ⁴ Еф. 5, 18—19.

Следовательно, где есть песнопение, молитвословие церковное и домашнее и вообще дела благочестия, там будет и исполнение Духом, или явление действия благодати Святого Духа. Подвиги самоотвержения, труды доброделания и благочестия дают простор действию в нас благодати Святого Духа, и она — сокровенная — приходит тогда въявь и действие свое показывает — и самому благодать носящему, и другим.

Но и въявь пришедши, или воздействовав уже в сердце, благодать не вдруг являет всю силу свою или всю полноту своих действий, а постепенно, по частям, прерывчато. То подействует на одну сторону естества нашего, то на другую, то на одну силу, то на другую, то мысль просветит, то сердце усладит, то силы укрепит. И ни одного нет из тех, кои не преданы какой-либо греховной страсти, ни одного нет, кто не ощущал бы в себе иногда действия благодати. Когда в уме вообразится какая-либо святая истина, например творение, промышление, искупление и проч., или какое событие Евангельское — распятие, воскресение, вознесение и проч., — вообразится так сильно, что окует все внимание ума, и так ясно, что он созерцает все подробности и убеждается и питается тем, — то это плод благодати Божией. Когда сердце поражается страхом суда, или исполняется надеждою благ вечных, или чувству-

ет сладость, умиление, сокрушение, отрешение от всего с такую силою, что оно будто переносится совсем в другую область — из окружающего нас, то это есть действие благодати. Когда душа ликует, благодушествует, готова на всякое добро, на всякий труд, на всякое лишение и даже смерть, все терпит, не страшится никаких препятствий в богоугождении — все сии и подобные состояния суть явления действующего в нас Духа Божия.

И недаром, когда побывает кто в каком-либо из сих состояний, именуется его благодатным состоянием. — В нем дается вкусить человеку то, чего ничто земное дать не может. Всякий бывает в сих состояниях, но не у всякого они бывают постоянны, а приходят и отходят, даются и отъемлются, подобно тому, как в видимом мире бывает то светло, то облачно, то тихо, то ветрено, то тепло, то холодно. Так судила спасительная благодать для нашего ж блага, чтоб не связать свободы нашей, чтоб постепенно воспитать нас к благодатному пребыванию и научить ценить благо, которое дается не вдруг, а после многих опытов даяния рукою, как бы сокращенною. Благодать, говорит святой Диодор, иногда неизъяснимым каким-то ощущением открывает сердцу свое присутствие и потом опять скрывается, ожидает, чтоб душа ревностнее еще взыскала Господа, вкусив блага от стремлений к Нему. — Из вкусивших

сего, кто не пожелает, чтоб учащались сии состояния и, приходя, не скоро отходили, но продлялись и долее давали себя ощущать? Трудись и ищи! Но ведай, что усугубить или умалить, продлить или сократить, — зависит от Господа, устрояющего спасение наше так, чтоб все спешествовало нам во благо. Сие говорится не за тем, чтоб кто руки опустил, а чтоб усугубил труд, который, как ведомо, по милости Божией все преодолевает. Трудись и ищи. К подвигам самоотвержения, к трудам доброделаний и благочестия приложи особенно внимание к себе, внутрь пребывание и непрестанное к Богу обращение умом. Внимай себе — и, замечая, что именно тебя вводит в благодатное состояние, тому больше и прилежи; что же расстраивает его, от того бегай, как от огня. Приобретешь навык и укрепишься в добром пребывании, — тогда и благодать приосенит тебя обильнее, а если рассудит, даст тебе постоянно обладать тем, что теперь дает только по частям. Больше всего не вдруг и не сполна осеняет душу благодать оттого, что Господь не верит нашей верности. Уверим Его в неизменной Ему верности постоянством в добре, тогда и Он вверит нам всю силу Своей благодати.

Что такое люди, достигшие сей последней степени, о том не своими скажу вам словами, а словами святого Макария Египетского.

«Когда благодать Духа осенит душу, — говорит он, — всею полнотою и силою своею и поселится во глубине ее, тогда душа сия становится един дух с Господом и откровенным лицом взирает на славу Божию. Благодать, пришедши через очищение внутреннего человека и ума, очищает душу от всякой скверны и помысла нечистого, желая, чтоб она, возвратясь в свойственное ее естеству состояние, открытыми и ясными очами усматривала славу истинного света... Имеющий благодать, укоренившуюся в душе и сорастворившуюся с нею, на опыте познал иное богатство, иную честь и иную славу, и питает душу нетленною радостью и ощущает и вполне наслаждается оною чрез сообщение с Духом. Сколько есть различия между разумным пастырем и пасомым стадом, столько таковой человек смыслом, знанием и рассуждением различается от других людей, ибо он имеет иной дух и иной ум, иной смысл и иную мудрость. Блаженны поистине и счастливы по жизни и сверхъестественному наслаждению те, кои посредством добродетельной жизни получили опытное и ощутительное познание небесных таин Духа и имеют жилище свое на небесах. Таковые, падши на лицо свое пред Господом, под руководством Духа, восходят на небо и в твердой вере души своей наслаждаются там чудесами, там действуют, там имеют жилище, как говорит Божественный

апостол: *наше житие на небесах*¹, и еще: *чего не видал глаз, не слыхало ухо, и что на сердце человеку не приходило, то приготовил Бог любящим его. — Нам же открыл Бог Духом Святым*²» (Беседы 32, 37. Извлечено).

Вот три состояния, в каких бывает в нас благодать Духа Святого. Потрудись теперь всякий войти в себя и определить, в каком состоянии в тебе благодать, и соответственный тому возьми себе урок из предложенного рассмотрения. Скрыта в тебе благодать? — Дай ей простор обнаружить свою над тобою силу. Действует благодать по временам? — Стремись к тому, чтоб она стала в тебе постоянно действующею, всего тебя исполнила и не отходила от тебя никогда. А когда и сего достигнешь, — пой тогда славу Богу, Благодателю нашему. Аминь.

17 мая 1865 г.

В неделю о самаряныне

¹ Флп. 3, 20. — ² Ср.: 1 Кор. 2, 9—10.

ВОЛЯ БОЖИЯ О НАС — СВЯТОСТЬ НАША

ОБРАЗ И ПОДОБИЕ БОЖИИ В НАС — В ТВОРЕНИИ И ВОССТАНОВ-
ЛЕНИИ

Разднуя ныне Нерукотворенному образу Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, не забудем, братие, что праздник сей установлен не ради только чуда, явленного Господом в даровании сего образа, но и ради соединенного с ним, крайне нужного для нас и высоко назидательного напоминания, — именно: созданы мы по образу Божию и подобию, а когда потеряли их, снова воссоздаемся в тот же образ и подобие в Господе Спасителе, — в чем все существо спасения. Воссоздаемся. — Но как первосозданный потеряли мы образ, так можем потерять и воссозданный. — И кто знает, цел ли он у нас? Надобно войти в себя, рассмотреть, что там есть, сличить с тем образом, по коему должно назидаться все внутри нас, — и определить, целы ли в нас образ и подобие, по коим воссозданы мы в Господе. Сами собою, может

быть, мы и не пришли бы к мысли заняться этим. — И вот Святая Церковь, установив праздник Нерукотворенному образу, каждому из нас говорит как бы тем: «Смотря на сей Нерукотворенный образ, вспомни, что в тебе есть свой Нерукотворенный образ. Войди же в себя, и посмотри, цел ли он в тебе и в том ли виде содержится тобою, как следует?» Не откажитесь, братие, послушать внушения Церкви и заняться этим ныне. А я помогу вам, разъяснив, что такое образ и подобие Божии, как они восстановлены и по каким чертам можно определить, целы ли они в нас.

Образ и подобие Божии не относятся к телу, а к душе. Образ Божий состоит в естестве души, а подобие — в свободно приобретаемых ею богоподобных качествах. То, что душа наша невестественна, проста, духовна, бессмертна и разумно-свободна, — это относится к образу Божию. А когда она должным употреблением разума и свободы познает истину и станет искренно содержать ее, сердце же украсит всякими добродетелями, как-то: кротостию, милосердием, воздержанием, миролюбием, терпением и проч., тогда сии качества составят в ней подобие Богу. — Так, например, когда Спаситель говорил: *будьте милосерды, якоже Отец ваш Небесный милосерд есть*¹,

¹ Лк. 6, 36.

то этим указал Он нам черту богоподобия, — и кто усвоит ее себе, тот будет в сем отношении богоподобен.

Когда человек вышел из рук Творца, тогда образ Божий в нем был чист и совершен, и богоподобие полно, сколько сие вместиимо естеству человеческому. Когда же потом пал человек, то образ и подобие Божие испортились, исказились, омрачились. Вместо добродетелей пришли страсти и пороки и стали вытеснять их; вместо истины вошла в ум ложь, разум стал слаб к познанию и различению истины и добра, свобода стала связана дурными склонностями и привычками; в самом даже естестве своем душа огрубела и как бы оплотенела, предавшись чувственности и плотским наслаждениям.

Милосердый Бог не хотел оставить человека в этом худом состоянии, а благоволил устроить ему спасение — и восстановить в нем образ Свой и подобие. Для сего Единородный Сын Божий, сияние славы и образ Ипостаси Отца, во образе Божии сый, Себя умалил, зрак раба приял и образом обретеся, яко же человек. Пришедши на землю, Он устроил на ней Святую Церковь и вверил ей Божественное слово Свое и святыя таинства. Приемля верую слово истины, содержимое Святою Церковию, и получая благодать чрез святыя ее таинства, человек облачается в образ Христа Спасителя, а чрез сие самое — во

образ Божий, силою коего потом достигает и подобия. Сие совершается так.

Во святом крещении — умирает человек для жизни плотской и греховной и возрождается от Духа Святого для жизни духовной и святой, то есть получает силу жить свято и духовно. Чрез восстановление сей силы восстанавливается в нем образ Божий. А подобие Божие отображается потом — не вдруг, а постепенно, когда человек начинает должным образом упражнять принятую им в крещении силу жить свято и духовно и самым делом начинает так жить, избегая лжи и греха, истребляя в себе зло и страсть и насаждая добрые расположения. Кто чрез грех теряет благодать крещения, тот возвращает себе силу крещения чрез покаяние и, восстановив здесь опять образ Божий, начинает снова познанием истины и трудами доброделания воображать в себе и подобие Божие. Когда таким образом он ум свой исполнит ведением всякой истины Божией, а душу украсит всякою добродетелию, тогда станет он и богоподобен, или облечется, как учит апостол, в правду и преподобие истины¹ — *по образу Создавшего его*².

Вот как говорит о всем этом святой Диодор. (В «Добротолюбии» п. 89, — своими словами для ясности.) То, что в нас есть *по образу* —

¹ Еф. 4, 24. — ² Кол. 3, 10.

Божественная благодать дает одна во святом крещении, омывая все наши скверны и чистым соделывая естество наше; то же, что *по подобию*, она потом соделывает в нас не одна, но вместе с нашею свободою. Когда, прияв силу в крещении, человек помощию ее начинает усвоять себе всякую истину и навязывать всякой добродетели, тогда на том, что есть *по образу*, начнет живо писаться в нем и то, что должно быть *по подобию*. Тут происходит то же, что делают живописцы. Живописец сначала начертывает образ человека одними чертами, а потом уже и красками рисовывает каждую часть, как она есть в том, чей образ он рисует. Так и благодать Святого Духа сначала в святом крещении делает человека таким, как он был до падения, восстанавливает в нем то, что *по образу*; а потом, когда видит, что человек усердно желает и красоты подобия и готовым себя являет на всякий для сего подвиг, тогда она, добродетель за добродетелию нацвечивая и от красоты к красоте возводя вид душевный, совершенным образом начертывает в ней и *подобие*, — и становится тогда человек совершенным — по образу и подобию Божию.

Поясню вам это и от себя немного. Отпечатленное благодатию на образе подобие обнимает все наше внутреннее — и мысли, и расположения, и чувства — и соделывает богоподобными — и ум, и волю, и сердце.

Ум богоподобен, когда он ясно ведает Символ веры и все, содержащееся в нем, содержит нелицемерно. Апостол Павел говорит о себе и о всех апостолах: *мы ум Христов имамы*¹. Сей Христов ум они не удержали в себе одних, а предали его Церкви и верующим — в слове живом и писаном. Святая же Церковь собрала его весь воедино и изложила кратко в Символе веры. Стало, кто ведает и искренно содержит все, чему учит Символ веры, тот имеет ум Христов, или у того ум подобен уму Христову, богоподобен.

Деятельная сила человека бывает богоподобна, когда она украшается всеми добродетелями, какие указаны Господом в учении о блаженствах, именно — смиренномудрием, сокрушением, кротостию, истиннолюбием и правдолюбием, милосердием, чистотою сердечною, миролюбием, прощением обид, терпением и проч. Что это так, сему учит апостол Павел, ибо, сказавши, что нам надобно облещися в нового человека, обновляемого по образу Создавшего, поясняет потом, в какой именно образ следует облещися, говоря: *облецытеся во утробы щедрот, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение*, в то, чтоб прощать, если кто имеет что на другого, мир в себе водворять и все творить с чистым побуждением, во имя Господа Иисуса и славу Божию².

¹ 1 Кор. 2, 16. — ² Кол. 3, 9—17.

А это то же самое, что содержится в учении о блаженствах.

Сердце становится богоподобным, когда оно отрешается от всех привязанностей земных и прилепляется к вещам духовным и небесным. Об отрешении — так заповедует апостол: *надобно, говорит, нам так жить, чтоб имеющие жен были как бы не имеющие, плачущие, якоже не плачущие, радующиеся, якоже не радующиеся, купующие, яко не содержаще, и требующие мира, якоже не требующе*¹. То есть надо так настроиться, чтоб все, бывающее в мире, было чуждо нам, проходило около нас, не возмущая и не касаясь нашего внутреннего. А о прилеплении к предметам духовным и Божественным так говорит тот же апостол: *вышних ищите... горняя мудрствуйте, а не земная. Умросте бо, и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе*².

Вот видите теперь, что есть образ Божий и что подобие, как восстанавливается образ и как восстанавливается подобие, и в чем состоят они восстановленные. Возьми теперь всякий и рассмотри себя — душу свою, ее действия и свойства — и сличи с тем образом и подобием, кои должны отпечатлеваться в них. Что есть, благодарите за то Господа; а чего нет, то приобрести постарайтесь, прося у Господа себе помощи на

¹ 1 Кор. 7, 29—31. — ² Кол. 3, 1—3.

то. Если образ Божий, восстановленный во святом крещении, опять омрачен и поврежден смертными грехами, надобно обновить его в покаянии. Если цел образ — смотри, полное ли есть подобие? Читай Символ веры и рассуждай, все ли знаешь, что там содержится, и так ли знаешь, как должно знать. Если не все знаешь — дознай; если о чем не так думаешь — изгони сии богопротивные мысли и возьми мысли Божии. Возьми учение о блаженствах и смотри, все ли те добродетели есть в тебе, кои там заповедуются. Какие есть, те храни и укрепляй; каких нет, те стяжать озаботься. Возьми сердце свое и смотри, где его сокровище, где оно живет и в чем благо свое поставляет? Если увидишь, что ему *еже жити, Христос, и еже умрети, приобретение есть*¹ — благодари Господа. А если увидишь, что оно все опутано пристрастиями земными, начинай отрешать его от них понемногу, поспешая, однако ж, сделать это, чтоб смерть не застала, ибо кто привязан к земле, тому тяжело умирать.

Если мы положим отныне так действовать, то настоящим образом исполним урок от праздника Нерукотворенному образу Божию. А если потом и самым делом устраним все повреждения образа и подобия Божия в нас и составим их в себе во всей целости и чистоте, то

¹ Флп. 1, 21.

исполним и всю волю Божию о нас, которая есть святость наша.

Господь, нерукотворенно отпечатлев образ Свой на убрúсе¹, да возьмет, как убрус, и естество наше и прикосновением к Своему Богочеловеческому лику да напечатлеет в нем не образ только, но и подобие Свое, да тако подобницы Ему бывше, по смерти сподобимся внити в нерукотворенная святая, куда вошел Он для нас — предтеча, и с Ним, как сыны и наследники, вечно насладимся обетованных нам благих. Аминь.

16 августа 1864 года.

В день Нерукотворенного образа

¹ На полотенце. — *Ред.*

ПУТЬ К ИСТИННОЙ РАДОСТИ ЛЕЖИТ ЧЕРЕЗ КРЕСТ

ТРЕБУЕТСЯ САМОРАСПЯТИЕ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАС В ПЕРВО-
БЫТНОЕ СОСТОЯНИЕ

Вчера пели мы: «Радуйся, Благодатная»; ныне поем: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко». Вчера мы восхваляли Пресвятую Богородицу за то, что Ею к нам Вышний нисшел есть; ныне восхваляем Ее за то, что Она есть таинственный рай, им же крестное, живоносное на земли насадися древо. Вчера Святая Церковь хотела возвесть нас до чувства радости избавления; ныне хочет она воодушевить нас к подъятию скорбей крестоношения. Что бы значило такое сочетание? Что внушается нам и какой урок дается чрез это?

Сим внушается нам, что без крестоношения нет истинных радостей. Хочешь радоваться? — понеси прежде крест. Радость — цель; крест — средство. Хочешь первой — возжелай последнего. Хотя показанное сочетание христианских

празднственных воспоминаний не есть необходимое, а случилось только в сем году; тем не менее, однако ж, не неуместным занять ваше внимание объяснением, как и почему путь к радости лежит чрез крест.

Радость и веселие должны принадлежать нам по природе нашей. Бог создал человека по образу и по подобию Своему. Но как Бог есть всеблажен, то и человек долженствовал выйти из рук Творца обладателем блаженства. Так и было вначале. Человек блаженствовал и внешне и внутренне. Но потом, по зависти диавола, будучи прельщен, преслушал заповедь Божию, чрез грех расстроил себя и вместо радости и веселия наследовал смятение и страх. Тогда, в соответствии внутреннему, а вместе и в наказание, Бог отнял у него и внешнее блаженное жилище. И стал человек обременен скорбями и печальми всесторонне. Теперь очевидно, что желающему снова возобладать радостью и веселием надо уничтожить прившедшее в него падением повреждение и восставить себя в первоначальный чин и устроение. Как только сие совершится, радость и веселие опять водворятся в нас, сроднятся с нами, как сродно нам, например, дыхание. Что же для сего надо сделать? — Надобно распять себя, — и вот почему!

Посмотрите, что сделалось с нами в падении! Апостол Павел то зло, которое пришло к нам

чрез падение, именуется человеком ветхим, или греховным. Объясняя сие, Макарий Великий говорит, что чрез падение привзошел в нас иной человек, — и человек полный, со всеми членами, — привился к тому человеку, который вышел из рук Творца, и заглушил, или заморил его собою; привзошел так, что голова налегла на голову, руки на руки, ноги на ноги, всякая часть на себе подобную часть; заглушил так, что того первобытного человека стало — или совсем не видно, или мало видно, а стал видимым и действующим только сей пришлый человек. Оттого и не стало у человека радости жизни, что стал жить не настоящий человек, а иной — греховный человек, которому не свойственно радоваться. Человек первозданный был, как говорит Премудрый, прав, то есть был верующ, богобоязнен, упователен, молитвен, милосерд, кроток, смирен, чист, благожелателен, воздержан, деятелен — словом, украшен всеми богоподобными совершенствами. А пришлый человек — греховный — во всем ему противен: он невер, Бога не боится, не молится, надеется только на себя, не милосерд, гневлив, яростен, горд и тщеславен, похотлив, завистлив, неблагожелателен, ленив, предан чувственным утехам — словом, обременен всеми порочными чувствами и страстями. Когда сей последний взял верх над первым, то этот начал быть страждущим, состоящим в рабстве, под гнетом. Вслед-

ствие чего, не имея свободы действовать, скорбит и тужит. Потерпел, например, кто обиду — правый человек хочет простить, человек греховный требует мести. Как то и другое сходится в одном лице, то внутри нас происходит борьба и тревога, беспокойная, болезненная. Видим, что возвышается другой в счастии и чести, — правый наш человек готов сорадоваться, греховный воздвигает зависть. Просят милостыни — правый наш человек готов, по доброжелательству, поделиться последним, греховный, по своекорыстию и себялюбии, заставляет беречь, что есть, для себя... Представляется случай предаться чувственным удовольствиям — правый наш человек повелевает отказаться от них, чтобы сохранить себя чистым, греховный неудержимо влечет туда, ибо находит удовольствие в нечистотах. Так и во всем — пришлый, греховный человек не дает свободы человеку правому в нас, созданному по образу и по подобию Божию, томит его, держит его в рабстве и горькой неволе. Оттого и нет в нас радости, пока мы в рабстве у греха.

Теперь само собою очевидно, что для того, чтобы возвратить нам себе радость жизни, надобно умертвить в себе сего греховного и пришлого человека. А, по апостолу, это значит — совлещись *ветхого человека с деяньми его*¹, распять

¹ Кол. 3, 9.

плоть со страстьми и похотьми¹, или, что то же, взойти на крест.

Когда будет умерщвлен сей греховный человек, тогда получит свободу человек правый и, начав действовать беспрепятственно, так, как свойственно ему по природе, будет веселиться и радоваться. Будет умерщвляться и распинаться в нас собственно греховный человек; но как он прирос к нам и сорастворился с естеством нашим, то, убивая его на кресте, мы не можем не страдать и не болеть и сами. Тут происходит то же самое, что бывает, когда врачи делают операцию, вырезая какую-либо приросшую, ненужную, болезнь только причиняющую часть. Вырезывается лишнее, чуждое составу тела, вредное, а тело все — и настоящее — страдает. Так и в распятии ветхого человека — предается казни пагубное, несвойственное нам, безобразящее нас, греховное; но и мы не можем не страдать, потому что оно привилось к нам и стало как бы одно с нами. Вот почему сие совлечение ветхого человека именуется и есть самораспятие. Действие сие точно походит на то, как бы сдирать с себя кожу. И в самом деле, какая сильная бывает иногда боль? Но самая боль сия радостотворна, тем паче радостотворны плоды ее!

¹ Гал. 5, 24.

Так, братие, крест нужен, и нам непременно нужно взойти на него. Но вонмите, что распинается пришлый человек, а мы только болим при сем оттого, что нельзя оторвать его от нас без боли; в самом же деле мы не распинаемся, а освобождаемся от неволи, исцеляемся, разрешаемся от уз. Как если бы с узника какого, окованного по всему телу цепями, которые от долговременности вросли в тело, стали снимать сии цепи, то хотя ему было бы больно, но он охотно и с радостью потерпит сию боль, зная, что чрез нее он получит отраду свободы и, немного потерпевши, приобретет себе всегдашнюю радость и веселие; так точно и у нас, при распятии греховного человека, бывает больно и беспокойно; но потерпим благодушно: немного еще — и вступим в свободу чад Божиих. Иначе нельзя. Одно из двух: или всегда страдать в рабстве греху, или, немного поболевши, вступить в отраду свободы от греха.

Вот еще что помнить должно! Самая боль самораспинания имеет отраду, — и это не только потому, что после чается, но и потому, что в сии минуты ощущается, и от действия благодати и от чувства здравия, начинающего разливаться по всему составу нашему духовному. Надобно только решиться на самораспятие однажды — и решимость сию обратить на все вообще греховное, качество в нас, — в каком бы ни проявлялось оно виде. Когда сделается такой

перелом, или это поражение греховного человека в корне его жизни, тогда поражение его по частям не будет составлять ни труда, ни боли, ни страданий. Будет только то, что чем более кто будет упражнять над собою действия самораспинания, тем больше и больше будет сам освобождаться от уз греха, тем больше и больше будет выступать потаенный сердца человек — с одним, другим, третьим членами освобожденными, пока, наконец, явится во всем совершенстве, не имущ скверны, или порока, или нечто от таковых, как новосозданный по Богу в правде и преподобии истины.

Ведая сие, братие, воодушевимся на крестоношение, или самораспинание, имея в мысли не столько минутную боль, сколько отраду спасения. — Се единственный путь к свободе чад Божиих, единственные врата, коими входят в радость Господа. Желает кто радости? Распнись! — Тогда, совлекшись ветхого, облечешься во все новое и явишься совершенным по духу, душе и телу, достойным чадом будущего возустроения всяческих. — Сего блага желая всем вам, напоминаю вместе — не чуждаться внутренних и внешних крестов, встречаемых в жизни, и, взирая на благий их конец, воодушевляться к благодушному и терпеливому несению их. Аминь.

26 марта 1861 года.

В 3-ю неделю Великого поста

ПРОХОЖДЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

БРАНЬ СО СТРАСТЯМИ И ОПЫТНОСТЬ ДУХОВНАЯ

Ныне неделя, в которую воспоминается чудесное исцеление Господом тридцативосьмилетнего расслабленного. В Евангелии поминается чудотворная ветхозаветная купель, которую возмущал Ангел Господень каждое лето, и кто первый влезал в нее, по возмущении воды, бывал здоров, каким бы недугом ни был одержим. При купели было пять притворов, в которых лежало множество болящих — слепых, хромых, сухих — в чаянии движения воды¹.

Что в сей день положена память святого Авраамия мученика, — это очень понятно. Почивающие здесь нетленные мощи его суть наша чудотворная купель. — Приходи, кто хочет, и не однажды в год, а каждый день и час, — и не жди Ангела, а сам возмути ее чудодейственностью молитвенными движениями и воздыханиями, и,

¹ Ин. 5, 1—9.

несомненно, отойдешь здрав от недуга, которым недугует душа твоя и даже тело, если того достойным найдет тебя промыслительная благодать Божия.

Так это понятно. Но то не совсем понятно, чего ради устроился в сей день праздник в вашей обители, сестры? Видно, что этим хотели сильнее напечатлеть в вашей мысли то Евангельское событие. Но самое напечатление сие зачем? и зачем у вас, иночествующих? Какая мысль дается сим о вас — вам самим и нам, сторонним? Та ли, что вы — овчая купель для приходящих к вам — больных разного рода душевными недугами, или та, что вы в своих келлиях подобитесь пяти притворам, в которых лежат болящие, — сами, ищущие и чающие целительных движений вне себя, от инуда?¹ Вот это не ясно, что вы — купель целительная или притвор с больными? Хочу пояснить вам сие потому, что отсюда выходит для вас очень назидательный урок.

По моему суждению, вы должны быть и то и другое. В себе самих, в своих чувствах и в своем о себе мнении вы должны быть болящие, а для других — целительницы душевных недугов. Сами вы должны чувствовать и почитать себя исполненными недугов душевных — духовно слепыми, хромыми, сухими; а для тех, кои приходят

¹ Из иного места. — *Ред.*

к вам с немощами душевными, вы должны подавать всякое исцеление, просвещать слепотствующих умом и самопрельщенных, исправлять храмлющих на обе плесне¹ — нерешительных, и оживлять святое чувство в душах, иссохших суетою и заботами житейскими. Не думайте, что тут есть несообразности. Может быть, вам представится, как же это самим себя иметь душевно немощными, а другим подавать душевное врачевание? — Откуда немощный сам в себе возьмет целительную силу для других? — Скажу на это, что во внешней жизни точно так бывает, что скудный не дает довольства, и бессильный — крепкой опоры, а в духовной жизни наоборот, — чем кто зрит себя немощнее, тем он бывает сильнее; ибо в немощах-то и совершается сила Божия, и чем кто уничиженнейшим себя имеет, тем преславнейшие и спасительнейшие издает дела, ибо смиряющийся в чувствах о себе возносится делами, Богом чрез него содеваемыми.

Вы, конечно, знаете, — как идет духовная жизнь. Когда человек предан страстям, то он не видит их в себе и не разделяется с ними, потому что живет в них и ими. Но когда воздействует на него благодать Божия, тогда он начинает различать в себе страстное и греховное, — признается в нем, кается и полагает намерение

¹ Хромающих на обе ноги. — *Ред.*

воздерживаться от того. — Начинается борьба. — Сначала сия борьба ведется с делами, а когда отвыкнет человек от дурных дел, брань начинается уже с дурными мыслями и чувствами. — И здесь она проходит много степеней; но главное тут — вот что бывает: помыслы и чувства не вдруг освобождаются от страстей и греха, а до сего бывают еще в плену у них и после того, когда дурные дела уже прекращены. — Дел тогда грешных хоть и не бывает, но душа помышляет о грешном и услаждается страстными предметами. Кто ревностно ведет дело спасения, сейчас заметит это. Внимание, которым внимает он себе, — непрестанно открывает ему все сплетение страстных помыслов, роящихся внутри его. Заметив эту нестройность, начинает он прогонять дурные помыслы и подавлять страстные движения, навикает распознавать, какой страстный помысл как начинается, как подкрадывается, как увлекает и прельщает душу, а вместе, навикает и тому, как побеждать его, прогонять и погашать. Борьба длится, — страсти все более и более исторгаются из сердца.

Бывает и так, что совсем исторгаются страсти из сердца. — Исторгаются! — Остановитесь тут вниманием, что значит это исторжение страстей из сердца? Исторгаются страсти, но борьба не прекращается; исторгаются из сердца, но не выходят из естества нашего и в нем остаются.

Признак того, что страсть исторгнута из сердца, есть — когда сердце начинает питать к страсти отвращение и ненависть. Но когда и этого достигнет человек, это не значит, чтобы страстные помыслы уже не приходили и не покушались увлечь душу его, — нет, и при этом они будут нападать и соблазнять, хотя без успеха, ибо сердце тогда с первого раза поражает их ненавистию и отвращением. Страсть исторгнута из сердца, но осталась подле него, стала вне его, как соблазнитель.

Положим, что так сделано с одною, другою, третью страстью, — и всеми, какие у кого есть. — Все они выброшены из сердца, отвергаются и ненавидятся им; но все стоят вне его и соблазняют. Каким, думаете, будет сознавать и чувствовать себя тот человек, в котором сие совершается? — Не иначе, как — нечистым; ибо страсти нечистые, хотя они уже ненавидятся им, все же он видит в себе. Вот тщеславие приходит, вот — осуждение, вот — леность, вот — зависть, вот — похоть. Хотя всех их он прогоняет и отвергает, но все же не может не видеть, что они в нем и что, следовательно, он не может не сознавать себя немоществующим ими.

Припомните сказание об одном великом подвижнике, как он, сидя в келлии, вслух осуждал себя в разных грехах. — Ученики его совне слышали, что он говорил, например: «Ты уж

побранился»; немного спустя: «Ты уже наелся ни свет ни заря»; потом: «Ты уже судья стал и всех рассудил» и проч.; так он перебирал все грехи, будто содеянные им. — Это не грехи были, а помыслы приходили к нему, и он судил себя не чистым от них, соучастником в них и грешником. Между тем по ходу жизни он и подобные ему стоят на высокой степени. И выходит, что, чем совершеннее кто на деле, тем немощнейшим чувствует себя в сердце, чувствует себя страстным, и осуждает себя в страстности, когда страсти уже отвергнуты и возненавидены. Даже, надо сказать, потому и сознает он себя страстным, что страсти отвержены; ибо, пока они не отвергнуты сердцем, человек не охотно признает себя в них виноватым, а все как-нибудь извиняется в них.

Но пусть он сам себя чувствует униженным — как бы был весь в грехах и ранах: так ему должно. Мы же смотрим, что есть на деле. — Ведь он все уже страсти одолел и исторг из сердца, — значит, он на деле изведаль, как какая страсть и какой страстный помысл действуют в нас и как их одолеть можно, изведаль все хитрости греха и страстей и все меры против них, духовную мудростию предписываемые, — и своим опытом все сие знает. Но такое лицо есть сокровище духовного врачевания: приходи к нему, с какою хочешь немощию душевною, — он все расскажет, как в каком случае поступить и как

укрепиться и одолеть себя. Ибо все изведал и знает опытно целительность своих средств и их пригодность в разных случаях, — *сам искушен был, может и искушаемым помощи*, как говорит апостол¹, и даже так, что такой только и может быть настоящим врачом душ. Когда кто, сам не уврачевавшись, других врачевать хочет, тогда и врач и врачуемый в прелесть пагубную впадают и увеличивают свою проказу.

Теперь видите, сестры, каким образом чувствующий себя немощным и страстным бывает самым надежным врачевателем душевных немощей и страстей! Отсюда возьмите решение — как и вы можете сами себя иметь болящими, а для других представлять целительную овчую купель. Вступите в безжалостную борьбу со страстями и помыслами, и сим путем достигнете того и другого. Дела греховные какие-нибудь — вам трудно иметь, но при сем можно иметь греховные помыслы и все же быть грешными пред Богом. На помыслы паче и обратите все внимание и всю ревность подвижничества. Когда сею внутреннею борьбою исторгнете страсти из сердца, тогда будете способны врачевать и других, и тем исполните ваше назначение в Святой Церкви. Иноческие обители зачем учреждены? Затем, чтоб приготовить духовных врачевателей и

¹ Евр. 2, 18.

врачевательниц. И вы непременно должны сего достигнуть, — сего ожидает от вас Церковь, сего ожидают от вас и все христиане. Если нельзя сего достигнуть без борьбы со страстями, так боритесь, и боритесь неленостно. А то что у нас будет? В мире страсти владывают и всех снедают. Придет кто в обитель — отдохнуть душою, и тут — те же страсти. Куда же тогда деваться мирянам от страстей? Возьмите же себе во внимание то, чем вы должны быть, и поревнуйте не казаться только, но и быть таковыми, какими все видеть вас чают. Аминь.

10 мая 1864 г.

*В неделю о расслабленном и
на память святого мученика Авраамия*

ОЧИЩЕНИЕ ОТ ВСЯКОЙ СКВЕРНЫ ПЛОТИ И ДУХА

МОНАШЕСТВО — ЖИЗНЬ СТРАСТЕИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ, ПУТЬ К
СЕРДЕЧНОЙ ЧИСТОТЕ

(ЧЕТВЕРТОК 11-Й НЕДЕЛИ. АПОСТОЛ: 2 КОР. 7, 1 — 9)

В нынешнем Апостоле слышали мы заповедь — очищать себя от всякой скверны плоти и духа¹. Необходимость такого очищения видит святой апостол Павел в высоком нашем назначении — быть в живом общении с Богом, по которому он именуется нас *церквями Бога жива*², в коих вселяется Он и ходит. Как Бог есть чист, то и к общению с Ним предназначенные должны быть чисты, ибо иначе *кое причастие правде к беззаконию? или кое общение свету ко тме? — кое же согласие Христови с велиаром?*³

Что же значит очистить себя от всякой скверны плоти и духа? — Значит очистить себя от страстей душевных и телесных, ибо они суть

¹ 2 Кор. 7, 1. — ² 2 Кор. 6, 16. — ³ 2 Кор. 6, 14—15.

нечистота наша. Чистыми вышли мы из рук Творца, а когда согрешили, приняли в себя примесь страстей, которые сделали нас нечистыми. Почему, кто хочет взойти опять в первобытную чистоту, тот должен победить и искоренить в себе страсти.

Побеждать и искоренять страсти есть долг всех христиан. *Иже Христовы суть, плоть распяша со страстьми и похотьми*, говорит апостол¹. Но многие, видя, как трудно бороться и одолевать страсти, находясь в житейских и гражданских заботах и связях, разрывают сии связи, оставляют семейство и общество и вступают в обитель на такую жизнь и такие порядки, которые прямо приспособлены к искоренению страстей. Таким образом, монашество есть жизнь противоборственная страстям, страстеистребительная, сердцеочистительная. Об этом я и хочу напомнить вам ныне, братие, и не столько своим словом, сколько словами преподобного и богоносного отца нашего Пимена, которого и память ныне совершается и который восхваляется в песнях истребителем страстей и руководителем в сем для иноков.

Когда вступают в монашество, это не значит, что тем одним страсти уже и истреблены. — Нет, — страсти остаются, а только человек всту-

¹ Гал. 5, 24.

пает в такие порядки, при которых страстям нет пищи и поддержки, — что и составляет приспособленность монашества к борьбе со страстями и одолению их.

В монашестве способнее одолевать страсти. — Страсти ведь молчат, когда нет предметов, возбуждающих их. Удаляясь от мира, монах удаляется от сих предметов, и страсти, не находя себе пищи, все слабеют и слабеют, пока совсем не замрут. Держи себя, монах, так, чтоб глаз не видел, ухо не слышало и другие чувства не ощущали ничего худого и нечистого, и — будешь, как в безопасной пристани, от волнения страстей, которые, не находя себе поддержки, молчать будут. Спрашивали авву Пимена о нечистых помыслах, рождающихся в сердце человеческом и о суетных пожеланиях. Он отвечал: *«Еда прославится секира без секущего ею?»*¹ Не подавай руки им, и они ничего не сделают» (в «Достопамятных сказаниях» — гл. 15). В монастыре пищи страстям — предметов их — нет, только помыслы о сих предметах остались. — Но и помыслы — одни — могут разжигать страсти, заменяя собою предметы их. — Чтоб сего не случилось, авва Пимен и говорит: не давай помыслам руки, не встречай их, как встречают приятелей, подавая им руку, а отбивай их, отвергай, гони.

¹ Ис. 10, 15.

Сиди в обители и борись с помыслами, и избавишься от страстей. Через пребывание в обители от предметов страстных отдаляешься, а борясь с помыслами, и мыслей о них иметь не будешь, отчего страсти, не находя себе пищи не только от предметов, удовлетворяющих им, но и от помыслов о них, замрут, только вооружись терпением и храни такой порядок постоянно. «Если сундук с платьем, — говорит авва Пимен, — будет оставлен без попечения, то платье со временем истлеет, так и помыслы, если не будешь исполнять их на самом деле, со временем исчезнут, или как бы истлеют» (гл. 20). В другой раз спросили его о том же, и он отвечал: «Если кто положит в кувшин змия и скорпиона и закроет его, то, конечно, гады со временем издохнут; так и худые помыслы исчезают, если не давать им исхода и терпением томить их» (гл. 21).

Вот отчего монашество есть прямой путь к чистоте сердечной. Прямой монах скоро достигает бесстрастия. А что не достигается иными сия цель, это оттого, что не смотрят за помыслами, и или без дел сквернятся ими одними, если усидят в келлии, или даже не усуживают, а от помыслов переходят к страстным делам. Под руками такое сокровище — чистота сердца, а они лишаются его. Достойно сие плача и сетования! А все от разленения нашего и ослабления ревности ко спасению. Ослабнет ревность сия —

руки опустятся. Тут враг и подойдет, сначала с помыслами, а там чрез них доведет и до дел.

Внимайте же, братие, себе, чтоб ревность не ослабела и душа постоянно была занята одним делом очищения себя от всех нечистот. Надлежит иноку постоянно носить в мыслях то убеждение, что он мертв или что носит мертвеца в себе. Кто мертв, тому как заняться чем-либо? И кто мертвеца имеет, до сторонних ли ему предметов? Так и инок не будет увлекаем и развлекаем ничем, если утвердит себя в сих спасительных помышлениях. Авва Пимен, когда был еще учеником, получил такой урок: «Поди, седи в своей келлии и положи в сердце своем, что уже год, как ты в могиле». И он строго исполнял сие, так что мысль о смерти срослась с его душою. Отчего, если кто приходил и начинал речи о вещах, чуждых дела духовной жизни, он ничего не отвечал, и, когда спрашивали, почему ничего не отвечаешь, он говорил: «Что же мне делать? я мертв, а мертвый не говорит». Монаху так помышлять и легко бы, ибо вся одежда его знаменует гроб и окутание мертвого (гл. 3).

С другой стороны, почитание себя мертвым развивает дух сокрушения и умиления — корень и плод покаяния и слез. Чтоб еще более раздражить сей дух умиления и плача, советуют представлять себя домом, в котором есть мертвец. Как в таком доме все в сетовании — и дела

им нет ни до чего, что делается вне и вокруг, так и человек, воображающий, что носит в себе мертвеца, ни о чем стороннем заботиться не будет. Приведу опять слова Пимена: увидел он женщину, которая сидела на могиле и горько плакала, и сказал: «Если б явились здесь все удовольствия мира, не привлекли бы ее внимания. Так монах должен плакать» (гл. 26). В другой раз, увидев также женщину на могиле в слезах и узнав, что она плачет оттого, что у ней умерли муж, сын и брат, он сказал спутнику своему: «Уверяю тебя, если человек не умертвит всех вожделений плоти и не будет так плакать, не может быть монахом. Вся душа и жизнь этой женщины погрузилась в скорбь» (гл. 72). Так надо и монаху. Тогда ему ни до чего не будет дела, не только до страстного или житейского, но даже до потребностей самых необходимых. Где будет тогда место страстям и страстным помыслам? Что особенно отгоняет помыслы и страсти в сем расположении, так это — теплота и горение духа. Кто плачет, у того — более или менее — горит сердце. Горя же чистым пламенем сокрушения и умиления, оно отгоняет все нечистое. Авва Пимен так говорит о сем: «Когда горшок снизу подогревается огнем, то ни муха, ни иное какое пресмыкающееся не может прикоснуться к нему. То же бывает и с монахом. Когда он пребывает в горячем расположе-

нии духа, враг не может прикоснуться и даже приблизиться к нему» (гл. 111).

Вот видите, братие, какой простой путь к очищению страстей предлагается нам. Горение духа, плач и сокрушение, борьба с помыслами и удаление от страстных предметов! — Монахам легче успеть в сем. — Но и миряне не должны думать, что им позволительно поблажать страстям и помыслам страстным. Нет, страсти — сатанинское в нас семя. Им поблажать — значит с сатаною брататься. Но — *кое согласие Христови с велиаром?* — Еще никто на свете не ухитрился работать Богу и мамоне вместе. — И не думайте о сей хитрости, а лучше в простоте веры, сознав нечистоту страстей, вступайте с ними в борьбу и побеждайте их, чтоб чрез то взойти к чистоте, а затем сподобиться награды, обещанной чистым и победителям страстей: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*¹. Побеждающему, говорит Господь в Апокалипсисе, *дам сести со Мною на престоле Моем, якоже и Аз победих и седох со Отцем Моим на престоле Его*². Аминь.

28 августа 1864 года.

В Муромском Благовещенском
мужском монастыре

¹ Мф. 5, 8. — ² Апок. 3, 21.

НАУКА ЖИЗНИ ПОДВИЖНИЧЕСКОЙ — САМ ПОДВИГ

ОБИТЕЛЬ В ГОРОДЕ — ОТКРЫТАЯ БОРЬБА С СТРАСТЬМИ И ПОХОТЬ-
МИ МИРА ПРЕД ЛИЦОМ МИРА

Понуждаюсь и вам, отцы и братие, сказать посильное слово, да некий плод имею и в вас, как в других. И что скажу вам? Смотря на положение вашей обители пред лицом мира, не знаю, что видеть в устроителях сей обители — особенную ли мудрость или крайнюю недалёковидность; и в вас, вступающих в сию обитель, — особенное ли мужество или крайнюю слабость?! Припомните слово одного мудрого старца об искушениях. К кому искушение близко, говорит он, тот подобен стоящему на краю пропасти, — и один легкий толчок может низринуть его в бездну. А кто далеко от искушения, тот подобен находящемуся далеко от пропасти. Врагу надобно сначала привлечь его к сей пропасти, чтоб потом столкнуть в нее. Но пока он будет влечь его, брат придет в себя, опомнится и прогонит искушителя.

Устроив обитель так близко к миру, основатели ее поставили иночествующих в положение тех, к коим близко искушение, кои стоят на краю пропасти. Враг во всякое время может столкнуться в нее всякого из вас. Но если так, то, значит, они учредили обитель иночествующих для уничтожения иноков, ибо инок, впадший в искушение и остающийся в нем, уже не инок. И точно, если б нельзя было найти какой благовидной мысли к учреждению обители пред лицом мира, нечем было б и оправдать учредителей ее. Но мне вот что приходит на мысль. Кто заводит, например, училище, хочет, конечно, чтоб учащиеся выучивались в нем как можно скорее. Не подобное ли сему желание заставило дать такое место и обители вашей?! Ведь на деле так бывает, что выучиваются, например, ходить, ходя, выучиваются плавать, плавая, выучиваются читать, читая. Так и иночествованию, или жизни подвижнической, выучиться иначе нельзя, как подвизаясь, вступая в подвиг, борясь со страстями и похотями. Страсти и похоти молчат, большею частию, когда нет возбудителя их, а когда есть возбуждение, они восстают, и — чрез сие — тем, кои поставили себе правилом бороться с ними, дают повод к брани, вступая в которую и борясь, они научаются бороться, воинствовать духовно, подвизаться, или иночествовать, как должно. Вот эта благая мысль, вероятно, и лежала в основании

обители вашей. Хотели, чтоб мир, пред глазами вашими находясь, держал вас постоянно в состоянии искушаемых и чрез то давал повод к брани; вводя же в брань со страстями и похотьми, научал сей брани, скорее делал вас опытными борцами и тем отнимал опасность со стороны близости искушений.

Так ли это было или нет — всяко вам, иночеству здесь, сие именно надобно иметь в виду. Такому легкому подлежа искушению со стороны мира, не поддавайтесь миру, а побеждайте его и посрамляйте покушения его на вас равнодушием или даже отвращением к его прелестям. Близость искушения призывает и обязывает к мужеству в борьбе и никак не может послужить оправданием тому, кто бы чрез послабление себе поддался увлечению искушений. Как бы ни было сильно искушение, вы обязаны победить его и посрамить. И если падете, сила искушения не послужит вам в оправдание. Характер иночества неизменен, в каком бы положении ни была обитель, — чистота и ради нее борьба и подвиг; и, вступая в обитель, это надо иметь в мысли, а не послабление. Кто вступает сюда в надежде встречаться чаще с мирскими искушениями, тот на первом шагу уже не инок, а далее — что и говорить? По-мирски хочешь жить, не выходи из мира; а как скоро оставил мир, не ворочайся в него не только делом, но и желани-

ем и мыслями. Обитель, стоя пред миром, не обязывает мира иночествовать; и мир, стоя пред обителью, не обязывает живущих в ней подчиняться требованиям своим. Там и здесь — все дело свободы.

Уразумейте сие, братие и отцы, и так время вашего жития жительствуйте. Обитель в пустыни есть сокровище, сокрытое на селе. Обитель близ мира есть свет мира. Вы — град, устроенный верху горы, которому нельзя укрыться. Вы — светильник, которому следует находиться на свещнице, да светит всем, в храmine мира сущим.

Поймите хорошо слово сие: град верху горы. Гора — это совокупность всех христианских добродетелей, а град верху ее — это совокупность всех иноческих подвигов. Христианские добродетели должны быть уже вами пройдены, вы должны быть в них уже совершенными, — этот труд должен быть закончен в вас. Собственно ваше — подвиги. Христианские добродетели у инока общи со всеми мирянами. Разность у них та, что мирянин ревнует только преуспеть в добродетелях, — а инок должен явить себя уже совершенным в них при самом вступлении в обитель. Труд инока обращен на другое, именно — на подвиги, коими должен он победить естество свое, чтоб явиться совершеннейшим в духовной жизни. Подвиги сии суть его сокровенная

внутренняя жизнь, а общие христианские добродетели должны быть явны всем и видны в нем для всех. Ими-то, собственно, он и светит миру, — и миряне, смотря на него, поучаются не подвигам, кои не вместины для них, а христианским добродетелям. Смотря на иночество с сей точки зрения, скажите мне, что есть инок, который во многих добродетелях уступает мирянам? И еще больше, — что есть инок, подверженный слабостям, которые и в мирянах не часто встречаются?

Сим вопросом напоминание вам творю, чтоб, уразумевши всю несообразность таких случаев с иночествованием, вы сами себя держали на страже. Вы похожи на окруженного со всех сторон врагами или на гибкое дерево, подверженное со всех сторон сильному действию ветра. Воспримите же *вся орудия Божия, яко возмощи вам стати*¹ и устоять, — именно: пост, бдения, церковные служения, чтение, рукоделие, послушание, вопрошение опытных и проч. К сим телесным деланиям присоедините делание умное — внимание ума и молитву, различение помыслов и непрестанное хождение пред Богом, чтоб, и внутренно и внешне оградясь, непоколебимыми пребыть в начатом деле и успешно теши к преднамеренному, помня, что Сам Подвигоположник видит труды ваши, и воодушевляясь тем. В сем

¹ Еф. 6, 11.

духе действуя, — и в искушениях устоите, и в добродетелях явитесь совершенными. — Что и да дарует вам Господь и Спаситель наш, во славу пресвятого имени Его. Аминь.

19 июня 1864 года.

В Муромском Спасском мужском монастыре

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ПРЕДЛЕЖИТ ВАМ!

ВСЕОРУЖИЕ ДЛЯ ДУХОВНОЙ БРАНИ

*Облецытесь во вся оружия
Божия, яко возмощи вам ста-
ти противу кознем диавольс-
ким; яко несть наша брань к
крови и плоти, но к началом, и
ко властем, и к миродержите-
лем тмы века сего, к духовом
злобы поднебесным.*

Еф. 6, 11–12

Горе живущим на земли, — слышал голос с неба святой Тайнозритель, — горе, яко сниде диавол, имеяй злобу великую, змий великий, змий древний, сатана, льстяй всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним¹. Злое племя коварством и лестию утвердило здесь владычество свое и адскими кознями поддерживает и распространяет его. Ни одно существо не являлось на свет, которого бы

¹ Ср.: Апок. 12, 9–12.

они не облагали и не опутывали сетями, чтоб увлечь его в свою бездну. Князь тьмы строго смотрит за всеми, входящими в его царство, и всякий, в ком нет его духа, кто живет не по его законам, кто не признает его власти над собою, есть прямой предмет его тайной злобы, его хитрости и насилия. Итак, ищущие спасения христиане, оставив дела тьмы и вступив в свет жизни Христовой, не думайте наслаждаться покоем, не думайте блаженствовать. Великий еще подвиг предлежит вам! Целое полчище злых духов поминутно будет окружать вас, будет следить вас шаг за шагом, будет вмешиваться во все ваши занятия, чтобы хоть к чему-нибудь примешать свое зло, хоть чем-нибудь обольстить вас. Но вступив из треволнений греховной жизни на твердую землю святой правды, крепче утвердите здесь стопы свои! Сатана не утомится, возгоняя на вас волны искушений; укрепляясь в Господе, не уступайте ему своего места! Успех в столь трудном деле совершенно зависит от помощи небесной; но и вам не должно оставаться бездейственными там, где решается вечная ваша участь, а с другой стороны, и Божественная сила может в сем случае действовать за вас только чрез вас. Апостол Павел, которому в продолжение целой жизни стужал¹ ангел сатанин, опытно дознал, как

¹ Досаждал. — *Ред.*

можно устоять против диавола и как даже побеждать его, и правила свои предложил в свое время ефесянам, а чрез них и всем будущим подвижникам. *Станите*, говорит он, *препоясани чресла ваша истиною, и оболкшесь в броня правды, и обувше нозе во уготование благовествования мира. Над всеми же восприимше щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженныя угасити; и шлем спасения восприимите, и меч духовный, иже есть глагол Божий. Всякою молитвою и молением молящесь на всяко время духом*¹. Кому нужно, тот уже несколько раз, без сомнения, перечитывал сие место, несколько раз углублялся в значение и приложение содержащихся в нем правил. Но не будет излишним, если к собственным вашим понятиям, к собственным вашим наблюдениям присоединим наблюдения и понятия святых, прежде вас в том же всеоружии воевавших с диаволом и побеждавших его.

Итак, добрые воины Христовы, *станите*, в о-
п е р в ы х, *препоясав чресла ваши истиною*. Что это за пояс в душе и что в ней опоясывать? Чтобы удобнее понять это, представим себе то состояние, в котором находится душа, живя во грехе. Грешная душа — это прах, развеваемый ветром², это безводное облако, носимое в воздухе,

¹ Еф. 6, 14 — 18. — ² Пс. 1, 4.

это звезда блуждающая¹. Она никогда не бывает на месте, во внутреннем саморазмышлении: она вся в рассеянии. Воображение ее есть путь соблазна, по которому, как тени, проходят прелести мира, увлекают за собою душу, и бессильная прилагается к ним, течет вслед их и сквернится грехом в себе самой. Против такой-то рассеянности первее всего и вооружаются желающие не грешить, на то особенно и обращают внимание, чтоб установить свое воображение, укрепить душу, уничтожить эту подвижность и как бы ветреность ее, прийти в себя, чтобы из себя уже идти к Богу, войти во внутреннюю свою храмину, чтобы здесь в глубокой тишине беспрепятственнее совершать духовное священнодействие Богу. Это первое ее занятие, первый шаг к самоисправлению. Но на сем-то первом шагу преимущественно и старается сатана уловить неопытную еще душу, здесь-то особенно и усиливается возвратить ее на прежнюю жизнь, именно: развлечь душу, рассеять ее внимание, уничтожить ее бдительность над своими желаниями и мыслями. Как хитро и незаметно действует он в сем случае! Во время молитвы или богомыслия, при чтении слова Божия или другом каком благочестивом занятии вдруг возникают в душе, неведомо откуда, образы прелестных предметов. Что это значит?

¹ Иуд. 1, 12 — 13.

Откуда они? Не от чего иного, как от лести дьявольской. Тайным неким путем прикасается сатана душе нашей, тайным воздействием приводит в движение память, и из глубины ее являются пред око души то те, то другие предметы, — особенно те, которыми она прежде любила наслаждаться, к которым прежде привязано было сердце. Если душа обратит внимание на сии предметы, если не изгонит их с минуты появления, то нет сомнения, что она побеждена. Один предмет напомнит ей о другом, другой о третьем, и, переходя таким образом от предмета к предмету, она пойдет, наконец, в полный круг греховной жизни, перенесет в свое сердце мир со всеми его прелестями и, занимаясь по виду богоугодным делом, будет ковать в себе зло. Нам представляется, что помечтать, дать волю течению мыслей, дело не только не вредное, но и довольно приятное. Но, братие, коль скоро такое движение помыслов есть в руках сатаны средство к соблазну, то в нем надо искать самого тлетворного действия на душу. Сатана не пускает напрасно стрел. Кто долго стоял на ветре, тот, зашедши в затишье, чувствует, что все в теле его как будто не на своем месте. Точно то же бывает и в душе. Когда она, носившись долго в вихре помыслов, войдет, наконец, внутрь себя, то находит здесь большой переворот: внутреннее чувство притупляется, охота заниматься делами

духовными пропадает, слабеет, если не уничтожается самая решимость искоренять в себе дух мира и жить по духу Евангелия, то есть в ней происходит точно то, что говорит Спаситель о семени, посеянном при пути. Путем воображения приходит в душу диавол и возьмет слово от сердца, чтоб человек, уверовавши, не спасся. Видите ли, как после мечтаний, после свободного течения мыслей душа остается как бы окраденною? Мало этого, не окрадывает только ее при этом сатана, но и наполняет всякого рода нечистотою. Замечают, что после долгого развлеченія душа находит в себе или тщеславие, или нерасположение к какому-либо лицу, или зависть, или другую какую-либо греховную склонность и недоумевает, откуда все это внесено в нее, кто всеял сии плевелы греха, когда она ревностно старалась сеять только пшеницу благих дел? Враг человеческий сие сотвори, когда размышлением усыплена была бдительность души над собою; *всеявый есть диавол*¹. Наряду с другими предметами входит в душу сатана, прельщает ее то к тем, то к другим мечтаемым видам и таким образом посеивает в ней грех. Душа, ревнующая о спасении! Самою сею ревностию убедись препоясывать чресла помышлений твоих, не давать воли своему воображению, пресекать движение

¹ Мф. 13, 39.

помыслов. «От утра до вечера, — по совету Филофея Синайского, — твердо содержи в памяти Бога и, непрестанно принося душевную молитву Иисусу Христу, мужественно, неуклонно стой при дверях сердца, и на сей духовной страже убивай всех грешников земли¹ и, с восторгом укрепясь в памятовании о Боге, посекай с помощью Господа главы сильных и начала враждебных помыслов» («О трезвении», гл. 2. «Христианское чтение», 1827 г.).

Во-вторых, *станите*, воины Христовы, *оболкшися в броня правды*. Воины обыкновенно прикрывают грудь свою броней или латами. Что такое броня у воина Христова и что латы, которыми должен он прикрывать сию грудь? По замечанию исследователей естества человеческого, груди телесной соответствует в душе воля, такая способность, которая, по назначению своему, должна избирать, желать и совершать то, что сообразно с нашею природою, с законами совести и с волею Божиею, иначе — груди соответствует воля, ищущая правды. Чтобы понять, какова должна быть броня для такой груди, припомним то, как воля наша облекается правдою. Мы рождаемся со грехом и в жизни своей умножаем только грехи; верою в заслуги Иисуса Христа снимается с нас клятва греховная. Но

¹ Пс. 100, 8.

оправданному нужны силы, чтобы *ходить в обновлении жизни*¹: благодать Святого Духа осеняет нас и исполняет душу любовью к добру и мужеством к совершению его. Таким образом, воля наша соделывается праведною не сама, вся праведность у ней не своя, все благое в ней есть Божие. Память об этом, чувство своей ничтожности в делах правды, убеждение, что не мы, а благодать, яже с нами, трудится во всем добром, какое есть в нас, или, что то же, **смирение** и есть та броня правды, в которую заповедует апостол облечься воину Христову, есть ограждение воли, ищущей правды, охранение ее от всех преткновений. Трудно победить того, кто облечен смирением. Ибо, кто чрез смирение всего себя предал Богу, за того во всем действует Сам Бог. Но сатана не отчаивается в успехе и непрерывно приступает к душе с искушениями против смирения. Он знает, что оно то же в жизни духовной, что сердце в жизни телесной, а потому в него преимущественно и направляет свои стрелы. Вы сделали какое-нибудь доброе дело, поспешили в церковь, прилежно помолились в ней, подали милостыню, дали благой совет, отказались от какого-нибудь удовольствия для пользы душевной — тотчас зарождается в душе чувство самодовольства и помышление о своем достоинстве.

¹ Рим. 6, 4.

Это посеяваемый сатаною помысл, которым хочет он обратить внимание ваше на свою доброту и совершенство. Мало того — иногда побуждает он кого-нибудь хвалить добродетельного, иногда открывает одному тайные добродетели другого и внушает ему обнаружить их, чтобы таким образом похвалу сделать оболъстительнее, сообщив ей некоторый вид чудесности, иногда является сам и хвалит за победу над собою, и все это для того, чтоб возбудить в душе тщеславное помышление о своем превосходстве. «Помысл тщеславия, — говорит святой Нил, — всех многосложнее: он объемлет почти всю вселенную и, как коварный изменник прекрасного города, отворяет врата всем бесам» («О порочных помыслах», гл. 15. «Христианское чтение», 1821 г.). Посмотрите только с услаждением на свои добродетели, как на плоды своих трудов и своих сил, дайте только сердцу приложиться к сему помыслу, и вы на деле увидите, с какою быстрою устремится в душу вашу все зло. Самодовольство есть первый плод самоуслаждения; из самодовольства родится осуждение, из осуждения тщеславие, от тщеславия желание выказаться лучшим, отсюда лицемерие, далее требование внимания и уважения, далее гордость, а далее, как говорит Лествичник, «гнев, клевета, ярость, хула, ненависть, зависть, прекословие, своенравие, непокорность» («Лествица», сл. 23). То есть над

вами вполне исполнится то, что говорит Спаситель о духе, возвращающемся в прежнюю, уже пометенную храмину, со множеством злейших духов¹. Так, братие, бегайте сего льстеца, сего беса, проводника бесов. Прогоняйте его смирением, самоуничижением, самоосуждением; говорите себе после каждого доброго дела: «Червь я, а не человек»; говорите возносящемуся сердцу словами Лествичника: «Возносятся теми добродетелями, кои ты сделало прежде, чем ты родилось; а те, кои ты теперь, по рождении, стало иметь, не твои, а даны тебе от Бога — так, как и самое бытие. Которые добродетели ты могло сделать без помощи разума, те только твои суть, ибо и самый разум дан тебе от Бога. Которые подвиги ты могло сделать без помощи тела, те только подъяты твоим старанием, ибо и самое тело не твое, а Божие есть творение» («Лествица», сл. 23). Скажите так, и с большею ревностью и с сильнейшим жаром теките к почести высшего звания, *в предняя простираясь, задняя же забывая*².

Станите, в-третьих, воины Христовы, *обувшие ноги в твердость Евангелия мира!* Путь, хождение по нему на священном языке означает жизнь вообще, праведную или нечестивую. Обувать ноги — значит посему готовиться в путь

¹ Мф. 12, 43—45. — ² Ср.: Флп. 3, 13.

жизни, то есть избирать для себя образ жизни, определять правила для своих поступков. Посему в словах: *станите, обувше ноги в твердость Евангелия мира*, апостол заповедует решающимся жить благочестно избрать образ жизни духовной по представлению его в Евангелии, принять правилом своим для своих поступков правила Евангелия, и не только избрать Евангелие в руководство для жизни, но и ходить по духу и требованию его, не уклоняясь ни на десно, ни на шуе; положить сердце свое в слово его, решиться не отступать от него ни на шаг, хотя бы это стоило самых великих пожертвований, самых великих скорбей и лишений, хотя бы даже самой жизни. С такою только решимостию, вступая в путь жизни Христовой, мы не поткнемся на нем, иначе враг легко искусит нас, и падение наше неизбежно.

Известно, что время самоисправления есть время искоренения худых привычек, умерщвления порочных страстей, истребления греховных склонностей: тут надобно постоянно бодрствовать над собою, постоянно бороться с живущим внутри грехом, потушать страстные желания, которые, иногда воспламеняясь мгновенно, объемлют тело и душу, раздирать проникнутое пристрастиями сердце. А такое занятие, такое напряженное состояние, пока еще не возродилась в душе любовь к добру, пока сердце не вкусило

еще сладости от благих дел, есть занятие самое трудное, состояние самое тягостное. К чувству сей-то тяжести и прививает часто сатана искушение, которое тем сильнее, что прикрывается любовью и снисхождением к нам. Если где, то наиболее здесь представляет он в себе самого хитрого льстеца. Довольно вы уже трудились, внушает он, можно дать себе некоторое послабление, можно позволить себе некоторые удовольствия. Видите, он стоит за нас, за нашу плоть, за нашу жизнь, и, искушая, как будто не искушает. Но посмотрите, какую ужасную бездну прикрыв он сими цветами. Согласитесь только на его предложение, дайте только усилиться чувству тяжести, и сатана не умедлит столкнуть вас в сию бездну. Мысль о послаблении, сначала незначительная, возрастет в желание, укрепится и истребит в вас все доброе. Вот уже вы начали искать развлечений, вот уже чувства влекут вас к сродным себе удовольствиям: глаз ищет прекрасных вещей, ухо сладостных звуков, вкус приятных снедей и пития, язык порывается изнесть из души долгим трудом собранное сокровище духовное. Пришед в себя, вы уже не ощущаете удовольствия ни в богомыслии, ни в молитве, ни в чтении слова Божия. Снова пускаетесь в развлечения, снова ищете невинных удовольствий, снова прилагаете сердце к прелестям мира, чтоб вознаградить ими теряемое

сокровище души. И вот уже душа ваша вышла из себя, вот уже обычные дела благочестия исполняются вами наскоро и не от души, вам уже не стоитя в церкви и не хочется слушать в ней пения и поучений. Проходит день, другой, неделя, и душа ваша полна вихрем прежних сует и беспокойств, прежних страстей и склонностей, прежних грехов и преступлений. Видите, как незаметно волны сатанинских искушений отбивают ладью жизни вашей от тихого пристанища Христова и относят в бурные волнения мирской греховной жизни. И все это от одной невнимательно пропущенной мысли о послаблении, от одного допущенного в сердце помысла о трудности и тяжести самоисправления. Укройте же от сих волн, гоните сего духа лестча при первом его появлении, посекайте этот губительный помысл у самого входа в душу, не допуская до сердца. Помысл о послаблении радует ленивое плотяное сердце, а вы поразите его ножом сильнейшей решимости; душа ваша порывается при сем на свободу, а вы новым воспламенением ревности вложите ее в избранный однажды вами ход духовных занятий. Крепче держите себя в своих пределах и ни за что не уступайте места диаволу. Потерпите Господа. Пусть Дух Святой очистит храмину души вашей. Тогда снидут к вам Отец и Сын, и начнется сладкий покой и неизъяснимое блаженство души в Боге.

В - ч е т в е р т ы х. Вот уже, братие, вы счастливо прошли несколько искушений, вот уже обыкли отражать сатану, сосредоточили свою душу во едином на потребу и со смирением твердо идете путем добродетели, вот уже начинаете ощущать радость жизни в духе Евангелия. Благословенно шествие ваше. Но укрепляйтесь в Господе и державе крепости Его. Вас ожидают новые искушения, самые поразительные¹. У лукавого есть еще разжженные стрелы, и он ждет только удобного случая, чтобы поразить вас ими. Как некоторая необходимость на пути нравственного совершенства, является по временам в душе какая-то необыкновенная сухость, иногда довольно продолжительная. Это оттого, что спасительная благодать Духа отступает на время от души или скрывает от нее свое присутствие, а вместе с тем отступает от нее радость и веселие, и скрываются все утешения благодати. Премудрая благодать, без сомнения, имеет при сем для души спасительные цели. Как мать лишает иногда своего присутствия дитя, чтобы дать ему почувствовать сладость сего присутствия и чтобы после с большим жаром самой обнять его, так и благодать отступает иногда от души, чтобы возбудить в ней сильнейшее желание себя, и потом в расположенную таким образом душу излиться

¹ Поражающие, ранящие. — *Ред.*

с большим изобилием. Но между тем как так премудро устроится путь спасения, сатана не медлит воспользоваться благоприятною минутою. Как лютой зверь подстереженную добычу, схватывает он оставленную душу и окружает ее злыми духами хулы и сомнений. И куда ни обратится бедная душа, везде встречает их приращения, везде подвергается их нападениям. Станет ли читать Евангелие, все ей в нем кажется неверным и подозрительным, войдет ли в церковь, все здесь ей представляется одним призраком без существа и действительности. Самое бытие Господа Иисуса Христа, бытие Божие, бессмертие души, все устройство спасения, весь даже обыкновенный порядок вещей кажется ей обманом и ложью. А дух хулы, каких пакостей не творит он для души! «Сей, сей, — взывает с жаром святой Лествичник, — непотребный дух часто во время самой Божественной литургии и в самый страшный час священнодействия хулит мысленно Бога и совершаемые тайны, и не только Бога и все Божественные вещи хулит, но еще бесстыднейшие и непотребные слова внушает в наше сердце, дабы мы или молитву оставили, или отчаянию подверглись» («Лествица», сл. 23). Вот подлинно разжженные стрелы! Падая от других искушений, душа может еще восставать; но побежденная духом хулы и сомнений погибает невозвратно, потому что следствие падения в сем

случае есть совершенное отчаяние. «Таковые, — говорит святой Лествичник, — не только не имеют никакой к спасению надежды, но и беднейшие суть всякого безбожника и язычника» («Лествица», сл. 23).

Добрые воины Христовы! Стойте, укрепляйтесь в Господе. *Восприимите щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго разжженных уга-сити.* Только пламень веры может прогнать мрак хулы и сомнений, пламень веры, а не мысленное только согласие на все, содержимое Церковью. Последнего рода вера, при первом появлении сомнений, уже побеждена. Мысли наши не могут в то же время быть в двух противоположных состояниях, и если в них есть сомнение, то нет уже веры. Не мысленную, холодную веру ума предписывает святой апостол Павел, а живую пламенную веру сердца, которое бы полюбило истины Евангелия, сроднилось с ними, дорожило ими, как единственным сокровищем, дорожило столько, сколько дорожит счастьем. При таком расположении души если ум и исполнится хулы и сомнений, то сердце все еще останется верным Евангелию и благоговейным к уставам Церкви, и не только само сердце останется целым и невредимым, но изгонит и из ума злых духов, и очистит его от их наваждения. Таким образом из сердечной веры естественно составляется щит для отражения разжженных

стрел хулы и сомнений. Восприимите убо сей щит веры, оградите себя им от злобы лукавого, положите его средостением между собою и темною властью, укройтесь за него — и будете безопасны от отчаянного падения.

В - п я т ы х. После победы над духами хулы и сомнений сатана лишается последней возможности действовать прямо на душу. Она теперь исполняется богоподобных совершенств, сила и дух Христов вселяются в ней, и вся сила вражия далеко бежит от нее. Сатана избирает теперь другой путь к искушению. Он обставляет праведника такими обстоятельствами, в которых нет для него никакого утешения, никакой отрады, в которых на каждом шагу встречают его неудовольствия, печали и скорби. Его начинают ненавидеть, не зная почему, начинают поносить, гнать, клеветать, подвергая суду, не имея на то достаточной причины. Все царство сатаны, весь мир вооружается против него: его бьют, гонят, лишают имущества, детей и всего, что утешало его трудную жизнь. Мало этого, сатана выставляет против него злейших духов — мучителей, которые то страшат его привидениями, то даже мучат и терзают самое тело. И все это иногда собирается на главу праведника в самое непродолжительное время. Христиане-подвижники! Ходите среди всех сих скорбей, как львы, уповая; прикройте главы ваши от сих ударов бед-

ствий шлемом упования: *шлем упования спасения воспримите*¹, и все козни сатаны мимо идут вас, и вся злоба его не коснется вашего сердца. Видали ли вы у берега моря каменный утес? Волны сильно бьют в него, даже покрывают его, а он стоит непоколебим, и валы бегут со стыдом назад. Это образ уповающего! Все несчастья, все беды, все скорби как будто не касаются его, как будто чужды ему. Отчего же это? Оттого, что у уповающего нет сердца на земле. Он перенес его на небо, связал крепкими узами любви с благами небесными, и все удары, какие хочет нанести сему сердцу сатана, не достязают до него. Так, христиане, терпящие Господа! Не миновать вам бед самых разительных, самых трогательных для вашего сердца. Но укрепляйтесь в Господе, не дающем постыдиться уповающим на Него. Положите сердце ваше в Боге вашем. Прзрите все земное, надеждою перенесите души ваши за пределы настоящего, возлюбите вечные, *нескончаемые* блага Царствия Христова, и вы сами в себе испытаете то дерзновение, которое оказал апостол Павел: *кто ны разлучит от любви Божия; скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч...* Во всех сих *препобеждаем за Возлюблшаго ны*²; испытаете то необыкновенное состояние, в котором апостолы

¹ 1 Сол. 5, 8. — ² Рим. 8, 35, 37.

были, *яко скорбяще, присно же радуящися; яко нищи, а многи богатяще; яко ничтоже имуще, а вся содержаще*¹.

Облекши воина Христова в оружия на отражение злых духов, апостол дает ему и другие оружия на поражение их. Это глагол Божий и молитва.

В - ш е с т ы х. *И меч духовный*, говорит он, *восприимите, иже есть глагол Божий*. Кому не известно, чем победил искушителя Сам Подвигоположник наш Иисус Христос? Глаголом Божиим. А чем побеждали его апостолы, святые отцы и вообще все праведники? Глаголом Божиим. Глаголом же Божиим можем побеждать его и мы. С нашей при сем стороны требуется одно условие: надобно содержать сей глагол не в памяти только или в уме, а в сердце, надобно душевно сродниться с ним и возлюбить истины его. В таком случае, с какой бы стороны ни приступал к нам сатана, какой бы помысл ни всеявал в нас злой дух, в сердце, устроенном по глаголу Божию, всегда возродится свое расположение, свое даже стремительное желание, совершенно противоположное всеяваемому помыслу. Войдет ли в душу помысл тщеславия, сердце скажет: «Червь я, а не человек». Придет ли сомнение, оно противопоставит ему свое убеждение: *аще апостол, или*

¹ 2 Кор. 6, 10.

*Ангел с небесе благовестит мне паче, анафема да будет*¹. Лишится ли праведник всех утешений земных, сердце его утешит себя сими словами: *многими скорбми подобает нам внити в Царствие Божие*². *Недостойны страсти нынешняго времени к хотящей славе явитися в нас*³. Вообще всякий порочный помысл, всякое искушение ко греху будет посечено глаголом Божиим, утвержденным в сердце. Сверх того, в слове Божиим движется Дух Божий, могущественный и всесильный. Сердечно восприемлющий сие слово и свое слово некоторым образом делает причастным Божественного могущества и силы. Оттого праведник скажет — и делается, повелит — и бесы повинуются ему. Вот надежный источник могущества и силы к поражению диавольских полчищ. Восприимите же, воины Христовы, сей духовный меч слова Божия.

Но самое сильное к победе над сатаною оружие есть молитва. Молитва есть обращение мыслей и сердца нашего к Богу: Он снисходит нам Своею милостию и благоволением, и между душою и Богом устанавливается тайная некая связь, как бы святая струя света, по которой восходят прошения и надежды души к Богу и нисходят благодати и милости от Бога в душу. И князь тьмы, ненавидящий света, поневоле бежит от

¹ Ср.: Гал. 1, 8. — ² Деян. 14, 22. — ³ Рим. 8, 18.

погруженного в молитву. «Если ты, — говорит святой Лествичник, — о защищении себя от душевных врагов непрестанно Царя Небесного просити будешь, то, когда они на тебя нападут, держай смело, не будет тебе никакого затруднения. Ибо враги твои сами от тебя скоро отыдут, потому что они не захотят быть тому сами свидетелями, чтобы ты посредством своея молитвы, с ними сразившись, получил себе венец, и для того молитвою твоею, аки бы неким огнем будучи опаляемы, прочь от тебя отступят» («Лествица», сл. 28). Желаящие победить сатану, молитесь всякою молитвою, на всяко время духом.

Так, братие, горе благочестно живущим на земли! От наветов диавольских неминуемо встретят их соблазны, искушения, скорби, гонения и всякого рода беды. Но, воинствующие христиане, потерпите Господа. Золоту нельзя не быть в огне, чтобы очиститься; но его и не оставляют в огне навсегда, потому что для очищения его потребно известное только время. Пройдет срок и вашего очищения; в душе вашей водворится, наконец, приятная тишина. Тогда снидет к вам Сам Спаситель, будет вечерять с вами, и от блаженства сей вечери вы забудете все прежние скорби и печали. Что делать, если мы сами для себя сделали необходимым такой порядок нашего спасения, если необходимо пройти эту раскаленную печь искушений, чтобы насладиться вождеден-

ным покоем в Боге. Не вечно воевать вам. Настанет время, когда бесы сами побегут от вас. Но пока настанет это блаженное время, возмогайте во Господе и в державе крепости Его: *облецытеся во вся оружия Божия, яко возмощи вам стати противу кознем диавольским*¹. Бог же и Отец Господа нашего Иисуса Христа *да даст вам по богатству славы Своея, силою утвердиться Духом Его во внутреннем человеце, вселитися Христу верою в сердца ваша*². Аминь.

В 27-ю неделю по Пятидесятнице

¹Еф. 6, 11. — ²Еф. 3, 16—17.

ИСТИННАЯ ЖИЗНЬ — В ПРЕДАНИИ СЕБЯ ГОСПОДУ

КАК ИСПОЛНИТЬ ЗАПОВЕДЬ АПОСТОЛА: КАК РАБОТАЛИ ГРЕХУ, ТАК
ПОРАБОТАЙТЕ ПРАВДЕ

Как милостив и снисходителен к нам Господь! Сколько делал и делает Он для нас, — и как малого требует! Образом Своим нас украсил, все покорил под ноги наша; когда пали, Сам благоволил прийти к нам и пострадать за нас и всеми окружил нас спасительными средствами во Святой Своей Церкви; всячески руководит нас на пути правды и, сохраняя здесь, Царство вечное обещает покорным. Мало ли все это? А сколько требует от нас? — Не больше того, сколько сами добровольно отдаем греху-губителю, когда бываем преданы ему. *Человеческо глаголю, учит апостол Павел, за немощь плоти вашей. Якоже бо представисте уды ваша рабы нечистоте и беззаконию в беззаконие, тако ныне представите уды ваша рабы правде во святыню, как слышали вы в нынешнем Апос-*

толе¹. То есть поработайте Господу хоть с таким же усердием, как работали вы греху.

Не думаю, чтоб кто-либо от такого небольшого требования стал отказываться. Но, может быть, не для всякого ясно, в чем именно состоит сие требование. Поясню вам содержание его коротко.

Апостол Павел определяет его словами: как представляли вы уды ваша рабы нечистоте, так ныне представьте сии уды рабы правде. Уды — это части нашего состава душевно-телесного, или органы нашего тела и способности души. Значит, если перечислить сии органы и способности и показать, как каждая из них может работать Господу в противоположность работе греху, то само собою объяснится, чего именно требует от нас Господь.

Тело наше имеет следующие отправления: отправления органов чувственных — зрения, слуха, обоняния, осязания, вкуса; отправления движения — рук, ног и всего тела; труда и отдыха, сна и бодрствования; отправления питания, употребления пищи и питья; органы слова. Душа имеет следующие способности: воображения и памяти, смысла и рассудка, пожеланий и предприятий, ощущений и эстетических наслаждений; и выше всех сих силы духа,

¹ Рим. 6, 19.

обращенные к Богу, — боговидения, совести, богоуслаждения.

Когда человек работает греху, то работает ему всеми сими отправлениями и способностями, равно когда обращается к Богу, может и должен всеми ими работать правде. Это естественно. Где человек своим сознанием и сердцем, там он всем своим существом. Он походит в своем составе разнообразном на губку и впивает в себя ту влагу, в которую погружает сам себя, — или тлетворный яд греха, или животворные стихии правды Божией. Это вот как.

Есть у нас чувственные органы — глаза, уши, обоняние и проч. Когда работает человек греху, то все сии органы обращает только на то, что носит печать греха и питает его: глаза смотрят сладострастно, уши любят слышать сладкие речи и песни, обоняние — обонять ароматы, возбуждающие похоть. Отсюда — глазерство, жажда приятных впечатлений, нега кожи и проч. Когда же он отвращается от греха и поработается правде, тогда глаз воздерживается от видений, ухо от слышаний похотных, и обращается на одно святое и спасительное — видение священных изображений и слышание священных песнопений, — и все другие чувства связуются, чтоб от них было сколько можно менее впечатлений и менее развлечений и чтоб душа имела более свободы быть одна в себе самой с возлюб-

ленным Господом. Так чувственные органы порабощаются правде.

Есть у нас отправления движения — рук и ног, потребность труда и отдыха, сна и бодрствования. Когда работает человек греху, смотрите, какого рода бывают у него движения?.. Он любит гулянья, пляски и танцы, или еще хуже — предан хищению и грабежу или лености и сонливости; у иного день превращен в ночь и ночь — в день. Порабощаясь правде, обязуемся двигаться только путями правды: положить меру сну и бодрствованию, труду и отдыху, определить места, куда ходить и зачем ходить; вместо танцев возлюбить поклоны, вместо беспорядочных гуляний — хождение в храмы и жилища бедности и страданий; руки приучить работать и подавать милостыню; отнимать часть сна для молитвы и проч.

Есть у нас потребность питания, или употребления пищи и питья. Работающий греху подвергается многоядению, сладкоядению, пированиям, пьянству и т. п. Порабощаясь правде, надо возлюбить воздержание, чтоб вкушать пищи и питья в меру — и по уставу Церкви.

Есть у нас орган слова. У грешников и слова грешны. Отсюда — пустословие, празднословие, пересуды, смехи, шутки, остроты и даже кощунство. Но кто Господу угождать положил в сердце своем, тот верно исполняет заповедь: *слово*

*гнило да не исходит из уст ваших*¹, помня, как много зла от языка.

Так, член за членом, все тело порабощается правде и становится верным орудием спасения для ищущих Господа. Справедливо говорят святые отцы: поработи тело духу — и увидишь, какой оно друг тебе и сотрудник.

Но как отправления тела, так и способности души все поработить надо правде для полного угождения Богу. Воображение, любящее мечтать и любоваться худыми образами, надо связать трезвением и сосредоточением внимания, препоясав, как заповедует апостол, чресла помышлений². Память, набитую страстными предметами, надо очистить и наполнить воспоминаниями святыми. Ум, своевольный и склонный к лживым предположениям, — покорить откровенному учению и украсить познаниями истины, чтоб обо всем мыслил и все понимал, как заповедал Господь. Волю, своенравную и преданную страстям, — подчинить игу заповедей, чтоб и желала и предпринимала только то, что сообразно с волею Божиею всесвятою. Сердце, падкое на чувственные красоты, — отвлечь от них и образовать в нем вкус только к святому и небесному, чтоб таким образом подготовить его ко вкушению благ небесных.

¹ Еф. 4, 29. — ² 1 Пет. 1, 13.

Так, способность за способностию — и душа вся покорится правде. Кто так устроится, тот и душою и телом будет работать Господу и соделается верным исполнителем заповеди апостола — поработить правде все уды свои, в противоположность порабощения их беззаконию.

Понятно вам теперь, что требуется от нас словами апостола: *якоже представисте уды ваша рабы нечистоте, тако ныне представите уды ваша рабы правде.*

Не считаю нужным прилагать какое-либо после сего убеждение. Дело так очевидно, что само собою обязывает всякую совесть, возжелавшую искренно Господу работать. Одно только присоволю. Посмотрите на конец, куда приводит грех и куда приводит правда? Или какой плод того и другой. — Ныне же апостол указывает, что кончина греховных дел — смерть, плод же правды есть живот¹. — То есть грех убивает, правда животворит. Видали ль вы, как, когда на каком-либо металле нальют острых кислот, сии кислоты начинают мало-помалу разъедать и разлагать составные его части и, наконец, совсем съедают и твердое, кажется, тело, так что и угадать нет возможности, что было прежде. Вот точно такое же действие оказывает грех на существо наше. Как яд какой, входя внутрь,

¹ Рим. 6, 23.

разлагает он душу и тело и каждую часть души и тела и тем губит человека. Подобно тому, как в теплицу, полную разнообразных растений и цветов, впущенный холод или воздух тлетворный убивает цветок за цветком, к какому только прикасается, так грех способностью за способностью губит в душе и силу за силою в теле. Кажется, довольно побуждения к тому, чтоб убежать греха.

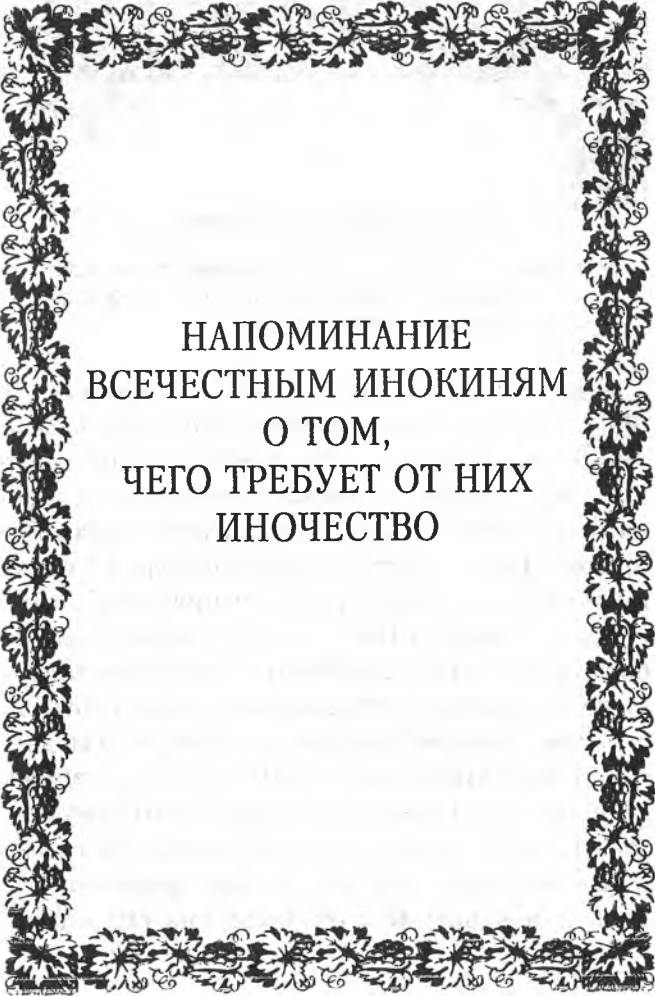
Напротив — как весенняя теплота и влага оживляет все, замиравшее на время зимы, так все убитое грехом оживает в составе существа нашего, когда дух наш обращается к Богу и посвящает себя богоугождению. Ибо тогда Солнце правды воссиявает в уме, — веяние любви Божественной согревает душу нашу, животворные стихии благодати Божией проникают и освежают все силы души и тела. Бог есть источник жизни. Предающий себя Господу — един дух есть с Господом и пьет полными устами питье жизни из сего неистощимого источника. Такому только и свойственна истинная жизнь. Или такой только и живет. У прочих только призрак жизни, хотя они обнаруживают многодвижную и будто многостороннюю жизнь.

Господи! послы свет Твой и истину Твою, — чтоб могли мы ясно различать пути жизни и смерти, доброе и лукавое, огонь и воду и, умудряясь во спасение, охотно порабощались правде,

свободшися от греха, да не царствует грех в
мертвеннем теле нашем и чтоб нам не слушать
его в похотях его. Аминь.

19 июня 1860 года.

В 4-ю неделю по Пятидесятнице

НАПОМИНАНИЕ
ВСЕЧЕСТНЫМ ИНОКИНЯМ
О ТОМ,
ЧЕГО ТРЕБУЕТ ОТ НИХ
ИНОЧЕСТВО

О ХРАНЕНИИ ОБЕТА

ОБЕТЫ БОГУ НЕПРЕМЕННО ДОЛЖНЫ БЫТЬ ВЫПОЛНЕНЫ. ОБЕТЫ ВСЕХ ХРИСТИАН И ИНОЧЕСКИЕ. ПОРЯДОК ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. СОЗИДАНИЕ ДУХА МОНАШЕСКОЙ ЖИЗНИ

Слышасте, яко рече́но бысть древним: не во лжу клене́шися, возда́си же Господеви клятвы твоя¹. Так Господь и Спаситель наш, Иисус Христос, между другими наставлениями сказал к народу, собравшемуся окрест Его от всея Иудеи и Иерусалима и помория Тирска и Сидонска. Смысл сего изречения такой: что с клятвою обещано Богу, то непременно должно быть выполнено. Как будто нарочно пришлось ныне Евангелие, начинающееся сими словами, чтоб мне, в первый мой приход к вам, сестры, дать повод напомнить вам, а с вами и себе, о данных нами обетах. Ибо и все христиане дают Богу обеты в таинстве крещения, а вступающие в иночество к тем, общим для всех, обетам прилагают еще новые, лежащие исключительно на них одних.

¹ Мф. 5, 33.

Вы знаете, сестры, какие это обеты, — вы гласно повторяли их пред лицом Церкви — вслух всех христиан, монашествующих и не монашествующих, — и слышали притом увещание от отца своего. Хороши обещания; но помните, что Господь воздаст вам не по тому, что вы обещали, а по тому, что успеете сделать. Привожу вам на память это слово не потому, чтоб думал, что вы нерадите о данном Богу слове, и чтоб належала нужда говорить вам: делайте же то и то. Нет, я уверен, что вы делаете и трудитесь — всякая по силе своей. С своей стороны, призывая благословение Божие на труды ваши, одного желаю: продолжайте, как начали, не ослабевайте, помня, что конец венчает дело и что только *претерпевый до конца, той спасется*¹. Как искусно прядущая ровную ведет нить, сколько бы ни пряла, так ровно надо вести нить ревности об иноческом житии с той минуты, как переступили вы порог обитель, до той, когда перейдете за двери гроба. Неослабевающая ревность много значит, если не все. Видали ль вы многосложные машины, которые приводятся в движение парами? Там бывает так, что когда есть пары — машина в движении, и чем больше паров, тем сильнее движение. Ослабеют пары, ослабеет и движение, прекратятся — прекратится и движение. Что пары

¹ Мф. 24, 13.

в машине, то ревность в жизни богоугодной. Когда есть ревность, все дела идут стройно, всякий труд не в труд; не станет ее — не станет ни сил, ни труда, ни порядка, — все приходит в расстройство.

Так не ослабевайте в трудах иноческого жития! Сами шевелите и тревожьте душу свою, чтоб не предалась дреманию и не дала врагу случая посмеяться над вами. Все делайте, чтоб не ослабела сия крепость духа, ибо в ней вся сила.

Именно: чаще поминайте о первом воодушевлении, с каким вы, оставя свое семейство, родство, надежды свои, пришли сюда. Помните, как горела тогда душа ваша, как помышляли вы, что, вступив в обитель, будете только молиться и в келлии и в церкви, только заниматься богомыслием, душеспасительными беседами или чтением духовных книг, что будете жить в уединении, не вдаваться в суетливость, быть в мире со всеми, в беспрекословном послушании настоятельнице и старицам. Конечно, искренно было такое желание ваше. Приводите же чаще себе на память сие первое воодушевление, и оно будет обновляться в вас и теперь, подобно тому, как освежаете воздух в комнатах чрез впущение туда нового воздуха совне.

К сему возбудительному помышлению присоедините другое: обновите в памяти вашей как можно более примеров ревности, представляе-

мых в житиях святых. Читайте Четь-Минею и собирайте в памяти, как неутомимо трудились святые Божии, мужи и жены, не жалея ни сил, ни даже живота. А потом во всякую свободную минуту поминайте Евдокию, Пелагею, Синклитику, Сарру, Феодору, Евфросинию Египетскую, Марию Египетскую, Евпраксию, Февронию, Евфросинию Суздальскую и Полоцкую и других, со всеми трудами их неутомимого подвижничества. Не праздно о сем помышляйте, а прилагайте к тому обязательное убеждение, что и вам всем должно быть таковыми же, какими явили себя те ублажаемые девы, и каждое такое помышление будет остен¹, бодущий и подгоняющий. Как на перегонках бег одного возбуждает напряжение в другом или как вы сами, работая вместе, друг перед дружкой заботитесь не отстать, так будут разжигать ревность вашу помышления о великих трудах, ревностно подъятых святыми подвижницами.

А между вами разве нет ревностных, так ревностных, чтоб их ревность была более заметна среди всех? Но и без того одна другую подгоняйте советами и примерами. О чем идут беседы у вас, когда бываете вместе? Не говорите ни о чем, кроме главного вашего дела, на которое выступили вы. Как торгующие, встречаясь друг с

¹ Жало. — *Ред.*

другом, толкуют все о том, как лучше и успешнее вести торг, так и вы, сходясь, не позволяйте себе пустых речей, а всячески склоняйте беседу на главное — на то, как вам быть, как кончить начатое, как бы не поткнуться и не стать посмешищем врагу. Замечаете ли, как одно слово рождает ряд других слов, каждое же слово — ряд мыслей; ряды мыслей переходят в ряды начинаний и дел добрых или худых. Кто о пустом говорит, у того пусто в голове и сердце, пусто и в жизни... Кто говорит о добром, тот все более и более разгорается на добро и богатится им.

Если, таким образом, сохраняя первое воодушевление, вы будете подогревать его то примерами древних подвижниц, то взаимным одна другой понуждением, можно надеяться, что не ослабеет ревность ваша. Но не забудьте, что — что бы вы ни делали для охранения в себе сего живого духа ревности, все будет ни к чему, если в порядке жизни вашей — разумею частную келейную и общую монастырскую — есть что-либо такое, что прямо может погашать сию ревность. Заведите же у себя такой порядок, чтоб знать только церковь да келлию (или общее послушание), и в келлии — рукоделие, чтение и молитву. Переходите от одного из сих дел к другому и не позволяйте себе развлекаться ни чем сторонним. Старшие пусть руководят в сем младших. Сами на все изберите удобнейшие часы и

способ исполнения. Паче же всего бегайте развлечений внешних и блуждания помыслами внутреннего. Остерегайтесь от пересудов, блюдите мир между собою, взаимное предпочтение и послушание без ропотливости. Как нельзя натопить комнаты, когда окна и дверь отворены, как нельзя развесть огня, когда дрова сыры или нарочно поливаются водою, так нельзя сохранить неугасимым в себе огня ревности, если в порядке жизни допускается что-либо противоположное сему.

За всем же тем не выпускайте из мысли — конец, к которому приводит ревностное и нерадивое житие. Поминайте притчу о мудрых и юродивых девах и ставьте себя в то расположение, какое должны были испытывать те и другие. Одни приняты в чертог Женихом, а другие слышат от Него: *не вем вас*¹. Станьте мысленно у сего чертога и воображайте, что должно произойти с вами, если услышите — *не вем вас!* И тем раздражайте дух свой. Что сеет кто, то и пожнет. Что родит поле, когда бразды его не орошены потом? Терние и волчцы, которых участь — пожжение. Помните, как один сын докучал все матери своей: «Иду спасаться, в монастырь хочу, пусти». Сколько та ни уговаривала его: «Подожди, вот умру, тогда пойдешь»,

¹ Мф. 25, 12.

и слушать не хотел — ушел. Но когда пришел туда, подумал, верно, что уже все сделал тем одним, что вступил в обитель спасаемых, и предался беспечности: много спал, ленив был на послушание, да и в церковь ходил редко. Что ни говорили ему, он, как глухой, ничего не слышал. Но Господь, не хотящий смерти грешника, вот как извлек его из усыпления. Мать его, жившая по-мирски, по-светски, со всеми удобствами, во всех утехах, какие представляются обычаями мира, умерла и прияла жребий по роду жития своего. Заболел и сын, нерадивый инок, и приблизился к концу. Братия, окружая одр его, проливали слезы, зная, как жил он, и усердно молили Господа помиловать его. Тот скоро забылся и отошел. Совсем уже приготовили его к похоронам, как он очнулся. Братия с радостью бросились было к нему, но он бил себя только в перси и горько плакал. Сколько ни спрашивали его: «Скажи нам — что такое, что такое», он не мог произнести ни одного слова от сильной скорби, снедавшей душу его. Успокоившись, наконец, вот что он рассказал им: «Когда душа моя приблизилась к исходу, взору моему открылся другой мир; я видел, как Ангелы отступили от меня и приступили злые — истязательные духи. Ужаса того описать вам не могу. Взяли они меня и понесли местами мрака непроницаемого, с криком, смехом и ругательствами. Долго мчались

мы все вниз. Вот почувялся запах серы и смрада, слышался шум, все слышнее и слышнее, доносились уже стоны и вопли отчаяния. Я замирал от ужаса. Но вот и двери — жерло ада! Уж распахнули, чтоб бросить меня, как кто-то прилетел стремительно и остановил исполнителей казни. Я стал. Открылись очи мои, и я увидел безграничное море огня, в котором битком набиты осужденные, и едва переводил дух. Вдруг показалась из огня мать моя и говорит: “И ты сюда, сын?! Как же ты покоя мне не давал, говоря: иду спасаться, иду спасаться! Так-то спасался ты?!” С сим словом один брызг от огня геенского пал мне на руку. Сотряслись все составы существа моего, и я очнулся. Опомниться не могу от того трепета и ужаса, какой испытала душа моя». С тех пор брат сей прожил еще двенадцать лет, оплакивая прежнюю свою нерадивую жизнь, и потом в мире, благонадежно, отошел ко Господу.

Помните это, сестры, возгревайте тем в себе дух ревности. Конец нерадивых и беспечных — один. Но не всем Господь подает такое потрясающее вразумление, как помянутому брату, а один пример или случай приводя в известность, хочет, чтоб все им вразумлялись и возбуждались. То, что вы оставили мир, — хорошо и ценно пред Господом. Но попекитесь в совершенстве и окончить дело сие. Вот, посмотрите, что

проповедуется в нынешнем Апостоле! Не тот, говорится там, настоящий иудей, который внешне к иудейскому народу принадлежит, но тот иудей, кто внутренне таков по настроению духа¹. То же и к нам можно сказать. Кто в стенах монастырских, то не следует из того заключать, что тот уже и монах... Нет, надо еще созидать в себе и дух монашеской жизни. О сем поревнуйте. Аминь.

27 мая 1860 г.

*В Софийском Усманском женском монастыре
Тамбовской губернии*

¹ Рим. 2, 28—29.

ПРЕДУКАЗАНИЯ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ЖИЗНИ СВЯТОГО ПРЕДТЕЧИ

ВСЕ ПУСТЫННИКИ ШЛИ ПО СЛЕДАМ ПРЕДТЕЧИ. ЖЕЛАНИЕ МИРО-
ОТРЕЧНОЙ ЖИЗНИ — ИЗБРАНИЕ БОЖИЕ И НАЧАЛО ИНОЧЕСТВА.
ИНОЧЕСТВО — ДЕЛО НЕБЕСНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Как пристойно в пустынной обители быть празднику в честь святого пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна! Ибо святой Предтеча был первый пустыни житель по Рождестве Христовом. Все последующие пустынники шли уж по его следам, его примером воодушевляясь и его правилам подражая. Потому вникать в черты жизни Предтечи Господня Иоанна должно всем, оставляющим мир, чтоб по ним направлять течение свое. Придите же, сестры, поучимся мироотречному житию у Предтечи Господня. Вы знаете, почему на это есть более побуждений у вас, чем у других.

Ныне воспоминается рождество святого Иоанна, Крестителя Господня — начало его жизни. На него и обратите наиболее внимание ваше.

Ибо как в семени видится предначертание всего растения, так рождество Предтечи есть полное начертание того, что бывает со всяким, начинающим иночествовать.

Смотрите. Думал ли кто, что от престарелых и бездетных Захарии и Елисаветы родится дитя? Но вот, никому не ведомо как, зачинается плод у заматоревшей¹, зреет, и выходит на свет Иоанн, соименник благодати. Так, никому не ведомо, в тайне сердца зачинается, зреет и укрепляется желание мироотречной жизни. Ибо *Дух, идеже хо́щет, дышет, и глас его слышиши, но не ве́си, откуда приходит и ка́мо идет*², так бывает и со всяким оставляющим мир. Мысль о сем, как искра, падает в душу сокровенно, хотя среди видимых дел благочестия, как Ангел благовестник. Несмотря на то, что человеческие соображения непрестанно восстают против нее с недоумениями: как это будет? есть ли возможность сбыться сему? — она все крепнет и крепнет, собирая вокруг себя все доброе, пока, исполнив все существо, начнет проторгаться и в слово, и в дела, и в обычай и придет въявь всем, и всеми наречется благодатным делом. В этом — избрание Божие, Божие мановение, указание на начало иночества. Кто так начинает, с тем Господь, и того не собьют с пути никакие неприятности. Кто начина-

¹ Состарившейся. — *Ред.* — ² Ин. 3, 8.

ет по другим расчетам — тот падет, как падает бессочный лист с дерева.

Смотрите далее, какими светлыми знаменами окружено рождество Предтечи Господня! Явление Ангела, немота Захарии, взывание младенца во чреве, имя необычное и необыкновенным образом данное, пророчество отца о сыне рожденном. Своего рода знаменами бывает окружено и всякое начало иночества. Начинающие знают то. Не одно желание увлекает, хоть оно корень всего. Бывают другие соприкосновенности, в которых ясно бывает видим перст Божий и которые потом служат опорой благонадежия на совершение начинаемого или начатого, уверяя, что *начный и совершит*¹. Что именно бывает, того описывать нельзя. У всякого бывает ему одному ведомое и для него одного, большею частию, необыкновенное. Сим дается удостоверение, что иночество — и в начале, и в совершении — есть дело небесного происхождения, и инок — чудное благодатное явление на земле, хотя на вид он уничижен, и даже чем уничиженнее, тем благодатнее.

Только что кончились дивные знамения вокруг колыбели Иоанна, — начались гонения. Неведомо как спасен он от меча избивавших младенцев, но, верно, не без особенной Божией

¹ Флп. 1, 6.

помощи. Неприятностями же бывает окружено и всякое начало иноческой жизни. У одного их больше, у другого меньше, у одного они более внутренние, у другого более внешние. Но у всякого есть и всякому тяжелы в соответственной мере. Надобно разорвать прежние связи, надобно отречься от прежних обычаев и стать в противоречие с ними; надобно бывает преодолеть не одну волю, бороться с целым семейством, а иногда с целым родством; надо выжидать время, томясь неудержимостию желанья поскорее оставить все; для иных путь до обители и самый вход в нее сопряжен бывает с большими затруднениями; а о том и говорить нечего, что мир не любит отрекающихся от него и явно и тайно теснит их. Все сие в порядке дел Божиих и не есть знак неблаговоления Божия, а поприще испытания и укрепления воли на первых порах для последующего благонадежнейшего течения. Может быть, ни одного еще прямого инока не было, которому бы легко досталось иночество! Но да не унывает начинающий. Чем тяжелее бывает вначале, тем тверже инок после.

После Иродова гонения святой Иоанн остался в пустыне и там был воспитываем чудным образом. Как? Единому Богу то ведомо. Но конец показал, как плодоносна была для него пустынная жизнь. Это образ вступления в обитель отрекшихся мира.

С созревшим желанием посвятить себя единому Господу, преодолев все препятствия и со стороны мира, и со стороны иногда самой обители, укрывается, наконец, в стенах ее душа, жаждавшая покоя в Боге, и поет с пророком: *се удалихся бегая и водворихся в пустыни, чая Бога спасающего мя*¹. Мир не знает, что бывает с укрывшимся в обитель. Для него здесь сухая безжизненная пустынь. Оно и точно так есть, но только для плоти, а не для духа. Тут вполне исполняются апостольские слова: *аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни*². Для сего внутреннего нет плодороднее и орошеннее почвы, как иноческая обитель. Сколько здесь потоков сладостей, которыми напаяется душа! И слово Божие, и богослужение повседневное, и чтение, пощение, руководство старших, Божие вразумление, тайные и явные предостережения, беспрепятственное в молитве пребывание, от коей всякое благо и все преспеяние. Много, конечно, неровностей бывает и здесь, но будь только здраво благое намерение — Господу послужить и обители, — все, наконец, уравнивается и конец увенчивает дело явлением в совершенстве начатого и преднамеренного... Далее не пойдем в сличениях. Ибо не всем свойственно то, что было далее со

¹ Пс. 54, 8—9. — ² 2 Кор. 4, 16.

святым Иоанном. Разумею то, что он вызван был из пустыни на служение спасению рода человеческого. И из обителей многих берут на служение благу людей; но то особенное устройство Божие, а не цель иночества. Что всем надо иметь в мысли и сердце — это доброе пребывание в обители по всем правилам иноческого поведения и иноческого подвижничества. Это только и хотел я напомнить вам, сестры.

В обстоятельствах рождения Предтечи Господня я указывал вам, как зачинается иноческая жизнь почти всякого отрекающегося от мира. Многие из вас, может быть, видят в сем общее очертание своей собственной жизни. Но не для праздных помышлений я желал навесь вашу мысль на сие, а чтоб каждая из вас в обстоятельствах начала своего иночествования находила сильнейшее побужение к доброму иночеству. Помните, как зашло на душу вашу первое желание иночества, как оно было тепло, как часто и сладко питало душу. То Господь налагал на вас Свою благословляющую руку. Смотрите же, не унижите Божиих от вас ожиданий и добрым иночествованием покажите себя достойными Его избрания. Помните, какие Господь подавал вам указания и на то, чтоб оставить мир и чтобы избрать эту именно, а не другую обитель. Смотрите же, не колеблитесь сомнением, будто избранное вами избрано не по Богу, и не

малодушествуйте, когда оказывается, что Господь будто отвратил лице Свое от вас. Помните, сколько трудов употреблено вначале, чтоб вступить в обитель, и сколько преодолено препятствий. Смотрите же, не сделайте бесплодными сии труды, достигнув уже того, чего искали, и не слагайте орудий брани. В обители они еще нужнее. Здесь вы имеете все к успешному иночеству. Но само иночество не дается даром. Сколько оно требует потов и болезней, и внутренних и внешних! — Вы знаете то. Но верно знаете и утешения, перепadaющие на долю тружениц, и ясно видите конец, к чему все приведет. Не ослабевайте же, Бог не забудет и вашего труда, как не забывал других, трудившихся славы ради имени Его. У вас еще так свежи воспоминания о полагавших начало иноческому здесь пребыванию, еще так близко преемство духа их. Не угашайте же, а еще более воспламеняйте огонь сей, возбуждая себя примером их. В том преимуществе ваше, что имеете таких руководителей. Но благо вам только тогда, когда последуете и стезям их. О сем и молим Господа, да благословит Он вас в трудах ваших, молитвами святого пророка, Предтечи и Крестителя Своего Иоанна. Аминь.

24 июня 1861 г.

*В Сезеновской женской обители
Тамбовской губернии*

ЧЕРТЫ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В ЖИЗНИ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ

УНЕВЕЩЕНИЕ БОГУ. ТАИНСТВЕННОЕ СОЧЕТАНИЕ С ГОСПОДОМ.
ПОБЕЖДЕНИЕ СТРАСТЕЙ ЕСТЬ МУЧЕНИЧЕСТВО ДУХОВНОЕ.
ШЕСТВИЕ ТЕСНЫМ ПУТЕМ

Празднующим в честь святой Екатерины всего приличнее заняться чертами жизни великомученицы. Нам же с вами, сестры, тем более это прилично, что жизнь святой Екатерины есть в главных чертах полное изображение иноческого жития. Я не делаю в сем применении никакой натяжки. — Смотрите сами. Вот пред вами икона святой Екатерины! Она стоит на коленях пред Божию Материю, держащую на руках Младенца-Спасителя, Который подает святой Екатерине обручальное кольцо. Это главный момент в жизни святой — уневещение Господу. Но ему, как вам известно, предшествовало желание и искание лучшего, а последовало за ним мученичество. Желание лучшего привело великомученицу к Господу. Сочетавшись с Господом, она введена в подвиг мученичества

и увенчана венцом Его. Вот главные черты в жизни святой Екатерины. Те же главные моменты и в вашей жизни, если вы проходите ее, как следует.

Святая великомученица была высокого рода, богата, умна и образованна. Обладая большими дарованиями, она не находила себе удовлетворения во всем окружающем и решительно отказалась от обычных тогда порядков жизни. Другой, высший образ совершенства носился в ее душе, и она готова была бы сочетаться с тем, кто бы обладал им. Пути истины она тогда не знала. Господь послал ей руководителя, и Он указал ей Того, Кто всех краше и всех знатнее. Узнав Его, она решилась Ему посвятить все дни своей жизни, и за это уневещена Им.

Уневещение Господу — за решимость служить Ему единому, а решимость от уверенности, что все возможно, — лучшее и совершенное, чем обладать захотел бы кто, он может найти только в едином Господе — Спасителе. В Нем не только удовлетворяются все высшие потребности духа нашего, но приобретается, сверх того, то, что и на мысль не восходило искавшему.

Не эта ли уверенность и у вас, сестры, была первым толчком к тому, чтобы все оставить и предать себя Господу. По крайней мере, так быть должно было. Разница у вас та, что тогда как святая Екатерина, сознав неудовлетворительность

окружавших ее порядков жизни, должна была еще искать, где же лучшие порядки и в ком найти удовлетворение, вы, почувствовав жажду лучшего, наперед знали, что утолить сию жажду можно только в Господе, Который всех зовет: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет!*¹ Потому вместе с тем, как росло охлаждение к окружающему, росло и возжелание Господа. Лик Его пресветлый печатлелся в сердце вашем, и глубже и глубже возгревалась любовь к Нему, пока, наконец, вы, оставив все, потекли вслед Его. Ваша решимость единому Господу принадлежать всем существом своим есть таинственное сочетание с Господом. Господь не давал, может быть, видимого удостоверения, что Он приемлет вас и сочетается с вами, тем не менее, однако ж, несомненно истинно, что вы уневещены Ему одному и Его одного состоите невестами.

Не похвальное, однако ж, пишу я вам здесь слово, сестры. Нет, — я хочу навесь вашу мысль на то, что необходимо должно было происходить в вас пред вступлением и в час вступления в воспрятый вами образ жизни, для того, чтоб воспоминанием сим возгреть снова первый жар и сказать вам: каковы были вы вначале, таковыми будьте и всегда. Зарождается в сердце новый поворот чувств не затем, чтоб, начавшись,

¹ Ин. 7, 37.

угаснуть, но чтоб, начавшись, служить потом возбудителем во все течение жизни. Если угаснет в вас то, что было вначале, то вы уже не то, чем вам быть должно! Внешний образ тот же, а внутренний уже не тот. Я хочу сказать, что недовольство обычным течением жизни, желание лучшего, уверенность, что все лучшее можно приобрести только в Господе, глубокая теплая любовь к Нему, решимость Ему единому служить и готовность все принести в жертву Ему, для благоугождения Ему должны составлять характеристику жизни вашей, дух, постоянно ее оживляющий и движущий. Это то же, что движение соков в дереве и биение сердца в человеке. В ком погасли сии чувства, в том нет жизни. Имя носит, что жив, а на деле мертв есть.

Если все сие в вас есть, то вы перенесли на свою жизнь две черты из жизни великомученицы Екатерины — желание лучшего и сочетание с Господом.

Далее у святой Екатерины следовало мученичество. У вас же чему следует быть? Тоже своего рода мученичеству, и мученичество сие должно было начаться с той минуты, как в сердце вашем созрела решимость посвятить себя Господу. Ведь мучеников за что мучили? — За то, что, уверовав в Господа и сочетавшись с Ним, они не хотели поклоняться ложным богам. Ложные же боги были духи страстей и порочных

дел. Потому кто не покоряется страстям и порочным пожеланиям, тот то же делает, что и отказывающийся поклоняться идолам. Отказавшийся поклоняться идолам подвергается мучениям внешним, а кто отказывается от удовлетворения страстей, тот сам себя поражает и свое сердце заставляет страдать, пока не утихнут в нем страсти. Побеждение страстей есть самопроизвольное мученичество духовное, невидимо в сердце совершаемое, но тем не менее, однако ж, сильно чувствуемое. Когда давали вы обет служить Господу, что обещали вы? Обещали *совлещись ветхаго человека, тлеющаго в похотех прелестных, и облещись в новаго, созданнаго по Богу в правде и преподобии истины*¹. Ветхий человек весь слагается из страстей. Совлекаться его значит побеждать страсти. Если побеждение страстей есть мученичество духовное, стало, вы определили себя на мученичество. Что действительно это так есть, вы, верно, знаете по опыту. Не столько внешние труды и подвиги болезненны, сколько умиротворение помыслов, погашение страстей, отречение соблазнов. Если такие движения могут возникать поминутно, то вы поминутно в труде, в язвах и озлоблениях.

Справедливо инока изображают распятым на кресте, со всех сторон поражаемым копьями и

¹ Еф. 4, 22, 24.

стрелами, или человеком, идущим по остриям и колчам, среди раздирающего тело терна колючего. Но много болезней — много и наград. Тот, Кому обручены вы, видит ваши подвиги, радуется им и обрадывает сердце ваше. Чем больше скорбей, тем более бывает утешений, хотя тоже сквозь болезни, пока не умиротворится все, и внутреннее и внешнее.

Это венец всего, которого редкий удостоивается в сей жизни. Навожу все сие на память вам не затем, чтоб устрашить, ибо вы уже на сем пути, и хотя и нехотя должны встречать все, неизбежное на нем, но затем, чтоб, если вам покойно со всех сторон, вы озаботились распознать, хорошо ли это и на том ли вы пути? Знайте, что покой и довольство есть или верх совершенства, или состояние крайнего падения, в котором погасают все духовные стремления и требования. Как первое состояние есть полнота жизни, так последнее есть смерть духовная. Состояние же идущих к совершенству есть состояние борьбы, напряженной, притрудной и болезненной. Это шествие тесным путем. По сим признакам судите, где вы? Желается, конечно, чтоб все были на стороне доброй; но не у всех есть разум. Господь да умудрит вас во спасение. Аминь.

24 ноября 1861 г.

В Тамбовском женском монастыре

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ИНОЧЕСТВА — ОЧИЩЕНИЕ СЕРДЦА ОТ СТРАСТЕЙ

ПОРЯДОК МОНАШЕСТВОВАНИЯ СОВЕРШАЕТСЯ ВНУТРИ. ОБЩИЙ ПУТЬ СПАСЕНИЯ. ИНОЧЕСТВО — НЕПРЕРЫВНЫЙ ПОДВИГ В ИСКОРЕНЕНИИ СТРАСТЕЙ

Благодарение Господу. — Вот и еще на древе вашей обители показались завязи, еще на поле, вами возделываемом, прозябли благонадежные ростки и возникли из-под земли, еще новые невесты приводятся и обручаются Жениху. Благодарение Господу!

Но не надо забывать, что не в числе дело, а в силе. Помните, сколько народа собралось к Гедеону, и, однако ж, по знаку, указанному Богом, из них только триста оказались благонадежными воинами. Прочие, увеличивая число, не придавали силы и только мешали бы производству брани, почему отосланы восвояси.

Привожу это на память вам не для того, чтобы ослабить желание вступить в обитель или отбить охоту принимать в нее желающих, но

чтобы и во вступивших уже и в желающих еще вступить — раздражить большее рвение явить себя достойными предназначаемого и предназначающего. Ибо хотя не в числе дело, но, конечно, чем больше хороших, тем лучше.

Не думаю, чтоб какая-нибудь из вас, вступая в обитель, не имела рвения быть хорошою инокинею, но, вместе, считаю очень вероятным, что не все ревнуют, как должно, а не малая часть, может быть, тратят силы рвения своего не на то, на что должно. Отчего то и другое? Паче всего оттого, что на первый раз не уяснено, в чем дело иночества и чего должно добиваться, вступив в обитель.

Желательно, чтоб между вами как можно меньше было таких, которые о том только и заботятся, чтобы быть — сначала приукраженными, потом рясофорными, далее — монатейными. Это конец желаний, достигши которого, предаются покою и, как иного не имелось в мысли, остаются довольными своим положением. Конечно, без такого порядка нельзя быть в обители; но внешний порядок монастырской жизни не всегда есть порядок монашествования. Последний совершается внутри с трудом и потом, незримо для других, ведомо единому Богу и душе, ревнующей о своем спасении.

*Чесó изыдо́сте в пустыню видети?*¹ Так Господь спрашивал иудеев, потому что иные из них

¹ Мф. 11, 7.

выходили к Иоанну Крестителю затем только, чтоб посмотреть, как он одет в одежду из верблюжьего волоса и опоясан ремненным поясом, где он там в пустыне и что делает. А надлежало выходить затем, чтоб каяться и плакать о грехах своих. Спрошу и я вас: зачем вышли вы в пустыню сию?.. Спрошу не затем, чтоб обличить кого-либо, но по искреннему желанию, чтоб между вами не было таких, которые всю силу монашества поставляют в черной одежде и в порядке получения ее.

Дело, на которое вы решаетесь, есть дело великое и многоценное; но надо совершить его как следует. Оно все внутреннее; внешнее же в нем есть только придаток. Вся сила в очищении сердца от страстей. Вот смотрите, как.

Человек первоначально был сотворен правым¹, но пал и расстроился². Привзошла к нему самость и привела с собою все полчище страстей, отвлекающих от добра и влекущих в грех. Страждет человек в сем состоянии. Вот Господь и учредил на земле лечебницу — Святую Церковь со святыми таинствами. В крещении отрицаются сатаны и всех дел его, и всего служения его, и всея гордыни его, — то есть всех страстей, — и приемлют силу преодолевать их. Пад-

¹ Чистым, непорочным. — *Ред.* — ² Утратил правое устройство. — *Ред.*

шим по крещении предлежит таинство покаяния, в котором снова повторяются обеты крещения и возобновляются потерянные благодатные силы... Покаявшийся, если опять падает, опять встает тем же путем покаяния... Еще падет, и еще встает... и так до конца жизни... И это есть общий путь спасения. Затем у нас и посты с говением. Конечно, лучше бы не падать по крещении, или, падши однажды и восставши чрез покаяние, не падать снова; но страсти близ сердца, а жизнь в семействе и обществе представляет много поводов к раздражению их, — и бывает, что не устоит христианин и падает, или дважды и трижды устоит, а в четвертый и пятый раз падает. Кается, но и снова падает.

Но падать больно, пока верна совесть и живо чувство благочестия и страха Божия. Как устранить эту неприятность отчасти состоит и в нашей воле, то вот иной и разгорается духом — так устроиться в жизни, чтобы непадательно исполнять обеты крещения и покаяния, или жить, не уязвляя более совести и не оскорбляя Бога, — в преодолении и искоренении страстей. Не надеясь успешно исполнить сие в обществе, иной удаляется, бегая, и водворяется в пустыне¹, то есть оставляет общество и вступает в обитель. Таким образом, вступление в иночество есть решимость

¹ Пс. 54, 8—9.

жить, не поддаваясь более увлечениям страстей, а самое иночествование есть непрерывный подвиг в препобеждении страстей и искоренении их, чтобы чистыми и непорочными явиться пред лицом Бога.

Так вот ваше дело! На него и обратите все ваше внимание и устремите все силы. Устав монастырский, которого главные пункты суть постничество, послушание и молитва, доставляет вам такой порядок жизни, который не представляет пищи страстям, или при котором они могут быть не возбуждаемы. Но он не уничтожает страстности. Можно быть совершенно исправным по поведению, требуемому уставом монастырским, и быть полным страстей в сердце. Есть мирянки, в светлые платья одетые, — инокини по духу, и есть монашеские — мирянки сердцем. К сердцу надо прикинуться и смотреть, что оттуда исходит, и отсекают все страстное. Борьба предлежит вам, и борьба непрестанная. К делам худым у вас мало поводов, но мысли и чувства не всегда соображаются со внешним. Их управлять, как должно, — цель ваших подвигов. Миряне борются наиболее с делами худыми, а инокини — с помыслами и похотями. Хотите спастись — войдите внутрь себя, станьте вниманием у входа сердца и потребляйте все вражеское, выходящее и подходящее. Целые книги писаны и пишутся о том, как успеть в сем деле. Скажу вам одно...

Возревнуйте о чистоте, и в сей ревности болезненно припадайте ко Господу, моляся о помощи. *Уповающаго на Господа милость обыдет*¹. В час нужный — не знать откуда придет вразумление и сила... Увидите то делом, и дело научит вас искусству управляться с собою. Не отвергайте и внешнего руководства, в писании и живом слове; но внутреннее сильнее и многоплоднее.

Так поживши, нелестными явитесь служительницами Богу в иночестве. В чем преуспеть да дарует вам Господь и смысл и силу. Аминь.

4 июня 1860 г.

*В Сезеновской женской обители
Тамбовской губернии*

¹ Пс. 31, 10.

ГВОЗДИ ДЛЯ САМОРАСПЯТИЯ

СВЯТОЙ АЛЕКСИЙ, ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ, — ОБРАЗ ИСТИННОГО МОНАШЕСТВА. ИНОЧЕСТВО — РАСПЯТИЕ СЕБЯ МИРУ. КРЕСТОНОШЕНИЕ ВОЗВОДИТ К СОВЕРШЕНСТВУ

ивно житие святого Алексия, человека Божия! Как это мог он вытерпеть и не высказаться в продолжение такого долгого времени, имея пред глазами лица, к которым горел любовью, зная, что обрадовал бы их, если б сказался, и терпя неприятности от них потому только, что они не знали, кто он? Все же он был человек — и человек живой, имеющий сердце, — и какое сердце! Душа его, верно, болела и болела не легко; но он побеждал сию боль твердою решимостию — быть верным принятому намерению, и умягчал ее сильною любовью, какою горел к Господу. В сем положении он походил на распятого на кресте, но еще не испустившего дух. Как в сем распятом легкое движение или колебание тела раздирает раны и, увеличивая боль, щемит сердце, помрачает

голову, так и у него — отца ли видел он или слышал голос матери, слуги ли встречал строгий взгляд или ласку человека стороннего, забывали ли его надолго или увеличивали попечительность о нем — все сие и многое подобное не могло не терзать сердца его! Но он все терпел, все покрывал молчанием, был всегда в одинаковом покойном и немятежном состоянии — не метался туда и сюда, как отчаянный. Так терпел Господь на кресте, так терпели и все мученики.

Вот образ истинного монашества и весьма близкий пример для подражания вам, сестры обители сей! Те, кои один из престолов здешних посвятили Алексею, человеку Божию, верно, тем хотели внушить вам, чтоб, имея пред глазами пример такого терпеливца, вы подражали житию его. Ибо и вы тоже взяли распять себя миру. Пребудьте же терпеливо в сем самораспятии. Вообразите себе, что обитель ваша то же, что каютка Алексея, человека Божия, а город пред лицом вашим есть то же, что и дом его родителей. И как он не увлекался мыслями и чувствами, какие были возбуждаемы в нем такими близкими его сердцу предметами, так непоколебимыми пребудьте и вы в своем намерении, несмотря на то что так близки к вам соблазны. Не сходите со креста, на который сами вы вознесли себя. Я скажу вам коротко, как сие сделать.

Распятый никак не сойдет со креста, если не вынуть гвоздей, которыми пригвожден он на древе. Не вынимайте и вы из сердца тех расположений, коими, как гвоздями, можете быть прикованы к обители и монашескому житию, и вы не сойдете со креста своего и пребудете в крестоношении, и крестоношение сие возведет вас к совершенству и с себя прямо преставит в Царство любви Божия. Именно — вот что творите.

1) Храните неугасимым тот огонь ревности, с каким искали вы обители и вступили в нее. Припомните, какие тогда обеты исходили из сердца вашего, какие строились планы в голове о делах богоугождения, какие подвиги готовы были вы подъять, чтоб явить свое самоотвержение! Чаще вспоминайте о всем том... и тем распалайте свою ревность, если она начнет хотя сколько-нибудь охладевать в вас. Знаете, верно, уже по опыту, что, когда в силе ревность сия, все нипочем... Первые вы в церкви, первые на послушании, первые в верности уставу монастырскому. А когда ослабеет она — рука не поднимается, нога не ходит... церковь не мила, и глаза посматривают в ворота монастырские. Видите, какая беда от ослабления первой ревности!.. Храните же ее и не позволяйте ей ослабевать в вас.

2) Оставили вы мир и все мирское за воротами монастырскими. И пусть его будет там... Не вносите его внутрь ограды. Это вот что зна-

чит: не попускайте сердцу своему снова пристраститься к чему-либо мирскому, вещественному, плотскому, как бы оно малозначительно ни было. Не осуечайтесь слишком заботою о нуждах и междуделия не ставьте главным делом, не возбуждайте в голове и сердце бури спорных помыслов о рангах и преимуществах, не копите ненужного, а имея *пищу и одежду, сими довольни* бывайте¹. Иначе чем будете вы разниться от людей, работающих не Господу, а мамоне?! Не говорите: как это можно? Трудно, правда, но не невозможно. Делая все то, что вы делаете, можно держать сердце свое отрешенным от всего. Сделайте так, и благо вам будет...

3) Пребывайте в терпеливом послушании, во взаимном согласии и крепком мире, покрывая любовным снисхождением немощи, какие достались на долю каждой, пребывая в верности и уставу монашескому, вычитываемым наставлениям святых подвижников и частным советам ваших духовных отцов и стариц опытных. Будьте подобны шару, который без треска катится, куда его ни толкнут. Все сие удобно совершит всякая из вас, коль скоро решительно отречется от своей воли. Пока есть своя воля, нельзя не быть треску и гаму, раздорам и непокорности в самой мирной обители. Своя воля есть адское семя,

¹ 1 Тим. 6, 8.

есть дорога сатане и полчищам его в мирные жилища Божии.

4) Главное же — убедите свой ум и свое сердце, что вы уже мертвы для всего здешнего; переселитесь вашим сознанием и чувством в другой мир — и там пребывайте, являя себя чуждыми всему вас окружающему, всему тварному и земному... Так устройтесь внутри, что будто никого и ничего на свете нет, кроме вас и Единого в Троице поклоняемого Бога. Дайте хоть мало коснуться сему помышлению вашего сердца — и сами увидите, как оно перестроит все ваше внешнее и внутреннее!..

Вот вам четыре гвоздя! Ревность о спасении — неугасимая, изгнание всего мирского из ограды монастырской, отречение от своей воли, умертвие всему и житие единому Богу! Пронзите ими руки и ноги сердца вашего, и вы явите себя распятыми, и возможете говорить со апостолом, что не только вам мир распялся, но и вы миру¹, Господь да настроит вас на дело сие и да укрепит в трудах и неизбежных при сем болезнях сердца — молитвами Алексия, человека Божия. Аминь.

17 марта 1860 г.

В Тамбовском женском монастыре

¹ Гал. 6, 14.

УСТРОЕНИЕ В СЕБЕ ВНУТРЕННЕГО КРЕСТА

СЕРДЦЕ — ГОЛГОФА ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО КРЕСТА. ИЗ ЧЕГО СЛАГАЕТСЯ И КАК ВОЗДВИГАЕТСЯ ВНУТРЕННИЙ КРЕСТ. ОТ РАСПЯТИЯ НА СВОЕМ КРЕСТЕ — СПАСЕНИЕ НАШЕ

разднуем мы ныне славное Воздвижение честного и животворящего Креста Господня. Всем известно, почему оно нужно было, как совершилось и для чего празднуется с таким величием в Христианской Церкви. Припомните все сие. По снятии Господа нашего Иисуса Христа со Креста и положении Его во гроб, честный животворящий Крест остался на Голгофе и потом вместе с другими крестами, разбойничьими, брошен в глубокую пещеру, бывшую тут же, близ самого места распятия. Место сие со временем закидано было всяким сором и забыто.

Когда обратился в христианство Константин Великий и мать его Елена положила в сердце своем построить храм Воскресения на самом месте воскресения, тогда по особенному Божию

руководству найден был и Крест Господень. Народ, бывший при сем в несметном множестве, желал видеть Крест. Царица повелела исполнить желание народа, и епископ, приподняв его вверх, показал всем. Это действие приподнятия, или воздвижения, как венец предшествовавших ему трудов, вместе с прикосновенными к нему чудными действиями Божиими, Святая Церковь установила воспоминать ежегодно как знак особенной милости Божией к Святой Своей Церкви.

Возблагодарим промыслительную о нас попечительность Господа, но, вместе, и поучимся у ней тому, к чему она обязывает нас сим. Ибо припомните также, что всякий из нас имеет свой крест, с которым, по призванию Господа, идет вслед Его и на котором надлежит ему, по примеру апостола, сораспяться Христу. Голгофа для сего креста — наше сердце; воздвигается он или водружается ревностною решимостию жить по духу Христову, а слагается из разных сердечных расположений, главных и источных в христианском житии. Как от Креста Господня спасение всему миру, так от распятия нашего на своем кресте спасение наше. Но как животворящий Крест Господень был брошен в яму и засыпан сором, так можем бросить и мы свой крест и забросать его нерадением и беспечностию, и тогда мы не в числе спасаемых, а в числе погибаю-

щих. Потому крайне нам нужно хорошо себе уяснить, из чего слагается наш крест, чтоб верно уразуметь, стоит ли он в сердце нашем или сброшен с него, идем ли мы с сим крестом вслед Господа или уклонились ѳнуды, и, свергнув с себя сие благое иго Христово, блуждаем, сами не зная где и к чему?

Я поясню состав нашего внутреннего креста, особенно применительно к вашему иноческому житию, с которыми судил мне Господь ныне праздновать честное Воздвижение Креста Своего. И ваш крест, то есть иноческий, походит на обыкновенные христианские кресты, только он имеет свою постройку и некоторые особенности в одних и тех же частях. Правда, он немного, а может быть, и не немного, тяжелее, но зато и плодотворнее. И если со креста вообще жизнь, то из-под креста иноческого — обильные потоки жизни.

Не все подробно буду изъяснять вам, а только укажу такие чувства и расположения, без которых вы и шагу не можете сделать в иночестве, без которых и жить в монастыре нельзя помонастырски, без которых и иночествование — не иночествование, а обыкновенная жизнь, только в стенах монастырских. Так послушайте!

Нижней части креста, той, которая входит в землю, соответствует во внутреннем кресте **самоотвержение**, которым раздирается земля сердца

и в него внедряется крест. Отвергнуться себя значит обходиться с собою так, как другие обходятся с отверженным. В иночестве сие действие принимает новый вид — умертвия себе и всему миру. Инок то же, что мертвый, зарытый в землю. Стены монастыря — гроб его. Одежда его — погребальный саван. Он оставляет все за стенами монастыря и во всем сущем не имеет ничего себе родственного: он чужд всему и все его чуждо, так что к нему вполне идет слово апостола: *мне мир распяся, и аз миру*¹. Кто стяжал такое расположение, тот положил прочное основание внутреннему кресту и иночеству.

Верхнюю часть внутреннего креста, или идущую вверх, стоящую прямо, продольную, составляет **терпение**, то есть такая твердость стоять в намеренном, которой не колеблют никакие препятствия, никакие неудовольствия и труды. Без терпения нельзя стоять в добре и всякому, тем более устоять иноку в иночестве. Для мирянина терпение есть постоянство в перенесении всех трудов по исполнению лежащих на нем обязанностей; у инока, сверх того, оно есть твердость пребывания в своем чине и в своем месте. Тут что ни шаг, то упражнение терпения, и, следовательно, здесь и шага нельзя сделать без терпе-

¹ Гал. 6, 14.

ния. Просмотрите устав монастырский, и увидите, как широко поле для дел терпения. Только тот, кто умер себе и миру, может вынести все требуемое здесь, как должно.

Поперечную часть внутреннего иноческого креста составляет **послушание** — такое расположение, по которому ничего не предпринимают сами, ничего не замышляют, а только слушают и беспрекословно исполняют распоряжения других. Послушный походит на шар, который без треска катится, куда устремит его сообщаемый ему удар. Он добровольно отказывается от самостоятельности и предает себя в орудие другому. Он действует или по совету, или по повелению, не доверяя ни своей мысли, ни своему желанию. Потому весь открыт. Если другие чего не видят, он сам открывается избранному или назначенному, чтобы не затаилось что недоброе под видом доброго.

Соедините теперь все вместе, и увидите, что мертвые всему — дает вход в монастырь, терпение — обезопасивает пребывание в нем, послушание — обнимает всю деятельность пребывающих внутри его. Вот трехсоставный крест, из которого исходит истинная жизнь иноческая!

Но что это за жизнь, подумает кто? Отчуждение от всего, отречение от своей воли в послушании, погашение почти всякого чувства в терпении — это ли жизнь?! Но не останавливайтесь

на одной наружности. Каждая из показанных добродетелей иноческих, кроме внешней — суровой — стороны, имеет и сторону внутреннюю, живую и отрадную, которая или предполагается ею, или из нее развивается.

Так — терпение поддерживается и живет **надеждою**, что не все труд иноческий. Предвкушая чаемое благо, надежда питает терпение и делает его ненасытимым. Надежда исполняет сердце радостью от несомненности обладания тем, что чается, и сею радостью растворяет жгучесть терпения трудов. Оттого терпящий радуется и не столько страдает, сколько наслаждается, несмотря на то что другие видят его многостраждущим.

Послушание оживляется **любовию**. Послушание есть отречение от своей самостоятельности и своего рассуждения — самых дорогих нам действий. Великую силу надо иметь, чтобы одолеть себя и отказаться от них. Силою воли можно, конечно, переломить себя и твердая решимость успевает в этом. Но пока она действует одна, действия послушания походят на ломание сухих ветвей. Только любовь сильна сообщить неболезненную гибкость послушничеству. Любовь бывает готова на все пожертвования и не может считать чем-нибудь ни трудов, ни траты времени, ни траты сил и достояния. Где любовь, там все творится охотно, легко и скоро. Только

послушание из любви делает отрадными все труды, к каким оно обязано.

Наконец, умертвие себе и миру — оживляется и вызывается **верою**, что так быть должно и иначе сему быть нельзя, если возжелавший сего жития хочет быть в нем тем, чем следует быть. Святая вера говорит нам, что мы были сотворены для жизни в Боге, но отпали от Него и пали в узы самости и обаяний мира, и что потому желающий снова восстать для жизни в Боге должен умереть себе и миру. Это убеждение в неизбежности такого порядка, при живом желании себе блага истинного, питает умертвие всему и дает ему жизнь, особенно в связи с другим убеждением, что сим только расположением можно привиться ко Христу и, сораспявшись с Ним, почерпать из Него полное оживление.

Таким образом, основу внутреннего креста составляет вера с самоотвержением или умертвием всему; продольную его часть — терпение, укрепляемое надеждою; часть поперечную — послушание, воодушевляемое любовью.

Если крест вообразить деревом, то корень его есть вера, из которой израстает переее всего самоотвержение и решимость — все бросить и взяться за одно дело спасения души в удалении от всего. Из самоотвержения рождается любовь, готовая на всякое послушание; из послушания или современно с ним развивается терпение,

венчаемое надеждою, восходящею на небо — во внутренняя за завесу, как говорит апостол¹. Где есть все сии расположения, там древо крестное не стоит одно голым, а разветвляется на многие отростки разнообразных добродетелей, покрывается лиственным внешнего благоповедения и изобилует плодами добрых дел. Там — забвение мира и обычаев его, непрестанное пребывание в обители без исхода, любовь к уединению, труд молитвенный в келлии и храме, постничество, неустомимость в рукоделии, готовность помогать друг другу, взаимнопрощение, взаимопоощрение на добро, мир, воздержание очей, языка и ушей, и проч., и проч. Блаженна душа, которая, войдя внутрь себя, найдет все сие в своем сердце! Это очевидный знак, что древо креста в нем воздвигнуто, водружено прочно и изобилует живо внутреннею силою, так, что его воистину можно назвать живоносным деревом, не вообще только, но именно для сего сердца.

Что у нас с вами, сестры, смотрите сами! Если все указанные мною добродетели действительно есть в вашем сердце, то крест ваш стоит — воздвигнут. Если же нет, то знайте, что он зарыт противоположными им недобрыми чувствами и расположениями. Я не называю сих последних, потому что они сами собою очевидны. Но не

¹ Рим. 5, 4—5; Евр. 6, 19.

могу приложить желания или даже прошения: если найдете, что крест ваш или преклонился, или совсем пал, или, еще более, занесен пылью и сором худых помыслов и пожеланий, — попецитесь открыть его, очистить покаянием и снова воздвигнуть и водрузить в сердце твердую решимостью ревновать о спасении души — до положения живота. Верьте, что без сего креста — нет духовной жизни и нет спасения, нет и отрады в житии иноческом. Без креста никто не спасался и не спасется. Как Господь вошел в славу, пострадав на кресте, так и все последующие Ему, чрез своего рода крест входят в сопрославление с Ним. Желаете ли внити во славу сию? Взойдите прежде на крест, и со креста уже пойдете на небо. Аминь.

*14 сентября 1860 г.
В Сухотинском женском монастыре
Тамбовской губернии*

ЗЕРЦАЛО ИНОЧЕСТВА В ЖИЗНИ СВЯТОГО АЛЕКСИЯ, ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

НАЧАЛО МОНАШЕСТВА — ОСТАВЛЕНИЕ МИРА. ЖЕРТВА ВСЕСОЖ-
ЖЕНИЯ. ПРАКТИКА МОНАШЕСКОГО ЖИТИЯ

Жизнь святого Алексия, человека Божия, представляет нам зеркало монашеского жития в полном его совершенстве. Придите же, сестры, станем смотреться в сие зеркало; насмотревшись, поверим¹, все ли так есть у нас, как следует быть, чтоб потом в должном более утвердиться, недолжное отстранить, недостающее восполнить.

Начало монашескому житию полагается оставлением мира и всего, что бывает уместно в сожительстве человеческом. Вступающий в монашество оставляет не греховное только и порочное, что обязан делать и всякий христианин, но и все естественное; оставляет отца, мать, родных и всякую житейскую сладость, становясь

¹ Проверим, осмотрим. — *Ред.*

действительно в душе своей мертвым для всего. Вы знаете, как это необходимо и как без сего нельзя свободно действовать в монашестве, ощущая себя связанным, как бы по рукам и по ногам. Есть разные степени и разные способы сего отречения... Но почти все, отрекавшиеся истинно, находили более удобным, отрекаясь мира, всем отдаляться от мира и всего житейского. Потому что, хотя сие святое дело предпринимается по преобладающей любви ко Господу и, следовательно, предполагает сердце занятым и пленным другими предметами, лучшими тех, которые оставляются, нельзя, однако ж, не чувствовать боли, когда оставляются связи естественные. Боль сия замирает отдалением, но снова оживает в силе встречею и видением. Потому оставаться пред лицом таких предметов и, однако ж, быть с ними в обязательном сердечном разделении — значит поставить себя в положение непрерывно болезненных ощущений. Но кто может понадеяться иметь всегда столько крепости в своем сердце, чтоб благодушно, в созидание себя, переносить сии болезни... Вот почему отрекающиеся мира все почти бегут в пустыни или за стены монастырей!

Не таков был святой Алексей, человек Божий! Ему мало было идти общим путем. Он избирает для себя новый, сколько странный, столько же и высокий. Любил ли он отца, мать

и невесту свою? Конечно любил и, может быть, сильнее, нежели сколько они любили его. Не по ненависти он оставил их, а потому, что был вящшею¹ снедаем любовию ко Господу. Что ж, иссякла сия любовь, что он возвращается в дом отца?! Нет. Но она требовала новых жертв, как огонь требует постоянно подбавления новых горючих веществ, чтоб гореть пламеннее. И вот что дал он ей в пищу! Самые нежные, естественные чувства постоянно возобновляются в сердце его видением, слухом и самым пребыванием. Видел отца и, верно, порывался обнять его, но по любви к Господу подавлял сей порыв. Слышал вопль матери или сетование невесты и, верно, глубоко был возмущаем в сердце, но побеждал сию тревогу любовию ко Господу. Авраам болел сердцем, готов, однако ж, был принести в жертву сына, победив чувство родительское. Но если б и самым делом совершил он сию жертву, совершил бы ее однажды только. А человек Божий поминутно чувствовал самые сильные родственные чувства и поминутно приносил их в жертву Господу, как бы сам закалая свое сердце. Мученики крепко страдали; но, пострадав дни, месяцы, редко годы, отходили ко Господу на покой. Человек же Божий устроил себе сам страдание непрерывное — с той минуты, как всту-

¹ Бóльшею. — *Ред.*

пил в дом отца, до той, как закрыл глаза свои. Он походил на того, кого резали бы ножом черта за чертою, или на того, кого стали бы строгать ногтями железными и не переставали строгать, или на того, кого бы обули в железные сапоги с острыми внутри гвоздями и заставили ходить не останавливаясь, чтоб более и более раздирать болезненные раны. Он был в своем положении воистину жертва всесожжения. Горело в нем естество; огонь, в коем оно горело, был огонь любви ко Господу. Человеке Божий! хвалить ли только нам тебя или, хваля, порываться и к подражанию?! Всячески, однако ж, отрехшиеся мира, станьте здесь и сами для себя решите: отрехшись мира, отрехлись ли вы и от всего житейского, и отрехшись от сего, приносите ли тем жертву Богу — или только себе доставляете покой?

Отрехшись от мира, вступают в обитель и начинают в ней притрудную жизнь в постничестве, молитвах и терпеливом послушании с отречением от своей воли.

Это — практика монашеского жития и проба искусства пребывать в нем. Вступая в обитель, отрехаются от мира; в обители надо отрехаться от себя, отрехаться от своего живота всяким озлоблением плоти, отрехаться от своих желаний преданием себя терпеливому послушничеству, отрехаться от всех помышлений своих, ограничивая взор ума своего единым Богом, и

отревая от него все, в молитвенном погружении его в Боге. Вы знаете, что так есть и что этим обнимается вся внутри стен монастырских проводимая жизнь. Всякая из вас и проводит ее так по мере сил и усердия: по мере сил и усердия постничествует; по мере сил и усердия молится в церкви и дома; по мере сил и усердия послушничествует и блюдет неисходность из монастыря. Господь да благословит труды ваши. Трудитесь! — но не думайте, что, совершив однажды или несколько раз какие дела, вы как бы совсем отделались от них. Нет. Надо делать непрестанно, идти все выше и выше безостановочно, — пока достигнете в меру совершенства, предначертанного для каждой части иноческого жития. Как это сделать и что тут нужно, не ходите далеко за указаниями. Всмотритесь в труды человека Божия и увидите все, до какой степени должно доводить вам свои подвиги. Посмотрите, до какой малости доведено у него удовлетворение потребностям тела, каковы его молитвы и каково отречение от своей воли, и понудьте себя уподобиться ему. Ходивший за ним слуга свидетельствовал о нем пред царем и освященным собором, что он мало что ел, мало спал, никогда не выходил, и день и ночь все молился; а что терпел он от слуг, того и пересказать нельзя. Не считайте всего этого неприложимым к вам, помня, что не в форме сила, и не

увольняйте себя от добросовестного ответа: положены ли хотя начатки черт жизни человека Божия в иноческом житии каждой из вас?

Для живущих в обители внешнее ограждение и защита — сама обитель с оградой, внутреннее же пристанище, покров и покой — храм Божий. Что у человека Божия?! Ограда его и обитель — решительное самоотвержение, а храм — созерцаемое им непрестанно небо, где, умно предстоя Богу, он в хоре Ангелов и святых воспевал хвалебные песни Богу. Только при таком настроении становится понятным, как можно было перенести все то, что он перенес! Сердце его было в другом мире. Веянием любви Божией согреваясь, чаемое сожительство блаженных небожителей предвкушая и как бы переселившись уже туда, мужественно нес он все болезни и труды жизни своей, как на ристалищах чаянием прिया чести и премию все воодушевляются к скорейшему течению, не чувствуя истощения сил и утомления. Подражая ему, и нам, сестры, должно тако тещи, да постигнем, отказавшись от всех земных надежд и одними питаясь надеждами небесными. Ибо если мы чрез монастырское пребывание чаем достигнуть что-либо земное, то окаянейшие паче всех людей есмы.

Вот вам краткий очерк зеркала иноческого жития! Смотрите, но не затем, чтобы, посмотревшись, забыть, что видели, а чтоб в виденном иметь

или отраду воодушевления на лучшее, или побуждение к очищению и исправлению того, что худо. Всяко да умудрит вас Господь во спасение молитвами святого Алексия, человека Божия. Аминь.

17 марта 1861 г.

В Тамбовском женском монастыре

ДАЛ БОГ ХРАМ — НАДО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМ, КАК ДОЛЖНО

УСТРОЕНИЕ ХРАМА — ДАР БОЖИЙ. БЛАГОСЛОВЕНИЕ БОЖИЕ НА ТРУДЫ ИСПРАШИВАЕТСЯ МОЛИТВОЮ В ХРАМЕ. ОБЩАЯ МОЛИТВА В ХРАМЕ ВСЕГДА ПЛОДОТВОРНЕЕ. КАК ДОЛЖНО ХОДИТЬ В ХРАМ

Так ныне завершились труды ваши и ваши заботы об устройении благопотребного вам другого храма. Благодарение Господу и о сем даре! Говорю — даре, ибо хотя вам немало было дела, но что могли бы вы сделать, если б не Господь?! В нечаянных пособиях, да и во всем другом не осязали ль вы сами близкой, благодееющей руки Его? Исповедуя же дар, что воздадим Господеви — Благодетелю? Воздадим должное, по намерению Его, употребление дара, именно:

1) Храм устроен не для того, чтоб быть только внешним — пустым свидетелем благочестия, но для того, чтоб быть всегда полно теми, для кого назначается. А это налагает на вас обязанность неопустительно бывать в сем храме на

всех положенных уставом службах. Дав обет работать Господу в трудах подвижнических и молитвенных, вы, конечно, и не намерены поблажать своей в сем отношении лености. Но да не искусят вас какие-нибудь благовидные предлоги, обычные у подобных вам тружениц. Да не искусит вас, в о - п е р в ы х, позыв — опустить ту или другую Божественную службу, по нужде закончить требуемую работу. Помните, что работы не бывают благопоспешны, когда нет на них благословения Божия, а сие благословение надо привлечь и низвесть с неба... Чем же и где? Молитвою во храме. Когда испрошено благословение, то один час заменит труд целого дня, тогда как без него все рвется и путается, — и день проходит даром. На это вы сами уже, думаю, имеете немало опытов. Не делайтесь же сами себе наветницами!

Да не искусит вас, в о - в т о р ы х, льстивое помышление — остаться в келлии, когда другие идут в храм, из желаня поусерднее помолиться уединенно от других. Разве нет для уединенной молитвы другого времени, кроме часов, назначенных для общей молитвы? Тогда и молитесь — одни. А на общую, уставом положенную службу всегда надо ходить... Тут в собрании молитва бывает теплее и усерднее и всегда плодотворнее. Где *два или три собрании во имя Мое*, говорит Господь, *там и Аз по-*

*среде*¹, а где Господь, там всякое духовное благо... Как жаль, что иные сами себя лишают сего сокровища! Не бывает ли и так, что иные, оставшись в келлии, и общую молитву пропускают, и дома не успевают помолиться, и, таким образом, делают два зла — порядок нарушают и себе вред причиняют... Потому — не лучше ли однажды навсегда положить себе за правило: никогда не поблажать таковому помыслу?

Да не искушает вас, в-третьих, и та поблажка, по которой приходят в церковь не к началу служб или выходят прежде окончания их. Помните, что всякая служба есть одно целое, и только в целом своем составе совершенную доставляет пользу. Как пища тогда только и вкусна, когда она имеет все приправы, так и служба тогда только удовлетворяет вполне духовный вкус, когда прослушается вся сполна. Следовательно, кто пропускает начало ее или не достает ее до конца, тот и трудится, и сам же себя лишает плода трудов, или одною рукою создает, а другою — разоряет. Итак, создав, украсив и освятив храм сей, и ходите в него неопустительно, отвергая всякие пустые предлоги, — и это **первое**.

2) И в храм ходить надобно не кое-как, а как должно. Ибо можно всегда ходить во храм, не

¹ Мф. 18, 20.

на похвалу, однако ж, а на осуждение себе, — ходить и никакой от того не получать пользы духовной. Все сюда относящееся можно совместить в следующих правилах. С первым ударом колокола надо бросить всякое дело и готовить душу свою к церковной молитве прочитываем: «Богородице Дево, радуйся...» или «Царю Небесный...», «Отче наш...», или другой какой-либо молитвы. Подходя ко храму, у порога его надо оставить все заботы и попечения о делах, чего бы они ни касались, чтоб невозмущенною мыслию войти внутрь. Вступая в церковь, надо облечься, как одеждою, благоговением, помня, к Кому приходим и к Кому намерены обращаться в молитве. В храме, заняв место свое, лучше всего всегда одно и то же, надобно собрать мысли воедино и стать умом пред лице Господа вездесущего, принося Ему благоговейное поклонение телом и духом в сердце сокрушенном и смиренном припадании. После сего надо с мыслию неразвлеченною следить за всем, что действуется — что поется и читается в церкви, и это до самого конца службы. Вот и все! Поступая так, не будем скучать в церкви, озираться туда и сюда и заводить разговоры, и не будем желать, чтоб скорее кончилась служба. Ибо тогда, переходя от одного молитвенного чувства к другому и от одного благоговейного помышления к другому, мы будем походить на тех, кои в саду благоухан-

ном переходят от одной группы цветов к другой, вследствие чего духовная теплота — плод внимательной молитвы — исполнит сердце наше невыразимую сладостию, которая не даст заметить телесного в стоянии труда и соделает краткою всякую службу. Напротив, невнимательный к тому, что совершается в церкви, мечтает о пустых вещах и делах, но и сим делам не помогает, и время молитвенное губит по-пустому, сам себя расстроивает и лишает плода молитвы — готового, который сам, так сказать, дается в его руки. Да избавит вас Господь от греха сего!

3) Пользуясь, таким образом, как следует, службами церковными, мы мало-помалу будем достигать и того главного, чего ради даются нам сии видимые храмы, именно — непрестанной, в сердце совершаемой умно, молитвы Богу, которая соделывает сердце наше храмом Богу нерукотворенным. Заповедь о сей молитве преподана нам святыми апостолами; о ней была вся забота и у всех святых подвижников. И нам будет стыдно, если, устроив сей храм вещественный, не позаботимся об устройении храма невестественного, для которого, собственно, и существует вещественный. Что пользы иметь орудие и не уметь им делать то, для чего оно устраивается?.. Кто неопустительно бывает на всех службах и слушает их, как должно, тому легко достигнуть сего неоцененного блага духовного... Не

много еще нужно приложить ему к сему труду неопустительного хождения в храм, именно — приложить заботу о том, чтоб сохранить неугаснувшею теплоту сердца, возбужденную в храме чрез хранение внимания, которым была осенена здесь душа. А для сего — возлюбить уединенное сидение в келлиях (исключая нужных работ), частое поклонение Господу пред иконами, прочитывание по временам слова Божия, отеческих писаний, а главное — приобрести навык творить непрестанно краткую, но сильную молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя...» По мере таких трудов душа все более и более будет осеняться благодатным присутствием Божиим, которое и ум возведет к Богу, и сердце исполнит сладостными воздыханиями, что и есть непрестанная молитва.

Сего дара Божия как воздаяния за ваш труд паче всего желаю вам. Создав храм сей и украсив, да созиждетесь и сами в жилище Божие духом — *в храм духовен — возносити жертвы благоприятные Богови Иисус Христом...*¹ Аминь.

17 августа 1859 г.

В Темниковском женском монастыре
Тамбовской губернии

¹ 1 Пет. 2, 5.

О ВОЗБУЖДЕНИИ СЕБЯ К МОЛИТВЕ И ОБУЧЕНИИ ЕЙ

ХРАНЕНИЕ НЕУГАСИМЫМ МОЛИТВЕННОГО ЖЕЛАНИЯ. ЧУВСТВО
НУЖДЫ ПОБУЖДАЕТ К МОЛИТВЕ. КАК ПРИОБРЕТАЕТСЯ ИСКУССТВО
МОЛИТВЫ И ОПЫТНОСТЬ В НЕЙ

Благодарение Господу, благоволившему устроиться в обители вашей храму сему, столько для вас благопотребному. Видя сие, нельзя не радоваться и потому, что этим означается процветание обители вашей, и потому, что, значит, обитель хочет процветать с той именно стороны, которая составляет существенную черту воспринятого вами образа жизни. Вы — молитвенницы. Храм есть дом молитвы. Озабочиваясь устройением его, вы показали, что у вас есть потребность и питается жажда молитвы. Что же вам делать после сего? Остается к делу построения храма приложить дело, для которого он назначен, то есть раздражать в себе больше и больше желание молиться — и самым делом молиться.

Итак, раздражайте в себе молитву.

Когда, оставляя все, вступали вы в обитель сию, что было у вас тогда в уме и сердце? Было одно — молиться и молиться. Значит, желание молиться уже не чуждо вас. Храните же сие желание неугасимым и не только храните, но и возгревайте более и более огонь сей. Дело сие просто; как обыкновенный огонь поддерживаете вы, подкладывая дрова, так ухитряйтесь поддерживать и молитвенный огонь в сердце, одно за другим влагая в него разные духовные помышления, кои составят духовное топливо. Больше же всего поберегитесь сытости духовной. Кто сыт, тот не печется о пище. И кто считает себя духовно сытым, тот не станет молиться. Что вода для огня, то сия сытость для молитвы. Между тем, сытость духовная есть обман, ибо как нам быть сытыми, когда обложены духовными нуждами? И вразумление нужно нам, и укрепление, и утешение — и это поминутно, и со внешней, и тем паче со внутренней стороны. Как нельзя не чувствовать сих нужд тому, кто хочет держать себя, как следует, так нельзя и минуты пробыть без того, чтоб не вопиять об удовлетворении их. Вопль сей и есть молитва.

Только онемелая душа не молится. Поддержите же в себе чувство нужды и будете всегда с побуждениями к молитве. А для сего не смотрите на то, что есть в вас, а смотрите на то, чего еще нет. Нельзя, чтобы вы ничего не имели; но хоть

бы вы имели мудрость Соломонову, веру Авраамову, терпение Иовлево, жар духа Давидова — и это все мало сравнительно с тем, чего еще следует достигать. Сознывая сие, и те великие праведники говорили о себе: *земля есмь и пепел¹, червь, а не человек, поношение человеков и уничижение людей²*. Так настройте себя, чтоб на земле и придумать нельзя было такой ничтожности, с которою можно было бы сравнить себя. Когда будет это, будет чувство нужды и беды; а когда это будет, будет и потребность молиться. Но была бы только эта потребность постоянно на душе, а далее она сама научит вас, как самым делом молиться. Нужда всему учит. Нужда молитвы научит молиться. Откуда возьмется мудрость и сообразительность! И наедине, и при общем послушании, и в келлии, и в пути, и в церкви, и за столом, и за рукодельем — всюду будет ухищряться душа не отстать от молитвы и молитвенного к Богу обращения. Самым действием молитвы приобретается и искусство молитвы, и опытность в ней.

Все сие, верно, вы знаете. Только не думайте, чтобы дело молитвы как-нибудь было хитро и запутанно. Дитя хочет есть, приходит к матери и говорит: «Дай мне хлеба». К чему тут какая хитрость? То же и в молитве к Богу. Грехи

¹ Ср.: Быт. 18, 27. — ² Пс. 21, 7.

беспокоят, приди и скажи: «Согрешил я. Господи, помилуй!» Скорбь одолевает, приди и скажи: «Утешь, Господи». Силы нравственные ослабевают, приди и скажи: «Помоги, Господи». Так и во всем. Чувствуешь нужду, приди и поведай ее Господу в простоте сердца. Призови и Матерь Божию в сомолитвенницы. Ангела своего хранителя и всех святых, и вместе с ними под их покровом припадай к всемилостивому Спасу.

Вот и все! А все хитрости или ухищрения в молитвословии надо отложить.

Лучшее руководство в делах молитвы есть молитвенное правило, уставом положенное. Оно постановлено святыми богоносными отцами, такими, коих молитва горы преставляла. Им подражайте и их правилом жительствуйте. Как велено в уставе в келлии молиться, так и молитесь. Как велено молитву совершать в церкви, так и совершайте. Как указано навязать непрерывной молитве, так и навязывайте. Стал на молитву, собери мысли свои и, читая или слушая молитву, с каждым словом соединишь мысль и чувство — и все тут. К этому присоединить только надо труд управлять мыслями своими, кои неохотно стоят на одном, и еще — озаботиться всячески, чтоб труд молитвы не прекращался с окончанием молитвенного правила, а занимал нас и во все другое время. У кого сие есть, тот есть на-

стоящий молитвенник. И чем больше кто устанавливается в таком молитвословии, тем более углубляется в молитву. А чем более углубляется в молитву, тем более отрешается от видимого, окружающего, а далее и от самых слов молитвенных, и приближается к тому, чтоб в молитве беседовать к Богу не чужим словом, а своим, и даже не словом, а мыслию и чувством сердца. Вот и вся лестница молитвенная — простая, незапутанная, нехитрая!

Но и то ведайте, что как всякое дело требует своего труда, так и в молитве надо потрудиться, и даже преутрудиться, и телом, и паче духом. Телу — стояние, поклоны, молитвословие; духу — внимание, чувство, отрешение от всего и устремление к Богу, совместный труд! И надо себя понудить и на тот и на другой. Земледелец потеет над удобрением поля и сеянием — и получает, при Божией помощи, хороший урожай... Потрудитесь в молитве, и получите просимое, и достигнете совершенства в молитве. А без труда ничего не получите. Трут дерево об дерево, и получают огонь. Потрудите себя в стоянии, беднии, поклонах, и получите огонь молитвы. Нудить себя нужно на всякое добро, а паче на молитву. Тогда Господь, видя труд наш и усердие, что желаем достигнуть совершенства в молитве, пошлет нам благодать Свою и осенит молитвенным облаком дух наш, в который вступая, душа,

как Моисей на Синае, будет лицом к лицу умно беседовать к Господу.

Господь милостивый да подаст вам сей дар, и да явитесь вы совершенными в молитве, как совершенны были в ней великие молитвенники, учредители всего молитвенного чина. Господь помог вам совершить храм. Позаботьтесь теперь в самих себе представить Ему храм духовен, святительство свято, приносить жертву духа благоприятную Богу Иисус Христом, чтоб иначе и к вам не относился укор: *что Мне множество жертв ваших?*¹ Древа, из коих слагается храм, не вы. Сердца ваши дайте Господу и из них составьте Ему храм, в коем благостынно будет почивать Дух Его, принося благословение вам — и внутреннее и внешнее. Аминь.

4 августа 1861 г.

*В Кадомской женской обители
Тамбовской губернии*

¹ Ис. 1, 11.

УСТРОЕНИЕ ВНУТРЕННЕГО БОГУ ХРАМА

ХРАМ ВИДИМЫЙ — ПРЯМОЙ ОБРАЗ ВНУТРЕННЕГО ХРАМА. КАК ВОЙТИ ВНУТРЬ СЕБЯ. В ХРАМЕ СЕРДЕЧНОМ СОВЕРШАЕТСЯ ЖЕРТВА ДУХОВНАЯ. ДЕЛАНИЕ ВНЕШНЕЕ И ВНУТРЕННЕЕ

Се и еще воздвигнут и освящен храм живому Богу! Се и еще место селения славы Его, место упокоения душ скорбящих, место питания и напоения душ алчущих и жаждущих — словом Божиим и святыми таинствами, место приискренного общения с невидимым миром Ангелов и святых! Благодарение Господу, увенчавшему благое дело сие успехом! Да благословит Он и начавших его, несших труды приведения его к концу, помогавших, содействовавших и всех, каким-нибудь образом соприкосновенных ему.

Храм сей назначается для вас, сестры, оставившие мир и Господу себя уневестившие. Вы удалились, бегая, и водворились в пустыне затем, чтоб беспрепятственнее приближаться к возлюбленному вами Господу и невозмущаемым от

праха мирской суеты оком зреть выну красоту лица Его. Вот и Господь являет знамение Своего к вам благоволительного приближения, простирает к вам длани Свои для приятия вас, назначает место, где Он готов внимать желаниям отверстого к Нему сердца вашего. Думаю, что нельзя найти сильнейшего для вас побуждения к тому, чтобы приметаться¹ в сем дому Божиим, если не непрестанно, то, по крайней мере, всякий раз, как будете зовомы сюда по уставу Святой Церкви.

Не сомневаюсь, что это было и будет так. Но не могу не напомнить вам, что для вас мало являться пред лице Господа в храм, вне вас сущий; вам надобно устроить Господу храм в себе самих, чтоб всегда иметь Его в себе и с собою. Ибо если ко всем, то тем более к вам идет слово апостола: *не ве́сте ли, яко храм Божий есте...*² И следовательно, если ко всем, то тем более к вам должна относиться заповедь: *как камению живому, созидаться в храм духовен, святительство свято, приносить жертвы благоприятны Богу Иисус Христом*³.

Об этом ныне помыслить вам тем более прилично, что устроенный и освященный ныне храм есть прямой образ того невидимого храма, кото-

¹ Здесь: пребывать, находиться. — *Ред.* — ² 1 Кор. 3, 16. — ³ Ср.: 1 Пет. 2, 5.

рый должно устроить для Него в сердце нашем. Приложите же к совершенному уже труду в устройении сего видимого храма и другой труд, которому и конца быть не может, — об уготовлении сердца своего во всегдашний духовный храм Господу.

Не думайте, чтоб это было так мудрено и так высоко, что превысило бы решительно силы ваши. Вы уже создаетесь в храм сей. Надобно только продолжать начатое непрерывно и с тою же ревностию, с какою начато. Чтоб видеть, впрочем, что именно надо делать, я изображу вам коротко все здание храма Господу в сердце.

Для храма видимого выбирают и очищают место. Надобно расчистить внутрь нас место сердца для здания храма духовного. Сие расчищение совершается **покаянием**, то есть искренним сознанием своих грехов и обвинением себя в них, чтоб вину стоять пред лицом Господа безответными и спасения себе чаять от единой милости Его. Господь не любит тех, которые являются к Нему праведниками, и благосклонным является только к тем, кои мытаревым гласом вопиют к Нему: «Боже, милостив буди нам, грешным». На расчищенном месте углубляют и кладут основание. Основание храма духовного в сердце составляют **вера и решимость жить по вере**. Только вера, сочетаваясь с решимостию, делает внутреннее здание непоколебимым и даже

недоступным ни для сомнений и недоумений, ни для неудобств, противлений и скорбей. Решившийся жить по вере не страшится уже ни скорбей, ни самой смерти, вот почему таковой и почитается ничем неодолимым или стоящим на несокрушимом основании.

Положив основание, возводят затем здание, полагая камень на камени, скрепляя их известными веществами и все направляя по предположенному плану и масштабу. Все сие в соответственных свойствах есть или должно быть и во внутренней храмине; здесь **камни** суть разные **добродетели**, к каким когда и где представляется случай: кротость, воздержание, терпение, послушание, милость, трудолюбие и проч., кои, одна к другой прилагаясь, творят возвращение тела внутреннего храма; **скрепляющий цемент** суть, с одной стороны, притоки чрез святые таинства **благодати**, без которой все наше остается сухим, несвязным, непрочным, а с другой — **любовь**, без которой никакие подвиги и никакие труды не имеют цены или, как говорит апостол, все ничто¹; **план и масштаб** — **рассуждение**, которым определяются мера, вес и число трудов, предприятий и подвигов, без сего внутреннего соразмерителя могущих обезобразить все здание, и, следовательно, сделать ничтожными и

¹ 1 Кор. 13, 1—3.

бесполезными все поднятые уже до того труды. Навык к сему рассуждению, основательному и здравому, приобретается послушным житием под **руководством** пастырей, духовных отцов, старцев и стариц, которые, на первый раз, а иногда и на всю жизнь, и должны составлять единственных руководителей в созидании сердца для Господа.

Проникнутый любовью труд доброделания под действием Божиих таинств, при руководстве пастырей и своего рассуждения возводит здание до верха. Затем **кровлю** его составит глубокое **смирение**, которое спасет сие здание от сырости тщеславия и человекоугодия, от сухоты надмения и гордыни, от потрясающих ударов своеправия и непокорности. Останется после сего **возглавить** здание и поставить на нем **крест**. То и другое совершится одним действием **преданности** в волю Божию, которая точно есть глава добродетелей самоотвержения и крест, на котором окончательно распинается наша самость.

Вот и храм! Хотите ли знать, что составляет его внешнюю **ограду**? — **Непоколебимая верность всем уставам и предписаниям Святой Божией Церкви**, а в вас, сверх того, — и уставу вашему монастырскому. За сею оградю безопасно укрываются от всех бурь и волнений, воздвигаемых духом века, суемудрием и страстями. Пока есть сия верность, здание безопасно; где

нет ее, там все мало-помалу разорится, пока от всего не останется камня на камне.

Но мы все еще вне сего внутреннего храма. Надобно войти внутрь его, украсить, освятить, облагоухать, чтоб достойно совершать там *свя- тительство святое* — приносить жертвы благоприятные Богови. Ибо Господь хочет не пребывать только в нас, но и сопребывать с нами в нас. Спрашивается: как же войти внутрь самих себя? **Вниманием, трезвением, собранностию.** Когда мысли рассеяны, они все парят над внешними предметами; но по мере отрешения от сих последних они собираются внутрь и по мере собранности еще более отрешаются отвне. Этим взаимодействием созревает, наконец, внутреннее трезвение, в котором око ума *вѣну* зрит внутрь сердца, и устрояется глубокое, невозмутимое внимание к сущему там и ко всему, приходящему туда.

Чем украсить внутреннюю храмину сердца? Благими помышлениями, слагающимися из глубоких убеждений в истинах веры с соответственными им чувствами и расположениями, то есть помышлениями о Боге Триипостасном, Его беспредельных совершенствах, творении, промышленности, о таинстве искупления и о всем домо- строительстве спасения, о будущем возустроении всего и проч. Такие помышления не могут не исполнять сердца или страхом, или сокрушени-

ем, или упованием, или мужественною готовностью на все и проч., что все в совокупности составляет красоту храмины сердечной.

Освещение сему храму доставляет невозмутимое непрестанное **созерцание Бога вездесущего**, без которого и внутрь собраться или чувствами какими благими преисполняться нет возможности, хотя и оно само взаимно поддерживается сими последними и зреет вместе с ними. Сей свет богозрения, освещающая и согревая сердце, возбуждает в нем непрестанные к Богу или **взывания**, или **воздыхания** из глубины, с представлением Ему разных преходящих и непрестанных потребностей духа или с изъявлением движений любви к Нему — сладчайшему, что все составляет фимиам **молитвы сердечной**, восходящей, как утро, или, как кадило благовонное, возносящейся к Богу.

В благоуханном таким образом храме сердца будет совершаться и **жертва** духовная, Богу благоприятная, состоящая в приношении Ему сознания, самодеятельности и свободы и выражающаяся болезненным к Нему припаданием в сердце сокрушенном и смиренном. Сей жертвы ждет от нас Господь, ею услаждается и ради ее готов ниспосылать всякое даяние благо и всяк дар совершен. Сим завершается устройство внутреннего Богу храма и внутреннего священнодействия в сем храме.

Вот и все! Трудно ли, легко ли сие дело, но оно необходимо. Нельзя останавливаться нам на одном внешнем делании, хотя и без него не может состояться и установиться ничто внутреннее. Сделано внешнее — позаботимся и о внутреннем. Можно не сомневаться, что и оно есть, и, может быть, ради его есть и сие внешнее; но можно опасаться, не затмила бы или не заслонила бы сия видимость, так очевидная, той невидимости, почти неуловимой. Посему бдите и не попускайте, чтоб враг сгубил плоды трудов ваших, установив вас на полпути.

Сыне, даждь Ми сердце, говорит Господь¹. И отдадим его. Припомните притчу о десяти девах... Чего недоставало юродивым? Внутреннего делания. Внешне они были исправны — девство соблюли, и постов не нарушали, и в храм Божий ходили, и прочее, уставом положенное, исполняли; а об устройении мыслей и чувств не попеклись. И было сердце их вместо храма Богу — дебрь, всякими дикими растениями заросшая, полная гадов и насекомых, или запустелое здание, жилище филинов и нетопырей.

Блюдитесь убо, чтоб не подпасть участи их. Начатое вами хорошо и многоценно, но если и совершите е², как подобает. Не послужило бы, иначе, самое начало вам в осуждение, что начали

¹ Ср.: Притч. 23, 26. — ² Его. — *Ред.*

и не довели до конца. И молитесь Господу и Пречистой Его Матери, нашей Владычице, Коей посвящен храм сей, да явят вас, благоволением благости Своея, совершенными во всем, и совершен ваш дух, душа и тело в пришествии Господнем да сохранится, да дарует вам Бог силою утвердиться духом Его во внутреннем человеце, вселиться Христу верою в сердца ваша. Аминь.

8 июля 1859 г.

*В Сухотинском женском монастыре
Тамбовской губернии*

КРЫЛЬЯ МОЛИТВЫ

ДУХОВНЫЕ ЧУВСТВА, ПОТРЕБНЫЕ ПРИ ШЕСТВИИ К НЕБЕСНОМУ
ОТЕЧЕСТВУ. МОЛИТВЕННЫЙ КРЕСТ. БЕЗ МОЛИТВЫ НЕТ ЖИЗНИ И
ВОСХОДА В ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

В семилостивый Господь особенным образом благоволит присутствовать в храмах, освященных молитвенным призыванием благодати Его. Потому таковые храмы справедливо именуется скиниею Божиею с человеки — местом особенного вселения между людьми Бога, как Сам Он удостоверяет: *вселюся в них и пожду, и буду им в Бога, и тии будут Мне в людие*¹. У древнего Израиля это свидетельствовалося видимым для всех образом. Облак осенял скинию и слово было из облака. Потом во все время странствования в пустыне столп облачный, над скиниею воздвигаясь и останавливаясь, был руководителем израильтян в их шествии к Ханаану обетованному. Над храмом христианским мы не видим чувственного

¹ 2 Кор. 6, 16.

облака, но, тем не менее, уверены в действительности благодатного присутщего здесь осенения Божия. Храм сей не будет воздвигаться и двигаться подобно скинии — походному храму израильтян, — но, тем не менее, он есть верный указатель пути для шествующих в Ханаан небесный.

Это последнее его свойство дает мне повод указать вам устройство путного шествия¹ израильтян окрест скинии, чтобы вывести оттуда, какими добрыми расположениями должны мы окружить храм сей, чтобы он был для вас руководителем на пути в небесный Ханаан.

Когда освящена была и устроена скиния, то Бог повелел Моисею с того времени так располагать шествие, чтоб три колена шли впереди, три позади, три по правую и три по левую сторону, а в середине двигалась скиния, несомая коленом Левиным. Это образ того, что и в нашем шествии к небесному отечеству, под руководством Церкви, три чувства и расположения должны быть впереди, три позади, по три по правую и левую сторону, и еще одно, сердцевинное, соответствующее самой скинии. Укажу вам коротко, какие это, не толкуя иносказательно имен сынов Израиля, а располагая чувства по их внутреннему значению.

¹ Странствования, путешествия. — *Ред.*

Три передние суть высшие духовные чувства. Это — **вера**, что Господь воистину есть здесь отныне благодатным Своим присутствием, что храм сей стал домом Его, куда вѣну обращено око Его и где вѣну пребывает сердце Его; **упование**, что Господь, пребывающий здесь, внятно внимает, как отец чадолюбивый, всем воссылаемым к Нему прошениям и готов удовлетворить им; **любовь** к храму, по коей сладостно пребывать в нем, как в доме родного отца, по коей мирно упокоевается в нем дух, как покойно дитяти на лоне матери. Это — главные, источные, сокровенные расположения, служащие возбудителями и водителями других. Они созревают в духе и обращены, можно сказать, лицом к лицу к Самому Богу — сему умному востоку.

На соответственной им задней стороне должны стоять телесные делания относительно дома Божия, яко дома молитвы, — молитвенные, телом подъемлемые труды. И их тоже три: **труд нелепостного хождения в храм** — на все службы по первому зову, без оговорок и без саможаления или вознаграждения воображаемых препятствий, по следующему закону: как только услышишь зов, брось все и спешь в храм; **труд терпеливого пребывания в храме** от начала службы до конца — без передвижений, на своем всегда одном месте, без распушения членов, с некоторым их напряжением, придающим бодренность; **труд бла-**

гоговейного стояния — тихого, с поклонами, — с очами, обращенными долу или горé, на иконы или священнодействия; с ушами, устремленными на поемое и читаемое; с молчаливым языком, без озираний, блужданий очами и без разговоров. Все такие расположения выражают телесный труд в молитве, поддерживаемый внутренним молитвенным духом и его, обратно, поддерживающий.

После сих расположений высших и низших, передних и задних, перекрестную линию составляют душевные молитвенные труды, или занятия, именно: по правую сторону станут три положительных дела. Это **стояние умом в сердце** в присутствии Божию, сопровождаемое страхом отрезвляющим, сообщающим бодренность и освежающим внутреннюю храмину нашу, подобно свежему воздуху утреннему; **углубленное вникание в силу** и значение всего поемого, читаемого и действующего, с сердцем, отверстым на принятие имеющих родиться в нем возможных при сем чувств и расположений, — с готовностью приводить их в исполнение как внушения Божии; **мирное расположение** доброжелательного духа ко всем людям, не исключая самых врагов, по заповеди Господа: *аще помянеши, яко брат твой имать нечто на тя, остави дар пред алтарем* и *поди помирись*¹.

¹ Мф. 5, 23—24.

По левую сторону станут три отрицательных дела, именно: **нерасхищение мыслей**, или непозволение уму блуждать по разным местам и предметам, когда стоим в храме, и возвращение его вспять всякий раз, как он самовольно предается мечтам; **необременение сердца заботами житейскими**, нещадно гонящими преданного им все далее и далее и не оставляющими ему свободно времени для занятия небом; **непривязанность ни к чему земному**, или свобода от всех страстей, влекущих долу и не дающих восклониться горé.

Вот молитвенный крест, духовно совершаемый в естестве нашем, под осенением которого в середине действуется самая молитва — и как молитвословие с поклонами, и как мирное устремление чувств к Богу, и как сокровенное к Богу предстояние духом.

Кто настроит себя так в отношении к храму, тот в самом сем настроении найдет верное руководство и способ к достижению небесного отечества. Таковой, можно сказать, уже парит к нему. Ибо замечаете ли, как все сии чувства и дела, будучи расположены в соответственном порядке, представляют собою парящую птицу. Главу ее составляют вера, упование и любовь; правое крыло — стояние в присутствии Божиим, сердце, отверстое для принятия внушений Божиих, и мир со всеми; левое крыло — нерассеянный ум,

свобода от заботливости и пристрастий; заднюю часть — труд хождения в храм, стояния в нем и делания молитвы, тело же ее — это самая молитва. Птица, вдыхая и выдыхая воздух, приводя в движение крылья, действуя головою и другими членами, успешно летит, и даже не иначе летит, как так. Так и молитвенное к Богу восхождение в храмах не иначе возможно, как когда есть в нас все помянутые расположения. Не будь одного какого, дело молитвы покривится или прекратится, как прекращается летание птицы при недостатке, например, крыла или других частей. Это всякий испытывает, и испытает над собою, если захочет испытать. Всякий желающий молиться непременно встречается со всеми этими расположениями, и всякий молящийся имеет уже все их. Наоборот, у кого нет их, тот не начинал еще молиться, как должно. А без молитвы нет жизни, нет восхода в Царствие; человек долу преклонен и гибнет. Восклонитесь убо и почтите дома Божии, повсюду рассеянные, чтоб воскрилять¹ в нас дух молитвенный и, от земли вознося на небо, на земле еще даровать нам предвкушение благ вечных. Враг себе, кто чуждается храмов; но и тот не большой доброжелатель, кто ходит в них не как должно, а кое-как. Отчего это иной десятки лет ходит в храм и все не

¹ Окрылять. — *Ред.*

умеет молиться, даже не понимает, что такое молитва? — Оттого, что не выполняет всего внутреннего строения, необходимого для молитвенного в храме пребывания. Поощадите же себя: вам, сестры, не ново все, что я говорил. Непрестанно почти пребывая в храме, вы, конечно, парите к небу, как птицы, — легкими, полными полетами... Однако ж потрудитесь проверить по предложенному образцу и свое молитвенное настроение и, если заметите, что недостает какого пера в крылах молитвенных, позаботьтесь стяжать его, ибо нашей молитвенной птицы то преимущество, что можно во всякое время снова рождать ее и воспроизводить все, чего иногда недостает в частях устройства ее. Аминь.

3 июня 1860 г.

*В Сезеновской женской обители
Тамбовской губернии*

ВЫШНИХ ИСКАНИЕ — ПЕРВОЕ ДЕЛО ИНОЧЕСТВА

ТАКОВЫ ЛИ МЫ, КАКОВЫМИ НАДЛЕЖИТ НАМ БЫТЬ. В НАС ПОЛОЖЕНО СЕМЯ ПОДОБИЯ ХРИСТУ. КАК ИСПОЛНИТЬ ДОБРОДЕТЕЛИ, НАЧЕРТАННЫЕ В ЗАПОВЕДЯХ БЛАЖЕНСТВ. ПЛАЧ О ГРЕХАХ

Вознеслся еси во славе, Христе Боже наш, радость сотворивый учеником!

ишется в Евангелии, что апостолы, проводив Господа, на небеса вознесшегося, возвратились в Иерусалим с радостью великою¹. Верно, они умом и сердцем восчувствовали все величие благ, излианных на род наш чрез вознесение Господне, что когда, судя по-человечески, следовало бы скорбеть, они радовались; и не только сами радовались, но сию радость и основание к радости передали они потом Святой Церкви, которая и созывает нас к торжеству сему ежегодно.

¹ Лк. 24, 52.

Вот мы и торжествуем. Но Святой Церкви неуютно, чтоб за светлостью праздника мы забывали о том, что заставляет праздновать, и внешнею празднственностью заслоняли величие Вознесшегося и благодетельность вознесения. Нет — она хочет, чтоб мы возобновили в мысли своей, что принесло нам Господне вознесение, и в совести нашей восстановили сознание того, каковыми надлежит нам быть вследствие того, и таковы ли мы.

Приидите же, взойдем мысленно на Елеон, вперим умные очи наши на возносящегося Господа и будем поучаться в сем созерцании. Приидите, взойдем все, паче же вы, сестры, созвавшие нас поспрашивать вместе с вами, в обители вашей. Паче вы, говорю, потому что в вознесении изображена и свойственная вам жизнь, или преднаписан совершенный образ вашего чина со внутренней его стороны.

Смотрите. Вот возносится Господь! Божеством Он неотходно был со Отцем. Это наше естество возносится в Нем и с Ним спосаждается одесную Бога, в славе и величии царственном. Уверовавшие в Господа становятся едино с Ним: во Христа крещаются и во Христа облачаются — для того, чтоб после не быть лишенными той же чести, какой сподоблена наша природа во Христе Иисусе. Так высоко почтены мы! Так велико предназначение наше! Семя поло-

жено в нас подобия Христу в совершенствах — здесь, во славе — там. Вонмите сему и не попустите срамить высокое звание ваше делами неподобными. Вы же, сестры, и ангельский приняли на себя образ для того, чтобы, как Ангелы на небе окружают престол Господа, — вам на земле неотходно пребывать пред лицом Его, составить из себя умный хор поющих и славящих Вознесшегося.

Вот вам и заповедь на это апостольская: *вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сядя. Горняя мудрствуйте, а не земная*¹. Иные заняты стяжанием пищи, одежды, жилища, благоприятных отношений к другим, довольства, чести, власти. Оставьте все сие, говорит апостол. Ищите того, что есть там, где Христос одесную Бога сидит. Спросите: что же это надо делать? Отвечу вам: стяжите то, что заповедал Господь, говоря о блаженствах, и найдете искомое. *Блажени нищие духом*, говорит Он, *яко тех есть Царство Небесное*². Царство Небесное там, где Царь Христос. Стало, нищие духом обладают уже тем высшим, идеже Христос одесную Бога сидит. Начните же с сего: онищите дух ваш — и идите далее, ища плача и слез сокрушения, кротости и правды, милости и мира, чистоты сердца и терпения всестороннего. Ибо всем сим доб-

¹ Кол. 3, 1 — 2. — ² Мф. 5, 3.

родетелям принадлежит Царствие, все они суть наперсницы Христовы, и всем, кои украшаются ими, пролагают путь туда, где Христос одесную Бога сидит. Их и ищите, приобретая одну добродетель за другою. Сей труд искания вашего будет походить на то, как готовится кто явиться к царю и надевает одну одежду за другою, каждую осматривая и очищая, пока совсем не оденется и не приготовится, как следует. Не другой смысл имеют и ваши одежды, сестры. С головы до ног все у вас прикрыто особою своею одеждою, и каждая одежда указывает свои добродетели в чине иночествующих. Поревнуйте же и в сердце быть тем, что являют одежды ваши, и будете там, где Христос одесную Бога сидит.

Всяко скажете: трудно; кто доволен к сим? Так притрудно и вообще течение жизни, более оно трудно, когда кто ревнует о добродетели, и еще более трудно, когда кто берется иночествовать, как следует. Отчуждение от всего, лишения всесторонние, хотя добровольные, подвиги душевные и телесные, борьба со страстями и похотьми, козни врага, неприятности от людей; да и кто может все перечислить? Но услышьте слово из уст вознесшегося Господа и седшего одесную Отца: *где Я, там и слуга Мой будет*¹ — и воодушевитесь. — *Недостойны страсти ны-*

¹ Ин. 12, 26.

нешняго времени к хотящей славе явится в нас¹. Долго ли придется потерпеть? — Одно мгновение ока; а блаженство вечно. И много ли потерпеть? — А там то, чего око не видало, ухо не слыхало и что на сердце человеку не восходило². *Мужайтесь же и да крепится сердце ваше*³. Несите благодушно поднятое вами иго. Когда же изнемогать начнете, воззрите на Господа, сидящего одесную Отца, и повторите в сердце обетование Его. Сколько неложен Бог, столько же верно, что преславные блага, нам обетованные, суть наши, если только сами мы не отклоним возможности ввести нас в обладание ими. Других могут смущать не столько внешние лишения и скорби, сколько немощи душевные и падения, оскорбительные для Господа и томящие совесть их. Но утешьтесь! — *Аще кто согрешит, Ходатая имамы ко Отцу, Иисуса Христа Праведника⁴, Иже есть одесную Бога, Иже и ходатайствует о нас*⁵. Не забывайте, однако ж, что не в этом одном оправдание наше. Господь о всех ходатайствует, но сила ходатайства Его нисходит только на тех, которые с сокрушенным сердцем сами докучают Ему слезами и вздыханиями. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит*⁶. Как нет человека без греха, так

¹ Рим. 8, 18. — ² 1 Кор. 2, 9. — ³ Пс. 30, 25. — ⁴ 1 Ин. 2, 1. — ⁵ Рим. 8, 34. — ⁶ Пс. 50, 19.

нет никого, к кому бы не относилось призывание к плачу и сокрушению. А у нас с вами, сестры, и одежды плачевные. Будем же плакать и утро, и вечер, и день, и ночь; яко сие всяк инок. Миряне плачут, когда кого хоронят; а инок, похоронивший себя для мира, плачет, пока видит, что остаются еще в нем какие-либо признаки жизни для мира. А этому когда конец? Плачьте же не переставая.

Теперь повторю коротко, чему научает вас вознесение Господне в иночестве вашем. Вы определили себя на плач о грехах. И плачьте, чтобы привлечь силу ходатайства Того, Кто, вознесшись на небеса, есть одесную Бога Отца, да ходатайствует о нас. Начавши плачем и покаянием, вы вступили в труды и подвиги, со всякого рода лишениями, произвольными и непроизвольными. Не уклоняйтесь от начатого. К сему приглашает вас с высоты престола вознесшийся Господь, Которому вы поработили себя, говоря: работайте, — за труды ваши у Меня уготовано место вам, когда будете готовы и вы, пойму¹ вас к Себе. Трудясь в поте лица, в напряжении сил душевных и телесных, вы, однако же, не земного ищете, а ревнуете отобразить в себе духовные совершенства, начертанные Господом в слове Его о блаженствах. И ревнуйте. Это главное для вас

¹ Возьму. — *Ред.*

дело. Это то, что разумел апостол, когда говорил: *вышних ищите, идеже есть Христос одесную Бога сядя*¹.

Так ли все это у нас с вами, сестры? Даруй, Господи, чтоб все было так! Ибо, только так шествуя, мы взойдем на Елеон духовный, чтобы с него быть взятыми на небо, *идеже предтеча о нас вниде Иисус*². Аминь.

1 июня 1861 г.

В Тамбовском женском монастыре

¹ Кол. 3, 1. — ² Евр. 6, 20.

СВЯТЫЕ ЖЕНЫ МИРОНОСИЦЫ — ОБРАЗЕЦ ИСКАНИЯ ГОСПОДА

ВСЯК ДАР ИСХОДИТ ОТ ГОСПОДА ТЕМ, КОИ УСТРЕМЛЯЮТСЯ ВСЛЕД
ЕГО. ГДЕ ВЗЫСКАТЬ ГОСПОДА. КАК, ВЗЫСКАВ, УДЕРЖАТЬ ЕГО

В женах мироносицах я вижу ваш образ, сестры, образ свойственного вам настроения сердца! Ибо что составляет отличительную черту святых жен мироносиц? — Их постоянное терпеливое следование за Господом и как бы искание Его. Они служат Ему от имени своих, сопровождают Его в Иерусалим, на крестном пути идут вслед за Ним, несущим крест; окружают Его на Голгофе распятого; зрят, где полагали Его, снятого со креста; после субботы рано утром спешат снова на гроб, *еще сущей тьме*, и, здесь обрадованные явлением Воскресшего, бегут возвестить о Нем апостолам. Так усердно прилеплялись они к Господу и так ненасытимо желали зреть Его и быть при Нем. Вот и вы, оставя все, пошли вслед Господа. Благословен путь ваш! Идите и ищите лица Его *вѣну*.

Да и как не идти, как не искать?! Кто краше Господа? — Он *красен добротой паче всех сынов человеческих*¹, красен не красотой только Божественною, но и красотой человеческого естества — стройным сочетанием всех совершенств, свойственных человеку. Созерцающий сию красоту привлекается к Господу, и Господь взаимно исполняет ею всех любителей Своих.

Каковы очи Его? Светлейшие паче солнца, проникающие, как утро. Взглянул Он на грешницу — и сделал ее целомудренною; взглянул на мытаря — и сделал его апостолом; взглянул на Петра — и извлек реки слез из очей его. Привлекая к Себе очами, Он сообщает и душам прилепившихся к Нему зрительную силу, коею проникают² они в небо и ясно зрят все видимое и невидимое.

Какова речь Его? — Заговорил, и рыбаки оставили мрежи³ свои; сказывал поучение, и заслушивались Его те, которые пришли, чтоб схватить Его; изрекал слово, и улегались волны, бесы исходили, больные исцелялись, мертвые восставали. — Привлекая к Себе таким словом, Он и прилепляющимся к Нему дарует слово, к коему приклоняет ухо Свое Бог, коему внимают Ангелы, коим услаждаются человеки.

Богат Господь, и богатит; силен, и дает силу непобедимую; премудр, и умудряет; Свят, и

¹ Пс. 44, 3. — ² Проникают. — *Ред.* — ³ Сети. — *Ред.*

освящает. И всякое даяние благо и всяк дар совершен от Него исходит к тем, кои устремляются вслед Его.

Ищите же такого Господа! Взыщите во всем боголепном чине молитвований и священнодействий Церкви, где прикрыт Он, как в какой чаше благовонных растений. И узрите Его, подобно Марии Магдалине, узревшей Его в саду, или подобно невесте Песни Песней, узревшей красный образ жениха своего среди кринов, когда *дхнул день* и подвигнулись тени¹.

Взыщите Его в Божественных таинствах, паче же в таинстве Тела и Крови. — И познаётся Он вам, как познался ученикам Еммаусским в преломлении хлеба или как познался невесте Песни Песней, исповедовавшей, что он есть сладость в гортани *и весь желание*².

Взыщите Его в догматах веры, несомненным убеждением в их истине, в заповедях, — ревностю в исполнении их, во всех путях жизни — терпением и преданностию Ему. И Он явится вам и даст Себя осязать вам, как ученикам в вечер воскресения, — и воззовете вы подобно Фоме: *Господь мой и Бог мой*³.

Всюду ищите не лентясь. Или что я говорю: ищите. Он взыскан уже вами, — и как верный в

¹ Ин. 20, 11 — 18; Песн. 2, 14 — 17. — ² Песн. 5, 16. — ³ Ин. 20, 28.

слове, верно, уже даровал Себя вам, и не раз удостоверял вас в сем даровании. Он среди вас как пастырь в малом стаде, и в вас, как бы в обиталище Своем. Остается приложить один совет: удержите в себе Господа.

Удержите непрестанным помышлением о Нем и непрестанною умною с Ним беседою — о Нем и спасении душ ваших. Удержите любовным устремлением своего сердца к Нему единому, не попуская ему быть привязанным к чему-либо, кроме Его, мало ли то или велико. Удержите положением себя в Его промыслительную десницу, богопреданным расположением сердца и непрестанною молитвою. Удержите точным исполнением монашеского устава, нелицемерным послушанием, кротостию, миролюбием, взаимною уступчивостию, пособием друг другу, смирением, неосуждением, нелюбовию к вещам, лицам и обычаям мирским, уединением, трудолюбием, недаванием покоя плоти, всегдашнею памятию об исходе из сего жития и ожидающем вас воздаянии.

Даруй, Господи, чтобы все сие было так среди вас, сестры, да не будет лживо обещание ваше и да не отщется возлагаемое на вас ожидание всех! — Мир пред вами, а Господь в вас.

Отвратите очи ваши, чтоб не видеть суеты — и быть всегда с Господом. Его ищите и вслед Его направляйте шаги ваши, мысли и чувства.

Многие и неизглаголаннные дарования сопряжены с житием вашим. Господь близ, чтоб исполнить вас благих Своих. Но и потрудиться надо.

Потрудиться, не устрасаясь пустыми страхами и не жалея себя. Жены мироносицы среди распинателей Христовых теснились ко Господу. — Не смотрите и вы ни на что, что вне вас. Пусть вопит мир, пусть безумствует суемудрие, пусть воздвигаются неприятности — идите своим путем, не озираясь по сторонам, не засматриваясь на окружающее, не заслушиваясь пустых речей. Себе только под ноги смотрите и терпеливо ступайте по указанию заповедей и просвещенной свыше совести. И среди мира есть много тружениц благочестия, ищущих Господа, ревнующих постигнуть Его. Смотрите, не отстаньте от них.

Благодарение Господу, если око Его видит среди мирянок — инокинь. Но не допускайте, чтоб Он когда-либо среди вас увидел мирянку под иноческим одеянием. Аминь.

22 апреля 1862 г.

В Тамбовском женском монастыре

ОБРАЗЕЦ ИНОЧЕСТВА В ТОМ, ЧТО БЫЛО С АПОСТОЛАМИ, ПО ЧУДНОМ НАСЫЩЕНИИ ПЯТИ ТЫСЯЧ, НА МОРЕ

ДУХОВНЫЙ ЗАКОН. СТРАХ БОЖИЙ ДА НЕ ОТХОДИТ ОТ СЕРДЦА.
ПОРЯДОК ИНОЧЕСКОГО ЖИТИЯ. ВСЕ ТРЕБУЕТ ТЕРПЕНИЯ

Обратили ль вы, сестры, внимание на нынешнее Евангелие? На то, как Господь, по чудном насыщении народа, *понуди* учеников Своих — одних — *внити в корабль и варити Его на он пол моря*¹; как бедствовали ученики на море, и Господь подошел к ним уже *в четвертую стражу ночи*; как святой апостол Петр, после порывов сильной веры, начал утопать, видя *ветр крепок*, и спасен Господом; и как потом все с Господом, вошедшим в корабль, пристали к берегу².

В сем сказании сокращенно представлен образ вашего жития иноческого! Почему и не хочу

¹...И отправиться прежде Его на другую сторону... — Ред. — ² Мф. 14, 22 — 34.

пропустить его без внимания и пользуюсь им, чтоб извлечь из него вам уроки — при настоящем моем посещении обители вашей.

Если не забыли, было и у каждой из вас нечто похожее на чудное насыщение алкавшего народа. Разумею то отрадное, воодушевленное состояние духа, когда, окончательно отрешась от всего, решились вы посвятить жизнь свою Господу, во внимании и последовании заповедям и учению Его. Тогда вы себя отдавали Господу, и Господь Себя давал вам. Это не есть удел только избранниц. Таков закон духа жизни вашей. Господь всем дает Себя вкусить в начале, да ведают, что если начало таково, что будет в конце? Но затем Господь сократил токи благодати Своей в вас — и потребовал более собственных ваших усилий и трудов. Как бы отошел в гору, а вас одних пустил в море вляяться волнами скорбей и искушений многотрудного иноческого жития. Что же теперь лежит на вас? Пусть волны бьют ладью вашу, — не смущаясь, всячески старайтесь достигнуть берега, на котором, несомненно, сретит и вас Господь и вечно в Себе успокоит.

Так, сестры, берегите ладью свою, не жалейте труда, действуя веслами, умейте расправлять паруса и направлять свое плавание по преднамеренному.

Напомню вам слово преподобного Исаака Сирианянина о жизни иноческой. Жизнь наша, гово-

рит он, есть море. Покаяние — ладья; страх Божий — движитель; воздыхания — ветрило. Берет душу страх Божий, посаждает ее на ладью покаяния и ветрилами воздыханий приводит к берегу любви Божией, или сочетанию сердца с Господом, — сему блаженству, предначатию блаженства вечного.

Осмотрите же прежде всего, — цела ли у вас ладья — дух покаяния, сокрушения сердечного и смирения? Не думайте, что только до тех пор и необходимо было вам сокрушаться и скорбеть о грехах, пока вы были мирянками, и что, укрывшись в стенах монастыря и облекшись в черное, вы можете послабить себе и предаться усыпительному покою. Нет — теперь-то паче и возбуждайте в себе дух сокрушения, и тем паче, чем тоньше грехи, коими можете оскорбить Господа, ибо у мирян дела — грехи, а у вас — мысли и чувства. Ведайте, что умаление сокрушения есть разрушение ладьи, готовое повергнуть нас в бездну пагубы. Ничем так враг не одолевает нас, как позывом на послабление сердцу. Пожалей себя, говорит, будет себя мучить, поскорбела и довольно, теперь можно и покой себе дать! Послушай только, — послабление сокрушения вызовет послабление и мыслям и чувствам; за послаблением мыслей и чувств придет охлаждение, а за охлаждением — жизнь по духу мира, несмотря на одежду монашескую и пребывание в обители.

Чтоб не было сего, пусть не отходит от сердца вашего страх Божий и вообще страх и опасение за себя и свое спасение. Бог везде есть, все видит, и самое сокровенное. Утвердите сию мысль в сердце своем. Зрите над собою непрестанно око Божие, обращенное в сердце ваше, — и берегитесь оскорбить Бога чем-либо Ему неугодным. Пред царем со страхом стоите. Как без страха быть пред Господом, в руке Коего жизнь и смерть? С другой стороны, что жизнь наша?! Мы похожи на идущего по стремнине, поминутно готовые поскользнуться и низринуться в бездну. Как шагать без страха и опасения? К тому же, враги у нас со всех сторон. Как жить без страхования и осмотрительности? А тут нынче, завтра — смерть; с чем явимся на тот свет?! Так всяко возбуждайте страх, трезвенность, бдительность над собою. Иначе беда! — С умалением страха умалится труд, а с умалением труда — сократится движение, или остановится течение иноческой жизни.

Но пойдем далее в сравнении: пусть цела ладья покаяния и весло страха Божия. Надо еще действовать, чтоб ладья двигалась. Как в обыкновенном плавании ладья движется, когда гребцы действуют веслами, так и в нашей жизни все идет вперед, если она полна трудов послушания и подвигов иночества: разумею — телесные труды, молитву, духовные беседы, чтение,

размышление. Труды — это удары веслами и распускание паруса. От них зависит скорость движения жизни. Как движение разгорячает кровь и тем возбуждает к более усиленному движению, так подвиги иночества раздражают ревность к иночеству, которое породило их самих. Где нет трудов, там застой и погашение искр жизни, — опасное и везде, тем паче опасное у вас. Вы трудитесь! Благословенны да будут труды ваши. И напоминаю о сем только ради того, не подумала бы какая, что ей труд не к лицу. В монастырь ходят не на барство.

К трудам прибавьте мир и единомыслие. Как обыкновенное плавание бывает благоуспешно, когда все гребцы действуют согласно, так и у вас. Храните мир и взаимную любовь, друг другу помогайте, друг друга возбуждайте, друг о друге пекусь и молитесь. И не заметите, как успешно будет тещи¹ жизнь ваша, а труда непреодолимого ни в чем не встретите. Дух мира есть самый крепкий и многодвижный дух. Где мир, там одна работает за десять, а десять — за сотни; где же нет мира, там ничто не спееется, — все рвется и разоряется.

Так настроясь, в терпении теките к преднамеренному. Терпение все завершает и всему дает опору и крепость. Покаяние и сокрушение, страх

¹ Течь. — *Ред.*

Божий и бодренность, труды и подвиги, мир и взаимосодействие — составляют порядок иноческого жития. Но чтоб сама жизнь текла, надо пребывать в сем порядке, а пребывать в нем нельзя без терпения. Все требует терпения — и молитва, и рукоделие, и чтение, и всякое другое послушание, большое и малое, и тем паче вся жизнь иноческая, чтоб достигнуть своего предела. Без напряжения сил шага нельзя сделать, — напряжение требует усилия, усилие терпения. Терпите же в чаянии несомненном, что труды ваши увенчаются наконец успехом. Но в трудах не берите ничего выше сил. Возьмите себе в закон как все, так и каждая, — чтоб и не отставать и вперед не забегать. Не особьтесь от других даже в трудах подвижничества. Можно взять высоко и не выдержать. Помните порыв святого апостола Петра, окончившийся обличением немощи человеческой. Особность означает самовозношение и желание оставить всех позади себя. А этому, как расположению грешному, не поблажит Бог. Ибо *еще не Господь — всеу труждаемся*¹.

Сим правилом жительствуя, сестры, благодушно переносите и все искушения и внутренние и внешние, помня, что Господь близ. Се шествует по водам и скоро узрится близ ладьи вашей. Он

¹ Ср.: Пс. 126, 1.

всегда готов на помощь и всегда подает ее всем обращающим сердца свои к Нему и работающим Ему в исполнении заповедей Его. Если иногда и медлит Он, то делает сие потому, что еще не пришел час. Пождите мало. В четвертую стражу ночи, в час предназначенный, Он явится вам и подаст вам скорую помощь, посему в уповании не преставайте простирать руки к Нему, моля Его прийти и укротить волны жизни вашей.

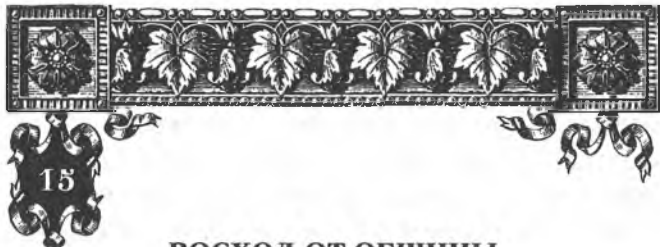
Когда так все устроится у вас, более и более будет зреть жизнь ваша, или, что то же, — ладья ваша будет все ближе и ближе подходить к своему берегу. К концу плавания внидет к вам Сам Господь, как обещал, говоря об исполняющих заповеди: *прииду и явлюся им Сам*¹. Тогда улягутся все волны, и с Господом, по окончании плавания, на том берегу начнется утро — вечной нескончаемой жизни.

Господь да сподобит сего всех вас. Аминь.

21 июля 1863 г.

*В Курсановском женском монастыре
Тамбовской губернии*

¹ Ин. 14, 21.

ВОСХОД ОТ ОБЩИНЫ К МОНАСТЫРЮ

ГОСПОДЬ УЩЕДРЯЕТ БЛАГОСЛОВЕНИЕМ ВСЕХ, КТО ПРЕБЫВАЕТ В ВОЛЕ ЕГО. НАВЫКИ ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. МОЛИТВА ЕСТЬ СПОСОБ ПРЕУСПЕВАНИЯ И СВИДЕТЕЛЬСТВО СОВЕРШЕНСТВА. МОНАХ ТОТ, КТО В СЕРДЦЕ ПРЕБЫВАЕТ ЕДИН С ГОСПОДОМ

Видя постоянное восхождение вашей общины от силы в силу, нельзя не радоваться; нельзя не радоваться и умножению скиний ваших, и увеличению числа трудящихся и желающих подвизаться на одном с вами поприще, и этому усердию иметь отдельное, более уединенное¹ место для поверения Господу сокровенных желаний сердца и привлечения от Него помощи, столько нужной во внутреннем и внешнем быту вашем. Благодарение Господу, так все устрояющему! Ваше общество в настоящем состоянии похоже на завязь плода. Плод уже виден, но ему предлежит еще созреть — и явиться во всей красоте, предначертанной в первом

¹ Церковь в общине приходская.

образовании. Не скудна рука благодетельного Господа. Начный в вас дело сие, Той и совершит е во славу имени Своего святого.

Полагаю, что и вы так же веруете. И веруйте; упование не посрамит. Но ведайте, что упование есть обоюдное дело. Вы чаєте от Господа особой помощи и содействия; а Он чает от вас — особенной Ему верности во всем — и большом и малом, чает, что вы всегда будете являть себя достойными особенного Его благоволения. Вот об этом-то паче всего и пекитесь, сестры. — За Господом же никогда никакого не стояло и не стоит дело.

Господь ущедряет Своим благословением всех, кто пребывает в воле Его. *Аще заповеди Моя соблюдете*, говорит Сам Он, *пребудете в любви Моей*¹. Знаете, в чем воля Божия относительно вас? — Препобывайте же в ней. И *не лишит Господь благих Своих вас, ходящих незлобием*².

В настоящем вашем виде вы — община. Но это только предначинательное состояние, полумирское и полуиноческое. На этом полупути нельзя останавливаться. Надо идти далее, следовательно, являть и добродетели имеющего открыться совершеннейшего чина, чтобы вступать в него не неготовыми.

¹ Ин. 15, 10. — ² Пс. 83, 12.

Как для общины — вот для вас закон, представляемый примером первой Апостольской Церкви: *народу же веровавшему бе сердце и душа еди-на, и ни един же что от имений своих глаголаше свое быти, но бяху им вся обща*¹. Как там все было обще, так да будет все обще и у вас: одна цель, одинаковы труды, одна радость и печаль, одинаковы заботы и попечения. Единомыслие и единоподушие, соединяя вас внутренне взаимно-сочувствием, приведут вас к скорому взаимосодействию и взаимовспомоществованию и, составляя из всех едино тело, соделает каждую из вас сильною столько, сколько сильны все в совокупности. Образец для вас — пчелы. Смотрите, в каких непрестанных все они хлопотах... Но все строят один сот — дружно, под управлением одной матки. Оттого и мед у них сладок, что сладок мир, одушевляющий их. Ибо *что добро́ и что красно́, но еже жити братии вку́пе?*² Что благонастроенная арфа, то мирная община, воздающая Господу согласную песнь хвалы и дружную дань единомыслия и единогоначалия. Что многоцветная нива, то добрая община, красующаяся разнообразием добрых сердечных качеств, отличающих сестр. Что сад разноплодный, то трудолюбивая община, богатая обилием дел любви и взаимности. Таковыми являйте себя, — одна пе-

¹ Деян. 4, 32. — ² Пс. 132, 1.

ред другою ревнуя преуспеть в послушании, миролюбии, в прощении случайных оскорблений, нещадном труде для других, в неосуждении, во взаимопочтении, во взаимопопечении, хранении чести общины пред внешними, в любви нелицемерной ко всем.

Но являясь таковыми, как общинницы, полагайте семена добродетелей и — имеющего открыться в вас иночества и даже отшельничества. Навыкайте отрешению от житейских обычаев, сокращая их более и более, а от сего переходите по преемству к возможному для вас уединению и пребыванию с единым Господом. Навыкайте хранить чувства нерасхищенными: око от видений, ухо от слышания, вкус с обонянием и осязанием — от сладостей и нежностей. А от сего по соответствию — переходите и к хранению нерассеянности мыслей и неувлечению чувств сердца. Навыкайте труду по приказанию и начинаниям по совету, чтоб не делать ничего по своей воле и своемумышлению, а все по рассуждению старших, и таким образом заранее являть себя ученицами истинного послушания, ревнующими преуспеть в отрешении от своей воли. Паче же всего навыкайте труду молитвенному, приходя к дому Божию и наедине, в келлии, болезненно припадая Ему, столь часто, сколько это возможно. Молитва есть и свидетельство совершенства, и способ преуспеяния. Чем выше

молитва, тем чище душа. Горение духа в молитве есть плод общения его с Богом, Который есть огонь и огонь возжигает в духе всякого, кому прикасается. Начинайте с простейшего и восходите к совершеннейшему: от молитвословий деннонощных, стояний и коленопреклонений — ко внутреннему в сердце предстоянию Господу неотходно, или к непрестанной молитве. Когда сия засеменится, тогда душа готова к монашеству, или она уже монахиня; ибо монах есть тот, кто в сердце непрестанно пребывает един с Господом. Чем больше сестр будет достигать сего совершенства, тем более община ваша будет подходить к степени монастыря. И когда все соделаетесь таковыми, тогда духовно вы вступите в степень монашествующих, будете ли внешне таковыми определены или нет.

Сего желая вам, молю недостойною молитвою моею Господа — вспомоществовать вам и в трудах устроения внешнего, и преуспeyания внутреннего, — да достигнете все в меру возраста исполнения Христова. Аминь.

2 июня 1860 г.

В Троекуровской общине Тамбовской губернии

ВООДУШЕВЛЕНИЕ НА ТРУДЫ

НЕБЕСНАЯ ПОМОЩЬ ДАЕТСЯ ТРУДУ. БОЛЬШОЕ ДЕЛО ТРЕБУЕТ БОЛЬШОГО ТРУДА. ПОДВИЖНИЧЕСТВО ЕСТЬ ПОСТОЯННОЕ МУЧЕНИЧЕСТВО. ВНИМАНИЕ УМА

еланием желал я видеть вашу юную смиренную обитель, сестры, чтоб вместе с вами вознестъ молитвы к Господу и испросить у Него благословения на начинающиеся у вас порядки иночества. Радуюсь, улучив желаемое, и притом в день, посвященный прославлению Божией Матери — Матери всех христиан, паче же Матери девственников и девственников. Ее покров да осеняет вас присно, и милостивое Ее заступление да не отступает от вас никогда.

Если кому, то вам паче нужна небесная помощь. Вступили в подвиг нелегкий, начали дело немало трудное. Мужайтесь же. По цене жертвы готова вам и небесная помощь и небесная награда! Но и помощь и награда даются труду. Не на покой пришли, и не ищите покоя, и жалейте не о скудости его, а о его излишке.

Давать вам пространный урок иночества не считаю нужным. Верно, вы и сами не по одному слуху знаете законы его. Напомнить только хочу, что вам сугубою ревностью надо ревновать об исполнении их. Обитель ваша только начинается: но в начале полагаются обычно основы всего последующего. Все, кои будут после вас, на вас будут смотреть и вашим примером или поощряться, или расслабляться. Позаботьтесь же завести у себя — и для внутреннего и для внешнего вашего действия — такие порядки, которые, быв исполнены духом иночества, постоянно потом поддерживали бы его и давали ему крепость и оседлость в обители вашей. Что заведете, то трудно будет вывестъ; а что не заведете, то трудно будет завести потом. Так все доброе и все худое, что будет потом в обители, будет отражаться на вас, в похвалу вам или в осуждение. Не жалеите же трудов.

И всякое дело требует труда, а дело большое требует большого труда. Сами знаете, что иночествовать, как следует, не легко, и не ждите льгот. Ведь никто не неволил — сами взялись. Тяните же благодушно иго сие, не ропща, не озираясь ни вспять, ни по сторонам, как бы ища, нельзя ли на другого свалить свою ношу. Напротив, друг друга поощряйте и как бы перегоняйте в труде, — и не заметите, как легко будут проходить самые тяжелые труды.

Есть молитвенный труд. Есть труд постничества. Есть труд послушания. Ни одного из них миновать нельзя, ибо на них зиждется жизнь иноческая, которая вся и состоит в переходе от одного из сих трудов к другому, или есть совокупное несение всех их! Так и устройтесь. Молитесь по послушанию с постничеством; и постигитесь с молитвою не по своей воле; и послушание несите всякое, укрепляясь молитвою и постом. Устраиваясь так, вы стройно и успешно потечете путем жизни вашей; что ни день, то шаг вперед, подражая апостолу, который говорил о себе: *го-ню, аще и постигну*¹.

Придет немощь, изнеможание, расслабление. Поостерегитесь поддаваться обещаниям сладкого покоя, которым будет обольщать вас враг за оставление начатого. Перемогитесь, потерпите немного и хоть чрез силу совершайте свое дело. Немощь пройдет; возвратится мужество, и опять труд будет не в труд. Так уже устроил нас Господь. Перетерпишь, потом легче будет; а дай себе льготу в чем-либо, все больше и больше будешь хотеть льгот; а там и самый легкий труд станет невыносим.

Кто без труда сподобился рая?! Пересмотрите святцы! Там все святые подвижники да мученики! Мученичество трудно, но и подвижни-

¹ Флп. 3, 12.

чество не есть ли постоянное мученичество? Если нет другого пути в рай, надо трудиться, ибо в аде придется же трудиться вечно, но трудом бесполезным и безотрадным. А сей труд спасителен и сладок, и совершается пред лицом Господа, Который видит его и цену ему дает всегда полную, всегда такую, какой он стоит, судя по усердию и напряжению сил труженицы. Неленостную труженицу, себя не жалеющую, еще здесь отмечает Господь и труд ее вознаграждает скорым преуспеянием. Кто себя не жалеет, тот все подвигается вперед, а кто приленивается, все отстает да отстает, хоть внешне это и не совсем заметно.

К трудничеству без саможаления присоедините взаимную любовь, миролюбие и покорность одной воле. Вам всем надо составлять одно как бы тело. Как же будете одно, когда попустите разделяться между собою и мыслями и расположениями? Когда разойдетесь, ослабеете, и враг поодиночке каждую из вас одолеет и запутает во что-либо худое; а будете единомышленны, ничего не может сделать с вами враг. Где мир, единомышленные, согласие и любовь, там Господь; а где Господь, там Его сила и утешение, облегчающие и услаждающие всякий труд. Миролюбивый всегда весел и живет радуясь. Покойно засыпает он и встает, и сны имеет покойные. Немирный мрачен, и немирные мысли и чувства не дают

ему покоя. Дело у него не спорится в руках днем, и сны тревожат его ночью. Если так одна, другая, третья и более — что за мирное пристанище будет обитель ваша?! А ведь очень немногого стоит, чтоб избежать сей беды и стяжать благо мира. Надо всем сойтись в одной воле — и ее слушать. Так уже сложиться надо вначале. И будет у вас единоволлие, за единоволлием последует единомыслие, а затем всегдашнее согласие и нерушимый мир.

Вся беда у нас от мыслей. Пойдут блуждать мысли и зайдут в подозрение, недоверие, осуждение, ослабят труд и родят разлад и непокорность. Надобно потому смотреть за мыслями и не давать им воли. У кого мысли в строю, у того все в порядке. Подвиг держания мыслей в строю называется вниманием ума. Не мыслить нельзя — на то и ум. Но мыслить можно о добром и о худом или пустом. Внимание в том состоит, чтоб худые мысли и пустые отгонять, а держать только помышления благие, согласные с волею Божиею и святыми Его заповедями, при каждом деле, какое кто делает, и при каждом положении, в каком кто находится. Мера доброты мыслей есть слово Божие. Как написано, так и помышления свои держи во всяком случае. Будете так делать — будет у вас строй в уме; будет строй в уме — будет строй в делах ваших и между вами самими лад.

Так, труд, взаимное согласие и мыслей своих устройство — вот производители доброго в вас жития! Войди каждая в себя и сама для себя напиши по сим пунктам устав себе или законы для своего поведения, в коих определится и каждый внешний ваш шаг и всякое внутреннее движение, и все направится к единому успешнейшему соделыванию спасения. Благослови Господи, устроиться вам так! Аминь.

26 июня 1864 г.

*В Святоозерской женской обители
Гороховского уезда Владимирской губернии*

РЕВНОВАТЬ О ДЕЛЕ ИНОЧЕСТВА, НИЧЕМ НЕ ОТГОВАРИВАЯСЬ

ПОУЧАЙТЕСЬ И ВОДУШЕВЛЯЙТЕСЬ ЖИЗНЬЮ ПРЕПОДОБНОГО АНТОНИЯ. ЗАКОН ИНОЧЕСТВА НЕ ОСЛАБЛЯЕТСЯ ВРЕМЕНЕМ. ПОБЕЖДАЙТЕ ИСКУШЕНИЯ, НЕ ПОДДАВАЯСЬ ИМ. ИНОЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ТРУДНА, НО ВО СПАСЕНИЕ. СОБРАННОСТЬ МЫСЛЕЙ ДАЕТ КРЕПОСТЬ ВОЛЕ

вас первых, сестры, в граде сем совершаю я служение, и совершаю в праздничный у вас день — преподобного и богоносного отца нашего Антония Киево-Печерского. Иной скажет: так случилось. А я скажу: так устроил Господь, и повелел мне чрез то — напомнить вам и всем иночествующим об обязанностях иночества. Преподобный Антоний есть начальник иноческого в России жития. Но каково начало, таково же должно быть и то, что истекает из того начала. Все иноки и инокини от него должны заимствовать и правила, и дух иночества. Почему имея долг сказать вам что-нибудь в утверждение ваше, я не имею нужды долго утруждать мысль над избранием

приличного вам урока. Ограничиваюсь простым напоминанием: взирайте на преподобного Антония и подражайте ему. Смотрите на жизнь его, поучайтесь и воодушевляйтесь по ней устроить и свою жизнь. Просматривая жизнь и подвиги преподобного, — что вы увидите?

Вы увидите в нем совершенную нестяжательность, строгое постничество, безжалостное утруждение плоти, продолжительное бдение, непрестанную молитву, решительное отсечение своей воли, любовь к уединению, беспрекословное послушание, высоту целомудрия и чистоты, полное умертвие миру и всему настоящему, переселение умом и сердцем в иной мир, всякое внешнее и внутреннее подвижничество, внимание ума, чистоту помысла, хождение пред Богом и всякую добродетельность деятельную и созерцательную. Таков был преподобный Антоний; такими надлежит быть и всем иночествующим.

Проходя все сие мыслию, и вы порывайтесь на подражание, и да не скажет ни одна из вас — к сим кто доволен? Не послабляйте себе и не изобретайте извинений своим послаблениям.

Не говори никто: тогда, может быть, можно было так жить, а ныне куда нам?! Повторю опять: каково начало, таково должно быть и исходящее из того начала. Закон иночества не ослабляется временем. Можно перестать быть иноком; но кто хочет быть иноком, должен явить

себя таким, каковым иночество было изначала. Как бы далеко кто ни стоял от начала своего, все он должен вполне соответствовать ему, подобно тому, как ветви, например, высокого кедра, как бы далеко ни были от корня, хоть на самом вер-ху, все бывают такого же свойства, как и та часть, которая прямо идет от корня. Пусть какая-либо ветвь на кедре изменится в свойствах и соста-вах, — посредством, например, привития, — тог-да она уже перестанет быть кедровою. Так и здесь, пусть изменит кто правила иночества, тог-да жизнь его будет уже не иночество, а нечто другое — жизнь ни мирская, ни монашеская, — выдумка новой жизни, которой трудно дать имя.

Не говорите: живем среди мира, или пред лицом мира. Как предостережешься от прира-жения духа мира? Ходя непрестанно там, где все сажа, и нехотя очернишься сажею. Правда, что прелести мира близки к вам; но из того, что они близки, не следует, что ими уже и увлекать-ся должно. Когда восстает искушение, разве уже необходимо поддаваться ему? Когда вас встре-чает враг, разве уже необходимо ему и в руки должны вы предаться, потому только, что встре-тились с ним? Так и у вас; пусть мир размно-жает пред вами свои прелести, — вы берите из сего себе повод не к увлечениям, а к отвраще-нию, не к преданию себя в плен, а к борьбе и победе. То, что мир пред вами, скорее выгодно

для вас, нежели невыгодно, — разумею — в отношении к иночеству. Мир пред вами — больше искушений; больше искушений — больше борьбы и побед; больше борьбы и побед — больше успеха в отрешении и очищении сердца и, следовательно, больше преуспевания в иночествовании. Встречается прелесть мира и раздражает искушение; вступите в борьбу и победите, — и сделаете чрез то шаг вперед. Сделайте то же с другим искушением, с третьим и т. д.

Всякий раз, как встречаете искушение, побеждайте его, не поддаваясь ему, не поблажая себе, и скоро сделаетесь искусными инокинями. Воин как делается искусным воином? Когда в частые вступает схватки с врагом. Так и у вас. Вам скорее можно преуспеть, нежели тем, кои укрылись в пустыню. Только, конечно, надобно строго держаться одного правила: решительно никогда не поддаваться мирским делам и прелестьям — ни в малом, ни в большом. Кто увлекается мирским и поддается ему, тот уже принимает дух мира. Коль же скоро примете вы дух мира, то выйдете инокини по одежде, и мирянки по сердцу.

Не говорите: у нас не общежитие, всякая из нас сама себе добывает пищу и одежду; а при этом, куда уже нам до строгого исполнения правил иноческих? — То, что у вас нет общежития, есть сторона вашей жизни очень невыгодная! Но

она может только затруднять ваше иночествование, и нисколько не ослабляет вашей обязанности быть строгими исполнительницами своих обетов, и не лишает вас возможности к тому. Святой Антоний чем жил? Трудami рук своих. Трудami рук своих жили и древние подвижники — и до соединения их в общежительные обители, и по соединении. Спаслись же они и прославились. Это же может быть доступно и каждой из вас. Труд сам по себе есть святое дело. Устраните от него безвременность, суету, зависть, желание выказываться и прочие неуместности — и он никакой не подаст помехи делу вашего иночествования. Устраните затем из способов доставать себе содержание все приемы, которые связывают вас с миром и вплетают в круговращение ходячих у него сделок, а из самого содержания все, без чего можно обойтись, — и сами увидите, что образ жизни вашей внешней не сократит успеха во внутренней и не послужит преградою к строгому исполнению правил иноческих. Добывайте содержание и содержитесь так, как подобает инокиням, не делая из себя общества живущих по своим желаниям и в свою угодую. Ибо иначе вы будете отличаться от мирянок только тем, что живете в монастырской ограде и ходите в черной, особого покроя одежде.

Скажете: трудно? — Правда, трудно. Иноческая жизнь есть высокая жизнь; потому и трудна.

Трудна она, но во спасение. Что же, бежать от сего труда?! И мирская жизнь тоже не легка, а, может быть, еще более трудна; но труд ее не прямо ведет ко спасению. Когда вступали вы в обитель, на покой ли вступали? Если не на покой, что ужасаться трудностей?! Поминайте чаще первую решимость и чаще возгревайте ее в себе, доводя до первоначального жара. Она есть сила, не боящаяся трудностей, а весело их встречающая. В пособие себе возьмите уединение. Выходите вне только в крайней нужде, нехотя, как бы влекомые чуждою силою. Уединение родит собранность мыслей, а собранность мыслей даст крепость воле. С уединением соедините молитву — и келейную и церковную, и словесную и умную. Держитесь одного: ни по каким кажущимся уважениям не отменять правила молитвенного, — и увидите плод молитвы. Она освятит всякий труд и всякое дело; ум и сердце отрешит от всего и с Богом соединит; а сие последнее и есть то, чем должен быть инок.

Сохраните сие — и несомненно явитесь непостыдными делательницами иноческого жития, чего и да сподобит вас Господь молитвами преподобного и богоносного отца нашего Антония. Аминь.

10 июля 1864 г.

*В Суздальском женском
Ризоположенском монастыре*

ПОДВИЗАЮЩИЕСЯ ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ СВОИХ ДУШЕВНЫХ БОЛЕЗНЕЙ (СТРАСТЕЙ) МОГУТ БЫТЬ И ДЛЯ ДРУГИХ ЦЕЛИТЕЛЬНОЮ КУПЕЛИЮ

КАКИМ ОБРАЗОМ НЕМОЩНЫЙ И СТРАСТНЫЙ МОЖЕТ БЫТЬ ВРАЧЕ-
ВАТЕЛЕМ ДУШЕВНЫХ НЕМОЩЕЙ И СТРАСТЕЙ. КАК ИДЕТ ДУХОВНАЯ
ЖИЗНЬ. ОЧИЩЕНИЕ СЕРДЦА ОТ СТРАСТЕЙ. ЗАЧЕМ УЧРЕЖДЕНЫ ИНО-
ЧЕСКИЕ ОБИТЕЛИ

Ныне неделя, в которую воспоминается чу-
десное исцеление Господом тридцати-
восьмилетнего расслабленного. В Еван-
гелии поминается чудотворная ветхозаветная
купель, которую возмущал Ангел Господень каж-
дое лето, и кто первый влезал в нее, по возмуще-
нии воды, бывал здоров, каким бы недугом ни был
одержим. При купели было пять притворов, в
которых лежало множество болящих — слепых,
хромых, сухих — в чаянии движения воды¹.

Что в сей день положена память святого Ав-
раамия мученика — это очень понятно. Почи-

¹ Ин. 5, 1—9.

вающие здесь нетленные мощи его суть наша чудотворная купель. Приходи, кто хочет, и не однажды в год, а каждый день и час, — и не жди Ангела, а сам возмути ее чудодейственность молитвенными движениями и воздыханиями, и, несомненно, отойдешь здрав от недуга, которым недугует душа твоя и даже тело, если того достойным найдет тебя промыслительная благодать Божия.

Так это понятно. Но то не совсем понятно, чего ради устроился в сей день праздник в вашей обители, сестры? Видно, что этим хотели сильнее напечатлеть в вашей мысли то Евангельское событие. Но самое напечатление сие зачем? и зачем у вас, иночествующих? Какая мысль дается сим о вас — вам самим и нам, сторонним? Та ли, что вы — овчая купель для приходящих к вам — больных разного рода душевными недугами, или та, что вы в своих келлиях подобились пяти притворам, в которых лежат болящие, — сами ищущие и чающие целительных движений вне себя, от и́нуда? Вот это не ясно, что вы — купель целительная или притвор с больными? Хочу пояснить вам сие потому, что отсюда выходит для вас очень назидательный урок.

По моему суждению, вы должны быть и то и другое. В себе самих, в своих чувствах и в своем о себе мнении вы должны быть болящие, а для других — целительницы душевных неду-

гов. Сами вы должны чувствовать и почитать себя исполненными недугов душевных — духовно слепыми, хромыми, сухими; а для тех, кои приходят к вам с немощами душевными, вы должны подавать всякое исцеление, просвещать слепотствующих умом и самопрельщенных, исправлять храмлющих на обе плесне — нерешительных, и оживлять святое чувство в душах, иссохших суетою и заботами житейскими. Не думайте, что тут есть несообразности. Может быть, вам представится, как же это самим себя иметь душевно немощными, а другим подавать душевное врачевание? — Откуда немощный сам в себе возьмет целительную силу для других? — Скажу на это, что во внешней жизни точно так бывает, что скудный не дает довольства, и бессильный — крепкой опоры, а в духовной жизни наоборот, чем кто зрит себя немощнее, тем он бывает сильнее; ибо в немощахто и совершается сила Божия, и чем кто униженнейшим себя имеет, тем преславнейшие и спасительнейшие издает дела, ибо смиряющийся в чувствах о себе возносится делами, Богом чрез него содеваемыми.

Вы, конечно, знаете, — как идет духовная жизнь. Когда человек предан страстям, то он не видит их в себе и не разделяется с ними, потому что живет в них и ими. Но когда воздействует на него благодать Божия, тогда он начинает

различать в себе страстное и греховное, — признается в нем, кается и полагает намерение воздерживаться от того. — Начинается борьба. — Сначала сия борьба ведется с делами, а когда отвыкнет человек от дурных дел, брань начинается уже с дурными мыслями и чувствами. — И здесь она проходит много степеней; но главное тут — вот что бывает: помыслы и чувства не вдруг освобождаются от страстей и греха, а до сего бывают еще в плену у них и после того, когда дурные дела уже прекращены. — Дел тогда грешных хоть и не бывает, но душа помышляет о грешном и услаждается страстными предметами. Кто ревностно ведет дело спасения, сейчас заметит это. Внимание, которым внимает он себе, непрестанно открывает ему все сплетение страстных помыслов, роящихся внутри его. Заметив эту нестройность, начинает он прогонять дурные помыслы и подавлять страстные движения, навывает распознавать, какой страстный помысл как начинается, как подкрадывается, как увлекает и прельщает душу, а вместе, навывает и тому, как побеждать его, прогонять и погашать. Борьба длится, — страсти все более и более исторгаются из сердца.

Бывает и так, что совсем исторгаются страсти из сердца. Исторгаются! — Остановитесь тут вниманием, что значит это исторжение страстей из сердца? Исторгаются страсти, но борьба не

прекращается; исторгаются из сердца, но не выходят из естества нашего и в нем остаются. Признаком того, что страсть исторгнута из сердца, есть — когда сердце начинает питать к страсти отвращение и ненависть. Но когда и этого достигнет человек, это не значит, чтобы страстные помыслы уже не приходили и не покушались увлечь душу его, — нет, и при этом они будут нападать и соблазнять, хоть без успеха, ибо сердце тогда с первого раза поражает их ненавистью и отвращением. Страсть исторгнута из сердца, но осталась подле него, стала вне его, как соблазнитель.

Положим, что так сделано с одною, другою, третью страстью, — и всеми, какие у кого есть. Все они выброшены из сердца, отвергаются и ненавидятся им; но все стоят вне его и соблазняют. Каким, думаете, будет сознавать и чувствовать себя тот человек, в котором сие совершается? — Не иначе, как нечистым; ибо страсти нечистые, хотя они уже ненавидятся им, все же он видит в себе. Вот тщеславие приходит, вот — осуждение, вот — леность, вот — зависть, вот — похоть. Хотя всех их он прогоняет и отвергает, но все же не может не видеть, что они в нем и что, следовательно, он не может не сознавать себя немоществующим ими.

Припомните сказание об одном великом подвижнике, как он, сидя в келлии, вслух осуждал

себя в разных грехах. — Ученики его совне слышали, что он говорил, например: «Ты уж побранился», немного спустя: «Ты уже наелся — ни свет ни заря»; потом: «Ты уже судья стал и всех рассудил», и проч.; так он перебирал все грехи, будто содеянные им. Это не грехи были, а помыслы приходили к нему, и он судил себя не чистым от них, соучастником в них и грешником. Между тем по ходу жизни он и подобные ему стоят на высокой степени. И выходит, что, чем совершеннее кто на деле, тем немощнейшим чувствует себя в сердце, чувствует себя страстным и осуждает себя в страстности, когда страсти уже отвергнуты и возненавидены. Даже, надо сказать, потому и сознает он себя страстным, что страсти отвержены; ибо, пока они не отвергнуты сердцем, человек не охотно признает себя в них виноватым, а все как-нибудь извиняется в них.

Но пусть он сам себя чувствует униженным — как бы был весь в грехах и ранах, так ему должно. Мы же смотрим, что есть на деле. Ведь он все уже страсти одолел и исторг из сердца, значит, он на деле изведаль, как какая страсть и какой страстный помысл действуют в нас и как их одолеть можно, изведаль все хитрости греха и страстей и все меры против них, духовною мудростию предписываемые, — и своим опытом все сие знает. Но такое лицо есть сокровище духовного врачевания: приходи к нему, с какою

хочешь немощию душевною, — он все расскажет, как в каком случае поступить и как укрепиться и одолеть себя. Ибо все изведал и знает опытно целительность своих средств и их пригодность в разных случаях, — *сам искушен был, может и искушаемым помощи*, как говорит апостол¹, и даже так, что такой только и может быть настоящим врачом душ. Когда кто, сам не утравившись, других врачевать хочет, тогда и врач и врачуемый в прелесть пагубную впадают и увеличивают свою проказу взаимно, а не врачуются; подобно как если слепец слепца поведет, то оба в яму впадут.

Теперь видите, сестры, каким образом чувствующий себя немощным и страстным бывает самым надежным врачевателем душевных немощей и страстей! Отсюда возьмите решение — как и вы можете сами себя иметь болящими, а для других представлять целительную овчую купель. Вступите в безжалостную борьбу со страстями и помыслами, и сим путем достигнете того и другого. Дела греховные какие-нибудь — вам трудно иметь, но при сем можно иметь греховные помыслы и все же быть грешными пред Богом. На помыслы паче и обратите все внимание и всю ревность подвижничества. Когда сею внутреннею борьбою исторгнете страсти из

¹ Евр. 2, 18.

сердца, тогда будете способны врачевать и других, и тем исполните ваше назначение в Святой Церкви. Иноческие обители зачем учреждены? Затем, чтоб приготовить духовных врачевателей и врачевательниц. И вы непременно должны сего достигнуть, — сего ожидает от вас Церковь, сего ожидают от вас и все христиане. Если нельзя сего достигнуть без борьбы со страстями, так боритесь, и боритесь неленостно. А то что у нас будет? В мире страсти владычествуют и всех снедают. Придет кто в обитель — отдохнуть душою, и тут — те же страсти. Куда же тогда деваться мирянам от страстей? Возьмите же себе во вниманис то, чем вы должны быть, и поревнуйте не казаться только, но быть таковыми, какими все видеть вас чают. Аминь.

10 мая 1864 г.

В женском Владимирском монастыре

КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИНОКИНИ, ЧТОБЫ С МУДРЫМИ ДЕВАМИ ВОЙТИ В ЧЕРТОГ БЕССМЕРТНОГО ЖЕНИХА

БОГОРОДИЦА ЕСТЬ МАТЕРЬ ВАША. ЯВЛЕНИЕ НЕБЕСНОЙ СЛАВЫ ДЕВ. ТРУДИТЕСЬ НАД ВОДВОРЕНИЕМ В СЕРДЦЕ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ. ИНОЧЕСКАЯ ОДЕЖДА — СИМВОЛ ДОБРОДЕТЕЛЕЙ И СОВЕРШЕНСТВ. ЕСЛИ НЕ БУДЕТ В СЕРДЦЕ БЛАГИХ РАСПОЛОЖЕНИЙ, ЗАТВОРИТСЯ ДВЕРЬ ПРЕД ЛИЦОМ НАШИМ

Какое благое намерение пришло тому, кто устроил храм сей для вас, сестры, — посвятить его Матери Божией, Которая, будучи Матеродевою¹, есть воистину Мать девства — сей главной жертвы вашей и вашего, по преимуществу, обета. Утешительно сие, но и многообязательно! Владычица Богородица есть Мать ваша. Почему, имея пред очами девственный лик Ее и приводя на мысль любимые Ею совершенства, воодушевляйтесь ревностью так устроить себя и внешне и внутренне, чтобы не лишиться Ее покрова, заступления и руководства и, проводя земные дни в обители Ее,

¹ Матерью и Девой. — *Ред.*

быть введенными Ею и в обители небесные по кончине дней ваших.

Пророк Давид видел в пророческом видении славу Богородицы — то, как Она *в ризах позлащённых одеяна и преиспещрена* предстала как Царица, одесную Господа, — и тут же прозрел, как *вслед Ее приведутся Царю девы, — искренния Ея приведутся к Нему и введутся в храм Царев*¹. Исполнилось сие предсказание! Многие хоры дев окружают теперь на небе Владычицу и с Нею радуются и ликуют, призывая к себе и всех желающих и усердствующих. Так, сестры, путь проложен. Спешите и вы по нему, вслед прославленных уже девственниц.

Приведу вам один опыт явления небесной славы дев. Нужно было укрепить изнемогавшее терпение и воодушевить погасавшую ревность одной сестры-труженицы. И вот по молитве мужа, крепкого духом, является Матерь Божия, сопровождаемая двумя Ангелами, Иоанном Предтечею и Иоанном Богословом, и окруженная двенадцатью девами. Девы сии были неописанной красоты, все в свете, в венцах и блестящих разнообразно одеяниях. И сказано было душе, имевшей в том нужду: «Видишь, какая слава; но не даром досталась она им! Они вошли в нее после многих скорбей, теснот и тру-

¹ Пс. 44, 10, 15 — 16.

дов!» А те, кои не трудятся, как должно, не войдут в славу сию.

Так, многим трудом и потом стяжывается доступ в хор дев, ликовствующих окрест Богоматери! Видите — ваша Владычица *одеяна в ризах преиспещренных*, и девы окрест Ее стояли в одеяниях разнообразно блестящих. Это знамение разнообразных добродетелей, коими украсили они души свои, над коими трудились в продолжение всей земной своей жизни. Пока были они на земле, не видно было в них никаких отличий и особенностей. Духовные совершенства их были внутри их сокрыты. А там явились они во всем блеске — и отобразились привлекательною светлостью внешнею. Все одно, как семена цветов, пока сокрыты в земле, не имеют ничего привлекательного и славного; а когда прорастут и выйдут наружу, тогда облакаются цветностию, которою и Соломон не облакался во всей славе своей. Так и девы на земле проводили жизнь в смиренных и униженных трудах и заботясь об одном, чтоб внутренно созидаться во всякой добродетели. Сии добродетели составляют внутреннюю их славу, сокрытую от других, и даже от них. Когда же совлеклись они внешней оболочки тела, тогда сокрытые внутри их совершенства открылись в разнообразии видимой славы.

Вот, сестры, и вы теперь не славны и не видны; и жилища ваши, и одежда, и пища, и отноше-

ния ко внешним — все у вас уничиженно. И не скорбите о том. Так сему и быть следует. Только не забудьте ревниво трудиться над водворением в сердце вашем всякого рода добродетелей, чтоб, когда кончите земное свое поприще, было чему раскрыться из вас со славою и вам не стыдно было стать в лике дев — в блестящих одеждах окружающих Владычицу Богородицу. Как в цветнике вашем не выйдут цветы, если не посеете их и не походите за ними, так, если не посеете в себе семян добродетелей и не походите за ними трудолюбно, не раскроется из вас и не осенит вас в будущем разнообразная слава духовная.

Вы носите уже одежду, которая именуется ангельским образом. Чего ради так? — Ради того, что она изображает разные добродетели и совершенства, свойственные небожителям. Облекаясь в сию одежду, вы даете обязательство пред небом и землею в сердце своем сокровенно для всех засеменить и возрастить напоминаемые ими добродетели, чтоб чистыми и совершенными явиться вам подобно Ангелам, когда, оставя землю, войдете в небесные области.

Если б кому нужно было пояснение, какие это добродетели надо вам в сердце засеменить здесь, чтоб они там явились вовне со славою, — можно ответить: станьте таковыми в сердце, какими означает вас одежда ваша, и — довольно.

Носите куколь на главе — символ незлобия младенческого — и будьте как дети незлобивы, послушны, не многозаботливы, ко всем приветливы и радушны, приемлюще друг друга любовью. Носите аналав на раменах ваших — образ креста всестороннего терпения — и будьте терпеливы и благодущны, пребывайте в трудах, молитвах, пощениях, коленапреклонениях, одна другой прощайте, одна другой помогайте и все снесите без роптания. Носите пояс — символ готовности на всякое дело и умерщвление страстей — и будьте таковы: бодренны, не саможалетельны, не поблажливы себе, скоры на все благо до положения живота. Носите мантию — образ савана погребального — и будьте мертвы ко всему, что вне вас и вокруг вас: бранят — не оскорбляйтесь, и хвалят — не возносите, благо получив — не увлекайтесь, и бедствуя — не малодушествуйте. Одно имейте в уме и сердце — спасение души и богоугодность жития. Имеете четки — символ и правило непрестанной молитвы — и навывайте такой молитве, чтоб и сидя, и ходя, и дома, и вне, и в церкви, и за трапезою, и во всяком деле и месте непрестанно иметь молитву в сердце, — с нею засыпать и с нею просыпаться. О всем сем и подобном, напоминаемом одеянием вашим, поревнуйте, сестры, чтоб в свое время не послужила вам в обличение одежда сия.

Теперь миряне и мирянки почтительно относятся к нам в уверенности, что мы и внутренне таковы, какими показывает нас вовне одежда наша. И хорошо делают, отдавая тем честь добродетели, хотя предполагаемой, которую нельзя не чтить. Они не видят, что у нас на сердце. Но что у нас на сердце, сие сокрыто только во времени. Там все будет явлено. Как же будет нам стыдно, когда пред всеми, знающими нас теперь, откроется тогда, что мы не таковы в сердце, каковыми являемся по одежде! Как стерпим укор их, который обратят они тогда к нам! Мы вас считали смиренными, а вас осуждают как гордых и тщеславных. Мы думали, что вы чужды увлечений сердца и помыслов, а вас осуждают за невоздержание очей и чувств. Мы думали, что вы постницы, а вас осуждают за сластолюбие. Мы думали, что вы молитвенницы, а вас осуждают за непамятование о Боге. Мы думали, что вы труженицы, а вас осуждают за леность и многоспание. Мы думали, что вы терпеливы, а вас осуждают за ропотливость. Мы думали, что вы не любите мира, ни яже в мире, а вас осуждают вместе с миролюбцами. Мы думали, что вы кротки, послушны, миролюбивы, а вас осуждают за гнев, непокорность, грубость и свары. — Как стерпим такие и подобные укоры?! А они еще несравненно более будут, когда миряне пойдут в рай за свои

добродетели, а нас погонят в ад за наше нерадение и беспечность.

Имея теперь в мысли возможность такого для нас горького случая, отсюда еще позаботьтесь отстранить его, сестры. Того, что вы в стенах обители, мало. Что вы девственницы, мало. Что вы постницы, мало. Что трудитесь, мало. Что поклоны кладете, мало. Надо сердце свое исполнить всякими добрыми расположениями. Чего не доставало у юродивых дев?! По наружности и они были точь-в-точь, как мудрые, но когда пришла минута сретить жениха, они оказались никуда не гожими. — Отчего? Оттого, что не имели елей в светильниках их. Елей — здесь означает совокупность всех благих чувств и расположений сердца, делающих душу любезною Господу невестою и дающих вход в чертоги славы Его. То же и с нами будет. Если не будет в сердце нашем сих благих расположений, затворится дверь пред лицом нашим и услышим из-за них: отойдите, — *не вем вас!*

Сие все напоминаю вам, сестры, в светлый праздник ваш не затем, чтоб нарушить празднственные ликования ваши, но чтоб, по случаю сего скоропреходного праздника, возбудить в вас опасливую заботу, как бы не пропраздновать здесь нескончаемого празднества, в хоре дев — светлопрекрасных, которые, как искренние Владычице Богородице, вслед Ее приведутся и вве-

дутся в храм Царев. Если и встревожится чья совесть — не к худу, а к добру. Лучше здесь в тревоге держать себя, чтоб там награждену быть успокоением, — нежели неосмотрительно предаваясь здесь покою, там застигнутым быть тревогою, которая, возродясь, уже конца иметь не будет. Пресвятая Владычица Богородица — ваша ближайшая Заступница и Покровительница — да окормит вас к тихому пристанищу Своему, а для того зарями света Своего да просветит, душевные недуги да исцелит, налоги бесов да отгонит, от тьмы страстей да избавит, здравие душе да подаст и сердце да исполнит нетленною красотою духовною, да ею, как светосветлою одеяны одеждою, в веселии и радовании, вступите вы в небесные светлые обители, вслед Царицы Богородицы и всех дев, по трудах земных просиявших славою на небе. Аминь.

22 октября 1863 г.

В женском Владимирском монастыре

ПРИХОДИТ СПАСИТЕЛЬ И ПРИНОСИТ СПАСЕНИЕ

КАК ДОСТОЙНО СРЕТИТЬ ГОСПОДА. ВНУТРЕННЕЕ БЛАГОНАСТРОЕНИЕ
ДА БУДЕТ ДОСТОЙНЫМ СРЕТЕНИЕМ ЕГО. ВОЗГРЕВАЙТЕ ЖЕЛАНИЕ
СПАСЕНИЯ. НЕ ОСЛАБЕВАЙТЕ В ДЕЛЕ ИСПОЛНЕНИЯ ВСЕГО
НУЖНОГО КО СПАСЕНИЮ

Нз всех речений, какими живописуется Рождество Христово и наше отношение к Рождшемуся, — ближе всего к вам, сестры, идут следующие слова: «Христос с небес — срящите». Христос сходит с небес, выходите в сретение! Говорю так, приноравляясь к притче о десяти девах, ибо и там *в полнощи глас бысть: се жених грядет, исходите во сретение его*¹. Разница в том, что там приходит Судия, а здесь Спаситель. Там какими застал Он дев, так и решил их навсегда, мудрые остались мудрыми, а юродивые — юродивыми, не имея возможности поправить своей участи. А здесь не то; но пусть юродивыми окажутся какие в час

¹ Мф. 25, 6.

сретения — есть еще время сделаться им мудрыми, равно как и мудрые не лишены опасности попасть в число юродивых. Тем с большею осмотрительностью надлежит нам узнать и привести в исполнение, — как достойно сретить рождшего Господа, «нас ради человек и нашего ради спасения сшедшего с небес».

Когда в какой стране проходит весть, что царь идет, все жители той страны приходят в движение и заботливо начинают готовиться — принять царя достойно царя: исправляют улицы, украшают дома, выставляют на вид все, что имеют лучшего, чтоб и царю и всем другим показать, что они находятся не в обыкновенных обстоятельствах. То же и у нас. Издали начали мы готовиться к празднику: келлии поочищены, работы прибраны к стороне, одежды новые пошиты, и к столу нечто лишнее заготовлено, так что и свои и сторонние видят, что у нас праздник. Так для видимости все сделано; но удовольствуется ли этим рождшийся Господь?! Для нас такая видимость, может быть, и не излишня, но для Господа не она нужна. Смотрите — как Он родился! «В вертепе Младенец повит, лежащ в яслях». Вся слава внутрь. Внутреннее благонастроение духа будет и достойным сретением Его, сходящего с небес. Посмотрите на икону Рождества Христова! Матерь Божия и Иосиф праведный на коленах, между ними предвечный

Младенец, окрест пастыри или волхвы. Очи всех устремлены на Него, — в Нем исчезают все и на Нем упокоиваются. Так устройтесь внутренно и вы... Сретъте Господа вместе с пастырями — желанием спасения, вместе с Иосифом и Богоматерию — благоговейным успокоением в Нем, вместе с волхвами — охотным шествием вслед Его, вместе с Ангелами — благодарным славословием Ему. Так — приходит Спаситель и приносит спасение. Возгревайте же желание спасения. Вы в обитель вступили по сему именно желанию, но длительность времени, начатки успехов, а может быть, и другие дела могли ослабить или совсем погасить его. Позаботьтесь ныне сильнее возгнести¹ сей огонь в себе. Восставьте мысль о тесноте нашей отовсюду: от дел наших греховных, от страстей и привязанностей, от врага нашего исконного; приложите к ней другую мысль, что кроме рождающегося Христа Господа нет иного имени под небесем, о немже можно бы нам спастися. И устремится дух ваш к Господу, как *елень на источники*. Это и будет значить, что вы выйдете во сретение Господу и сретите Его желательно, как жаждущая земля сретает дождь.

Приходит Спаситель, — и приносит спасение. Примите же всем сердцем сие принесенное Им

¹ Воспламенить. — *Ред.*

на землю устройство спасения — во всей его полноте и подробностях, ни от чего не отказываясь и ни к чему не прилагая кривых толкований. Вы уже и вступили в дело самого строгого исполнения всего нужного ко спасению. Не ослабевайте. Волхвы, несмотря на неопределенность небесного указания, тотчас поднялись и пошли искать Указанного, и нашли... Не обманет и вас надежда, несмотря на то что не видите, может быть, очевидных успехов вашего искания. Придет время — увидите плод — самое спасение воссиявающим в сердце вашем. Только не отказывайтесь ни от каких внушений Евангельских. Это сердечное восприятие всей воли Христа Спасителя, коею определяется путь спасения, будет то же, что объятие при первой встрече желанного; как, напротив, отречение от сего сделает нас подобными тем, о коих написано: *во своя прииде, и свои Его не прияша*¹.

Приходит Спаситель и приносит спасение — Спаситель всемогущий и всежелательный. Успокойтесь же насчет своего спасения в Нем, — и в Нем едином. Не ищите ничего другого: все у Него, и все, что есть у Него, есть ваше. И ум, и сила, и радости, и красота, и покой — и все готово для вас, только приникните к Нему всем устремлением вашего духа... Как Пречистая Дева

¹ Ин. 1, 11.

Богородица слагала в сердце Своем все глаголы, так сложите их в своем сердце и вы, и веруйте, не колеблясь, что все до иоты будет так, как написано.

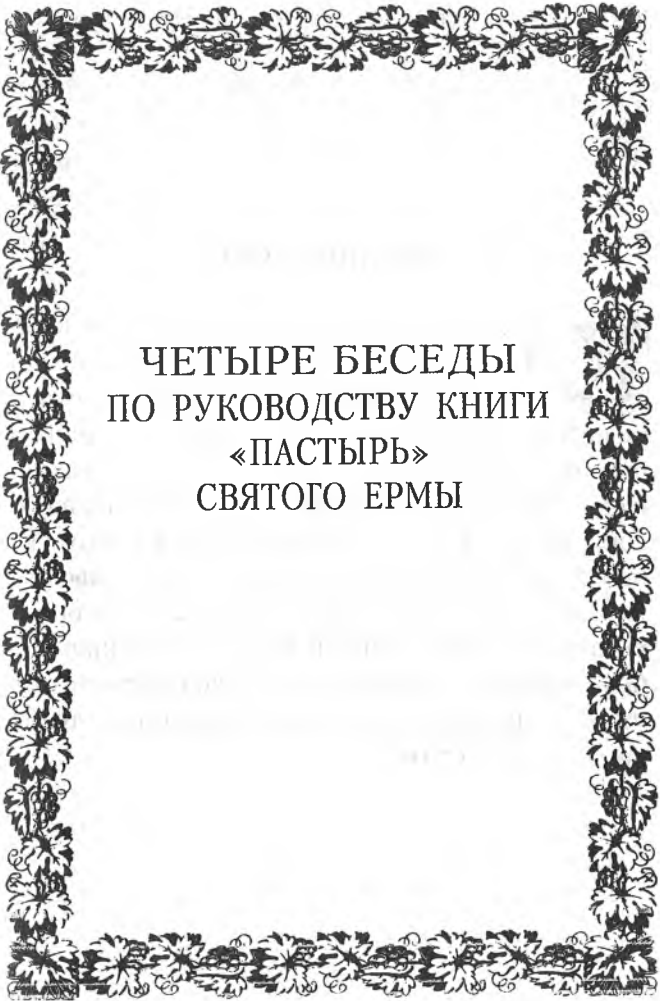
Приходит Спаситель и приносит спасение, готовое для вас, оказавшееся сильным в несчетном множестве спасенных, на небесах прославленных. Прославляйте же ныне богатство щедрот и снисхождения Божия. Славьте благодарно Господа и за то, что не бросил Он рода нашего и устроил ему дивный образ спасения, и за то, что к нам именно приблизил сие спасение и явил нам образцы спасенных в возбуждение ко спасению нашего духа. Ангелы велегласно прославили Бога еще только в начатках устрояемого спасения. Какими устами надо нам прославлять Господа, видя самым делом совершившимися столько дивных дел во спасение наше!.. Пойте же непрестанно: *слава в вышних Богу!*..

Вот так устройте из сердца вашего ясли рождшемуся Господу и окружите их сими священными расположениями — желанием спасения, деятельным восприятием всего устройства спасения, успокоением в Господе и благодарным славословием Ему. Это доставит самое высокое занятие духу вашему в дни сии, освятит праздники ваши и даст, вместе, возможность самым точным образом исполнить то, что со-

держится в песни: «Христос с небес — срящите». Аминь.

1860 г.

*В Тамбовском женском монастыре.
На 2-й день Рождества Христова*

ЧЕТЫРЕ БЕСЕДЫ
ПО РУКОВОДСТВУ КНИГИ
«ПАСТЫРЬ»
СВЯТОГО ЕРМЫ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как разнообразны пути, которыми ведет Господь преданные Ему души к предопределенному Им в христианстве совершенству! Одного ведет Он скорбями, другого благоденствием; иного внешним писанием, а иного внутренними внушениями; того видимо, а сего сокровенно. На эту мысль расскажу вам, что было со святым Ермою, мужем апостольским. Вы увидите, как многопечительна и многоизобретательна руководящая нас ко спасению любовь Божия, а вместе, и себе возьмете немало уроков к верному суждению о том, так ли течете вы, как следует теши.

УКЛОНИТЕСЬ ОТ НЕВЕРИЯ И ГРЕХА

КТО ДЕРЖИТ В СЕРДЦЕ СКВЕРНЫЕ ПОМЫСЛЫ — ПРИВЛЕКАЕТ СМЕРТЬ И ОСУЖДЕНИЕ. КАК УМИЛОСТИВИТЬ БОГА ЗА ГРЕХИ? ОТВЕЧАТЬ НАДО БУДЕТ НЕ ТОЛЬКО ЗА СВОИ ГРЕХИ, НО И ЗА ГРЕХИ ТЕХ, КОИ ВВЕРЕНЫ НАШЕМУ ПОПЕЧЕНИЮ. НИ ОДНО ДЕЛО И ПОМЫШЛЕНИЕ НЕ ПРОПАДАЕТ — ВСЕ ЗАПИСЫВАЕТСЯ

Ерма жил во времена апостолов в Риме. Он был известен апостолу Павлу и похваляется им в послании к римлянам в числе лучших христиан римских¹. Отличительное свойство его души составляли преискренняя простота веры и беспрекословная покорность внушениям Божиим. Сии качества сердца привлекли на него особенное Божие благоволение, и Господь удостоил его особенных видений и откровений, из которых слагается вся жизнь его. Так как сии дивные знамения Божии, назидательные сами по себе, сопровождались и назидательными толкованиями, то Ерма получил

¹ Рим. 16, 14.

повеление описать все, что ему было открыто, на пользу всей Святой Церкви Божией. Ерма исполнил повеление и составил книгу, которую наименовал «Пастырем» и которая в первые времена читалась в церквах наряду с апостольскими писаниями.

Я намерен рассказать вам кратко все содержание сей книги. Она состоит из трех частей. В первой помещены видения, во второй заповеди, в третьей притчи. Начнем с видений.

Видений сих было четыре: первое касалось преимущественно лица Ермы; второе более его семейства; третье внутреннего устройства Церкви Божией; четвертое внешней судьбы сей Церкви и всех спасающихся.

Вот как изображает святой Ерма **первое** свое **видение**. «В юных летах, — говорит он, — я знал одну красивую девицу, которую и любил, как сестру. Встретив ее однажды, когда уже был отцом семейства, я подумал, как бы я был счастлив, если б имел такую жену, — жену такую прекрасную и таким благонаравием украшенную. Дальше этого, при сей встрече, мысль моя не простиралась. Но вот что было потом! Спустя несколько времени я гулял в уединенном месте и в мыслях своих перебирал дела Божии, удивляясь красоте и величию их. Там я заснул, — и вижу во сне: вот взял меня дух и понес направо. По тому месту, где он меня нес, нельзя было

идти: всё утесы да вода. Пронесшись чрез них, я очутился на ровной долине и, падши на колена, начал молиться Богу в сердечном сокрушении о грехах своих. И вот, во время молитвы моей, вдруг отверзлись небеса, и я увидел там деву, которую любил, как сестру. Она меня приветствовала. Приветствовал и я ее и потом спросил, как и зачем она там. Она отвечала: “Меня представили сюда, чтоб обличить пред Господом грехи твои. Бог Вседержитель, всесильный Творец неба и земли, гневается на тебя за то, что ты согрешил против меня”. “Когда же и где сказал я тебе какое непристойное слово? — в смущении спросил я. — Не всегда ли я чтил тебя в сердце своем, как родную сестру?!” Она сказала на это: “Присмотрись: худое помышление вошло в сердце твое. Разве не знаешь, что это грех. О! Грех, да еще какой большой! Ведай, что кто имеет благие помышления и ходит право пред Богом, к тому благоволит Бог; а кто держит скверные помыслы в сердце своем, тот привлекает смерть и осуждение. Таковы особенно те, кои работают похотям плоти, любят утехи мира, величаются богатством, не ищут благ вечных и не уповают на Господа. Что же касается до тебя, то скажу тебе в утешенье: молись, и Бог уврачуется немощи сердца твоего”.

Когда она кончила эту речь, небо заключилось. Я остался один, в скорби и страхе, говоря в

себе самом: “Если это вменено мне в грех, то как мне спастись? или как умилоствитъ Бога за другіе мои грехи великіе, коимъ нетъ числа?” Когда я занятъ былъ такими мыслями, предо мною показалась кафедра большая, покрытая белою какъ снегъ матеріею. Вотъ пришла благолепная старица, одетая въ блестящую одежду, съ книгою въ руке, и села. Она сделала мнѣ привѣтствіе, и я отвѣчалъ ей темъ же, со слезами на глазахъ. Она спросила меня: “Отчего ты печален, Ерма, ты, лицо котораго всегда выражало спокойствіе, кротость и внутреннее веселіе сердца?” “Одна добрая и благочестивая дева, — отвѣчалъ я, — огорчила меня упрекомъ, будто я согрѣшилъ противъ нее”. “Господь да сохранитъ рабовъ Своихъ отъ сего зла, — сказала она. — Но смотри, не допустилъ ли ты въ самомъ дѣлѣ нечистыхъ мыслей въ сердце твоёмъ въ отношеніи къ ней? Такие мысли не должны имѣть мѣста въ сердце раба Божія, онъ не долженъ не только дѣлать, но и желать худого и помышлять о немъ. За это гневается Господь на всякаго, и особенно будетъ гнѣваться на тебя, Ерма, который строго воздерживался отъ всего порочнаго и всегда отличался простотою нрава и невинностію сердца. Но утѣшься. Я могу тебя уверить, что Господь гневается на тебя не столько изъ-за тебя самаго, сколько изъ-за детей твоихъ, кои тяжко грѣшатъ противъ Него и противъ родителей своихъ. Ты слишкомъ много любишь детей своихъ, потому

поблажаешь им и допускаешь их делать неправды. Вот за это Господь и гневается на тебя. Но Он готов уврачевать нравственные раны дома твоего. Ему жаль тебя. Мужайся же! Возьми в руки семейство свое, каждый день толкуй детям своим слово Божие и не пропускай обличать худые дела их. Ибо Господь знает, что они во всем покаются от всего сердца своего. Тебя же за это Он запишет в книге жизни”.

Окончив слова сии, она спросила меня: “Хочешь ли послушать? Я почитаю”. “С удовольствием”, — отвечал я. “Слушай же”. И, разогнув книгу, она начала читать в ней о вещах таких изумительных и ужасающих, что я не мог удержать их в памяти. То были слова страшные, которых не может стерпеть ухо смертного человека. Только последние слова остались в голове моей, именно следующие: “Вот Бог Сафаоф, — читала она, — Который всемогуществом Своим сотворил мир и мудростию Своею украсил всю тварь, Который глаголом силы Своей утвердил небеса и землю основал на водах, Который устроил на земле Святую Церковь и благословил ее, — вот Он преложил небеса и горы, холмы и моря, и все наполнил избранными Своими, чтоб над ними оправдать все великие обетования Свои за то, что, приняв полную верою закон Божий, они с великою радостью исполняют его”. Тем окончилось чтение. Старица встала.

Вот подошли четыре юноши, подняли кафедру ее и понесли на восток. Между тем она подозвала меня к себе и, коснувшись груди моей, спросила: “Нравится ли тебе то, что я читала?” Я отвечал: “Последние слова мне нравятся, а первые жестоки”. “Сии последние, — сказала она, — относятся к праведным, а первые направлены против отступников и неверных”. Еще она говорила, как подошли два человека, подняли ее на рамена¹ свои и понесли далее к востоку, куда понесена и кафедра. Удаляясь, она сказала мне с веселым видом: “Мужайся, Ерма, и да крепится сердце твое”». Вот содержание первого видения.

Передам вам коротко и **второе**, теперь же, потому что оно тесно связано с первым и служит его продолжением.

«На следующий год, — говорит Ерма, — явилась мне опять та же старица, но уже не сидящею, а ходящею и читающею какие-то памятные записки. Увидав меня, она подала их мне и велела списать. Я писал буква за буквой, не умея составлять слогов. Когда же все списал, кто-то невидимый взял книгу из рук моих и унес». После сего Ерма пятнадцать дней постился и много молился, и ему открыто было содержание списанного. То были грехи его детей и жены,

¹ На плечи. — *Ред.*

которая была злоречива. Ему велено было исправить их и обещано, что жена его сделается ему, наконец, сестрою, то есть что они станут жить в воздержании, чего Ерма крайне желалось. Все это ему было открыто во сне одним прекрасным юношею, который спросил его в конце: «Кто, думаешь ты, эта старица, от которой получил ты сии записки?» «Это Сивилла», — отвечал Ерма. «Ошибаешься, — сказал юноша. — Это Святая Церковь». «Отчего же она такая старая?» — спросил Ерма. «Оттого, — отвечал тот, — что она от века была в мысли Божией и что она старше мира, который и сотворен, собственно, для нее».

Потом Ерма видел еще видение в своем доме. Та же старица, являсь ему, обещала открыть еще многое и велела потом записать все и сообщить Клименту, епископу Римскому, чтоб он разослал списки в подведомые ему епархии, и Грапте, диакониссе, чтоб она передала то вдовицам и сиротам; самому же Ерма велела дать знать о всем священникам римским. Вот содержание второго видения.

Ограничусь ныне этим, прося вас припомнить все и из всего самым вывести урок для себя. Видите, как строго взыскивается не за дела только, но и за помышления, и блюдитесь чисто имети сердце пред очами Божиими. Видите, что не за свои только грехи надо будет отвечать, но и

за грехи других, о которых попечение вверено нам, и попекитесь всех всяко спасать: родители детей, начальники подчиненных, пастыри пасомых, учителя учеников. Видите, что ни одно дело, ни одно помышление наше не пропадает — все записывается; но записывается не на зло нам, а на то, чтоб отсюда подать нам повод к раскаянию, — и попекитесь слезами смыть запись сию и убелить хартию жизни. Видите, что ожидает избранных! — Мужайтесь же и с радостью теките по пути, на который вступили вы с верою. Видите, как страшна участь неверов и грешников, что описания оной не может снести ухо человеческое; уклонитесь же от неверия и греха, *умертвите уды ваша, яже на земли, — блуд, нечистоту, страсть, похоть злую, лихоимание, гнев, ярость, злобу, хуление и срамословие, ихже ради грядет гнев Божий на сыны противления, как слышали вы в нынешнем Апостоле*¹. Аминь.

¹ Кол. 3, 5—8.

ДА СВЯТИТСЯ ВО ВСЕХ ИМЯ БОЖИЕ!

УСТРОЕНИЕ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ. КАМНИ ДЛЯ СВЯТОЙ ЦЕРКВИ. ТЫ ИЗ ЧИСЛА ЭТИХ КАМНЕЙ. ДОБРОДЕТЕЛИ, ОТКРЫВАЮЩИЕ ВХОД В ЦЕРКОВЬ БОЖИЮ. МЫ ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ВОЙТИ В СОСТАВ ТЕЛА ЦЕРКВИ,— КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

Продолжим нашу беседу по руководству святого Ермы, мужа апостольского. Вы слышали описание двух видений святого Ермы, которые касались преимущественно его самого и его семейства; другие два видения касаются внутреннего строения Святой Божией Церкви и внешней ее участи, в которых, однако ж, всякий может легко увидеть и себя самого, в свое назидание и исправление. Потрудитесь же уразуметь и сии видения.

Видение третье. Во втором видении, если помните, благолепная старица, между прочим, обещала Ерме открыть еще многое. Ерма после того долго постился и молил Господа исполнить обещание, слышанное из уст старицы. В одну ночь явилась ему сия старица и сказала: «Приди

в полдень в такое-то уединенное место в поле, — и там получишь просимое». Ерма в свое время явился в указанное место и увидел там скамью, покрытую белым полотном льняным. Увидев это в уединенном месте, он пришел в такой страх, что волосы у него встали дыбом на голове. Но скоро ободрился и, падши на колена, начал молиться Богу, исповедуя грехи свои. Тогда пришла старица с шестью юношами, виденными уже, и, коснувшись его сзади, сказала ему: «Перестань так долго молиться о грехах твоих. Молись теперь о праведности, чтоб и семейство твое соделалось причастным ее». Потом велела ему встать, взяла его за руку и подвела к скамье. Юношам сказала она: «Ступайте, — стройте», а Ерму пригласила сесть. Ерма хотел сесть по правую ее сторону; но старица дала знак, чтоб он перешел на левую, говоря: «Правая определена для тех, кои страдали за имя Божие. Тебе много еще надо трудиться, чтоб удостоиться сесть с ними; у тебя много недостатков». Потом она показала ему великую башню, которую строили над водами из блестящих четверугольных камней.

Прошу обратить внимание на построение сей башни: в нем сущность сего видения. План башни был четверугольный. Строили ее шесть юношей, многие тысячи других людей носили камни. Кто извлекал сии камни из глубины вод, кто брал на земле и, принося, подавал тем шести

юношам. Камни, извлекаемые из глубины вод, были совершенно отесаны, так что их оставалось только класть. Они так хорошо соединялись с другими, что в месте соединения не видно было и рубцов, и башня казалась составленною из одного камня. Что касается до камней, приносимых с земли, то между ними были такие, которые юноши употребляли на строение, и были такие, которые они отбрасывали и разбивали. Вокруг башни виднелось много негожих камней, потому что одни были неровны, другие с трещинами, третьи белы, но круглы, так что не было возможности приладить их при постройке. Некоторые из негожих камней были бросаемы далеко от башни и падали к дороге, где, однако ж, не останавливались, но катились далее в пустыню, другие падали в огонь и горели, третьи падали близ воды, но не могли скатиться в нее, какие усилия, по-видимому, ни употребляли на то.

Изумляясь всему происходившему, Ерма просил старицу объяснить ему, что значит все им виденное. Старица сказала: «Башня, которую ты видишь устрояемую, это — я сама, то есть Церковь. Ее строят над водою потому, что вы спасаетесь водою с призыванием имени Преславная Троицы (этим она указывала на крещение). Шесть юношей, строящих башню, суть шесть Ангелов Божиих, коим Он дал власть над всеми тварями. И те, что приносят камни, суть тоже

Ангелы Божии, но первые выше их. Когда здание будет окончено, они все вместе составят празднество пред Богом и прославят Бога.

Послушай теперь, что значат камни. Камни белые четверугольные, которые хорошо укладываются при постройке, суть апостолы, епископы, учителя, священники и диаконы, живые ли то или умершие уже, которые исполняли и исполняют свой долг со всею святостию и с неусыпною попечительностию об избранных Божиих, тщательно сохраняя мир и согласие между собою. Камни, извлекаемые из глубины вод и как бы сливающиеся с зданием при кладке, суть те из умерших, кои страдали за имя Господне. Камни, приносимые с земли и употребляемые в здание, суть новообращенные верные. Из отбрасываемых камней те, кои падают подле башни, означают согрешающих по крещении, чувствующих, однако ж, сокрушение и готовых принести покаяние. Если они покаются, пока строение продолжается, они могут быть употреблены на постройку; но когда построение завершится, однажды навсегда, они уже не найдут там себе места.

Камни, кои, разбивши, далеко бросают от башни, суть люди злые, принявшие веру притворно, не изменивши ничего из прежних нравов своих. Такие не могут быть употреблены на постройку, и им нет спасения. Что касается до других него-

жих камней, то неровные означают тех, кои познали истину, но не пребыли ей верными и не озаботились войти в един дух со всеми святыми. Растреснутые означают тех, кои питают раздор в сердце своем и мир имеют с другими только по видимости. Камни слишком малые суть те, кои приняли веру, но удержали большую часть своих прежних пороков. Камни белые и круглые суть богачи, оставшиеся пристрастными к богатству и по принятии веры. Когда настанет гонение, они из-за своего богатства отрекутся от Господа. Они могут годиться в постройку не иначе, как когда будут отсечены их пристрастия, подобно тому как у круглых камней надо обсесть бока, чтоб они годились в здание. По себе самому посуди, Ерма, — прибавила старица, — когда ты был богат, ты был негож, а теперь ты способен к жизни. Ты ведь из числа этих камней!

Послушай, что значат и остальные камни. Камни, отбрасываемые далеко от башни, катящиеся к дороге и оттуда в пустыню, суть те, кои уверовали, но, по своему суемудрию, уклонились от первого пути и устремились не зная куда, мечтая там найти путь лучший; они блуждают, бедные, не находя себе покоя. Камни, падающие в огонь, суть те, кои навсегда отпали от присноживого¹ Бога. Они так преданы порокам и

¹ Вечного. — *Ред.*

страстям, что им и на мысль не приходит принести когда-либо покаяние. Это готовая уже пища огня геенского. Камни, падающие близ воды и не могущие скатиться в нее, суть те, кои, слыша слово Божие, желают крещения; но когда потом подумают о святости, требуемой верою, тотчас возвращаются вспять и падают в прежние страсти». Так Церковь объяснила Ерме видение башни.

Потом она показала ему еще семь жен, окружавших сие здание. Первая была вера, за нею ее дочь — воздержание, далее следовали одни за другими — простота, невинность, кротость, строгая во всем исправность и любовь. Из них каждая есть дочь предыдущей: простота — дочь воздержания, невинность — дочь простоты и так далее. Они поддерживали башню и открывали в нее вход тем, кои служили им самим, тем то есть, кои отличались сими добродетелями.

Ерме очень желалось знать, почему Церковь являлась ему в трех различных видах: в первый раз очень старою и сидящею в креслах; во второй — лицом молодою, но со старою кожею и с волосами старицы, говорящею стоя, с большею приветливостию, чем в первый раз; в третий — совсем молодою и прекрасною, только волосы у нее были — волосы старицы; она сидела на скамейке с видом улыбающимся. Желая знать, почему все сие так, Ерма опять предался посту и

молитве, — и вот ночью явился ему юноша и сказал: «Слушай; я объясню тебе, почему все это так. Сначала Церковь явилась тебе старицею, сидящею в креслах, чтоб показать слабость и разлечение духа твоего, когда по причине неудач в житейских делах ты предавался унынию и беспечной лености, как во дни отживающей старости, вместо того, чтоб с полною верою предать себя в руки Провидения. Но после того, как ты слышал откровение, которого Бог тебя удостоил, твой дух помолодел, вера ожила, и силы воскресли. Ты походил на старца, который, услышав о даровании ему сына или дочери, встает с радостию, стоит бодро и действует с силою. Вот что означает второе состояние, в котором ты видел сию женщину более юною и стоящею на ногах. В третий раз она явилась тебе еще с более свежими силами и еще более приветливою, чтоб показать, что дух твой совсем обновился видением башни и приятием других благ, от Бога тебе дарованных. Утвержденная на четырех ногах скамья, на которой она сидела, означает прочность сего состояния». Таково было третье видение, виденное Ермою, видение самое большое и назидательное.

Видение четвертое было немногосложно. Его видел Ерма спустя три недели после третьего. Шел он куда-то полем с чувством сердечного сокрушения, молясь о себе и о всех рабах Божиих,

да святится во всех имя Божие. Идет он так и слышит глас свыше: «Не бойся, Ерма!» «Чего бояться мне, — подумал он, — после таких видений дивных». Но, сделав несколько шагов вперед, он увидел, что поднимается пыль к небу, все выше и выше, в расстоянии от него, может быть, на двадцать шагов. Луч солнца дал ему увидеть в пыли сей огромное животное, похожее на кита, футов со сто вышиною, которое из пасти своей изрыгало огонь. Ерма начал плакать и просить Бога избавить его от беды; но вспомнил сказанное ему перед тем: «Не бойся», — воодушевился и пошел смело по дороге к зверю. А тот шагал так, что одним ударом мог бы истребить целый город; но когда Ерма приблизился, он растянулся по земле, высунув только язык, и не шевельнулся, пока Ерма миновал его совсем. Сделав после сего около тридцати шагов вперед, Ерма встретил деву, будто только вышедшую из комнаты, всю в белом, исключая обуви. На ней была митра, и блестящие волосы покрывали весь ее стан. — Ерма узнал в ней Церковь и обрадовался. Подошедши, она сказала: «Только вера твоя спасла тебя от зверя. Господь Ангела Своего послал, и он заключил уста зверю, чтоб он не пожрал тебя. Зверь сей означает близкое гонение. Поди, возвести о сем избранным, да мужаются, и да крепится сердце их в уповании на Бога». Тем кончилось видение.

Вот и все четыре видения, виденные Ермою. Все они назидательны, но всех обильнее назиданием третье видение — строение башни, то есть Церкви. Всмотритесь в него внимательнее! Все мы, христиане, предназначены войти в состав тела Церкви. Войдем ли? Даруй, Господи!.. Но для сего позаботимся явить себя похожими на камни белые и четверугольные — полированные, то есть позаботимся хранить святую веру убеждающую, внедрить в сердце стройное сочетание добродетелей чистых и совершенных, и да не будет между нами камней необтесанных, ни расколотых, ни круглых и никаких других, негодных в постройку. Аминь.

ЧЕМ МОЖЕШЬ ТЫ СПАСТИ ДУШУ СВОЮ

ВТОРАЯ КНИГА «ПАСТЫРЯ» — ЗАПОВЕДИ БОЖИИ. УКАЗАНИЕ СПАСИТЕЛЬНЫХ ДЛЯ НАС ЗАПОВЕДЕЙ БОЖИИХ. ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ ТОМУ, КТО СОГРЕШИТ? БОГ МИЛОСТИВЫЙ ПРИЕМЛЕТ ПОКАЯНИЕ. ВНИМАЙ ЖЕ СЕБЕ! ЧТО РАЗНОГЛАСИТ С УЧЕНИЕМ ЦЕРКВИ ЕСТЬ ГОЛОС ЛЖИ. КАК ИСПОЛНИТЬ ЗАПОВЕДИ

Что слышали вы доселе из писаний святого Ермы, это еще не все, что я намерен был передать вам и что может быть для вас пригодным в труде над благонастроением сердец ваших. Послушайте и еще. Думаю, что слово апостольского мужа будет убедительнее для вас нашего немощного разглагольствия. Потому не хочу отстать от него, пока не доведу до конца. После видений, известных уже вам, следуют у святого Ермы заповеди, составляющие предмет второй книги его «Пастыря». К изложению их он приступает так: «Молился я, — говорит он, — у себя дома и сел потом на ложе свое. Вот вижу, входит муж, видом своим внушавший уважение, в одежде пастушеской. На нем

накинут был белый плащ, котомка висела за плечами его, и палка была в руках у него. Он приветствовал меня, приветствовал и я его. Затем он сел подле меня и сказал: “Я послан к тебе, чтоб пребыть с тобою все остальное время жизни твоей”. Когда он сказал это, мне подумалось, что он искушает меня, и я спросил его: “Кто же ты, ибо того, кому я вверен, я хорошо знаю”. “Так ты меня не узнаешь?” — спросил он. “Нет”, — отвечал я. “Я и есть тот Пастырь, которому ты вверен”, — сказал он. С сим словом он изменился в лице, и я узнал в нем моего Хранителя. Мне стало стыдно, страх и скорбь начали тревожить меня, но он успокоил меня, говоря: “Не бойся. Я послан и еще указать тебе все, чем можешь ты спасти душу свою. Выслушай внимательно и запиши все для памяти, чтоб, перечитывая то время от времени, ты освежал мысли свои тем и укреплял шаткую волю твою. Если от чистого сердца будешь сохранять все, открываемое тебе, то получишь от Господа все блага, какие обетовал Он верным Своим. Если же, выслушав мои наставления, ты не только не исправишься, а, напротив, станешь прилагать грехи ко грехам, то беду за бедую пошлет на тебя Господь, пока не сокрушит или сердца твоего, или костей твоих”. Сказав сие, Пастырь мой, Ангел покаяния, предложил мне двенадцать заповедей в следующем порядке.

“1. Веруй во Единого Бога, в Троице поклоняемого, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым, Который из ничего воззвал к бытию все твари и даровал им столько совершенств, сколько каждая из них вместить может.

2. Живи в простоте и непорочности, не вреди ближнему даже словом, напротив, помогай всем в нуждах их, не разбирая, кто просит и кому даешь.

3. Слово гнило да не исходит из уст твоих: люби истину и убегай лжи.

4. Как зеницу ока храни супружескую верность, ибо это непреложный закон Творца — быть чистым и непорочным пред лицом Его или в девстве, или в честно хранимом супружестве. Женился — не ищи разрешения или другой жены; положил быть в девстве — не ищи жены. То же, когда умрет муж или жена, пережившая половина не грешит, когда вступает во второй брак; но большей сподобляется чести от Бога, когда решается хранить вдовство в чистоте и непорочности”.

При сих словах, — говорит Ерма, — я спросил его: “Что же делать тому, кто согрешит?” “Каяться”, — отвечал мне Ангел-Пастырь. Говорю ему: “Я слышал, что кроме крещения нет другого покаяния, что, погружаясь в воды пакибытия¹,

¹ Возрождения, новой жизни, то есть крещения. — *Ред.*

мы получаем отпущение всех грехов и никак не должны уже после того грешить”. Ангел отвечал мне: “Крещение не называется покаянием. Покаяние Бог установил для тех, кои, будучи через крещение призваны в число верующих, падают потом в грехи по козням диавола. Бог милостивый приемлет покаяние таковых; но надо знать, что частое падение в грех, исправляемое даже частым покаянием, делает подозрительным самое покаяние; и можно, наконец, упасть так, что после того падения не будет возможности встать снова и начать жить для Бога. Сего да страшится всякий, легкомысленно смотрящий на грехи”. Сказав сие, Пастырь начал снова продолжать указание спасительных для нас заповедей Божиих.

“5. Идя путем заповедей, не можешь миновать препятствий и трудов. Мужайся, и да крепится сердце твое; терпи в делании добрых дел и перенесении всех на пути сем неприятностей.

6. Помни, что при каждом человеке есть два ангела: добрый и злой. Один влечет его к делам добрым, а другой к грехам и порокам. Внимай же себе, и к первому склоняйся, а второго отревай, по внутренним помыслам сердца догадываясь, какой из них дает тебе в ту пору уроки и хочет властвовать над тобою.

7. Единого Бога — Творца и Промыслителя и Спасителя твоего бойся, и пустою страшливостию

темных сил не унижай своей детской Ему преданности и своего крепкого на Него упования.

8. Попекись явить себя ревностным исполнителем всех без исключения заповедей Божиих и тщательным творцом всех дел, какие Ангел внушит сердцу твоему или укажет сочетание обстоятельств жизни твоей, — и будешь сын в дому Божиим, а не раб.

9. Молись, преутруждай себя в молитве, непрестанно молись, чтоб всякий раз, как нужно, свыше сходила на тебя сила — творить добро, и помощь — уклоняться от зла. Молитва делает земнородного небожителем и одевает его небесною чистотою и святостию.

10. Бегай ложных пророков-гадателей и волхвов¹, чрез коих враг губит рабов Божиих. Слабые в вере обращаются к этим обманщикам, а они, отвечая им по желанию сердца их, наполняют головы их мечтательными надеждами. Тут же, к капле истины примешивая море лжи, они обольщают их и снова увлекают к язычеству. Кто искренно верует и предал себя Богу, тот не пойдет к ним, — таковой неба ищет, а гадают обычно об одном земном.

11. Учительницею, единственною учительницею, да будет тебе *Церковь Бога жива* — столп

¹ Спиритов, кои тогда в большом являлись количестве. Из числа их был и Симон волхв с своими учениками.

*и утверждение истины*¹. В ней свет непреложно истинного ведения. Вне ее мрак и тьма, где князь мира поставил учительскую кафедру свою и ослепляет разумы внимающих ему и не желающих слушать голос Церкви, ради того, что они светские.

Вот тебе проба: что разногласит с учением Церкви — то есть голос отца лжи. — Внимай и блюди себя чистым от сего падения. Вот и еще признак: слово истины водворяет глубокий мир, покой и сладость в верующем сердце; слово же лживых воздымает мечты и сомнения и, как соленая вода, разжигает жажду знания, запирая ум, как пленника, в неопределенной мрачной пустыне.

12. Без ближайших руководителей нельзя прожить свято на земле. Ты найдешь их в Церкви, где Дух Святой поставляет их пасти стадо Христово. Умоли Господа даровать тебе благопотребного. В час нужный, и без спроса твоего, он изречет тебе утешительное слово. Дух Божий научит его, что подобает сказать тебе, и ты услышишь от него, что хочет от тебя Бог. Берегись, однако ж, и здесь духов лестчих². Смирение и тихость украшают истинного руководителя. Где же помпа в слове и жизни — там лесть. Внимай сему, и спасешься”.

¹ 1 Тим. 3, 15. — ² Обманчивых, то есть бесов. — *Ред.*

Вот все двенадцать заповедей, которые дал мне Ангел-Пастырь, — заключает Ерма. — Выслушав их, я сказал ему: “Прекрасные правила, но есть ли человек, который мог бы исполнить их, как следует?” На это Ангел отвечал мне: “Прими их сердцем в простоте, без размышления, и не встретишь в исполнении их никакого затруднения. Но коль скоро станешь разлагать в уме своем, можно ли и как можно выполнить то и другое и нельзя ли как-нибудь высвободиться из-под сего ига, подкрадется враг, вложит расслабление в сердце твое и сделает тебя неспособным ни к какому добру. Но что много говорить! Знай, что если не исполнишь чего, нет тебе спасения, нет спасения ни тебе, ни детям твоим, ни семейству твоему”. Сказав сие, Ангел изменился в лице своем и сделался столь страшным, что я не знаю, есть ли кто, кто бы в состоянии был снести взор его в сию минуту. Я испугался. Ангел, видя мое смущение, начал говорить кротко ко мне, с лицом, способным разлить отраду в сердце: “Как это думаешь и говоришь ты? Забыл разве ты всемогущество Божие? Возможно ли, чтоб Тот, Кто все покорил под ноги твои, не дал тебе сил исполнять заповеди Его? Знай же, что кто имеет всегда Бога в сердце своем, тот легко исполнит заповеди сии. Кто же имеет Его только на конце языка своего, тот падет под тяжестью их, считая их невыполнимы-

ми”. Я заметил на это: “Кто не просит у Бога сил, чтоб исполнять святые заповеди Его? Но враг силен: он искушает рабов Божиих и держит их в своей власти”. “Нет, — отвечал на это мне Ангел, — враг не имеет никакой власти над рабами Божиими. Тех, кои веруют в Бога от всего сердца своего, он может искушать, но не властвовать над ними. Противостань ему с мужеством, и он убежит от тебя”». Тем кончились наставления ангельские; кончается и вторая книга «Пастыря» святого Ермы.

С своей стороны не осмеливаемся прибавить что ко всему сему, говорит ученик апостолов, муж апостольский. К чему тут вялое слово наше? Одно только скажу: как утешительно знать, что и в наше время говорят то же, что говорили при апостолах, непосредственно после апостолов, и что, следовательно, в продолжение восемнадцати с половиною веков в Церкви Божией слышалось неизменным одно и то же слово истины.

Если теперь, при двух и трех свидетелях *станет всяк глагол*¹, то как крепко должен стоять глагол истины, в Церкви Божией проповедуемый, когда за него стоит такой необъятый сонм свидетелей? И что должны значить пред здравомыслием эти возгласы суемудрия, которые

¹ Мф. 24, 35.

неразумные дерзают бросать в лицо истине? Не осязаете ли вы здесь определения Божия: *небо и земля мимоидет, слова же Моя не мимоидут*¹. Аминь.

¹ Мф. 24, 35.

НАДЕЖДА СПАСЕНИЯ

МЫ НЕ ИМЕЕМ ЗДЕСЬ ПРЕБЫВАЮЩЕГО ГРАДА, НО ДОЛЖНЫ ИСКАТЬ ГРЯДУЩЕГО. РАЗДАВАЙ ИЗБЫТКИ БЕДНЫМ: ИХ РУКИ — ВЕЧНЫЕ ХРАНИЛИЩА. ОЧИЩЕНИЕ ГРЕХОВ ПОКАЯНИЕМ. ГРЕШИТЬ ЛЕГКО, НО НЕЛЕГКО РАСПЛАЧИВАТЬСЯ ЗА ГРЕХ. СТЕПЕНИ ПОВРЕЖДЕНИЯ, ПРОИЗВОДИМЫЕ ГРЕХОМ В ДУХЕ НАШЕМ. И МАЛЫЙ ГРЕХ, УКОРЕНИВШИСЬ, ДЕЛАЕТСЯ ТРУДНО ОЧИЩАЕМЫМ. КТО ИСТИННЫЕ ЧАДА БОЖИИ? КАК СПАСТИСЬ

окончим ныне наше краткое обозрение писаний святого Ермы, чтоб не оставить неведомым ни одного из назидательных его помышлений. Теперь следует нам пересмотреть третью книгу, которой содержание составляют, как помянуто уже нами, притчи и употребительные изображения нравственно-христианских истин. Их предлагает Ерме тот же Ангел-Пастырь, большею частью посредством сравнений или созерцания духовных вещей в чувственных образах. Все их передавать нам подробно будет очень долго. Ограничусь указанием общего течения мыслей святого отца.

Наставления начинаются тем положением, что мы *не имеем здесь пребывающего града*, но

должны искать *грядущаго*, который мог бы послужить для нас вечным кровом¹. Выслушав это, Ерма спросил: «Как же так, мы *не имеем здесь пребывающаго града*, но многое вынуждены бываем иметь и многое имеем? Что делать с этим именем?» «Не беспокойся, — отвечал Ангел, — есть возможность упрочить и это преходящее имя, которое приходит и отходит, отходит и приходит. — Раздавай избытки бедным. Их руки суть вечные хранилища. Но и во времени это бесполезно. Ибо как виноградная лоза поддерживается вязом или другим каким-нибудь деревом, к которому его привязывают, так молитвенное воздеяние рук бедного поддерживает богача-щедродавца, готового пасть. Воздерживайся, — говорит далее Ангел, — от суетливости, многозаботливости, многопредприимчивости. Опутавшись множеством дел, легко забудешь ты о Боге и делах богоугодных. И мысль твоя и сердце будут заняты совсем другим. И не избежать тебе тогда грехов многих и тяжких.

Живи в таком отрешении, ревнуй об одном строгом исполнении заповедей Божиих, в коем вся надежда спасения. Если имеешь нужду или желаешь заслужить большее благоволение Божие, приложи подвиг, например подвиг поста, который имеет великую цену пред очами Божиими.

¹ Евр. 13, 14.

Но, когда постишься, вот как постись: не позволяй себе никакой неправды, служение Богу совершай от чистого сердца, не допускай в душе возникать худым пожеланиям и мыслию своею превитай горé¹, откуда несомненно снидут на тебя все блага, обещанные трудящимся. При сем не вкушай другой пищи, кроме хлеба и воды; сумму же, какую бы следовало тебе употребить на полный обычный у тебя стол, — отложи и отдай вдове, сироте или бедному. Чтоб все сие легче исполнить, постящемуся с утра надо уединяться и посвящать себя на молитвы.

Таковые подвиги пощения и говения необходимы нам для очищения грехов наших покаянием. Не думай, что тотчас изглаждаются грехи тех, кои согрешили и приносят покаяние. Нет, не тотчас. Кающемся надо умучить себя всякими смиренными способами и понести разного рода труды. И вот когда он вытерпит все, ему положенное, тогда сжалится над ним Создатель и возвратит ему милость Свою и сладостию мира уврачуе раздраженную совесть, терзающую сердце его. Грешить легко, но нелегко расплачиваться за грех. И то милость, что дается возможность умиловить правосудие Божие.

А есть грехи, которые так ожесточают и омрачают сердце, что луч благодати не может про-

¹ Пребывай в вышних. — *Ред.*

биться туда, чтоб положить там семена сокрушения сердечного и покаяния. Бойся убо греха, как яда смертоносного.

Трудно изобразить все степени повреждения, производимого грехом в духе нашем, равно как определить то, какого рода покаяние надо нести каждому для умилоствления Бога и успокоения своей совести. Ибо вот смотри: есть отступники, кои отвратились от Бога до того, что дерзают хулить Его и изменнически предавать служителей Его. Таковые окончательно умирают духом, и трудно поверить, чтоб они покаялись, хотя им обычно предлагается сие средство умилоствления Бога. Особенно если они одичают и, отделившись от верующих, предадутся духу нечаяния спасения.

Есть лицемеры, кои, считаясь верующими, рассеивают зловерное учение, преимущественно с тою целию, чтоб отвратить других от чувств, труда и подвигов покаяния. Таковым надо поспешить с покаянием, чтоб иначе не заключились двери его.

Есть люди сомнительной веры, злоречивые, ненавистники, немиротлюбцы. Есть другие, кои, при доброй вере, позволяют себе увлекаться завистию и вступают в состязание о чинах и преимуществах. Если такого рода люди вдаются в сии грехи более по слабодушию, нежели по злобе, то покаяние для них незатруднительно; но

пусть поспешат, ибо и малый грех, укоренившись, делается трудно очищаемым.

Те, кои, опутавшись сетями житейских дел, уклоняются от общения с рабами Божиими и от дел служения Богу, походят на полумертвых в духовном отношении. Нередко томят их сомнения и недоумения. Но покаяние возможно и для них, если поспешат совершить его вскоре. Богачи, у которых много всякого добра, тоже удаляются от служения Богу, опасаясь, чтоб чрез это не понести какого-либо ущерба. Желание прославиться между язычниками ввергает их в гордость, их отуманивают мечтательные надежды, и они, отделившись от общества верных, наравне с язычниками проводят жизнь, полную утех. Некоторые из них не вконец забывают Бога и хранят исповедание веры, только без добрых дел. Бывают между этими богачами и такие, кои несут подвиги покаяния и делают дела любви, но зато другие, увлекшись духом язычества, предаются всякого рода удовольствиям, впадают в преступления и становятся хуже самих язычников.

Те, кои, пребывая всегда верующими, ревнителями добрых дел, но, увлекшись суетными удовольствиями и легкомыслием, впадают в небольшие грехи, проходят весьма удобно подвиг покаяния; равно и те, кои допускают какие-либо неисправности, но искренно хранят веру,

бывают благотворительны и гостеприимны, легко берут на себя покаяние и охотно несут труды, соответственные грехам своим. Напротив, другие держат Господа только на конце языка, а не в сердце, и живы только на словах, а по делам своим совсем мертвы. Такие очень сомнительны. Слабый говор о гонении обращает их к идолам. Они едва ли обратятся к покаянию, если не поспешат совершить сего скоро. Те, кои вздорят и ссорятся друг с другом из-за мелочей, легко обращаются к покаянию; но тем, кои, подавшись сильному гневу, помнят обиды и впадают в ненависть, нелегко придти в покаяние.

Есть и такие, кои кажется не без веры, но слишком притязательны, смелы и хотят показать, что всё знают и охочи учить всех, хотя сами ничего не понимают как следует. Они сами легко заблуждаются и других нередко увлекают в заблуждения. Но если, познав заблуждение, они возвращаются к вере и предают себя в руководство поставленным на то сведующим людям, то им открыт путь покаяния, потому что они пали не столько по злости, сколько по неразумию.

Есть много других родов греха, кои оставляю перечислять. Знай, что всем открыт путь покаяния, но не все одинаково скоро и охотно вступают в него и не все одинаково успешно совершают его. Лучше, конечно, не грешить и быть в числе любимцев Божиих, о коих упомя-

ну под конец в утешение после скорбной предшествовавшей картины грешащих.

Верующие в простоте сердца и ревнующие о добродетели, живущие в мире со всеми, всегда готовые сделать добро всякому и со всеми поделиться трудами своими без размышления, суть истинные чада Божии. Бог, видя их простоту и святую детскость, благословляет их труды и благоволит ко всем делам их. Более всех угодили Богу те, кои, уверовав с детскою простотою и искренностию, ни чувств худых не допускают, ни дел худых не совершают, и во всю жизнь свою пребывают одинаково верными всем повелениям Божиим».

Вот наставления, данные Ангелом-Пастырем святому Ерме, которые велел он потом записать на память и назидание всем последующим родам. Войдите же, братие, в цели небесного наставника и примите себе в урок, кто что найдет нужным. Ныне вся речь была о делах покаяния, о трудностях и надеждах его. Так это пришлось ко времени, ибо вот еще неделя и услышим: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!» Мне и хотелось именно к этому времени прочитать с вами душеспасительные писания святого Ермы, ибо во всех частях его: и в видениях, и в заповедях, и в притчах у него одна главная мысль, — что нет нам, падшим, спасения, как только в Господе Иисусе Христе.

Приими с верою все учение Христово, живи вполне по духу сей веры, — и спасешься. Согрешил в чем — кайся; опять согрешил — опять кайся, и так до конца. А это-то и нужно нам напомнить в приближающийся курс врачевания душевного. Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИ СЛОВА О НЕСЕНИИ КРЕСТА

1. Крест внешний. Объяснение значения Креста Господня и собственного креста каждого. Как каждый из нас становится участником спасительной силы Креста Христова. Спасение — через крест. Как нести свой крест во спасение. Виды крестов. Почему на земле нет никого без горести и тяготы

7

2. Крест внутренний. Крест — борьба со страстями и похотями. Мучение от страстей — на пагубу. Как пагубное мучение от страстей превратить в спасительное. Разори крест страстей и устрой крест борьбы с ними. Крест есть древо жизни

16

3. Крест преданности в волю Божию. Сораспятый Христу перестал жить сам, но стал жить в нем Христос. В чем состоит христианство. Путем утешной жизни нельзя стать тем, чем нам подобает быть во Христе

24

ЧЕТЫРЕ СЛОВА О МОЛИТВЕ

1. Начало науке молитвенной. Молитва — первое дело в христианской жизни. Молитва есть возникновение в сердце благоговейных чувств к

Богу. Способы воспитания в себе духа молитвенного	32
2. Обучение души молитве. Опыты собственного молитвенного отношения к Богу. О навыке умного с Богом собеседования. Наука молитвенного в душе к Богу возношения. Обучение души частому обращению к Богу. Богомыслие есть благоговейное размышление о Божественных свойствах и действиях. Способы научить душу молитвенно к Богу возноситься	41
3. Непрестанная молитва. Непрестанное обращение ума и сердца к Богу — цель молитвенного труда. Молитва есть состояние духа. Как сподобиться непрестанного молитвенного предстояния Богу в сердце	49
4. Союз молитвы с другими добродетелями. Невозможно успеть в молитве, если не заботиться о других добродетелях. Молитве должны предшествовать и сопутствовать добродетели. Какими именно добродетелями надо окружить молитву	57

О СОВЕРШЕННОМ ОБРАЩЕНИИ К БОГУ ОТ ПРЕЛЕСТЕЙ МИРА И ГРЕХА

1. Баня пакибытия. Что совершается в купели крещения?	66
2. Жар ревности по Боге. О неотъемлемой черте христианской жизни	75
3. Покой наш есть лживый покой. Совершенно ли наше обращение?	86
4. Не ужасайтесь! Что делать, чтобы сподобиться благодати, или с чем можно сравнить Царство Божие	94
5. Где Бог, там блаженство. В ком Бог воцарится внутри	104
6. Два царства. О благодатном выборе	113

7. Какие ж тут лады? Что Господь и апостолы Его говорят о мире	123
8. Прибавление. Что такое мир, по слову свято- го Исаака Сирианина	132

ПЯТЬ ПОУЧЕНИЙ О ПУТИ КО СПАСЕНИЮ

1. Что сотворив, живот вечный наследуем? О пути ко спасению. Указание сего пути содержит- ся в Святом Евангелии и в Церкви Божией. Хрис- тианство — единственный путь ко спасению. Кто сердечно приемлет и усердно исполняет все, что заповедует Святая Церковь, тот не вне пути спаси- тельного. Что же именно нужно делать, чтоб спас- тись?	136
--	-----

2. Неотъемлемое условие спасения. Что надо знать христианину, желающему достигнуть живота вечного? Узнай православное учение христианское и содержи его всем сердцем — и будешь видеть путь в Царствие Небесное. В таинствах Церкви Господь дает силу, нужную на пути ко спасению. Как избе- жать приманок, увлечений и расставленных сетей на этом пути?	142
---	-----

3. Спасение содевается в совокупности доб- родетелей. В деле спасения существенно необходи- мо здоровое учение веры, хождение по заповедям, принятие таинств, участие во всех молитвованиях Церкви и руководство законных пастырей	150
--	-----

4. В чем состоит дело спасения. Что же сотво- рим сими Божественными средствами ко спасению, да спасемся? Самое дело спасения в том, чтобы идти сим путем	158
---	-----

5. Спаситесь от века сего лукавого! Сказание о видении некоему старцу о шествии по спаситель- ному пути	165
--	-----

ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

1. **Единственный путь ко спасению.** Не внешне только надо держать добрую исправность, но и в сердце содержать то. Это главное дело 174
2. **Очищение сердца от страстей.** Каков кто в сердце, таким имеет его Бог и так относится к нему 179
3. **Внутреннее состояние сердца.** Вводит внутрь и показывает, что там 186
4. **Существо христианства.** Признак внутреннего благодатного оживления о Господе 193
5. **Как сохранить начатки духовной жизни.** Как блюсти, питать и возвращать духовную жизнь, начатую в силу покаяния и святого причастия 205
6. **Восхождение к престолу небесному начинается в сей жизни.** Общее начертание течения духовной жизни, по наведению от восхождения царей к воцарению 211
7. **Высшие потребности духа — в Господе.** Жаждания нашего естества и верный способ утешения их 221
8. **Церковь — место воспитания душ.** Чем и как питать душу, чтоб росла духовно 229
9. **Там и сердце наше, где сокровище наше.** В силу Вознесения Господня надо нам сознавать себя вышними и вышних искать 237
10. **Исправление жизни и нрава.** Подражай святой Марии Египетской в покаянии и самоисправлении 243
11. **Крестоношение.** Надлежит взять крест самоисправления: в чем он? 250
12. **Путь восхождения к общению с Господом.** Завещание Господа со Креста: перечень христианских чувств и расположений 257
13. **Как сердце сочетается с Господом.** Главное — знать и чувствовать свою бедность и

богатство Христово и пребывать в сочетании со Христом	268
14. Жажда спасения. Свет ведения, свобода действий и покой сердца в Господе Иисусе Христе — к Нему и идите	276
15. Благодать Духа Святого — источник духовной жизни. Разные состояния и проявления благодати Божией в нас, верующих	283
16. Воля Божия о нас — святость наша. Образ и подобие Божии в нас — в творении и восстановлении	293
17. Путь к истинной радости лежит через крест. Требуется самораспятие для восстановления нас в первобытное состояние	302
18. Прохождение духовной жизни. Брань со страстями и опытность духовная	309
19. Очищение от всякой скверны плоти и духа. Монашество — жизнь страстеистребительная, путь к сердечной чистоте	317
20. Наука жизни подвижнической — сам подвиг. Обитель в городе — открытая борьба с страстями и похотями мира пред лицом мира	324
21. Великий подвиг предлежит вам! Всеоружие для духовной брани	330
22. Истинная жизнь — в предании себя Господу. Как исполнить заповедь апостола: как работали греху, так поработайте правде	352

НАПОМИНАНИЕ

ВСЕЧЕСТНЫМ ИНОКИНЯМ О ТОМ, ЧЕГО ТРЕБУЕТ ОТ НИХ ИНОЧЕСТВО

1. О хранении обета. Обеты Богу непременно должны быть выполнены. Обеты всех христиан и иноческие. Порядок иноческой жизни. Созидание духа монашеской жизни	362
--	-----

- 2. Предуказания иноческой жизни в жизни святого Предтечи.** Все пустынники шли по следам Предтечи. Желание мироотречной жизни — избрание Божие и начало иночества. Иночество — дело небесного происхождения 371
- 3. Черты иноческой жизни в жизни великомученицы Екатерины.** Уневещение Богу. Таинственное сочетание с Господом. Побеждение страстей есть мученичество духовное. Шествие тесным путем . . . 378
- 4. Главное дело иночества — очищение сердца от страстей.** Порядок монашествования совершается внутри. Общий путь спасения. Иночество — непрерывный подвиг в искоренении страстей 384
- 5. Гвозди для самораспятия.** Святой Алексей, человек Божий, — образ истинного монашества. Иночество — распятие себя миру. Крестоношение возводит к совершенству 390
- 6. Устройство в себе внутреннего креста.** Сердце — Голгофа для внутреннего креста. Из чего слагается и как воздвигается внутренний крест. От распятия на своем кресте — спасение наше 395
- 7. Зерцало иночества в жизни святого Алексея, человека Божия.** Начало монашества — оставление мира. Жертва всеожжения. Практика монашеского жития 404
- 8. Дал Бог храм — надо пользоваться им, как должно.** Устройство храма — дар Божий. Благословение Божие на труды испрашивается молитвою в храме. Общая молитва в храме всегда плодотворнее. Как должно ходить в храм 411
- 9. О возбуждении себя к молитве и обучении ей.** Хранение неугасимым молитвенного желания. Чувство нужды побуждает к молитве. Как приобретает искусство молитвы и опытность в ней 417
- 10. Устройство внутреннего Богу храма.** Храм видимый — прямой образ внутреннего храма. Как

войти внутрь себя. В храме сердечном совершается жертва духовная. Делание внешнее и внутреннее	423
11. Крылья молитвы. Духовные чувства, потребности при шествии к небесному отечеству. Молитвенный крест. Без молитвы нет жизни и восхода в Царство Небесное	432
12. Вышних искание — первое дело иночества. Таковы ли мы, каковыми надлежит нам быть. В нас положено семя подобия Христу. Как исполнить добродетели, начертанные в заповедях блаженств. Плач о грехах	439
13. Святые жены мироносицы — образец искания Господа. Всяк дар исходит от Господа тем, кои устремляются вслед Его. Где взыскать Господа. Как, взыскав, удержать Его	446
14. Образец иночества в том, что было с апостолами, по чудном насыщении пяти тысяч, на море. Духовный закон. Страх Божий да не отходит от сердца. Порядок иноческого жития. Все требует терпения	451
15. Восход от общины к монастырю. Господь ущедряет благословением всех, кто пребывает в воле Его. Навыки иноческой жизни. Молитва есть способ преуспевания и свидетельство совершенства. Монах тот, кто в сердце пребывает един с Господом	458
16. Воодушевление на труды. Небесная помощь дается труду. Большое дело требует большого труда. Подвижничество есть постоянное мученичество. Внимание ума	463
17. Ревновать о деле иночества, ничем не отговариваясь. Поучайтесь и воодушевляйтесь жизнью преподобного Антония. Закон иночества не ослабляется временем. Побеждайте искушения, не поддаваясь им. Иноческая жизнь трудна, но во спасение. Собранность мыслей дает крепость воле . . .	469

18. Подвизающиеся для исцеления своих душевных болезней (страстей) могут быть и для других целительною купелию. Каким образом немощный и страстный может быть врачомателем душевных немощей и страстей. Как идет духовная жизнь. Очищение сердца от страстей. Зачем учреждены иноческие обители 475

19. Какими должны быть инокини, чтобы с мудрыми девами войти в чертог бессмертного Жениха. Богородица есть Матерь ваша. Явление небесной славы дев. Трудитесь над водворением в сердце добродетелей. Иноческая одежда — символ добродетелей и совершенств. Если не будет в сердце благих расположений, затворится дверь пред лицом нашим 483

20. Приходит Спаситель и приносит спасение. Как достойно сретить Господа. Внутреннее благонастроение да будет достойным сретением Его. Возгревайте желание спасения. Не ослабевайте в деле исполнения всего нужного ко спасению 491

**ЧЕТЫРЕ БЕСЕДЫ
ПО РУКОВОДСТВУ КНИГИ «ПАСТЫРЬ»
СВЯТОГО ЕРМЫ**

Предисловие 498

1. Уклонитесь от неверия и греха. Кто держит в сердце скверные помыслы — привлекает смерть и осуждение. Как умиловать Бога за грехи? Отвечать надо будет не только за свои грехи, но и за грехи тех, кои вверены нашему попечению. Ни одно дело и помышление не пропадает — все записывается 499

2. Да святится во всех имя Божие! Устройство Святой Церкви. Камни для Святой Церкви. Ты из числа этих камней. Добродетели, открывающие вход

в Церковь Божию. Мы предназначены войти в состав тела Церкви, — как это сделать?

507

3. Чем можешь ты спасти душу свою. Вторая книга «Пастыря» — заповеди Божии. Указание спасительных для нас заповедей Божиих. Что же делать тому, кто согрешит? Бог милостивый примет покаяние. Внимай же себе! Что разногласит с учением Церкви есть голос лжи. Как исполнить заповеди

516

4. Надежда спасения. Мы не имеем здесь пребывающего града, но должны искать грядущего. Раздавай избытки бедным: их руки — вечные хранилища. Очищение грехов покаянием. Грешить легко, но нелегко расплачиваться за грех. Степени повреждения, производимые грехом в духе нашем. И малый грех, укоренившись, делается трудно очищаемым. Кто истинные чада Божии? Как спастись . . .

525

Издательство «Правило веры» продолжает издание духовного наследия святителя Феофана Затворника. В издание войдут серии: «Слова и проповеди», «Толкования беседовательные», «Собрание писем», «Краткие поучения», «Начертание христианского нравоучения» и другие.

В свет уже вышла серия «Слова и проповеди», состоящая из четырех томов: «Простые истины сердца. Внутренняя жизнь», «Любовью назидая», «Слово веры. О православии» и «Двери покаяния». Эта серия является полным собранием слов и проповедей святителя Феофана. Каждый том включает в себя несколько самостоятельных книг, составленных самим святителем Феофаном Затворником.

В сборники, составляющие серию «Слова и проповеди», входят следующие произведения:

ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ СЕРДЦА ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ

- ◆ Три слова о несении креста
- ◆ Четыре слова о молитве
- ◆ О совершенном обращении к Богу от прелестей мира и греха
- ◆ Пять поучений о пути к спасению
- ◆ Внутренняя жизнь

♦ Напоминание всечестным инокиням о том, чего требует от них иночество

♦ Четыре беседы по руководству книги «Пастырь» святого Ермы

ЛЮБОВЬЮ НАЗИДАЯ

♦ Слова на Господские, Богородичные и торжественные дни

♦ Небесный над нами покров святых и уроки от лица их во дни празднственного чествования их

СЛОВО ВЕРЫ

О ПРАВОСЛАВИИ

♦ О православии, с предостережениями от погрешений против него

♦ Наши отношения к храмам

♦ Девять слов по случаю пожаров в Тамбове и губернии Тамбовской

♦ Слова на разные случаи

ДВЕРИ ПОКАЯНИЯ

♦ О покаянии, причащении Святых Христовых Таин и исправлении жизни

♦ Семь слов в неделю, приготовительные к посту, и на седмицу первую Великого поста

♦ Богоугодная жизнь вообще

СВЯТИТЕЛЬ ФЕОФАН ЗАТВОРНИК
ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ СЕРДЦА
ВНУТРЕННЯЯ ЖИЗНЬ
СЛОВА И ПРОПОВЕДИ

Редактор Анна Войнова

Художник Димитрий Епифанов

Компьютерная графика Наталии Тихомировой

Компьютерная верстка Екатерины Фаустовой

Корректоры Анна Селиванова, Лина Егорова

Набор Ирины Музыченко

Подписано в печать 07.05.07. Офсетная печать. Шрифт Петербург.
Формат 70×100 1/4. Объем 17 печ. л. Тираж 4000 экз. Заказ 73750.

ИД 00161 от 22.09.99. Издательство «Правило веры».
109309, Москва, ул. Артюхиной, 8/10, стр. 1.

Отпечатано в типографии ОАО «Молодая гвардия».
127994, Москва, ул. Суцевская, д. 21.

Об оптовой продаже и доставке книг обращаться
по телефонам: (499)613-94-63, (495)451-31-94.

E-mail: pravilo-very@yandex.ru. www.pavilovery.ru.

Книга-почтой: E-mail: post@lepta-press.ru или по тел./факс: (495)221-1948.

Адрес: 115409, Москва, а/я 5, «Лепта»

© Подготовка текста к публикации,

«Правило веры», 2007

© Оригинал-макет, «Правило веры», 2007

© Оформление, «Правило веры», 2007

ISBN 978-5-94759-006-9

